ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

14

МОСКВА 2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т 78

Серия основана в 1997 году

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор),
А.В. Голубев, С.В. Журавлев (заместитель ответственного редактора),
А.П. Корелин, академик РАН Г.А. Куманев, В.А. Кучкин,
Н.М. Рогожин, Т.М. Смирнова (редактор-координатор),
А.К. Соколов, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
А.В. Юрасов (заместитель ответственного редактора)

Научно-техническая работа — И.А. Головань

Рецензенты:
д-р ист. наук И.Б. Орлов,
д-р ист. наук В.П. Булдаков

Т 78 Труды Института российской истории / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М., 1997 — .

Вып. 14 / [отв. ред. Ю.А. Петров ; ред.-координатор Т.М. Смирнова] ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук . — 2017 . — 403, [5] с. — ISBN 978-5-8055-0326-0

Четырнадцатый выпуск «Трудов Института российской истории» традиционно знакомит читателей с основными направлениями научной деятельности ИРИ РАН. Основное внимание уделено наиболее перспективным исследовательским направлениям, малоизученным и дискуссионным проблемам, а также наиболее значимым историческим датам.

Выпуск открывается двумя юбилейными рубриками: к 100-летию Великой российской революции 1917 г. и к 75-летию начала Великой Отечественной войны. Содержание остальных рубрик определяется актуальными проблемами политической, социальной, культурной и экономической истории, истории внешней политики, региональной истории, исторической географии и картографии. Многие статьи носят междисциплинарный характер.

ISBN 978-5-8055-0326-0

© Институт российской истории РАН, 2017
© Российская академия наук, серия «Труды Института российской истории» (разработка, оформление), 1997 (год основания), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

НОВЫЕ РАКУРСЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ
(к 100-летию Великой российской революции 1917 г.)

Т.А. Филиппова
Образы Великой российской революции в сатире эпохи 10
В.Б. Аксенов
Климат, эмоции и пассажиропоток в истории российской революции: ошибки историографии и перспективы источниковедения 27
Т.Ю. Красовицкая
Российское образовательное пространство и вызовы модернизации в первой трети XX в. 40

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО И ВОЙНА
(к 75-летию начала Великой Отечественной войны)

Г.М. Иванова
По законам военного времени: правоохранительная деятельность государства в условиях Великой Отечественной войны 49
М.Ю. Мухин
Из истории ВПК предвоенных и военных лет: организация работ в области реактивного самолетостроения в СССР в 1930-е — середине 1940-х годов 72
В.Н.Земсков
Людские потери СССР в 1941—1945 гг.: (к вопросу о степени достоверности имеющихся подсчетов) 97
А.Г. Гуськов
«...Этот мучительный труд может выдержать только русский солдат»: новые источники об освобождении Крыма Красной Армией в 1944 г. 123

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

М.К. Юрасов
Русско-венгерские отношения X—XI вв. 139
И.С. Рыбаченок
Международные отношения и борьба России за мировые коммуникации в конце XIX — начале XX в. 154

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В.Б. Перхавко
Из торгового ряда в Боярскую думу: биография Кузьмы Минина в контексте Смутного времени 186
Н.И. Никитин
Об историческом значении и характере «крестьянских войн» в России (на примере движения Степана Разина) 219
Н.А. Араловец
Семья городского населения России на рубеже XX—XXI вв.: традиции и новации 240

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И КАРТОГРАФИЯ

Ф.А. Озова
Черкесские города — османские крепости Причерноморья в XVII в. 259
О.А. Теуш
Описание северных земель в книге А.С. Панкратова «Миллионы в земле: поездка на реку Ухту» (М., 1914) 279
К.А. Аверьянов
Историческая картография России XIX — начала XXI в. (опыт создания исторических атласов) 283

ИСТОРИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ

С.В. Журавлев
Коммерческие чайные — послевоенная альтернатива советского общепита? 296
Р.Г. Кирсанов
Экономика продавца: советский потребительский рынок в конце 1970-х — начале 1990-х годов 315

Сведения об авторах 333

ВВЕДЕНИЕ

Четырнадцатый выпуск «Трудов Института российской истории» по традиции знакомит читателей с основными направлениями научной деятельности ИРИ РАН. Как и прежде, выпуск представляет прозвучавшие на заседаниях Ученого совета и центров ИРИ РАН научные доклады (переработанные в статьи) сотрудников института и приглашенных исследователей. Особое внимание уделяется наиболее перспективным исследовательским направлениям; материалам, связанным с празднованием значимых исторических дат, а также малоизученным и дискуссионным проблемам и новым направлениям в методологии и методике исторического исследования.

Выпуск отличается разнообразием научной проблематики и широтой хронологических рамок исследований, что отражает широкий спектр специализации сотрудников Института. В четырнадцатый том вошли работы, посвященные военной, политической, социальной, культурной и экономической истории, истории внешней политики, региональной истории, исторической географии и картографии. Многие статьи носят междисциплинарный характер.

Структура построена по тематическому принципу. Статьи систематизированы по шести рубрикам. Открывает выпуск рубрика «Новые ракурсы революционной эпохи: (к 100-летию Великой российской революции 1917 г.)», посвященная юбилею одного из наиболее значимых событий в истории России. Историография этой проблемы насчитывает тысячи томов. Казалось бы, события 1917 г. реконструированы в мельчайших подробностях, буквально по дням, а некоторые события — и по минутам. Тем не менее, научные дискуссии вокруг февральской и октябрьской революций по-прежнему не утихают. Единства мнений нет ни в вопросах о коренных причинах революционных процессов, ни в оценке их последствий. В этой рубрике представлены три статьи, расширяющие исследовательское пространство и позволяющие по-новому посмотреть на отдельные аспекты проблемы, что, в свою очередь, помогает дополнить общую картину, подтвердить (либо, напротив, опровергнуть) существующие в историографии оценки и выводы.

Статья Т.А. Филипповой «Образы Великой российской революции в сатире эпохи» реконструирует психологический настрой российского общества накануне и в первые месяцы революции через призму российской сатиры того периода. С этой целью автор анализирует наиболее популярные профессиональные сатирические издания («Стрекоза», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Бич»,

«Бомба», «Пугач», «Кривое зеркало» и др.), изучает влияние революции на русский язык и формирующийся своеобразный симбиоз старого и нового в образном языке и символьном ряде революции.

Статья В.Б. Аксенова «Климат, эмоции и пассажиропоток в истории российской революции: ошибки историографии и перспективы источниковедения» анализирует сравнительно новую тенденцию в историографии революции 1917 г., получившую распространение в 90-х годах прошлого века, — исследование роли стихийного фактора в развитии революционных процессов. Опираясь преимущественно на источники личного происхождения, Аксенов рассматривает проблему влияния климатических условий на социально-политическую активность обывателей. Особое внимание уделяется изучению отражения в источниках личного происхождения так называемой символической роли солнца в февральской революции.

Статья Т.Ю. Красовицкой «Российское образовательное пространство и вызовы модернизации в первой трети XX в.» представляет собой сравнительный анализ имперского и советского проектов модернизации российского образовательного пространства. Автор обращает внимание на сходства и отличия политических средств и целей этих проектов, механизмов их реализации. Особое внимание уделяется проблеме возможности обучения на родных языках.

Вторая рубрика выпуска, «Государство, общество и война: (к 75-летию начала Великой Отечественной войны)», включает в себя три статьи, каждая из которых посвящена малоизученным аспектам истории Великой Отечественной войны.

Статья Г.М. Ивановой «По законам военного времени: правоохранительная деятельность государства в условиях Великой Отечественной войны» посвящена проблемам влияния военного времени на уголовное законодательство и систему наказаний в целом, а также на состав преступлений и виды преступности. Особое внимание уделяется борьбе с детской преступностью и ее профилактике в условиях военного времени. Статья основана на широком комплексе источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, в ней содержится обширный статистический материал.

В центре внимания статьи М.Ю. Мухина «Из истории ВПК предвоенных и военных лет: организация работ в области реактивного самолетостроения в СССР в 1930-е — середине 1940-х годов» находится проблема отношения руководства СССР к созданию авиации нового типа, в том числе такие вопросы, как выбор приоритетов, создание научно-исследовательских учреждений, распределение заказов между конструкторскими бюро и др. Особое внимание в статье уделяется истории работ над так называемым «нулевым по-

колением» советских реактивных самолетов, разработка которых была начата в 1944 г. Работа основана на новых, ранее не введенных в научный оборот, документах Центрального архива министерства обороны, Российского государственного архива экономики и Центрального государственного архива города Москвы.

Статья В.Н. Земскова «Людские потери СССР в 1941—1945 гг.: (к вопросу о степени достоверности имеющихся подсчетов)» написана на основе последнего выступления на Ученом совете Института этого талантливого, к сожалению, безвременно ушедшего из жизни исследователя. В.Н. Земсков много лет отдал науке. Данная статья, как и все его работы, отличается трепетным отношением к источникам и тщательной проработанностью статистического материала. В статье показаны происхождение и эволюция официальной статистики людских потерь СССР в Великой Отечественной войне, дан критический анализ применявшихся методик подсчета этих потерь, проведена четкая грань между понятиями «жертвы войны» и «естественная смертность населения», выявлено соотношение между военными и гражданскими жертвами войны.

Завершает рубрику документальная публикация, подготовленная А.Г. Гуськовым. Публикация А.Г. Гуськова вводит в научный оборот сохранившиеся в Научном архиве ИРИ РАН записи бесед сотрудников Комиссии АН СССР по истории Великой Отечественной войны с военнослужащими 216-й стрелковой дивизии, участвовавшими в 1944 г. в освобождении Крыма. Когда командир дивизии и рядовой по горячим следам, но каждый по-своему рассказывают об одних и тех же событиях боя, – один представляет взгляд из командного пункта, другой – восприятие схватки из окопа, то это дает более объемное, полифоничное видение сражения.

Рубрика «История внешней политики» представлена двумя статьями. В статье М.К. Юрасова «Русско-венгерские отношения в X—XI вв.» исследуется динамика взаимоотношений Руси и Венгрии начиная с языческих времен. Статья написана на основе широкого круга источников, в том числе и венгерских. Комплексный подход к источникам и их тщательный анализ позволили автору критически оценить некоторые положения встречающиеся в венгерской историографии проблемы.

Реконструируя процесс борьбы за мировые морские и железнодорожные коммуникации в конце XIX — начале XX в., И.С. Рыбаченок в своей статье «Международные отношения и борьба России за мировые коммуникации в конце XIX — начале XX в.» показывает отражение этой борьбы в международных соглашениях и определяет место России в исследуемых процессах. Автор выявляет скрытые и явные торгово-экономические, финансовые и геополитические

факторы международного противостояния и оценивает достигнутые в ходе него результаты с точки зрения интересов России.

Рубрика «Социальная история» представлена тремя статьями, посвященными различным аспектам социально-политической истории России XVII и XX вв. Открывает рубрику статья В.Б. Перхавко «Из торгового ряда в Боярскую думу: биография Кузьмы Минина в контексте Смутного времени», которая представляет собой научную реконструкцию жизненного пути Кузьмы Минина. Стремительные изменения его социального статуса автор анализирует в контексте социально-политических условий эпохи. Статья написана на широком круге исторических источников и сопровождается обширным историографическим и источниковедческим обзором.

В статье Н.И. Никитина «Об историческом значении и характере “крестьянских войн” в России (на примере движения Степана Разина)» анализируется отражение разинского движения в русском фольклоре и публицистике. Большое внимание автор уделяет терминологическим вопросам, в том числе проблеме допустимости и правомерности употребления понятия «крестьянские войны» по отношению к крупным народным восстаниям в России XVII—XVIII вв. В обширном историографическом обзоре автор акцентирует внимание на работах трех последних десятилетий.

Завершает рубрику статья Н.А. Араловец «Семья городского населения России на рубеже XX—XXI вв.: традиции и новации». На основе широкого круга источников и обширного статистического материала автор рассматривает изменение семейных ценностей, показывает сочетание современных и традиционных ценностных установок, их влияние на брак, семью, характер внутрисемейных отношений. Особое внимание автор уделяет проблеме разводов; исследованию неполных материнских семей и семей фактических, основанных на незарегистрированных в органах ЗАГС браках; увеличению числа одиноких мужчин и женщин. Анализируются рождаемость, в том числе внебрачная, а также смертность городских жителей, их влияние на распространение неполных и материнских семей.

Рубрика «Региональная история, историческая география и картография» представлена статьями Ф.А. Озовой, О.А. Теуш и К.А. Аверьянова. В статье Ф.А. Озовой «Черкесские города — османские крепости Причерноморья в XVII в.» проанализировано положение аннексированных в последней четверти XV в. Османской империей приморских городов Черкесии на основе османских и европейских источников XVII в.

Статья О.А. Теуш «Описание северных земель в книге А.С. Панкратова “Миллионы в земле: поездка на реку Ухту”» (М., 1914)

представляет собой тщательный анализ сочинения Панкратова как исторического источника. Большое внимание уделяется этимологии топонимов, встречающихся в книге Панкратова, анализу его лексики, а также выявлению упомянутых в «Описании» редких этнографических, исторических и лингвистических сведений.

Статья К.А. Аверьянова «Историческая картография России XIX — начала XXI в.: (опыт создания исторических атласов)» посвящена истории создания в России первых исторических атласов, в том числе составленного на основе «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина исторического атласа И. Ахматова, а также российских дореволюционных учебных исторических атласов (Н. Павлищева, Е.Е. Замысловского, А.В. Добрякова, Н.Н. Торнау и др.). Аверьянов рассматривает карты как эффективное средство передачи пространственно-исторической информации и полагает, что настало время преодолеть образовавшийся в отечественной исторической науке разрыв между историей и картографией.

Завершает том рубрика «История потребления», представленная двумя статьями — С.В. Журавлева и Р.Г. Кирсанова.

Статья С.В. Журавлева посвящена малоизвестной странице в истории послевоенного советского потребления — обстоятельствам создания и деятельности в 1946—1947 гг. сети государственных коммерческих чайных, организованных в тот период наряду с коммерческими ресторанами и магазинами. Реконструкция этого, на первый взгляд, частного эпизода позволяет автору выйти на широкий круг проблем послевоенного советского общества: показать общественные настроения и ожидания, поведение людей, особенности принятия решений властными структурами, а также их зависимость от экономических, идеологических, культурно-пропагандистских задач и факторов.

Завершает данный выпуск «Трудов ИРИ РАН» статья Р.Г. Кирсанова «Экономика продавца: советский потребительский рынок в конце 1970-х — начале 1990-х годов». Статья Кирсанова посвящена анализу сферы потребительских товаров и услуг, в том числе предпринимавшихся правительством и партией мерами по расширению производства и повышению качества товаров массового потребления, характеру и уровню дефицита отдельных видов товаров и услуг. Особое внимание автор уделяет проблеме несоответствия между структурой производившихся товаров и спросом населения.

Таким образом, новый выпуск «Трудов ИРИ РАН» отличается широтой хронологического и тематического охвата, включает освещение новых историографических сюжетов. Ряд статей носит дискуссионный характер, что имеет принципиальное значение для развития исторической науки.

Т.А. Филиппова

ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В САТИРЕ ЭПОХИ

Статья основана на анализе русских сатирических журналов либеральной направленности («Новый Сатирикон», «Пугач», «Бич», «Шут», «Стрекоза», «Будильник» и др.), издававшихся в революционные месяцы 1917 — начала 1918 г., их общественной позиции и политических оценок революционного кризиса в России. В центре внимания находятся ключевые объекты тогдашней сатирической журналистики — «образы врага» — в их динамическом, проблемном взаимодействии. Исследование свидетельствует: российская политическая сатира эпохи в ее основных жанрах представляет собой ценнейший исторический источник, поскольку в образной форме демонстрирует способ апроприации обществом опыта революционных перемен, обеспечивая исследователя инструментом проникновения в структуры повседневности революционного кризиса 1917—1918 гг.
Ключевые слова: Революция 1917 г.; сатирическая печать; русская журналистика; имагология; образ врага; Николай II; Вильгельм II; императрица Александра Федоровна; Григорий Распутин; Временное правительство; большевики; В.И. Ленин; Брест-Литовский мирный договор.

T.A. Filippova
Image of the Great Russian revolution in the satire of the epoch

The article is based on the analysis of Russian liberal satiric journals (“Novy Satiricon”, “Pugach”, “Bich”, “Shut”, “Strekoza”, “Budil’nik” etc.), of their public position and political esteems of the revolutionary crisis in Russia. The central point of the study are the key objects of the satirical journalism of that days — “enemy images” — in their dynamic, problematic interaction. The researchattests: Russian political satire of the epoch in its main genres is a very valuable historical source because it demonstrates in a form of the images away to appropriate by the society the experience of revolutionary changes and soprovides a researcher with the instrument to penetrate the structures of everyday life in times of revolutionary crisis of 1917—1918.
Keywords: Revolution of 1917; satirical press; Russian journalism; imagology; enemy image; Nicolas II; Wilhelm II; empress Alexandra Fedorovna; Grigori Rasputin; Provisional Government; Bolsheviks; V.I. Lenin; Brest-Litovsk peace treaty.

В самом начале 1917 г. остроумнейший человек своего времени, Аркадий Аверченко написал небольшой рассказик «Добрые кали-

форнийские нравы». В нем — отчаянная мечта типичного российского обывателя, замученного повседневными трудностями и бесправием перед лицом вороватых торговцев, хамоватой обслуги, бессердечных банкиров. Тоска по справедливости. Жажда мести...

...И мнится обывателю — о чудо, как в Новом Свете! — в клубах пыли скачут по улицам российской столицы «несколько всадников с мрачными лицами» в широкополых шляпах и ковбойских сапогах — представители «Комитета общественной безопасности». И вот уже у дверей бакалейной лавки булочнику объявляют суровый, но справедливый приговор за непропеченный хлеб, проданный на «1 $^1/_2$ копейки более против таксы». Пара пистолетов и тонкая волосяная веревка, перекинутая через сук ближайшего дерева, быстро восстанавливают социальную справедливость. То же происходит и с ненавистным извозчиком, потребовавшим с «седока рубль за конец с Литейного театра в Троицкий»! А потом — и с выжигой-банкиром. В ответ на его отчаянный вопль: «Вы не смеете меня брать, нет такого закона», — «предводитель нагнулся с взмыленного коня и заглянул прямо в глаза банкиру. Нет, есть такой закон, холодно сказал он. Калифорнийский закон, закон Линча!».

Как известно, в каждой шутке — лишь доля шутки, все остальное — правда. Писатель-сатирик точно выразил психологический настрой российского общества накануне революции, когда обостренное чувство социальной справедливости и предвкушение исторического воздаяния сплелись в болезненный клубок эмоций, получивших редкую возможность напрямую воздействовать на сферу политического. Десятилетия дореволюционных академических штудий и общественных поисков формулы «новой гражданственности», «подлинного законопорядка, «либерального правосознания» и пр. отступили перед стремительным натиском архаической идеи *возмездия* прежнему миру — здесь и сейчас. Не пройдет и года, и уцелевшие остатки прежнего общества придут в ужас от того, чем на деле обернется «революционная законность», с быстротой и неумолимостью суда Линча прокладывавшая дорогу новому «порядку» — по трупам реальных и мнимых противников.

Стремительная архаизация политического сознания «вымывала» собственно «политическое» из него, зачастую подменяя задачи создания нового государственно-правового каркаса поисками (и нахождением) «врагов». Впрочем, в этом Великая русская революция не была оригинальна. Исследователь убедительно показывает: еще во времена Великой французской революции «всякое событие осмыслялось как результат борьбы сил добра и зла, перенесенных с небес и из преисподней в сферу текущей политики»; при этом с

точки зрения носителя такого сознания, «у несчастий, выпавших на долю отечества, не может быть объективных причин вроде плохой экономической конъюнктуры или, например, неурожая, но во всем, везде и всегда виноваты конкретные люди или группы»[1].

Именно поэтому, по мнению французского историка Франсуа Фюре, уже современники Великой французской революции «испытывали настоятельнейшую потребность в мифологизации того, что совершалось у них на глазах»[2]. Что само по себе не удивительно — особенно в случае России: у общества, обделенного опытом реального политического представительства, но при этом сугубо литературоцентричного, насквозь пропитанного философской озабоченностью «судьбами России», именно язык образов становится способом политического общения. Чего стоит хотя бы устойчивая метафора «темные силы», означавшая в меняющемся событийном контексте между Февралем и Октябрем 1917-го принципиально разные (меняющиеся) объекты политических неприязней и фобий!

Осмысление и трактовка новой реальности происходила в формате нового, стремительно развивавшегося языка революции, семантика и метафорика которого создавала разные, но очень информативные для внешнего наблюдателя образы. Странный, противоречивый, но неизбежный, как показала история, симбиоз старого и нового в образном языке и символьном ряде революции начинает аналитически осваиваться отечественными историками. Так, В.П. Булдаков на обширном источниковом материале убедительно доказывает, что революция, отторгая символы старой власти, ставит на их место новые образы, причем куда более архаичные, выстраивая на архаичнейших основаниях новую систему власти-принуждения[3].

Драматическое сочетание архаики и новизны, эмоций и рациональности, чувства ненависти и восторга, ностальгии и реванша, отражавшихся в этих образах, наиболее ярко, на наш взгляд, воплощает сатирическая литература, источник, заслуживающий глубокого изучения и современной интерпретации. В том числе и потому, что русская сатира эпохи революции 1917 г. — явление уникальное для истории отечественной культуры и общественной мысли. В лице своих наиболее профессиональных, популярных, стабильно выходивших изданий («Стрекоза», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Бич», «Бомба», «Пугач», «Кривое зеркало» и др.) она создала собственную «летопись» революционных событий и даже своего рода «автобиографию» российского общества в пору небывалых перемен. Ведь любой создаваемый художником образ — это во многом «автопортрет» на фоне времени. Воспрявшие от усталости военных лет старые издания и появившиеся в условиях исчезновения цензуры новые журналы создали в то короткое, но яркое

время феномен принципиально новой сатиры как способа освоения и усвоения опыта революции. Стилистика русского модерна, проникнувшая и в этот художественный жанр, позволила отечественным сатирикам создать новый, яркий язык общения с читателем.

Наиболее популярные у читающей публики тогдашние сатирические издания можно с известной долей условности отнести к журналам либеральной направленности. Разумеется, это был не «высокий», идейный либерализм партийно-политической борьбы, а, скорее, отражение повседневного свободомыслия интеллигентской массы, образованных горожан, читающей провинции. Принципиально отличаясь от настроений официальной плакатной пропаганды и правой, черносотенной прессы, менталитет создателей большинства перечисленных изданий более всего отвечал политической культуре отечественного либерализма (читай: умеренного свободомыслия), с поправкой на оттенки трактовок и перепад настроений, вполне объяснимый в условиях революционного кризиса.

В ряде работ обзорного и проблемного характера тема производства образов и символов в обстоятельствах войны и революции уже привлекала внимание исследователей[4]. История изучения данного вопроса достаточно фрагментирована и носит междисциплинарный характер. В ней присутствуют работы источниковедческого и культурологического характера[5], а также собственно исторические исследования, широко охватывающие состояние общественно-политической мысли эпохи и ее проявления в журналистике[6]. И если большевистская сатира более позднего времени, как новое культурное явление, не раз становилась предметом изучения, то огромный пласт сатиры уходящей России (особенно в период ее бурного расцвета 1917—1918 гг.), не становился, за редким исключением[7], объектом отдельного анализа. По сравнению с другими документальными свидетельствами эпохи этот сегмент отечественного историко-культурного наследия все еще ждет своего комплексного изучения с использованием современного методологического инструментария.

Накануне революции, по мере усиления внутреннего кризиса, в изданиях журнальной сатиры все чаще находим свидетельства бдительности цензоров — пустые страницы или «белые пятна» среди текстов. Тогда как месяцы между февралем и октябрем — по контрасту с прежней эпохой — дают настоящий взрыв сверхсвободы журналистского самовыражения. Финальные сражения Великой войны и небывалое «сгущение» исторического времени весной — осенью 1917-го сместили координаты восприятия действительности: репертуар сатирических сюжетов начал стремительно меняться в зависимости от очередного поворота политического «штурвала»

внутри империи и хода событий на полях сражений. Новые кумиры, рожденные революцией, возвышались и падали в общественном мнении, новые страхи подпитывали старые фобии, ожесточали души, будоражили умы...[8]

Позицию сатирических изданий в революционных событиях 1917 г. в самых общих чертах можно охарактеризовать как неприятие двух «внутренних крайностей», ответственных за бедствия, сопоставимые по масштабу с мировой войной. И если привычным (но «бывшим») противником «справа» предстает царизм в лице Николая II, «прогермански настроенной императрицы» и их окружения, то главным, актуальным врагом «слева» сатирики видят русских революционеров — анархистов и социал-демократов, в особенности — большевистского толка.

Ранней весной 1917 г. появляются и положительные образы нового времени, с которыми журналисты-сатирики до поры связывают надежды на свободу, победу и благополучие. В тот короткий период Временное правительство, как правило, выступает в роли именно такого — позитивного — персонажа нового времени.

Но сатира не была бы сатирой, если бы не выискивала в картинах революционного обновления дефекты и несовершенства. Тем более, что послефевральские надежды на справедливость, свободу, закон и способность новых властей эффективно бороться с революционным радикализмом вскоре начали таять. На смену им пришло тревожное упование на твердую руку, готовую и на фронтах, и внутри страны навести порядок. Так, вызывавший поначалу явные симпатии журналистов П.Н. Милюков со временем предстает как персонаж, достойный лишь грустной усмешки, — по причине явного несоответствия масштабам задач эпохи. Летом 1917-го экс-министра иностранных дел Временного правительства изображают в виде маленького человечка. С серьезным видом он высовывается из-за голенища огромного крестьянского сапога и с пафосным жестом восклицает: «*О, я несомненно близок к русскому крестьянину!*»[9]. С той же иронией сатирики припоминают либеральному имперцу его упорное стремление воевать «*за Проливы*», «*за крест на Святую Софию*» — будто у нынешней России нет дел поважнее[10].

Тогда же, летом, развеялись надежды и на А.Ф. Керенского из-за его неготовности стать «русским Бонапартом»[11]. А ведь политическую важность этой фигуры как противовеса крайне левым силам сатирики отмечали не раз, при этом осознавая всю сложность его роли и трагизм личности. Прозревая близкое будущее, Александр Амфитеатров, издатель журнала «Бич», в колонке редактора играет с историческими аллюзиями на тему судеб военных диктаторов в революциях.

«А Керенского, граждане, съедят у нас. Ох, берегите Керенского. Не даром производится столько опытов произвести ему политическое заклание, а искусный повар, гражданин Троцкий, уже обдумывает на своей кухне, как приготовить и подать Керенского: под соусом ala Cromwell или нашпиговать его ala Bonaparte… Берегите Керенского! Съедят!»[12].

Однако ситуация продолжающейся войны и необходимость подбадривать воюющую армию заставляла сатириков из последних сил демонстрировать оптимизм. На рисунке из «Пугача» мы видим, как изображенные с явным сочувствием Брусилов и Керенский в едином усилии двигают тяжелый «шар», символизирующий наступление русских войск. Вместо подписи — обращение к читателю с указанием на главных на тот момент врагов России: *«Ну, товарищ, еще маленькое усилие, и мы раздавим немца, анархию и провокацию!...»*[13]. «*Маленькое усилие*», обернувшееся неудачей русского наступления летом 1917 г., вызывает уныние и растерянность журналистов...

С самого начала революционных перемен 1917 г. в метафорике и символике отечественных сатириков появляется единый образный ряд символов новой эпохи — «*Россия — Революция — Свобода*». За ним прочитывалась гордость интеллигента за свою страну, за ее способность свергнуть ненавистное «*иго Романовых*». Со временем этот симбиоз смыслов, центрирующих содержание времени, развивался самым драматическим образом, фиксируя, как бы выразился Владимир Ильич Ленин, «*своеобразие текущего момента*». Эти женские (по своей визуальной природе) образы отражали самое высокое и самое низменное, самое любимое и ненавидимое, самое многообещающее и безнадежное в переживаемой обществом эпохе. На протяжении 1917—1918 гг. эти многозначные символы не только воплощали сатирическую трактовку происходящего, но и приобретали «автобиографические черты» его создателей, позволяя ощутить всю напряженность их критической рефлексии. Ведь, как и было сказано, любой создаваемый художником образ — это всегда «немного о себе».

Так, в весенних номерах сатирических изданий женщина-красавица, «Россия», под знаменем с надписью «Свобода» выводит из узилища рабочего и солдата; в образе русской боярышни дает отпор чиновникам-лихоимцам[14], античной героиней проходит маршем на фоне красных полотнищ по Петербургу[15], гордо и решительно освобождается от пут бюрократии...[16] Но пройдет время, и сатирики с грустной досадой, а потом и с яростным гневом выразят свое разочарование в стихии революции. Уже летом 1917 г. журнал «Бич» посвятит целый номер теме эволюции российской «*Свободы*», все бо-

лее превращающейся в собственную противоположность. И если на обложке июльского номера мы видим Россию, «*Деву Революции*» — прекрасный облик освобождения, навеянный образами Франции, во фригийском колпаке и в русском полушубке (подпись: «*27 февраля*»), то на последней странице обнаруживаем то, во что обратилась желанная «*Дева*» — жуткого вида базарную бабу, с надписью «*Демократическая республика*» на грязном подоле (подпись: «*3—4 июля*»).

Между этими двумя образами — этапы сокрушительного процесса эрозии интеллигентского идеала свободы и демократии. То легендарный «*боярин Михайло Скопин-Шуйский*» заводит «*Россию-инокиню*» в болото, вместо того, чтобы спасать ее в очередной раз от Смуты; то у подножия статуи Свободы (реплика нью-йоркского прототипа) толпа отечественных торгашей разменивает завоевания революции на мелкую монету наживы («*Ай, свобода, ты моя свобода, // Ты везде красива, а у нас урода*»). То «*Вася*» (революционные партии) и «*Муся*» (обнаглевшая чернь), расправившись с либералами, приступают к главному делу:

А затем — финал прекрасный:
Флаг по ветру плещет красный
Реквизировав усадьбу,
Вася с Мусей правят свадьбу[17].

Ощущая углубление кризиса, сатирики теряют способность выдерживать ироническую стилистику своего жанра — слишком тяжкие испытания становились повседневным контекстом их работы. Образ родины требовал отныне других красок. Стихи в журнале «Бич», опубликованные по живым следам провала июньского наступления силами Юго-Западного фронта, отражают боль, свободную от сарказма:

Уму отчизна — шар земной,
Но сердцу родина иная:
Истерзана лихой войной
Россия, мать моя больная!
Бегу на первый громкий клич:
А вдруг спасет от лютой пасти?
И сатирический свой бич
Ломаю, с бешенством, на части[18].

Впрочем, облик охваченной смутой страны вызывает у сатириков и другие чувства: опрощение, торжество низменной стихии, чувство вседозволенности, потеря культурного облика, как последствия революционного кризиса, оскорбляют патриотические чувства сатириков. С недоумением, переходящим в оторопь, пишут они

о мусорном последствии «свободы» от порядка — горах подсолнечной шелухи на улицах Петербурга и Москвы. Эта бытовая привычка черни становится в глазах журналистов симптомом одичания и разрушения повседневной культуры. Если потребуется одним словом ответить на вопрос: что поделывают сейчас в России? — то можно сказать с уверенностью: «*плюют!*», — с горечью констатируют сатирики[19]. Плюют, в том числе, и на попытки новой власти наладить новую жизнь, плюют на патриотическую задачу укрепления фронта, плюют на выходки анархистов и провокации большевиков...

В итоге Россия становится жертвой крестьянских бунтов, разгула уличного бандитизма и грабежей под видом «победы социальной справедливости». Сетуют журналисты и по поводу незащищенности рядового обывателя перед лицом преступности. В этом видится закономерный итог разрушения прежних устоев, равнодушия лузгающих семечки масс и слабости новой демократической власти[20].

Усиление левых политических сил воспринимается сатириками как путь к криминализации общества в целом. На карикатуре «Пугача» «*Ночное дело*» квартирный вор, набивая мешок краденым, беспокоится лишь о том, как бы его самого «*товарищи не обворовали*»[21]. Самым опасным явлением, главной угрозой для обновленной России, сатирикам отныне видится широко трактуемая «*власть анархии*», новая, разрушительная сила, намеренно сеющая беспорядки и разбои[22]. Так наряду с женским символом революционной Свободы появляется ее двойник-антипод — анархист. Участившиеся случаи «революционного насилия» (по сути — грабежи и бесчинства в сопровождении анархистской риторики), анархо-большевистские настроения в среде кронштадтских моряков, июньские операции Временного правительства, задумавшего очистить бывшую дачу Дурного, на которой анархисты организовали свой штаб, налет анархистов на тюрьму «Кресты», — все эти события становились настоящей злобой дня для сатириков. Из номера в номер они стремятся показать, что промонархическая реакция в России, «происки кайзера» и разгул анархии в Петербурге и Москве суть проявления смертельно опасной для новой власти болезни. Из-за нее либеральное правительство оказывается неспособным защищать ни себя, ни свой народ, ни национальные интересы в целом.

Образ анархиста, становясь одним из главных негативных образов революции (широкополая шляпа, свободная блуза а ля Гарибальди, зверское выражение лица), кочует из журнала в журнал[23], свидетельствуя о понимании сатириками того, сколь опасно это явление для послефевральской России, ибо вызывает ответную реакцию — ностальгию по прежней жизни. «*Запугать и обобрать*» — так трактуют практику анархистов сатирики, изображая одиозное «трио». Под ручку с усатым Виль-

гельмом II стоят «*преданные друзья кайзера, жандарм и анархист-провокатор, работающие на “хозяина” за приличное вознаграждение*»[24].

В период июльских беспорядков в Петрограде и провала русского наступления на фронте «Стрекоза» помещает на обложке рисунок: под развевающимся знаменем «*Да здравствует анархия*» гордо шагает анархист, а за ним семенит маленький Николай Романов, приговаривая:

> «Вы не только помогли моему другу Вильгельму, товарищ, вы и мне помогли, так как благодаря вам публика стала праветь не по дням, а по часам»[25].

На фоне этой реальности облик российской свободы печально меняется. На карикатуре с подписью «*Мезальянс*» автор обыгрывает узнаваемые образы русской литературы: «*Революционная Свобода*» — полуобнаженная грустная красавица — обращается к читателям, отвернувшись от мелкого урки, крепко ухватившего за руку свою «избранницу»:

> «Уж и не разберу я, добрые люди, то ли я за этим фартовым доброй волей иду, то ли мы с ним репетируем для кинематографа андреевскую “Бездну”?...»[26]

Со временем на страницах появляются новые краски в изображении образа «*России — Революции — Свободы*» — по мере того, как набирает силу тревога из-за распада территории Российского государства и «*смуты на окраинах*». Журналисты искренне удивляются: отчего это народы бывшей империи так захотели расстаться друг с другом как раз тогда, когда центральная власть встала на путь политического раскрепощения и демократических преобразований? Признаки распада свидетельствуют, по мнению сатириков, о болезни государства и общества, о разрушении «тела» России под натиском местных национализмов. Более всего их удивляет поведение «*русской Италии, певучей Украины*», захотевшей покинуть российский «интернационал» и создать свой украинский «национал». Как же так? Киев, мать городов русских, — и вдруг за границей? Чего доброго, и в Харьков придется ездить с загранпаспортом! — криво усмехаются журналисты. За антирусскими настроениями они по привычке угадывают «*немецкую интригу*» или «*польскую руку*», стремление коварной «*Европы*» раздружить двух «*ближайших сестер*»[27].

И каково теперь будет министру иностранных дел Временного правительства М.И. Терешенко, обладателю, к слову сказать, украинской фамилии, разбирать, где теперь «дела внешние», а где —

«внутренние», какие народы — «свои», а какие — «чужие»?.. В уста господина министра сатирики вкладывают горькие сетования:

Среди хохлов, среди финляндцев
Мне трудно дни свои влачить,
И не могу я отличить
Теперь своих от иностранцев[28].

Впрочем, сетования по поводу «разбегающихся» народов не переходили в большинстве журналов этого круга в желчную, шовинистичную брань, скорее, это были сетования по поводу худшего сценария (по мнению сатириков) развития революции на национальных окраинах. Более того, журналисты едко шутили над русскими обывателями, над теми из них, кто «принципиально» отказался, к примеру, от «*чухонского молока*» и «*чухонской прислуги*» в отместку за сепаратистские настроения в Финляндии[29]. Сатирики упорно предостерегали: как бы за игрой политических амбиций новых элит не допустить дальнейшего разрушения пространства страны.

По мере приближения осени 1917 г. революционная сумятица всё больше сказывается на работе редакций журналов, издания начинают выходить нерегулярно, повышается нервический настрой публикаций. Политическая слабость сил, пришедших к власти после Февральской революции, со всей очевидностью осознается сатириками. Октябрьские события 1917 г. и приход к власти большевиков еще более драматизируют тему «*России — Революции — Свободы*», из формулы которой окончательно исчезает третья составляющая. Авторы большинства сатирических изданий бросают гневное обвинение большевикам: как правящая партия «национальной измены», они всё более приближают страну к полуколониальному статусу.

Впрочем, Ленин и «*ленинцы*» становятся персонажами сатирических изданий уже с самого начала 1917 г., но поначалу в довольно жалком обличье. Типичный в этом плане рисунок из «Нового Сатирикона»: маленький человечек семитского типа (обобщенный образ еврея-большевика, «*германского агента*») пытается за полу шинели удержать русского солдата, рвущегося из окопа в атаку[30]. Агитационная активность большевиков, многочисленные публичные выступления Ленина явно раздражают, а со временем и пугают сатириков. В журнале «Пугач» находим целую поэму, состоящую из полного набора страхов, неприязней, слухов и прочих проявлений общественного умонастроения лета 1917 г. Авторы с горечью описывают, как нынче гордо ходит по городу «большевик», как пресмыкаются перед ним другие политики, как умело он отваживает рабочих от труда, а

солдат — от выполнения воинского долга, как радуется этой неразберихе «*германец*»... И далее — упоминание «*немецкого золота*», которое «*лавой льется*» в руки провокаторов-большевиков, раскалывающих единство «*великой Руси*»...[31]

Тема «*германского следа*» в русской революции — как комплекс реальных акций германских властей и как одна из величайших мифологем XX в. — имеет свою колоссальную литературу, проникнутую острой полемикой[32]. Знакомство с материалами сатирической печати показывает, что большинству тогдашних наблюдателей-журналистов картина происходящего виделась однозначно. Ленин и его ближайшее окружение почти всегда трактовались как «*агенты кайзера*» и главные виновники наихудшего сценария развития революционных событий 1917 г. Большевики-ленинцы обретают на страницах сатирических изданий устойчивое амплуа злодеев, взращенных кайзеровским режимом, но... из российского «материала». Образ «*провокатора-большевика*» — мелкого, зловредного очкарика, «*внутреннего врага*», работающего на «*врага внешнего*» (своего рода антиобраз революции), становится главным типажом многочисленных публикаций «Будильника»[33]. Журнал «Пугач» публикует миниатюру «*В Берлине*», из которой мы узнаем, как кайзер комментирует прочитанную в газете очередную речь Ленина: «*После Гинденбурга это — самый полезный человек, а может быть, он даже полезнее Гинденбурга*»[34].

Едкой сатирой на большевистскую германофилию пропитана хлесткая карикатура в журнале «Бич», оправдывающая название издания. На рисунке под заголовком «*Гром победы, раздавайся! Веселися, славный тевт!*» (парафраз державинских строк «*Веселися, славный росс!*») изображен сам Владимир Ильич. Во главе «*тевтонского воинства*» под звуки военного оркестра, он бодро возвращается с победой в «*свою столицу Берлин*»![35] Вслед за маленькой фигуркой будущего вождя пролетарской революции гордо печатают шаг победители — германские офицеры, генералы и политики... (До сепаратного Брестского мира оставалось восемь месяцев!) И хотя «*тевту*» не суждено было с победой вернуться с полей Первой мировой, всё же горький парадокс поражения России, проигравшей проигравшим, журналисты предрекли верно.

После октябрьского переворота авторы единодушно интерпретируют личность Ленина как симбиоз «внешнего» и «внутреннего» врага, слившихся до неразличимости в своем антироссийском, разрушительном настрое[36]. В фельетонах того времени Ленин и его ближайшее окружение уподобляются «*взрывающимся карандашам*» немецкого производства (таковые, по сообщениям печати, были обнаружены на российской территории) — жестокой диверсии германских спецслужб против мирного населения. Доставленный в за-

пломбированном вагоне Ульянов-Ленин и стал, по мнению «Нового Сатирикона», таким «*взрывным устройством*», инструментом революции, этой хорошо продуманной и блестяще проведенной «*германской акции*» против России[37].

Именно внешняя политика большевистского руководства становится к концу 1917 г. главным объектом сатирической критики. Декабрьское перемирие с Германией и ее союзниками, заключенное большевистским правительством, вызывает бурную реакцию в сатирической печати. «*Дева Революции*» под пером карикатуристов превращается в распутную девку, «*нагулявшую*» от «*германца*» отвратительного «*ублюдка*». Брестский («*похабный*») мир будет заключен еще через два месяца, но сатирики, провидя будущее, уже изобразили в новогоднем номере «Нового Сатирикона» будущий плод греховного альянса — мерзкого уродца, обладателя худших черт наследственности своих «*родителей*»[38].

Отныне образом «*Революции*» становится истощенная до предела, оборванная и избитая женщина во фригийском колпаке. Она безуспешно пытается спастись бегством от заседающей за столом компании — российской социал-демократии. Большевик гневно обвиняет меньшевиков в том, что они «*вонзают нож в спину революции*», тем временем сам вонзая ей нож в живот...[39]

Специальный мартовский номер «Нового Сатирикона» под девизом (на английский манер) *«Мэдъ инъ Жермани»* («Сделано в Германии») живописует ужасы грядущего порабощения России в результате *«брест-литовского предательства»*. Следует серия карикатур одна унизительней другой: то немецкий чиновник ставит свое тавро на теле русского крестьянина — *«годен в пищу»,* то германский офицер с кнутом в руках пашет землю на пленном русском солдате, то два немца-колонизатора после успешного отстрела негров в Африке успокаивают друг друга: «*Пустяки. Перейдем на белое мясо. Еще русские остались*»[40]. А где же совесть нации, «*просвещенное общество*», «*люди с либеральными убеждениями*», *«передовая интеллигенция»*? Иных уж нет, а те далече. А оставшиеся — в добровольном маразме пьянства и отупения от октябрьского шока и его последствий. О них — убийственный фельетон Аркадия Аверченко на фоне жутковатой футурологии русского будущего «*под немцами*». К соотечественникам (да и к самому себе!), проспавшим, проглядевшим, заболтавшим, пропившим Россию, — его язвительное обращение:

> Вы, пьяницы, гуляки, алкоголики… Вы, русские забубенные головушки… Что? — Одна нога в ботинке, другая босая, волосы в пуху, голова разваливается от боли, а кривое зеркало над кроватью кажет огромнейший кровоподтек между ухом и глазом… Ф-фу!..[41]

Столь же самокритично звучат и размышления сатириков об истоках бед страны. Равнодушие, страх, бездарность русского общества, в том числе и интеллигенции, перед лицом великого исторического испытания видится как тавро «обывателя», с его мелким социальным эгоизмом и бессилием воли перед лицом революционного экстремизма. Поэт Всеволод Бастучин сочиняет на эту тему стихи, рисуя портрет «*обывательской среды*», особого «существа», чье поведение и есть одна из причин безнаказанности большевиков:

Слухи носятся безобразные, —
Будто скоро Русь вся развалится.
Ну, да я и Русь — вещи разные,
Мне-то не о чем тут печалиться.
Пусть все рушится, пусть стране родной
Хоть сейчас грозит участь страшная, —
Хорошо б жилось только мне одной,
Остальное все — вещь пустяшная.
В общем скучно мне, извелася я —
Мир, аннексия, контрибуция…
Подремлю-ка я… Разбуди меня,
Когда кончится революция[42].

Этот мотив будет повторяться из номера в номер в течение всего последнего полугодия существования журнальной сатиры старой России.

А в то время, пока равнодушный обыватель надеется, что его-то беда минует, бережливый немец с удовлетворением поглядывает на фигуру России, распятой на кресте: «*Как славно! Для “Великой России” всего-то понадобилось четыре гвоздя...*»[43]. Этот рисунок — квинтэссенция возмущения журналистов по поводу «*брест-литовского предательства*», когда российское общество почувствовало себя в замкнутом кольце измены, воплощением которой оказалась политика как таковая — от «*предательского*» курса Романовых до «*германофильской*» тактики большевиков. На другом рисунке «*Россия*» — нищенка в рубище и на костылях — сетует, что оказалась «*у разбитого корыта*»; «*немец*» же уточняет назначение деревянного предмета, к которому он любезно подзывает «*старушку*» — это гроб «*самой прочной немецкой работы*»[44].

Один из летних 1918 г. тематических номеров «Нового Сатирикона» (последнего из сохранившихся к тому времени русских сатирических изданий) носит символический подзаголовок — «*О прекрасной Франции*»[45]. Между этим выпуском и тем, что был посвящен сепаратному миру с Германией, — череда событий, означавших для сатириков падение России в пропасть. Потеря территорий по периметру стремительно сжимавшейся бывшей империи, высадка англичан в Мурман-

ске, бои союзников в Пикардии, японский десант во Владивостоке, занятие германскими войсками Крыма, гетманство Скоропадского на Украине, переход Грузии под германский протекторат, затопление кораблей Черноморского флота в Новороссийске, наступление германских войск на Марне... Но пока идут бои, и только грядет победа англо-французской армии в Амьенской операции. Борющаяся Франция, ее сопротивление последнему крупному германскому наступлению на западном фронте воспринимаются журналистами как символ нереализованной в России мечты — о свободе, о демократии, о патриотизме, о гражданском достоинстве. Все эти доблести навсегда покинули российские пределы, за них сражаются другие — союзники, преданные властью большевиков, властью внутренней и внешней измены. И уже не столь важно разбираться — ленинцы использовали германскую помощь для прихода к власти или это Германия использовала их для выведения России из войны. Интрига, измена, предательство оказались лишь надводной частью айсберга глубочайшего внутреннего кризиса, потопившего корабль прежней России со всеми ее надеждами на очистительную силу революции..

Все последние публикации в сатирических изданиях проникнуты финалистскими настроениями «красного апокалипсиса». Последний, прощальный образ, которым завершает свою историю сатирическая журналистика ушедшей эпохи, полон горечи и боли. Истощенная, израненная женщина-«*Россия*», прикованная к позорному столбу, с беспомощной горечью смотрит на «*Францию*», в дыме сражений продолжающую свой бой — «*идущие на смерть приветствуют тебя*»[46].

* * *

Сатирическая интерпретация образов в пространстве смыслов «*России — Революции — Свободы*», противоречия и ротация трактовок конкретных объектов журналистского интереса на страницах отечественной сатиры 1917—1918 гг. позволяют судить о глубинных мировоззренческих реакциях и идейных рефлексиях значительной части российского общества. Неоднозначность оценок, частый сбой эмоционального настроя, драматизм интерпретаций при впечатляющем единстве критической риторики — именно таким видится состояние российской сатиры, столкнувшейся с задачей интерпретации беспрецедентного революционного кризиса в истории страны. В журналистских рефлексиях звучала не только боль от несбывшихся мартовских надежд на обновление, но и осуждение стихии политического радикализма, питающейся хаосом и одновременно подпитывающей его.

Журнальная сатира стала актуальным полем осмысления внутреннего кризиса и внешних проблем, жесткой критики старой власти, робких

надежд на революционное обновление и горьких разочарований в его итогах. За стихией смеха во всех его проявлениях — от жесткого сарказма по поводу политических противников до истерического хохота над собственными надеждами на свободу и справедливость — угадываются величайшие драмы психоистории эпохи. На финальной стадии осмысления уроков войны и революции приходит горькое понимание того факта, что в апокалиптической катастрофе 1917—1918 гг. «германец» — лишь носителем Зла, торжествующего в России при попустительстве внутренних сил, пресловутых «двух крайностей», погубивших демократическую альтернативу трансформации России: властолюбивого самодержавия и левого радикализма. Вину за перерастание военной драмы в революционную трагедию журналисты не снимают и с себя, разделяя с наиболее ответственной частью российского общества эту горькую вину. Признание этого факта требовало от отечественных сатириков значительной степени гражданского мужества и профессиональной честности. В готовности критически взглянуть на самих себя, в умении увидеть в объекте критики отражение собственных слабостей, ошибок и грехов состоит профессиональный и гражданский вклад российских журналистов-сатириков в историю общественной мысли и культуры эпохи.

Примечательно и то, что важнейшие темы, поднятые тогда сатириками, до сих пор являются объектом повышенного интереса и предметом острых дискуссий в отечественной историографии. Реальность или утопичность демократической альтернативы в российской революции; причины слабости либерального курса и краха многопартийности; фактор «немецких денег» в большевистском перевороте; большевизм — торжество архаики над «модерном» революции или утилизация «почвы» для целей модернизации; роль Брест-Литовска в эскалации гражданской войны и прочая и прочая...

Проанализированный материал свидетельствует: политическая сатира в ее основных жанрах (фельетон, карикатура, анекдот, стихи) представляет собой ценный исторический источник по истории Великой российской революции, поскольку демонстрирует пример интеллектуальной и эмоциональной апроприации обществом опыта глубочайшего российского кризиса начала XX в. Что в свою очередь обеспечивает исследователя ценным инструментом для проникновения в структуры повседневности революционного времени, способные транслировать свои смыслы и уроки в иные эпохи.

[1] *В. К.* О попытках «завершить» Французскую революцию [Электронный ресурс] // Новый мир. — 1999.— № 4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/4/fure.html

[2] *Фюре Ф.* Постижение Французской революции. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. — С. 26.

[3] *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. — М.: РОССПЭН, 1997. — С. 8—9, 350—352; *Buldakov V.P.* Mass Culture and Culture of the Masses in Russia, 1914—22 // Russian Culture in War and Revolution, 1914—22. Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2014. — Bk. 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions. — P. 25—52.

[4] См., к примеру: *Поршнева О.С.* Внешний враг в сознании народных низов России в период Первой мировой войны // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: материалы междунар. науч. конф. — СПб., 2001; *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. — М.: РОССПЭН, 2006; *Norris S.* A War of Images: Russian Popul ar Prints, Wartime Culture, and National Identity, 1812—1945. — Dekalb: Northerh Illinois Univ. Press, 2006; *Колоницкий Б.* Метаморфозы германофобии: Германия и Россия в XX веке // Германия и Россия в XX веке: в 3 т. — М.: АИРО-XXI, 2010. — Т. 1: Обольщение властью: русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. — С. 97—114; *Kolonitskii B.* Russian leaders of the Great War and Revolutionary Era in Representations and Rumors // Russian Culture in War and Revolution, 1914—22.— Bloomington: Slavica Publishers, 2014. — Bk. 2: Popular Culture, Identities, Mentalities, and Memory. — P. 27—54.

[5] *Евстигнеева Л.А.* Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. — М.: Наука, 1968; *Финягина Н.П.* Сатирическая графика как исторический источник // Труды / Научно-исследовательский институт культуры. — М., 1974. — Т. 11. — С. 128—207; Мелочи жизни: рус. сатира и юмор второй половины XIX — начала XX в. — Москва: Худож. лит, 1988; *Спиридонова Л.А.* Русская сатирическая литература нач. XX века. — М., 1993; *Голиков А.Г.* Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Московского университета. Сер. «История». — 2011. — № 4.

[6] *Jahn H.* : 1) Patriotic Culture in Russia During World War I. — Ithaca; London, 1995 ; 2) “Kaiser, Cossacks, and Kolbasniks”: Caricatures of the German in Russian Popular Culture // Journal of Popular Culture. — 1998, Spring. — 31, 4. — P. 109—122; *Filippova T.* Von der Witzfigur zum Unmenschen — Die Deutschen in den Kriegsausgaben von “Nowyj Satirikon” und “Krokodil” // Traum und Trauma: Russen und Deutsche im 20. Jahrhundert. — München: Wilhelm Fink Verlag, 2003; *Колоницкий Б.И.* Символы и борьба за власть: к изучению полит. культуры Российской революции 1917 г. — СПб.: Дм. Буланин, 2001; *Рыбаченок И.С.* Политическая карикатура на рубеже XIX—XX веков: коллекция фр. журналиста Дж. Гран-Картере // Новая и новейшая история. — 2011. — № 2. — С. 188—201; *Dement S.* War and Laughter: Political Cartoons in Russia’s Liberal Press, 1914—1918. URL: http://russiasgreatwar.org/media/culture/war_and_laughter.shtm; *Riabov O.V.* The Symbol of “Mother Russia” Across Two Epochs: From the First World War to the Civil War // Russian Culture in War and Revolution, 1914—22. — Bloomington: Slavica Publishers, 2014. Bk. 2: Popular Culture, Identities, Mentalities, and Memory. — P. 73—98.

[7] Ряд сатирических рисунков революционного времени анализируется в обзорной работе, посвященной истории европейской карикатуры (*Голиков А.Г., Рыбаченок И.С.* Смех — дело серьезное: Россия и мир на рубеже XIX—XX веков в политической карикатуре. — М., 2010. — С. 266—292).

[8] С принятием 27 апреля 1917 г. Закона о печати издания любых политических направлений могли в России издаваться беспрепятственно. Появляются (увы, ненадолго) и новые, яркие сатирические журналы, среди которых своей остротой и задором особо выделялся «Пугач». С лета 1918 г. жесткий курс новой власти приводит к исчезновению и самого предмета данного исследования — сатирической журналистики старой России.

[9] Стрекоза. — 1917. — № 26. — С. 16.

[10] Будильник. — 1917. — № 18. — С. 7.

[11] О настроениях «бонапартистских ожиданий» в период между мартом и октябрем 1917 г. см.: *Секиринский С.С.* Наполеон в России: судьба легенды // Российская история. — 2012. — № 6. — С. 143—157.
[12] Бич. — 1917. — № 21. — С. 2.
[13] Пугач. — 1917. — № 13. — С. 11.
[14] Стрекоза. — 1917. — № 14. — С. 2.
[15] Бич. — 1917. — № 28. — Обложка.
[16] Стрекоза. — 1917. — № 15. — С. 10.
[17] Бич. — 1917. — № 28. — С. 5, 7—8, 10.
[18] Там же. — С. 7.
[19] Пугач. — 1917. — № 11. — С. 4, 11.
[20] Там же. — С. 8
[21] Там же. — № 13. — С. 11.
[22] Стрекоза. — 1917. — № 24. — С. 11.
[23] Там же. — Обложка.
[24] Там же. — № 26. — С. 6.
[25] Там же. — № 30. — Обложка.
[26] Бич. — 1917. — № 21. — С. 13.
[27] Пугач. — 1917. — № 13. — С. 4; Бич. — 1917. — № 23. — С. 5.
[28] Пугач. — 1917. — № 13. — С. 6.
[29] Там же. — С. 11—12.
[30] Новый Сатирикон. — 1917. — № 14. — С. 5.
[31] Пугач. — 1917. — № 3. — С. 7.
[32] См., к примеру: *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. — М., 1990; *Мальков В.Л.* Большевики и «германское золото»: находки в архивах США // Новая и новейшая история. — 1993. — № 5. — С. 42—52; *Фельштинский Ю.Г.* Как добывались деньги для революции // Вопросы истории. — 1998. — № 9. — С. 34—51; *Зданович А.А.* Как «реконструировали» контрразведку в 1917 году // Военно-исторический журнал. —1998. — № 3. С. 50—58; *Чернявский Г.* Немецкие деньги Ленина: легенды и документы // Вестник-online. — 2001. — № 8 (267). URL: http//www.vestnik.com/issues/2001/0410/win/cherniavsky:htm (дата обращения: 05.02.2016); *Соболев Г.Л.* Тайна «немецкого золота». — СПб., 2002; *Земан З., Шарлау У.* Кредит на революцию. План Парвуса. М., 2007; *Фроянов И.Я.* Уроки Красного Октября. — М., 2007; *Макаренко П.В.* Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. — 2008. — № 5. С. 30—45; *Бахурин Ю.* «Германский след» в октябрьской революции: анализ одной из главных исторических мифологем XX века [Электронный ресурс] // Актуальная история: науч.-публицист. журн. URL: http://www. actualhistory.ru/lenin_and_german_money; *Лиддел Гарт Бэзил.* 1914. Правда о Первой мировой. — М.: Эксмо, 2009.
[33] Будильник. — 1917. — № 18. — С. 4.
[34] Пугач. — 1917. — № 1. — С. 3.
[35] Бич. — 1917. — № 28. — С. 12.
[36] Новый Сатирикон. — 1917. — № 25. — С. 3.
[37] См.: Там же. — № 20—29.
[38] Там же. — 1918. — № 1. — С. 2.
[39] Там же. — № 2. — С. 12.
[40] Там же. — 1917. — № 5. — С. 3—5.
[41] Там же. — 1918. — № 5. — С. 16.
[42] Там же. — № 3. — С. 3.
[43] Там же. — №. 5. — С. 6.
[44] Там же. — С. 2.
[45] Там же. — № 15.
[46] Там же. — С. 6.

В.Б. Аксенов

КЛИМАТ, ЭМОЦИИ И ПАССАЖИРОПОТОК В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ОШИБКИ ИСТОРИОГРАФИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается проблема влияния климатических условий на социально-политическую активность обывателей. Автор приходит к выводу, что из трех метеоусловий — температура, осадки, атмосферное давление — в мирной жизни только последнее оказывает более-менее существенное влияние на уличную активность горожан. При этом в условиях революционизации общества, массовых стихийных движений влияние метеоусловий оказывается минимальным. Объясняется символическая роль солнца в февральской революции, запечатленная в источниках личного происхождения.
Ключевые слова: революция; метеостатистика; погода; климат; эмоции; пассажиропоток.

V.B. Aksenov
Climate, emotions and passenger traffic in the history of the Russian revolution: errors of a historiography and prospect of a source study

In article under analysis is the problem of influence of climatic conditions on socio-political activity of inhabitants. The author comes to a conclusion that atmospheric pressure has more powerful effect on street activity of citizens than others meteorological conditions — temperature and rainfall. At the same time it is considered that the grass-roots spontaneous movements has the minimum influence of meteorological conditions. The author notes the symbolical role of the sun in February revolution.
Keywords: revolution; meteorological statistics; weather; climate; emotions; passenger traffic.

Со времен «нового направления» в историографии 1917 г., когда в трудах П.В. Волобуева, А.Я. Авреха, К.Н. Тарновского, И.Ф. Гиндина и других ученых начинается расширение методологических рамок изучения предпосылок революции за счет обращения к докапиталистическим, архаичным социально-экономическим явлениям, возникает интерес к изучению стихийных исторических процессов[1]. С 1990-х годов значимая роль стихийного фактора в революции 1917 г. признается многими исследователями[2]. При этом в работах В.П. Булдакова, Б.И. Колоницкого, И.В. Нарского исследуется эмоциональное измерение революции. Последнее выпукло представлено источниками личного происхождения — традиционно тяготеющих к личностно-ориентированному и эмоциональ-

но-окрашенному описанию событий. В воспоминаниях Е. Зозули, Н. Морозова, Н. Окунева, А. Тырковой и др. делается акцент на всеобщем единении в эмоциональном подъеме, который переживали петроградские и московские обыватели в февральско-мартовские дни. Восторженные и нередко противоречивые оценки событиям, оставленные современниками в дневниках, написанных по горячим следам очерках и мемуарах, свидетельствуют о том, что упомянутый подъем еще долгие дни сохранялся в массовой психологии.

Показательно, что авторы нередко связывали свое эмоциональное состояние с погодными явлениями: ярким солнцем, теплой погодой. Так петроградский журналист, будущий известный прозаик Ефим Зозуля описывал февральские дни: «Сияло Солнце. Щурились глаза от белого чистого снега»[3]. Схоже описывал погодные условия в Москве в начале марта Н. Морозов: «Солнечный веселый день... — правда, тут же поправился, — но довольно изрядный мороз»[4]. Вероятно, при анализе данных документов следует отделять буквальные значения слов, натуралистические зарисовки, от метафорических оборотов, коннотаций. Н. Морозов впоследствии уточняет значение метафоры «солнечный веселый день» как предвестника новой России: «На пороге весны — зацветает весна Русской жизни»[5]. Таким образом, весенние мотивы в источниках личного происхождения, в которых авторы нередко прибегали к художественным приемам, субъективно выражали ощущения грядущих перемен.

В западной историографии некоторые историки вслед за очевидцами российской революции начали вводить в свои научные тексты элементы художественного описания. Так, например, Ц. Хасегава сделал импрессионистическую зарисовку холодного утра 24 февраля на петроградской стороне, когда из тумана вырастали темные силуэты идущих в центр на демонстрацию рабочих[6]. Однако если в приведенном примере речь идет лишь о стилистических нюансах исследовательского текста, то используемый Хасегавой в другом месте оборот позволяет предположить наличие причинно-следственной связи между погодными условиями и социальной активностью обывателей: «Так как температура резко упала к вечеру, истощенные демонстранты стали медленно расходиться по домам», — пишет американский историк[7]. Еще дальше пошел Р. Пайпс, напрямую связавший «сюрпризы погоды» с течением российской революции. Пайпс, признавая в целом объективный и закономерный характер революции, считает, что внезапно случившаяся в Петрограде оттепель вывела на улицы города значительные массы обывателей, которые и спровоцировали беспорядки, обернувшиеся революцией. Однако, доказывая свой тезис, историк допускает грубые методо-

логические ошибки. Так, первоначально, желая противопоставить морозную погоду первой половины февраля оттепели 20-х чисел, Пайпс ссылается на материалы Центрального статистического управления, однако когда требуется привести аргументы в пользу якобы имевшей место оттепели, Пайпс «забывает» про статистику Центрального управления и переходит к сведениям из источников личного происхождения. Ссылаясь на написанные в 1929 г. воспоминания последнего петроградского градоначальника А.П. Балка, Пайпс, не приводя точных слов автора мемуаров и без указания номера страницы, пишет: «...Внезапно погода в Петрограде переменилась и температура, поднявшись до 8 градусов выше нуля, не опускалась уже до конца февраля. Горожане, так долго просидевшие взаперти из-за стужи, высыпали под ласковые лучи солнца... Сюрпризы погоды сыграли немалую роль в исторических событиях тех дней»[8]. Вместе с тем воспоминания Балка не содержат подобной информации. Бывший градоначальник, действительно, начал свои воспоминания с упоминания о хорошей погоде: «Погода отличная — солнечная. Мороз при полном безветрии градусов 5—6»[9], — однако и далее отмечал морозную погоду, заставлявшую публику по вечерам разводить на улицах костры. Ни о каких 8 градусах выше нуля Балк не писал. Согласно метеорологическим сводкам статистического отделения Петроградской городской управы на протяжении всего февраля и первой половины марта погода в Петрограде оставалась холодной, а выше нуля температура впервые поднялась лишь 12 марта, да и то составила всего 0,3°С, а отметки в 8 градусов тепла достигла лишь 31 марта[10]. Не лучше с погодой обстояли дела и в Москве: март 1917 г. был самым холодным за всю историю метеонаблюдений с 1770 по 2011 г., тогда средняя температура составила 10,4°С ниже нуля[11]. Таким образом, информацию Пайпса о наступившей оттепели можно признать недостоверной.

Вместе с тем, как хорошо известно, морозная погода не исключает солнечного дня: в зимнее время низкое атмосферное давление и облачность удерживают тепло, в то время как повышение давления и рассеивание облаков, открывающие солнце, понижают температуру. Поэтому нет ничего удивительного в том, что современники революции, несмотря на мороз, писали о солнечных днях февраля 1917 г. Собственно описание солнечного дня 26 февраля, прозванного по аналогии с известными событиями «кровавым воскресеньем», дал Хасегава: «Воскресенье 26 февраля было солнечным зимним днем. Яркое солнце, свежий воздух, мягкий снег, покрывший за ночь землю, создавали праздничное настроение»[12]. Хасегава прибегает к описанию погодных условий для воссоздания эмоциональ-

но-психологической атмосферы тех дней, когда праздничное настроение солнечного утра сменилось страхом и ненавистью во время дневных столкновений манифестантов с солдатами, однако он не пытается объяснить выход людей на улицы появившимся солнцем. Наоборот, историк отмечает, что солнце выглядывает уже после того, как в Петрограде несколько дней идут беспорядки, начавшиеся в морозный и хмурый день 23 февраля. По-видимому, выглянувшее после долгих пасмурных дней солнце повлияло на восприятие современниками событий февральской революции, заставляя писать о них в позитивно-восторженном ключе, игнорируя многие эксцессы негативного порядка. Так, член ЦК кадетов А.В. Тыркова в своем дневнике пыталась представить февральские беспорядки в Петрограде в виде всеобщего восторга, безобидного праздника, отметив, что «толпа ни разу не была оскорбительна»[13]. Схожие наблюдения сохранили записи московского обывателя Н.П. Окунева от 1 марта: «Лица у всех взволнованные, радостные — чувствовался истинный праздник, всех охватило какое-то умиление. Вот когда сказалось братство и общность настроения»[14]. При этом праздничное настроение не передалось тем, на кого обрушился «восторг» революционизированных обывателей. Начальник петроградского охранного отделения К.И. Глобачев нарисовал принципиально иную, страшную своими подробностями картину поведения толп: «Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части: некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых разрубали шашками»[15]. Близкие картины агрессии уличных толп по отношению к чинам полиции рисовал барон Н.Е. Врангель[16]. Очевидно, что как воспоминания Тырковой о «безобидной толпе», так и свидетельства Глобачева грешат гиперболизацией, связанной с глубоко личным и эмоциональным восприятием событий, в котором большое значение отводилось тем или иным символам.

Показателен случай, происшедший 25 февраля в Петрограде, на котором останавливаются такие представители разных историографических направлений, как Э.Н. Бурджалов, Ц. Хасегава, Б.И. Колоницкий[17]. В этот день женщина из толпы подала казачьему офицеру букетик красных роз, и он принял его под восторженные приветствия толпы. Очевидно, что букет красных роз воспринимался революционным символом. Однако помимо революционно-цветового контекста необходимо учитывать и форму букета, напоминавшего весеннее солнце. В этой связи нельзя не вспомнить известную картину И.Е. Репина «17 октября 1905 г.», на которой роль восходящего солнца свободы в условиях пасмурного дня сыграл под-

нятый вверх женщиной букет красных цветов, оказавшийся рядом с поднятыми вверх раскрытыми кандалами. Репин остался верен принципам реалистической живописи и не стал писать солнца, которого не было в день оглашения царского манифеста, заменив его букетом-символом. Показательно, что к схожему приему в 1917 г. прибегали юные художники, рисовавшие по заданию учителей отразившиеся в памяти дни революции. В рисунках детей, посвященных февралю — марту 1917 г., мы не видим красного солнца. Плакатная условно-символическая атрибутика отсутствует, уступая место вниманию к деталям, педантичному повторению поразивших воображение элементов. Так, красные банты и ленточки в петлицах важны были юным художникам не столько в качестве символа революции, сколько для передачи атмосферы всенародного праздника, в результате чего школьники впоследствии вспоминали о «веселых днях» революции. Некоторые юные художники, не увидевшие в феврале — марте солнца в Москве, тем не менее, использовали прием как будто его отражения в стеклах, рисуя красные занавески в окнах на фасадах домов голубого цвета (аллюзия на красное солнце на голубом небе)[18]. Впечатления весеннего праздничного дня, несмотря на сильные морозы, были столь прочны, что даже спустя семь лет, находясь в эмиграции, дети писали о якобы наступившей оттепели: «На дворе зима. Холодно, морозно... Помню, потом наступил теплый солнечный весенний день, день мартовской революции. Радостно и весело было на душе. Я радовался веселому солнышку, прилетевшим птичкам, радовался чему-то новому, происходившему на улицах Москвы»[19]. Слова о теплых днях, веселом солнышке и прилетевших птичках, конечно же, едва ли следует понимать буквально. Оставленные детьми визуальные и вербальные источники ценны тем, что, в отличие от взрослых, дети непосредственно воспринимают эмоциональную атмосферу, не усложняя восприятие социально-политической семантикой. В детских сочинениях о революции[20], написанных учащимися 8—10 лет весной 1917 г., радость, смех и хорошее настроение людей на улице выступают в качестве основной показательной характеристики февральских дней: «Вдруг все взяли и свергнули императора и министров и сделали свободу. Было очень весело всем», или: «На улице народ улыбался и один из народа плакал от радости. Никто нируругался», «Очень было радостно и хорошо всем людям»[*]. При этом, как правило, дети попадают под влияние эмоционального состояния взрослых, своих родителей, соответственно тревожные мысли так же отразились в детских вос-

[*] Сохранены орфография и пунктуация оригинала. — *В.А.*

поминаниях: «Мне было семь лет, и я жил в Петербурге, когда в России случился Великий переворот... Я хорошо помню то холодное и туманное утро, когда по улицам пронеслась весть об отречении Его Императорского Величества Николая II. Мама ужасно взволновалась, когда раздались первые выстрелы, так как папа был в командировке по делам службы вне города»[21].

Погодные условия выступали формой авторской коннотации, являлись художественным приемом для выражения чувств, эмоционального состояния в соответствии с традициями революционного символического пространства: весна — надежда, праздник революции; зима — разочарование, мрак реакции. Учащийся 8 класса русской гимназии в Моравской Тржебове Н. Рудь, тяжело переживавший эмиграцию, с болью вспоминал февральские дни 1917 г., изменившие его судьбу: «Петроград... Тихо кружатся в воздухе белые снежинки. Они ничего не знают, ничего не ведают. Медленно ползет вечерняя мгла, и идут один за другим русские люди, не зная куда, не спрашивая себя — зачем?.. Завтра — темно, будущее во мраке, некуда смотреть...»[22]. Стоит заметить, что передача эмоционального состояния посредством описания погодных явлений свойственна не только детям и художественной интеллигенции, но и крестьянам. Так, тотемский крестьянин Вологодской губернии А. Замараев вел дневник, в котором нередко соотносил социальные явления с природными. Как правило, падающий снег у Замараева выступал знаком смерти. В одном случае он упомянул о смерти своего соседа: «Весь день шел небольшой снег. Умер Кокорев», — а спустя несколько лет, в 1917 г., вынес неутешительный приговор всей России: «Погода студеная, пролетает снег. Нашему государству едва ли не приходит конец»[23].

Тем самым, мы видим, что в источниках личного происхождения авторы посредством описания погодных явлений выражают субъективное, эмоциональное отношение к событиям. Однако установив взаимосвязь погодного дискурса с политическим, уместно задаться вопросом, в какой степени погода способна повлиять на частные настроения и поведение обывателей в конкретно-исторических условиях. Ведь неправомерность объяснения причин начала февральских беспорядков 1917 г. температурными колебаниями не означает отсутствие подобной зависимости в других случаях. Кроме того, если улучшение погодных условий не может считаться значимым фактором социальной активности, может ли их ухудшение сдержать массовую активность обывателей? Аргументом в пользу последнего предположения могут стать петроградские события 1 мая 1914 г.: в этот день большевики планировали проведение первомайской

общегородской демонстрации на Невском проспекте и ряда районных демонстраций на окраинах, но если 1 мая на фабриках и заводах рабочие смогли отметить праздник (по официальным данным, работу прекратили 130 тыс. человек), то городские манифестации провалились из-за дождя, шедшего с ночи до полудня[24]. Вместе с тем тот факт, что дождь стал причиной провала общегородской демонстрации, свидетельствует, прежде всего, о низкой степени мотивации (классово-политической сознательности) рабочих. К вечеру часть рабочих все-таки появилась на Невском проспекте и даже успела вступить в столкновение с полицией, однако в их поведении сложно обнаружить политический мотив. Около 7 часов вечера на углу Большого Сампсониевского проспекта под трамвай попала пятилетняя дочь столяра. Хотя девочка осталась жива, прибывшим чинам полиции не удалось самостоятельно извлечь ее из-под трамвая, в результате чего было принято решение дождаться техпомощи с домкратами. Тем временем, на проспекте собралась толпа, в которой было много пьяных по случаю празднования 1 мая рабочих, которые в происшедшем обвинили полицию и принялись забрасывать ее камнями. Когда прибыл поезд с домкратом, рабочие забросали и его, ранив машиниста. Для прекращения беспорядков были вызваны отряды конной полиции, которые разогнали рабочих. 10 человек были арестованы[25].

Вероятно, для выявления зависимости уличной социально-политической активности от погодных условий необходимо в первую очередь сопоставить изменения температурных колебаний и выпавших осадков с численностью людей на улицах. Последнее можно установить с помощью статистики пассажиропотока городского трамвая, обратно пропорционального количеству пешеходов. При этом следует учитывать динамику трамвайных перевозок, которая определяется большими и малыми циклами: первые носят сезонный характер, вторые — недельный.

Если рассмотреть пассажиропоток петроградского трамвая за 1914 г., то увидим, что малый цикл составлял одну рабочую неделю, причем в большинстве случаев (когда речь не шла о праздниках) максимальное количество перевезенных пассажиров приходилось на понедельник[26]. Уже на следующий день — во вторник, — начиналось резкое падение пассажиропотока, при этом, хотя недельный минимум чаще всего приходился на выходные дни — субботу и воскресенье, — пассажиропоток в любой из выходных дней отличался от любого другого рабочего дня в меньшей степени, чем от понедельника. Для примера рассмотрим типичную неделю 1914 г., с понедельника 26 января по понедельник 2 февраля. На эти два понедельника

в столице приходятся суточные пики пассажиропотока — 997 491 и 1 044 004 человек соответственно, при этом в остальные рабочие дни в среднем в сутки приходилось 843 291 пассажир. Причем если падение пассажиропотока с пятницы на субботу составило всего 3,47%, то с понедельника на вторник той же недели — 17,1%. Таким образом, оба понедельника были исключительно напряженными днями по суточному объему трамвайных пассажирских перевозок.

Большой цикл трамвайного пассажиропотока носил сезонный характер. Из зимних месяцев на февраль приходился минимальный объем пассажирских перевозок, весной число перевезенных пассажиров начинало расти, июнь и июль — период отпусков, дачный сезон, — отличались наибольшим спадом пассажиропотока, вслед за ним в августе — сентябре следовал новый подъем.

Во время массовых демонстраций происходит аритмия пассажиропотока — максимумы и минимумы смещаются с привычных дней недели. Так, во время мартовских 1914 г. стачек в Санкт-Петербурге традиционно пики пассажироперевозок приходятся на понедельники 2, 9, 16, 23 марта, однако в понедельник 30 марта, наоборот, происходит спад суточного объема перевозок до 865 153 человек, при среднем числе пассажиров за предыдущие понедельники месяца в 966 440 человек. Любопытно, что в дни накала стачечной борьбы (17—21 марта) динамика пассажиропотока принципиально не меняется, что говорит о том, что на повседневной жизни рядовых обывателей эти события сразу не отразились, хотя увольнение 20 марта более 70 тыс. человек не могло не сказаться на дальнейшем ходе событий. Однако далее происходит сбой привычного ритма — максимум перевозок приходится на воскресенье 29 марта (вероятно, за счет числа уволенных рабочих, отправившихся на транспорте в город), а недельный минимум падает на понедельник и вторник — 30 и 31 марта, — что может объясняться тем, что уволенные и митингующие рабочие препятствовали движению общественного транспорта, а также повреждением трамвайных вагонов в предшествующие дни беспорядков. Рабочие организации на массовый локаут решили ответить не менее массовыми демонстрациями, которые приурочивались к годовщине Ленского расстрела. В результате, хотя забастовки 4 апреля 1914 г. существенно не повлияли на привычное течение городской жизни (на этот субботний день пришелся традиционный минимум пассажиропотока в 866 783 человека), в воскресенье 5 апреля происходит нетипично резкое падение перевозок до 594 167 человек (по сравнению с предыдущим воскресеньем спад составил 38,6%). В понедельник 6 апреля пассажиропоток хоть и возрос до 719 634 человек, остался ниже среднестатистического недель-

ного уровня, а недельный максимум пассажироперевозок пришелся на вторник 7 апреля (1 285 111 человек). Этот день стал рекордным днем 1914 г. по числу перевезенных пассажиров.

Так, за осенний период (сентябрь — ноябрь) 1914 г. днем с самым низким пассажиропотоком оказалась среда 21 октября, когда в столице праздновался день восшествия на престол императора. По сравнению со среднестатистическим количеством перевозок за отчетную неделю (без учета самой среды) пассажиропоток 21 октября упал на 19% (с 951 585 до 770 975), хотя в исследуемом плане это было куда меньше, чем падение пассажироперевозок на 34% 5 апреля (с 897 204 до 594 167) или, тем более, на 86% (с 618 118 до 87 826) 9 июля. 25 октября, в воскресенье, прошла патриотическая манифестация в честь взятия союзниками-японцами Циндао, однако она не привела к сокращению обычного для выходного дня пассажиропотока, наоборот, в сравнении с предыдущим воскресеньем количество перевезенных человек незначительно увеличилось (почти на 4000). А вот немецкий погром в Москве 10 октября 1914 г. (начался с патриотической манифестации в честь известий об успехах русских войск под Варшавой) спровоцировал частичное прекращение трамвайного движения[27].

Таким образом, мы видим, что динамика пассажиропотока коррелирует с социально-политической активностью обывателей. Но можно ли говорить о подобной корреляции пассажиропотока с температурными колебаниями (и через нее — с социально-политической активностью обывателей)?

Рассмотрим для примера взаимосвязь пассажироперевозок московского трамвая и метеоусловий в 1915 г. Как и в Петрограде, здесь наблюдается зависимость пассажироперевозок от массовых акций. Так, несмотря на то, что июнь и июль традиционно являются месяцами наименьших пассажирских перевозок (1915 г. в этом плане не стал исключением), минимальное количество перевезенных пассажиров пришлось на майский день — 25 мая — канун очередного немецкого погрома, а также день рождения императрицы Александры Федоровны[28]. При этом сам погром в заметном спаде пассажиропотока не отразился, что говорит, с одной стороны, о довольно узкоклассовом характере этих событий, с другой, о том, что разгром торговых точек не сопровождался массовыми уличными митингами, которые хоть и имели место, носили локальный характер. Кроме того, московский погром не привел к аритмии пассажиропотока, отмечавшегося на примерах рабочих забастовок в столице в марте — июле 1914 г., пики перевозок в Москве в мае 1915 г. традиционно совпали с понедельниками — 10, 17, 24, 31 мая.

Однако сбой ритма случился ранее: на рубеже апреля — мая относительный минимум перевозок пришелся на среду 28 апреля, составив 926 219 человек (меньше пассажиров было перевезено только в пятницу 16 апреля — 896 213 человек), что противоречит гипотезе о корреляции зависимости роста пассажиропотока с ухудшением метеоусловий, так как в этот день выпало самое большое количество осадков за весь апрель — 16,6 мм (всего за апрель выпало 31,5 мм осадков), правда, в этот день отмечалось самое низкое атмосферное давление за месяц — 736,4 мм рт. ст. (при норме для Москвы в 748—749 мм рт. ст.), что, возможно, и заставило часть горожан остаться дома. В пользу версии о зависимости пассажиропотока от давления говорит и тот факт, что еще одним апрельским днем с самым низким давлением было 16 апреля (737,7 мм рт. ст.), когда и был отмечен уже упомянутый апрельский минимум перевозок. Максимум перевозок (1 265 314 человек) пришелся на пятницу 30 апреля, и высокий уровень продолжал сохраняться в последующие выходные дни. За период с 1 по 10 мая было совершено рекордное количество пассажироперевозок (9 986 133 человек), за это время минимум составил 1 014 860 человек (6 мая), что можно было бы объяснить ухудшением погодных условий, однако в действительности выпавшие за эти дни осадки составили в сумме всего лишь 5,1 мм (дождь прошел только 3 мая), при средней температуре 13,1°С. Для сравнения, за период с 21 по 30 мая выпало 20 мм осадков, а перевезено было 8 801 681 пассажир, что на 12% меньше, чем в начале месяца. При этом период с 31 мая по 9 июня отличался низким давлением (743,4 мм против 745,2 мм за период с 21 по 30 мая), однако перевезено было за это время 9 516 039 пассажиров. В данном случае сокращение перевозок в 20-х числах мая в первую очередь объясняется, видимо, московскими погромными акциями, а не метеоусловиями.

Таким образом, нам не удалось обнаружить зависимость между температурными колебаниями и выпадением осадков, с одной стороны, и колебаниями пассажиропотока, с другой. Единственное значимое метеоусловие, негативно влияющее на пассажиропоток, — резкое падение атмосферного давления, однако это заставляет людей оставаться дома и потому никак не способствует социально-политической активности обывателей (притом превышение нормы атмосферного давления не сказывается на динамике пассажироперевозок). Тем самым, высокое атмосферное давление (когда стоит солнечная погода) в меньшей степени способствует выходу людей на улицы города, чем то, что низкое давление заставляет обывателей оставаться дома по причине плохого самочувствия. Тем не менее, учитывая, что негативные метеоусловия способны сдерживать

политическую активность обывателей (было показано на примере неудавшейся попытки организации общегородской демонстрации на Невском проспекте 1 мая 1914 г.), что свидетельствует о низкой политической мотивированности горожан, представляется перспективным привлечение метеостатистики в исследовании социально-политической истории российской революции.

Итак, мы видим, что гипотеза о зависимости февральских событий 1917 г. от погодных условий является несостоятельной как ввиду грубых методологических ошибок, допущенных Р. Пайпсом, так и по причине не выявленной на примере соотношения пассажироперевозок и метеоусловий в Петрограде и Москве в 1914—1915 гг. прямой зависимости между хорошей погодой (высокая для данного сезона температура и отсутствие осадков) и сокращением пассажиропотока (а значит, увеличением в рабочие дни числа пешеходов на городских улицах). При этом отмечено влияние на сокращение пассажироперевозок резкого снижения атмосферного давления, провоцировавшего плохое самочувствие обывателей, что и заставляло их оставаться дома. Тем не менее, солнце прочно закрепилось в символическом пространстве февральской революции, перешло в мемуары современников, однако не в качестве признака хорошей погоды, а в качестве коннотации определенного эмоционального состояния, а также политического символа, означавшего начало новой эпохи.

Вместе с тем существует еще один подход, который позволяет связать погодные условия с экономическим состоянием России в годы Первой мировой войны. Так, британский профессор Э. Хейвуд, обращая внимание на исключительно морозную зиму 1916/1917 г., а также учитывая количество выпавших осадков, считает ее одним из факторов разразившегося топливного кризиса, перебоев с поставкой продовольствия в крупные города, в связи с чем он называет метеоусловия «ключевой причиной внезапно разразившейся революции»[29]. В то же время Хейвуд полагает, что две предыдущие теплые зимы облегчили Германии наступательные операции на Восточном фронте. Правда, в этом случае уместно задаться вопросом, почему же тогда исключительно морозная зима 1916/1917 г., более холодная, чем в ноябре — декабре 1812 г. или в декабре 1941 г., не привела к улучшению обстановки на фронте? Вопрос риторический, так как очевидны куда более важные для определения боеспособности армии факторы: солдатская дисциплина, профессионализм командного состава, количество боеприпасов и т.д. Учитывая же возросшее к концу 1916 г. дезертирство, последствия печально известного Приказа № 1, способствовавшего, вследствие весьма творческой его трактовки солдатской массой, резкому падению дисциплины в армии, усугубившуюся

после революции хозяйственную разруху, в том числе, в деле снабжения фронта, становится ясным, что в социально-политической истории погодный фактор все же не является ключевым.

Следует обратить внимание на то, что вообще вопрос о роли погодного фактора в российской истории, связанный с некоторой инфернализацией русской зимы, особенно характерен для западной историографии и в этом смысле может быть следствием западных стереотипных образов России как «зимнего царства». Не случайно в ряде исследований подчеркивается, что наиболее частотными реакциями американских, французских, германских студентов на Россию являются Сибирь, зима, холод, мороз, снег, что не соответствует российским авторепрезентационным моделям[30].

Тем не менее, изучение погодного дискурса как в психологическом, так и экономическом контекстах, при условии грамотной разработки методологии исследования, представляется важным и перспективным направлением.

[1] *Булдаков В.П.* «Новое направление» в историографии: (к 90-летию акад. П.В. Волобуева) // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2013. — № 5. — С. 3—14; *Поликарпов В.В.* «Новое направление» 50—70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. — М., 1996. — С. 349—400.

[2] *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. — М., 1997. — 376; *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917—1922 гг. — М., 2001. — 632 с.; *Колоницкий Б.И.* Трагическая эротика: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. — М., 2010. — 664 с.; *Телицын В.* «Бессмысленный и беспощадный»?: феномен крестьянского бунтарства 1917—1921 годов. — М., 2003.— 338 с.

[3] *Зозуля Е.* Что запомнилось. Революционные дни в Петрограде. — [Пг.]: Скобелевск. ком., [1917]. — С. 8. — (Дешевая народная б-ка).

[4] *Морозов Н.* Семь дней революции. События в Москве. Дневник очевидца. 1917 г. — М., 1917. — С. 15.

[5] Там же. — С.14.

[6] *Hasegawa Ts.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle; London: University of Washington Press, 1981. — P. 232.

[7] Ibid. — P. 228.

[8] *Пайпс Р.* Русская революция. — М., 1994. — Ч. 1. — С. 306.

[9] Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // Русское прошлое. — Л., 1991. — № 1. — С. 26.

[10] См.: Еженедельник статистического отделения петроградской городской управы. — 1917. — № 5—13.

[11] Данные Метеорологической обсерватории им. В.А. Михельсона Московской сельскохозяйственной академии на 2011 г.

[12] *Hasegawa Ts.* Op. cit. — P. 267.

[13] *Тыркова А.В.* Петроградский дневник // Звенья: ист. альманах. — М.; СПб., 1992. — Вып. 2. — С. 328.

[14] *Окунев Н.П.* Дневник москвича (1917—1924). — Париж, 1990. — С. 14.

[15] *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения // Вопросы истории. — 2002. — № 9. — С. 68.
[16] *Врангель Н.Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003.
[17] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. — М., 1967; *Hasegawa Ts.* Op. cit. — P. 253; *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению полит. культуры рос. революции 1917 г. — СПб., 2001. — С. 26.
[18] Москва. 1917: рисунки детей-очевидцев событий: из коллекции Гос. ист. музея / сост. и авт. текста Н.Н. Гончарова. — М., 1987.
[19] Дети русской эмиграции: книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / сост. Л.И. Петрушева. — М., 1997. — С. 374—375.
[20] *Воронов В.* Февральская революция в детских записях // Вестник просвещения. — 1927. № 3. — С. 5—11.
[21] Дети русской эмиграции. — С. 437.
[22] Там же. — С. 276.
[23] *Замараев А.А.* Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева, 1906—1922 годы. — М., 1995. — С. 26, 160.
[24] Петербургский листок. — 1914. — 2 мая.
[25] Там же. — 2 мая.
[26] Здесь и далее подсчитано по: Еженедельник статистического отделения петроградской городской управы. 1914.
[27] Московский листок. — 1914. — 11 окт.
[28] Здесь и далее подсчитано по: ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве. — 1915.
[29] *Heywood A.* Friend or Foe?: ‘General Winter’ and Tsarist Russia’s War Effort, 1914—1917. (неопубликованная статья, любезно предоставленная автором).
[30] Более подробно см.: *Аксенов В.* Об одной историографической ошибке или к вопросу о визуальной семантике российских революций // Ейдос: альманах теорії та історії історичної науки / НАН України, Інститут історії України.— Київ: Інститут історії України, 2013. — Вип. 7. — С. 233—243.

Т.Ю. Красовицкая

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВЫЗОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

В статье сопоставлены имперский и советский проекты модернизации российского образовательного пространства, механизмы их реализации управляющими структурами и персонажами применительно к огромному поликультурному региону. Впервые обращается внимание на сходство и отличие политических средств и целей, острое внимание к выдвижению на первый план проблем этничности, обучения на родных языках, особенно при внедрении в содержание образования светских дисциплин.
Ключевые слова: Столыпин; Сталин; мультикультурное образовательное пространство; проекты модернизации; имперский и советский проекты модернизации; политические средства и политические цели; результаты модернизации.

T.Yu. Krasovitskaya
Russian educational sphere, and challenges of modernization in the first third of the twentieth century

The article compares the imperial and Soviet projects of modernization of the Russian educational space, mechanisms for its implementation control structures and characters in relation to the vast multicultural region. First attention is drawn to the similarities and differences of political means and ends, acute attention to prioritizing the issues of ethnicity, education in their native languages, especially in the implementation of the content of education in secular subjects.
Keywords: Stolypin; Stalin; multicultural educational environment; modernization projects; imperial and Soviet modernization projects; political means and political objectives; results of modernization.

В современной России значительное внимание привлечено к двум историческим персонам — П.А. Столыпину и И.В. Сталину. Их деятельность увязывается с проектами модернизации, по разным причинам не реализованным или не до конца реализованным, в том числе — и в сфере мультикультурного образовательного пространства.

В начале XX в. отношение к модернизации образования было сложным. Наука только начинала концептуально осмысливать процессы осовременивания. Усиливалась живая реакция на интеллектуальную эволюцию населения. «Они были слабы по знаниям, но сильны духом — это уже представляло совершенно новый мир», — писал о современниках татарский историк образования Дж. Валиди[1].

Светские знания становились фактором социального выживания и благополучия. Религиозные (традиционные) школы начали использовать светские знания. Лингвисты поддержали опыт моделирования школьных практик на базе родных языков, усиливая интерес к культурно-исторической сложности российского образовательного пространства (на котором, к тому же, пересекались идеологические и научно-объективные устремления). Язык перемещался в центр внимания публицистики, гуманитарных наук и политики. В условиях роста националистических настроений остро стоял вопрос о маршруте движения к индустриализму. Для русскоязычной (государственной) школы вариантами были вестернизация или опора на собственный культурный ресурс. И тот, и другой путь для нерусских этносов вел к элиминации собственно этнического. Этнические особенности начали восприниматься как механизм поступательного движения от прошлого к будущему.

В нерусских средах появились собственные лидеры. Трудность получения профессиональных («университетских») знаний выделяла и превращала их в харизматиков. Они подчеркивали необходимость сознательно активизировать внутренние потенции народов. «Россия — страна многих народностей и культур, в ней заложены самые прочные основы для “разнообразия в единстве”. Очевидно, каждая народность имеет право и должна проявить свой национальный дух, свою индивидуальность, свое культурное творчество; имеет право и должна свободно ... устраивать свою духовную и материальную жизнь, насколько ... не действует во вред другим народностям и не пытается нарушить государственное единство», — писал бурятский деятель Ц. Жамцарано.

Татарский историк Дж. Валиди выделял особую роль школы: «В истории татар, вероятно, не было такого глубоко волнующего народную душу вопроса, как вопрос обновления школы, поставленный новометодистами. Он был предметом спора больше четверти века». Еврейский историк С. Дубнов писал: «Старая наша школа — хедер и иешива — воспитывала только еврея, а не человека, да и “еврея” воспитывала крайне односторонне, действуя только на его религиозное чувство или религиозное мышление. Новая общеобразовательная школа, наоборот, совершенно забывает о “еврее” и воспитывает только “человека”... Воспитание разъевреило молодежь, оно должно ее теперь объевреить. Школа ... должна теперь сделаться ... орудием национализации». Р. Суни уловил, что «образование было одной из тех областей, в которых национальность начала обозначать дифференциацию российского общества»[2].

Выбор цели и путей модернизации школы увязывался с решением не только педагогических проблем, но и с выбором обществен-

ного строя, формы государственности. Столыпин сделал ставку на объективную потребность в стандартизации системы образования. Но на базе русскоязычного ресурса. Ему противостояли те, кто считал важным использовать языковые ресурсы других народов.

В их выступлениях с думской и иных трибун особый вес придавался категории «национальный интерес», причем часто не принималась во внимание недостаточность культурных ресурсов. Законодательные шаги правительства отторгались как проявления «имперского духа». Рациональные аргументы зачастую не учитывались обеими сторонами. Обращаясь к имперскому центру, оппоненты Столыпина опирались на историко-политическую традицию отношения российской власти к неправославным религиям. Но теперь эта традиция во многом переносилась уже на «нацию».

Нация же трактовалась преимущественно в этническом смысле, национальные интересы рассматривались как устремления и чаяния конкретного народа в многонациональном государстве. П.А. Столыпину же было ближе понимание нации как *политического образования, в формировании которого важную роль и должна сыграть государственная школа*. Но его проект, главной целью которого была *стандартизация образовательного пространства*, по сути, не преодолевал, а, напротив, *усиливал этническую нагрузку* (в том числе за счет активного внедрения русского языка). Острота, с которой была встречена данная политика и в русской интеллектуальной среде, свидетельствовала о слабости планируемого механизма ее реализации.

Курс, взятый Столыпиным, свидетельствовал о *возможности рассматривать государство и нацию как два сосуществующих актора общественно-политического дискурса. Однако они стали непримиримыми антиподами*. П.А. Столыпин подверг административному преследованию модернистские практики, особенно татарских джадидов. Он опасался влияния на них интеллектуальных зарубежных центров, особенно Османской империи. Беспокойство также вызывало воздействие Тибета на буддистов, открытость иудеев веяниям из мировой диаспоры (в большей степени — из Германии). Следует признать, что и национальные модернизаторы, и традиционалисты были настроены агрессивно и выступали в манифестной форме.

Этнические элиты начинали ценить потенциал просветительских практик выше религиозных канонов и тем более имперских целей. В ответ имперские идеологи и политтехнологи окрестили эти практики «пантюркизмом», «панисламизмом», «панмонголизмом», «сионизмом», особенно опасаясь «тюркского культурного реванша». Придание проблеме геополитического измерения стимулировало мобилизацию этничности. Обращение к языковым ресурсам создало

«рынок языков». Имперские идеологи раскалывали реформаторские движения, противопоставляя одни их сегменты другим (надо признать, что и реформаторы вложили в расколы не меньше усилий).

Столыпинский проект, открыв для себя этничность, противопоставил ей, по сути, опасный вариант официального государственного национализма. В условиях этнического многообразия страны дробился профессиональный потенциал работников школы, но множились политические амбиции. Однако и в государственной школе, воспринимавшейся как область владычества русских, множился приток молодых иудеев, мусульман, буддистов.

Процессы размежевания и смешения в среде национальных элит шли вплоть до конца 1920-х годов. Они проявлялись в конструировании национальной мифологии, легитимации права узкого круга элиты выступать от имени нации. После 1917 г. идейно-культурный выбор разводил уже по разные стороны баррикад. Элиты, сформированные в борьбе, главным образом, за школу на родных языках, в грядущих геополитических подвижках встали на путь небескорыстного использования взрывоопасного потенциала растущей этнической нетерпимости.

В 1920-е годы рациональные знания как ценности начинали доминировать в содержании образования, но в более чем 20 тыс. традиционных школ они оставались вне государственных рамок контроля.

Наркомнац, возглавляемый Сталиным, занимался проблемами компетенции центра и национальных территорий. В него вливались как образованные представители этнических элит (протобуржуазных, родоплеменных), так и выходцы из разночинцев и бедняков, воспринимавшие идеи большевистского модернизма на поверхностном уровне. Большевики были вынуждены осмыслить место этнокультурной специфики в модернизации.

В отличие от столыпинского проекта, большевистский проект единой трудовой школы заимствован у европейских и американских теоретиков педагогики. Многое из российского опыта было объявлено архаичным и ненужным. Начался широкомасштабный эксперимент, в ходе которого дореволюционные практики обучения на родных языках были перенаправлены в советскую школу.

До конца 1920-х годов Сталин действовал в рамках шедшего эксперимента. Став на путь обучения на родных языках, которого опасался Столыпин, Сталин сохранил стратегию его подхода. Главными и для него стали контроль над содержанием светских знаний, разделение конфессиональной и общеобразовательной школы. Централизация школ стала мощным административным ресурсом, усилилась идеологизация знаний (особенно гуманитарного блока)[3].

Заняв кабинеты власти, национальные элиты встали перед дилеммой размена профессионального ресурса на ресурс властный, осваивая «серию постулатов и действий, формулируемых и инициируемых активистами социального пространства»[4] . В 1920-е годы основной вектор поведения элит не без колебаний и сомнений был направлен на увязку советского проекта единой трудовой школы с реальным уровнем развития языков, наличием учителей и учебных пособий.

Сложнее всего было согласовать советский образовательный проект с разнородностью мировоззрений — традиционных ценностей, опирающихся на повседневный контекст, и большевистской абстрактной доктрины с ее эсхатологической ориентацией на будущее. Руководители автономий подыскивали струны, которые настроили бы этническое самосознание на восприятие новой идеологии. В едином доктринальном пространстве создавались различные варианты модернизации школьной сферы.

Делая ставку на этничность, Сталин, в отличие от Столыпина, отказался рассматривать религию в качестве социального явления. Но конфессии продолжали искать новые стратегии, отвечающие меняющимся социальным отношениям. Несмотря на характерную для первой половины 1920-х годов грозную риторику, нарастание идеологической экспансии, вне контроля государства сохранялись (многие подпольно) дореволюционные традиционные школы.

В то же время прилагались серьезные усилия для создания современных институтов и форм культуры. В декабре 1926 г. А.-З. Валидов суммировал: «Тюркская жизнь столкнулась с техникой и культурой Европы. Место мечтаний и воображений заняла действительность, религия уступила место статистике, науке, ученики и софисты бросили религиозные школы, ушли в советские школы, техникумы и сельскохозяйственные институты. И как через рентгеновские лучи обнаружились все болезни и недостатки Востока»[5].

Советский режим в 1920-е годы, будучи антирелигиозным и антинационалистическим, не был антинациональным. А.И. Микоян, руководивший Северокавказским крайкомом ВКП (б), имел основания заявить в 1925 г.: «Самое интересное то, что Советская власть создает нации, Советская власть помогает оформиться отдельным племенам в нации»[6].

Сталин, не возражая против привнесения в советский континуум национальных характеристик, оценивал их как второстепенные. Провозглашалось включение нерусских этносов в строительство социализма; традиционные институты и инструменты оценивались как мешающие прогрессу, «отсталые». Процессы преобразований

рассматривались вождем двояко: с одной стороны, как борьба с «излишествами» самопознания различных этнических сообществ, в том числе, с «академическим эгоизмом», с другой — как этап введения народов в более широкое и, как считал он, более культурное пространство.

Но «красногвардейская атака» в сфере образования (инвариант столыпинского способа давления на традицию) не дала положительных результатов, что объясняется и слабостью педагогического концепта советской школы. Более того, в инициированном Сталиным постановлении ЦК ВКП (б) 1931 г. «О начальной и средней школе» эксперименты 1920-х подвергнуты резкой критике. Они оценены как «легкомысленное методическое прожектерство, насаждение в массовом масштабе методов, предварительно на практике не проверенных», ведших «фактически к разрушению школы»[7]. ЦК ВКП (б) в постановлениях «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (от 25 августа 1932 г.) и «Об учебниках для начальной и средней школы» (от 12 февраля 1933 г.) потребовал от Наркомпроса создать единую стандартизованную систему образования, стабильные программы и учебники. Устранив традиционные школы как конкурентов школы советской, выдавив «либеральничающие» с ними этнические элиты, Сталину удалось перевести систему и содержание образования под полный контроль государства. Этого не добился Столыпин.

Коллективизация лишила население возможности содержать традиционную школу. На средства, получаемые от лишения крестьян результатов их труда, вводилось всеобщее обучение. В течение 1933—1937 гг. в СССР открылось более 20 тыс. новых школ. К концу 1930-х в государственной школе обучалось свыше 35 млн учащихся. Всеобщее образование увеличило степень социальной мобильности общества.

Особую важность приобретала проблема функционально-коммуникативной однородности государственного и родных языков, их оснащенности современной графикой. Первые инициативы реформы графики шли непосредственно из Наркомнаца. Сталин лично поддержал руководителей Азербайджана и северокавказских автономий, начавших движение к замене арабского алфавита латинским. Позднее, в конце 1920-х годов, он начал гонения на «арабистов» и лидеров республик, считавших, что замена арабицы латиницей отбросит народы назад в культурном отношении (Татария, Казахстан), и на чрезмерно «ретивых латинистов» (У. Алиев и др.).

Сегодня лингвисты считают, что ошибки, допущенные в 1920-е в ходе реформы графики (невнимание к грамматике, бессистемность

в терминологической работе и т.д.), отразились на этноязыковой идентичности российских народов. Но по мнению многих, негативные моменты «перекрываются» успехами в ликвидации неграмотности, в развитии школьного образования... В 1920-е лингвисты оценивали реформу сдержанно, подвергали сомнению ее целесообразность[8]. Имеется достаточно свидетельств о трудности обучения в школах на латинице, которая оставалась изолированной от своего континуума морем кириллицы. Увеличила ли латиница социально-функциональные возможности языков — вопрос открытый. Имеющиеся данные не дают оснований для положительного ответа[9].

Лингвисты — участники латинизации делились на две группы: считающих ее частью политики насильственной атеизации и сторонников реформирования алфавита с целью создания букв, адекватно отражающих фонетику. Такое отношение позволяло экстраполировать реформу письма на языковую ситуацию в стране, на ход модернизации в целом.

В основу языковой политики большевиков было положено стремление к удовлетворению потребности этносов в идентичности. Эта политика *принципиально отличалась* от столыпинской: советская власть старалась основывать модернизацию школы на положительной мотивации. Каждый мог, используя материнский язык, овладевать на нем высотами мировой культуры. К внедрению новых технологических инструментов толкали не только желание разорвать связь образовательных структур с конфессиями, но и социально-функциональная ограниченность языков.

И то, и другое вполне укладывалось в понимание модернизации. Каким бы значимым ни был культурный потенциал арабского, ивритского, старо-монгольского письменного наследия, его функциональность и продуктивность ограничивалась социальным порядком традиционного общества; он был достоянием узкого круга образованной элиты. Сталин поддержал «вторжение» в модернизацию график, мобилизовал для проекта специалистов и государственные структуры.

В 1920-е годы верилось в возможность вывести все истины из одного умозрительного источника. Но идеология, оставаясь философской наукой, исследующей метафизические проблемы, «не превращается в лингвистику или математическую логику, хотя много раз кажется, что это вот-вот произойдет»[10].

Процессы трансформации приобретали всеобщий характер, распространяясь на все сферы образовательных практик. Динамика изменения социокультурной среды требовала отказаться от бессмысленных, по мнению власти, и уже опасных, по мнению населения, норм,

ценностей, моделей повседневного существования, формируемых традиционной школой. Процессы же аутентичного восприятия новых культурных институций протекали сложно.

В итоге модернизация, на которую искренне пытались ориентироваться новые элиты, так и не стала самоподдерживающимся, саморазвивающемся процессом. В системе образования она была «догоняющей», использовала часть инокультурного опыта, экзогенные факторы. Игнорировались механизмы традиции, способные формировать согласие по поводу основ жизни и ее цели. Религию не только недооценили как механизм легитимации результатов процесса социального развития, ее исключили из него.

Новым источником и механизмом легитимации курса власти стал родной язык, одна из структур этничности. Он, как эндогенный фактор развития инноваций, испытывал жесткую конкуренцию со стороны факторов экзогенных (идеологических).

Современная оценка процесса модернизации нерусских этносов, все еще находящихся на стыке традиции и современности, носит преимущественно негативный характер. Культурные утраты заслоняют ее положительные стороны, обесценивают цели, ценности и достижения. В свете этого подхода насилие приобрело гораздо большее значение, чем сама модернизация. Позиция критиков основывается на гипотетическом предположении о возможности более мягкой, гуманной и терпимой стратегии модернизации, позволяющей купировать межэтнический и межцивилизационный конфликт модернизаторов с модернизируемыми (которые избегают денационализации).

Избрание Сталиным, как и Столыпиным, государства в качестве ценности, а не в качестве инструмента, дает неожиданные последствия. Если государство — инструмент, то естественно приспосабливать его к потребностям человеческой эволюции. А если это ценность, его нельзя менять. В результате оба проекта модернизации выводили на отчужденное отношение с таким государством. Такова конфликтная основа обоих проектов российских модернизаций.

У тех, кто принимал стратегические решения, оставался выбор вариантов. Действуя по ситуации, они могли исходить из комплекса факторов — идеологических, прагматических, геополитических, оценки межэтнических отношений в регионе, реакции на мусульманском и буддийском Востоке, в мире в целом. Сам феномен модернизации понимался как поле столкновения и противостояния мировых религий, их культур и Модерна, открывшего путь этничности. Сталин предпочел разрубить «гордиев узел».

Сегодняшняя ситуация удивительным образом напоминает первую треть XX в. Проблема Модерна остается жизненной проблемой

России. Очевидно, что оба проекта — и столыпинский, и сталинский, не создали систему образования как базу, готовящую к освоению его содержания.

[1] Дж. Валиди: «У меня разногласия с соввластью» // Эхо веков. — 1996. — № 1/2. — С. 150—173.

[2] *Жамцарано Ц.* Бурятское народническое движение и его критика // Сибирские вопросы. — 1907. — № 24. — С. 16; Дж. Валиди: «У меня разногласия с соввластью». — С. 150—173; *Дубнов С.М.* Книга жизни: Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. — М., 1998. — С. 125; *Суни Р.* Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. — 2001. — № 1/2. — С. 9—72.

[3] *Красовицкая Т.* Российское образование между реформаторством и революционаризмом. — М., 2003.

[4] *Тишков В.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. — М., 2003.

[5] *Мухамметдинов Р.Ф.* Нация и революция. — Казань, 2002. — С. 150.

[6] Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). — Ф. 7. — Оп. 1. — Д. 208. — Л. 8.

[7] Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. — М., 1974. — С. 156—161.

[8] *Красовицкая Т.Ю.* Сталин и Луначарский: борьба за административный ресурс школьной политики для нерусских народов (1917—1929 гг.) // Rozprawy z dziejów oświaty. — 2001. — T. XLVIII. — S. 73—129.

[9] *Ее же.* Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века — 1920-е годы). — М., 2012.

[10] *Зенкин С.* Идеология языка: заметки о теории // Новое литературное обозрение. — 2005. — № 76. — С. 342—350.

Г.М. Иванова

ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируется деятельность советской правоохранительной системы в годы Великой Отечественной войны, исследуется подсудность и карательная практика военных трибуналов, раскрывается специфика правонарушений военного времени. Особое внимание уделено анализу уголовной преступности и подростковым правонарушениям, дезертирству, нарушениям трудовой дисциплины. Статья содержит обширный статистический материал о численности осужденных по указам военного времени.
Ключевые слова: военные трибуналы; указы военного времени; трудовое дезертирство; уголовная преступность; статистика осужденных.

G.M. Ivanova
According to the laws of wartime: law enforcement of the state in the situations of the Great Patriotic War

The article analyzes the activities of the Soviet law enforcement system during the Great Patriotic War, examines the jurisdiction and punitive practice of military tribunals, reveals the specifics of wartime offenses. Particular attention is paid to the analysis of criminal offences and juvenile delinquency, desertion, violations of labor discipline. The article contains extensive statistical material on the number of convicts sentenced in accordance with the laws of wartime.
Keywords: military tribunals; laws of wartime; labor desertion; criminal offences; statistics of convicts.

Правоохранительная деятельность Советского государства в годы войны определялась Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», принятым 22 июня 1941 г. в соответствии со ст. 49 п. «п» Конституции СССР. Согласно этому указу, в местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности передавались военному командованию. За неподчинение распоряжениям и приказам воен-

ных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежали уголовной ответственности по законам военного времени. Все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передавались на рассмотрение военных трибуналов. В сфере подсудности военных трибуналов оказались дела о государственных преступлениях, о хищениях общественной собственности, о разбое, умышленных убийствах и побегах из мест заключения, об уклонении от воинской службы и о сопротивлении представителям власти, дела о незаконном хранении оружия, а также все дела о преступлениях, совершенных военнослужащими. Кроме того, военным властям предоставлялось право передавать на рассмотрение военных трибуналов дела о спекуляции, злостном хулиганстве и других преступлениях, если командование признает это необходимым по обстоятельствам военного положения[1].

22 июня также был принят Указ «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий», в соответствии с которым военным трибуналам предоставлялось право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения. Приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора[2]. Военные трибуналы создавались не только в армии, на флоте и в войсках НКВД, но также в военизированных учреждениях и на транспорте. Постановлением ГКО от 14 декабря 1941 г. линейные суды железных дорог СССР были реорганизованы в военные трибуналы. В местностях, где постановлением ГКО вводилось осадное положение, территориальные судебно-прокурорские органы преобразовывались в военные. До начала войны в стране функционировали 298 военных трибуналов с численностью судей 766 человек. По состоянию на 1 марта 1942 г. было сформировано еще 823 трибунала, а численность оперативных работников (без секретарей) увеличилась до 3735 человек[3].

Трибуналы стали важным звеном в системе правоохранительных органов военного времени. С 1941 по 1945 г. военные трибуналы Красной Армии и Флота и войск НКВД СССР осудили 2 530 663 человека, что составило 15,8% к общему числу (16 017 858 человек) осужденных судами разных видов. К высшей мере наказания (расстрелу) военные трибуналы приговорили 217 080 человек (8,58%), к лишению свободы — 2 149 753 человека (84,95%). Одной из важных отличительных особенностей карательной практики военных лет было широкое применение в соответствии со ст. 28, прим. 2

УК РСФСР отсрочки исполнения приговоров к лишению свободы до окончания военных действий с направлением осужденных в действующую армию. Особенно часто эта мера применялась по отношению к военнослужащим. Например, во втором полугодии 1941 г. отсрочка по воинским преступлениям была применена в отношении 70%, в 1942 г. — 79%, 1943 г. — 84% лиц, имевших приговор к лишению свободы[4]. В числе граждан, осужденных за годы войны военными трибуналами Красной Армии и Флота и войск НКВД СССР, были осуждены за контрреволюционные преступления 471 988 человек (18,7%), за воинские преступления 792 192 человека (31,3%), за общеуголовные преступления 1 266 483 человека (50%). Кроме того, военными трибуналами железнодорожного и водного транспорта, по неполным данным, было осуждено 406 042 человека (2,5% к общему числу осужденных судами разных видов)[5].

Ужесточение советского законодательства в период войны проявлялось не только в усилении санкций за те или иные правонарушения, но и в появлении новых составов преступлений. Если в мирное время всевозможные слухи и кривотолки, циркулировавшие среди населения, не представляли угрозы для государственной безопасности, и распространение каких-либо слухов не считалось преступлением, то в военное время такое деяние было признано преступным. Выступая 3 июля 1941 г. на радио, Сталин особо подчеркнул: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов... Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица»[6]. Об этом же шла речь в директиве СНК СССР и ЦК ВКП (б), направленной несколькими днями ранее партийным и советским организациям прифронтовых областей.

6 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Новый законодательный акт устанавливал, что «за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания»[7]. Столь суровые санкции объяснялись, в первую очередь, чрезвычайно сложной военной обстановкой того периода.

Анализ судебной практики военных трибуналов показывает, что распространявшиеся в военное время слухи носили самый разнообразный характер. В основном они касались положения на фронтах, экономической ситуации в стране, отношения немцев к пленным и мирному населению. Были установлены случаи, когда ложные слухи организованно распространялись вражеской агентурой. Для этих целей немцы зачастую использовали заключенных, отбывавших наказание в тюрьмах на территории, оккупированной фашистскими захватчиками, и оставшихся на этой территории после освобождения. Они пробирались через линию фронта и распространяли провокационные слухи, в частности, о благожелательном отношении немцев к мирному населению и пленным красноармейцам. В отдельных случаях распространение ложных слухов принимало массовый характер. Так, например, на Украине, в Азербайджане и некоторых других местах широкое распространение получил тревожный слух об изменах на фронтах и о смене советского военного командования. В Казахстане возник и в широких масштабах распространился невероятный слух о том, что Герой Советского Союза летчик С.А. Леваневский не разбился в 1937 г. при перелете через Северный полюс, а остался жив и участвует в войне на стороне фашистских захватчиков[8].

Судебные процессы по делам о распространении ложных слухов проводились, как правило, в закрытых заседаниях и не освещались в печати. По неполным данным, до 1 ноября 1941 г. военные трибуналы осудили по этому указу 1423 человека, из них приговорили к лишению свободы на срок до трех лет 682 человека (47,9%) и на срок до пяти лет 642 человека (45,1%). Впоследствии исполняющий обязанности Прокурора СССР Г.Н. Сафонов направил прокурорским органам особые указания о том, что многие дела о распространении ложных слухов будет политически правильнее квалифицировать не по указу от 6 июля, а как дела о контрреволюционной агитации[9].

Война вызвала к жизни многие несвойственные мирному времени преступления, такие, например, как мародерство. О характерных эпизодах своей службы вспоминал П.Я. Апенин, занимавший с 1939 г. по август 1942 г. пост прокурора Московской области:

> «Работа прокурора области усложнилась после 16 октября 1941 г., в дни массовой эвакуации промышленных предприятий, организаций, министерств и населения, — всех, кто мог уехать. Сейчас трудно себе представить, что творилось тогда в Москве. Эти дни потом называли днями паники. А что делалось на вокзалах и пристанях!
>
> В прокуратуре возросло число уголовных дел. В Москве и области начались кражи, грабежи, хищения в оставленных без присмотра дачах

и квартирах, в том числе руководителей страны. В Истринском районе на даче М.И. Калинина четыре колхозника сняли со стен несколько картин известных художников, вырезали их из рам и выбросили, а рамы забрали; с диванов вырезали обивку, сняли ковры. Злоумышленников, конечно, задержали. На допросе они объяснили свой поступок так: думали, что рамы облиты золотом, а обивка диванов хорошая, кожа сгодится на сапоги и хозяйственные нужды. Грабителей привлекли к уголовной ответственности, суд осудил их и направил на фронт.

Было несколько ограблений дач министров. Там было, что брать. Я сам видел богатые хоромы на даче Братченко: большой особняк с шикарной обстановкой, территория, обнесенная высоким забором, сад — все это за счет государства! Была попытка к ограблению дачи Сталина в Кунцеве. Вместе с первым секретарем Кунцевского райкома партии Фирюбиным мне пришлось выезжать для осмотра дачи. (Я должен сказать, что обстановка там была скромная: кабинет и спальня, большой зал для заседаний обыкновенные)...»[10].

Небывалое напряжение тех дней подорвало моральные устои многих советских граждан, в том числе и руководящих работников. Согласно справке Управления коменданта г. Москвы от 9 августа 1942 г., только за 16—18 октября 1941 г., по неполным данным, из 438 предприятий, учреждений и организаций города сбежало, поддавшись панике и пораженческим настроениям, 779 руководящих работников. Так, «оставив без руководства госпиталь с ранеными (около 200 человек), ряд клиник с больными, коллектив профессорско-преподавательского состава и студентов», из Москвы бежал директор 1-го Московского Ордена Ленина медицинского института В.В. Парин. Вместе с руководителем института на автомашинах бежали два его заместителя, два руководителя клиник, главный бухгалтер и секретарь парторганизации. Имея разрешение Наркомата здравоохранения израсходовать на эвакуацию 10 тыс. руб., Парин забрал из кассы института более 75 тыс. руб. и разделил эти деньги между бежавшими вместе с ним коллегами. В конце ноября 1941 г. бюро Фрунзенского райкома ВКП (б) после вторичного обсуждения дела В.В. Парина отменило вынесенное ранее решение об исключении его из партии и объявило Парину «за непартийное поведение» выговор с занесением в учетную карточку[11].

Под воздействием панических слухов о скорой сдаче Москвы немцам, скрылись директор и кассир обувной фабрики Молотовского промтреста, бросив производство и захватив 41 пару дамской модельной обуви. На фабрике № 2 «Большевичка» бежали технический руководитель и начальник цеха, похитив из кладовой 160 метров бостона и меховых изделий на сумму 87 тыс. руб.

Как отмечалось в вышеназванной справке, «бегство отдельных руководителей предприятий и учреждений сопровождалось крупным хищением материальных ценностей и разбазариванием имущества. Было похищено наличными деньгами за эти дни: 1 484 000 рублей, а ценностей и имущества на сумму 1 051 000 рублей. Угнано сотни легковых и грузовых автомашин»[12].

Смертельная опасность, нависшая над Москвой, потребовала принятия чрезвычайных мер. 19 октября ГКО постановил «ввести с 20 октября 1941 г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение». Постановление, в частности, предписывало: «нарушителей порядка немедля привлекать к ответственности с передачей суду Военного Трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте»[13]. Во исполнение постановления ГКО в течение суток в Москве были созданы 25 районных военных комендатур и 9 комендатур в пригородных районах. На базе Московского городского суда и народных судов был организован Военный трибунал, который начал действовать с 27 октября 1941 г. В течение последующих восьми месяцев военными комендантами по разным основаниям было задержано свыше 830 тыс. человек, на месте расстреляно за антисоветскую агитацию 13 человек. У лиц, вышедших из окружения и бежавших с фронта, а также у гражданского населения было отобрано и сдано на военные склады почти 15 тыс. единиц огнестрельного оружия и около 800 тыс. штук различных боеприпасов. Специальная работа была проведена по очистке Москвы от уголовных элементов (вывезли заключенных, выселили граждан без определенных занятий, арестовали лиц с криминальным прошлым), последовательно велась борьба с нарушителями воинской дисциплины. Особое внимание было уделено вопросам борьбы с нарушителями правил светомаскировки. Только с октября 1941 г. по июль 1942 г. за это правонарушение сугубо военного времени Управление коменданта привлекло к ответственности свыше 57 тыс. человек, штрафы по этим делам составили 518 285 руб. Еще около 9 тыс. человек были привлечены к ответственности за нарушение правил светомаскировки на автотранспорте[14].

Введение осадного положения помогло стабилизировать обстановку и не допустить эскалации преступности. О жизни в столице в этот период вспоминал П.Я. Апенин:

«После массовой эвакуации Москва опустела, наступили холода, абсолютное большинство зданий не отапливалось. Мы с сотрудниками жили в холодном помещении на Большом Комсомольском. Каж-

дое утро рано я выходил на осмотр. Шел по Кузнецкому Мосту, затем по улице Горького — пусто, ни одного человека. Когда такое бывало? Лишь голодные, тощие собаки, оставленные уехавшими хозяевами, бродили по ним. На специальных стендах — сообщения о положении на фронтах и под Москвой. На осмотр выставлялись сбитые над городом немецкие самолеты»[15].

Милицейская статистика военных лет фиксировала заметное снижение общей уголовной преступности по сравнению с довоенным периодом. Наглядное представление о динамике общей уголовной преступности в годы войны дает *таблица 1*.

Таблица 1

Динамика уголовной преступности по Москве и по Союзу ССР за 1940 — 1945 гг.

Зарегистрировано уголовных преступлений	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1941—1945 гг.
По Москве	65 997	23 931	19 583	28 765	25 426	22 905	120 610
По Союзу ССР	1 253 947	488 324	515 159	622 575	675 889	558 912	2 860 859
В том числе:							
убийств	6549	2735	4485	5595	9935	8656	31 406
краж всех видов	518 270	230 154	312 861	418 180	481 191	373 211	1 815 597
грабежей	20 130	8096	3244	9679	17 558	22 527	61 104

Составлено по: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. Р-9401. — Оп. 2. — Д. 168. — Л. 382, 426—428.

Представленные в *таблице 1* статистические данные из секретариата НКВД СССР показывают, что после резкого падения в первый год войны уровня уголовной преступности начался постепенный рост количества зарегистрированных преступлений. И если показатели общей уголовной преступности к концу войны оставались в целом ниже довоенного уровня, то число наиболее опасных уголовных преступлений — убийств и грабежей — превысило в 1945 г. уровень 1940 г. Увеличение числа наиболее тяжких преступлений было напрямую связано с резко возросшей доступностью огнестрельного оружия. Преступные группировки нередко имели в своем распоряжении наряду с пистолетами и револьверами также винтовки, автоматы, пулеметы, ручные гранаты. Только за 1942—1943 гг. органами милиции было изъято по всей стране почти 110 тыс. единиц

огнестрельного оружия, причем изъятия незаконно хранящегося оружия проходили как в прифронтовых областях, так и в глубоком тылу. Часто оружие попадало в тыловые районы благодаря лицам, вышедшим из окружения или бежавшим с поля боя. Дезертиры из Красной Армии, опасаясь быть задержанными, переходили на нелегальное положение, укрывались в не предназначенных для жилья местах, скрывались в лесных и горных массивах. Чтобы обеспечить свое существование, они занимались кражами и грабежами, объединялись в банды, кооперируясь с местными криминальными группами. Лишь за первые полгода войны органы НКВД задержали свыше 710 тыс. военнослужащих-дезертиров и более 71 тыс. лиц, уклонявшихся от несения воинской службы[16].

Нередко в преступную среду попадали дезертиры с военного производства, то есть лица, самовольно оставившие работу на предприятиях оборонной и приравненной к ней промышленности, что сурово каралось по законам военного времени. Учитывая заметно возросшую социальную опасность дезертирства и немалые масштабы этого явления, 9 мая 1942 г. Главное управление милиции НКВД СССР издало директиву «Об организации активных мер по борьбе с уголовными проявлениями, совершаемыми дезертирами и другими уголовными преступниками». Вот типичные случаи из оперативной практики милицейских органов по борьбе с дезертирством. В Лебяжьевском районе Челябинской области в июле 1942 г. была обнаружена и ликвидирована группа дезертиров из семи человек, которую возглавлял сержант, дважды раненный на фронте и дезертировавший из танковой части, расквартированной в г. Ирбите Свердловской области. В гуще лесного массива дезертиры соорудили замаскированный блиндаж с железной печкой, запаслись награбленными продуктами. У преступников было изъято три ружья, свинец для изготовления картечи, холодное оружие.

В начале октября 1942 г. на территории подсобного хозяйства Магнитогорского металлургического комбината выстрелом из винтовки была застрелена женщина — огородный сторож. Целью убийства был грабеж — преступник снял с убитой пальто и ботинки. Через некоторое время убийца, вооруженный боевой винтовкой с патронами, был арестован. Им оказался 32-летний военнослужащий, дезертировавший с Волховского фронта. Преступления дезертиров нередко характеризовались особой жестокостью и наглостью. В январе 1943 г. сотрудники уголовного розыска Челябинского УНКВД арестовали двоих преступников, дезертировавших из строительного батальона. Чтобы раздобыть оружие, они убили капитана Красной Армии, завладели его автоматом и пистолетом, после чего совершили

второе убийство. Далее бандиты явились в одну из челябинских квартир и, выдавая себя за работников НКВД, произвели в присутствии хозяев самочинный «обыск», забрали деньги, вещи, продукты[17].

С осени 1942 г. дезертиров, занимающихся бандитизмом и вооруженными грабежами, начали предавать суду военных трибуналов заочно как изменников Родине. При аресте дезертиров, в отношении которых были вынесены заочные приговоры к высшей мере наказания, приговоры военных трибуналов приводились в исполнение немедленно. Суровым репрессиям подвергались не только сами дезертиры, но и их родственники. Еще ранее на основании постановления ГКО № 1926сс от 24 июня 1942 г. был установлен порядок, согласно которому репрессиям подвергались семьи лиц, осужденных к высшей мере наказания по статье 58[1а] УК РСФСР (измена Родине). Членами семьи считались отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с осужденным или находились на его иждивении. Впоследствии на базе этого постановления был издан ряд директив, значительно расширявших круг лиц, чьи семьи подлежали репрессиям на основании объективного вменения, то есть без установления их вины[18].

Жесткость карательной практики в отношении дезертиров объяснялась отчасти тем, что в условиях военного времени дезертирство становилось социальной базой бандитизма. В 1943 г., когда в стране по сравнению с предыдущим годом заметно повысился уровень преступности, 56% разбоев с убийствами и грабежей было совершено дезертирами из Красной Армии и с предприятий оборонной промышленности, а также военнослужащими. Относительно полное представление о составе бандитских группировок дает анализ уголовных дел по уральскому региону. Так, из 400 человек, арестованных за бандитизм в 1943 г. в Свердловской области, 138 являлись дезертирами из Красной Армии, 78 — дезертирами с предприятий оборонной промышленности, 43 — уклонистами от военного призыва, 21 — бежавшими из мест заключения и др.[19] Розыск и задержание военных и трудовых дезертиров оставались на протяжении всей войны одним из главных направлений деятельности правоохранительных структур.

Трудовое дезертирство, наряду с прогулами и опозданиями, стало в годы войны едва ли не самым распространенным правонарушением. Резкое усиление санкций за несоблюдение трудовой дисциплины произошло 26 декабря 1941 г., когда был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Этот законодательный акт объявлял всех рабочих и

служащих мужского и женского пола, занятых на предприятиях военной промышленности, а также на предприятиях других отраслей, обслуживающих военную промышленность по принципу кооперации, мобилизованными на период войны и закреплял их на тех предприятиях, на которых они работали. Указ предписывал рассматривать самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности, в том числе и эвакуированных, как дезертирство и лиц, виновных в самовольном уходе (дезертирстве), карать тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. В отличие от дел о преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., которые в основном рассматривались судами общей подсудности, дела на лиц, виновных в самовольном уходе (дезертирстве), подлежали рассмотрению военными трибуналами[20].

Согласно постановлению СНК СССР от 3 января 1942 г., директора предприятий военной промышленности были обязаны направлять материалы о дезертирах военному прокурору не позднее, чем на следующий день после установления факта дезертирства. В свою очередь органы военной прокуратуры, руководствуясь соответствующими разъяснениями наркома юстиции СССР Н.М. Рычкова и Прокурора СССР В.М. Бочкова, должны были немедленно, не производя предварительного расследования, выносить постановления о привлечении обвиняемых к ответственности и передавать эти постановления в ближайший военный трибунал вместе с материалами, полученными от директоров военных предприятий. Дела по указу от 26 декабря 1941 г. рассматривались военными трибуналами во внеочередном порядке без подготовительного заседания[21]. Широкое распространение получила практика заочного рассмотрения военными трибуналами дел о самовольном уходе (дезертирстве) с предприятий военной промышленности. В течение года действие указа от 26 декабря 1941 г. было распространено на многие невоенные предприятия и отрасли, например, на предприятия угольной, нефтяной, текстильной, бумажной промышленности, на железнодорожный и водный транспорт, а также на ряд отдельных трестов и строек.

Упрощенный порядок привлечения к уголовной ответственности по делам о трудовом дезертирстве и особенно отсутствие предварительного следствия по этим делам часто приводили к неосновательному преданию суду и осуждению. Например, в Удмуртии военный трибунал заочно осудил как дезертира рабочего И.П. Мурзина и приговорил его к пяти годам тюрьмы. Впоследствии оказалось, что Мурзин с завода не уходил, то есть дезертиром не был, а отсутствовал на предприятии по той причине, что, возвращаясь с работы, по-

пал под трамвай, в результате чего ему отрезало ноги. Практика заочного рассмотрения дел о дезертирстве иногда приводила к тому, что военные трибуналы осуждали даже умерших рабочих[22].

Спрос за выполнение указа от 26 декабря 1941 г. был исключительно строгим, причем его неукоснительного соблюдения требовали как с директоров предприятий, так и с прокуроров. Проверки выполнения указа проводились повсеместно и регулярно, малейшие проволочки в деле предания суду и осуждения виновных строго наказывались. Так, при проверке работы прокуратуры Челябинской области было установлено, что прокурор города Каменска допускал у себя задержку материалов на дезертиров. Некоторые дела оформлялись «неряшливо и небрежно», по этой причине многие из них возвращались военными трибуналами для дополнительной проверки. Все это квалифицировалось проверяющими инстанциями как «срыв борьбы с тягчайшим преступлением и создание условий безнаказанности для преступников», вследствие чего прокурор города Каменска «за преступное отношение к выполнению служебного долга» был снят с работы, арестован и отдан под суд[23].

За «преступно-халатное отношение к оформлению материалов на прогульщиков и дезертиров» прокуратура Горьковской области привлекла к ответственности начальника цеха завода им. Свердлова, заместителя начальника цеха № 12 завода Строй (Горьковская обл.) и ряд других должностных лиц, которые были осуждены судом. С целью повышения эффективности борьбы за ликвидацию прогулов и самовольных уходов с предприятий Прокурор СССР В.М. Бочков направил всем прокурорам указание «о привлечении к строжайшей ответственности руководителей и других работников предприятий за попустительство дезорганизаторам производства, нарушение установленного порядка предания суду дезертиров и прогульщиков и за создание условий, способствующих нарушениям трудовой дисциплины»[24].

Для пресечения случаев самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий военной промышленности и закрепления их за этими предприятиями у них отбирали паспорта. Новое «Положение о паспортах», утвержденное постановлением СНК СССР 10 сентября 1940 г., в ст. 20 предусматривало изъятие паспортов у работников предприятий оборонной, угольной промышленности, железнодорожного транспорта, а также у сотрудников некоторых учреждений. Взамен паспортов рабочим и служащим выдавались специальные удостоверения установленного образца[25]. Несмотря на принимаемые меры административного и судебного характера, число осужденных за трудовое дезертирство было весьма значительным: в 1942 г. по указу от 26 декабря 1941 г. осудили 161 252 человека, в 1943 г. —

386 846, 1944 г. — 310 258, 1945 г. — 102 541[26]. Но при этом многие приговоры долгое время оставались неисполненными, а десятки тысяч нарушители трудовой дисциплины находились в розыске. Например, в Челябинской области показатель задержания трудовых дезертиров составлял в 1943 г. 13,4% от общего числа разыскиваемых[27].

Главная причина, по которой многие работники оборонных и приравненных к ним предприятий, невзирая на грозящие кары, самовольно оставляли работу, крылась в тяжелых материальных и жилищно-бытовых условиях, в которых оказывались рабочие этих предприятий, причем часто по вине администрации. Наибольшее количество случаев дезертирства наблюдалось на военных предприятиях Уральского военного округа, то есть в таких областях, как Свердловская, Молотовская и Челябинская, где было сосредоточено значительное число эвакуированных военных заводов. Здесь проверкой бытовых условий для рабочих промышленных предприятий занимались органы прокуратуры и милиции. Обобщив результаты этих проверок, бюро Челябинского обкома ВКП (б) во главе с первым секретарем Н.С. Патоличевым провело заседание по вопросу «О состоянии трудовой дисциплины на предприятиях области», на котором были заслушаны руководители нескольких крупных предприятий. Бюро пришло к выводу, что «директора заводов неправильно поняли значение правительственных указов, переложили борьбу с дезорганизаторами производства только на карательные органы, не проявили заботу об улучшении быта, проглядели массовые случаи прогулов и самовольных уходов рабочих с предприятий». Бюро обкома постановило: «Осудить как пренебрежительно-барское, антигосударственное отношение к бытовым нуждам рабочих» со стороны некоторых руководителей, «потребовать от них немедленного наведения порядка в создании необходимых материально-бытовых условий рабочим»[28].

Довольно значительную часть дезертиров составляли рабочие-подростки, прибывшие на заводы после окончания школ ФЗО и ремесленных училищ. В начале 1942 г. в Саратове на заводе № 180 Наркомата боеприпасов наблюдалось массовое дезертирство молодых рабочих, которые прибыли на завод по окончании Вольской школы ФЗО.

> Произведенной прокуратурой проверкой было установлено, что «из 105 подростков, прибывших из школы ФЗО, 20 были размещены в общежитии, а остальные на частных квартирах. Подросткам выдали по матрацу и подушке. Другими постельными принадлежностями не снабдили, за отсутствием кроватей спят они на полу, укрываются

грязной одеждой, стирка белья не организована. Подростки один раз в сутки получают горячую пищу: обед из овсяного супа и соевой каши. В выходные дни их не пускают в заводскую столовую. Получив аванс по 75 руб., рабочие быстро израсходовали эти деньги и остались без средств. Спецодежду им не выдали. Никакой культурно-политической работы среди молодых рабочих не проводится. Секретарь заводского бюро ВЛКСМ т. Ворганов заявил прокурору: “Я ничего не знаю о прибывших из ФЗО. Некогда мне с ними заниматься”. <...> В результате такого к ним отношения 22 подростка дезертировали с завода». На военные заводы Сталинграда прибыло значительное количество рабочих-подростков, эвакуированных из промышленных областей Украины. Большинство из них следовали в Сталинград пешком, одежда и обувь в дороге износились, многие были истощены, некоторые больны. Но на новом месте работы никто не побеспокоился о том, чтобы создать для этих ребят надлежащие жилищно-бытовые условия. В результате часть молодых рабочих дезертировала. В январе 1942 г. из 165 человек, осужденных в Сталинграде за дезертирство, подростки в возрасте до 17 лет составляли 125 человек[29].

Вскоре в судебной практике по делам о дезертирстве молодежи возник вопрос, как следует квалифицировать самовольный уход с предприятий военной промышленности учеников-подростков в возрасте моложе 16 лет. Поначалу их судили в соответствии с указом от 26 декабря 1941 г., однако позднее Верховный суд СССР внес в этот вопрос серьезные уточнения. В постановлении от 1 августа 1942 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что самовольный уход с предприятий военной промышленности учеников-подростков моложе 16 лет должен рассматриваться по аналогии как самовольный уход учащихся из училищ и школ, то есть к ним должен применяться Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. Этим указом для учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО ответственность за систематическое и грубое нарушение школьной дисциплины и за самовольный уход из училища (школы) устанавливалась по приговору суда в виде заключения в трудовые колонии сроком до одного года[30].

Сравнительно редкими были случаи дезертирства среди лиц призывных возрастов. На военных заводах эти рабочие, как правило, получали бронь на время войны и в армию не призывались, что служило сдерживающим фактором. Среди осужденных за трудовое дезертирство весьма значительной была доля женщин: в 1942 г. она составляла 28%, а в конце 1943 г. — 43,1%. Больше всего самовольных уходов фиксировалось на предприятиях Наркомата угольной промышленности и Наркомата вооружения[31].

Значительные изменения в практику борьбы с трудовым дезертирством внесло постановление СНК СССР от 29 июня 1944 г. «Об устранении недостатков в практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г.». Постановление содержало жесткую критику в адрес органов прокуратуры и Наркомата юстиции СССР, в ведении которого находились военные трибуналы. Правительство пришло к заключению, что борьба с самовольным уходом (дезертирством) с предприятий военной промышленности ведется неудовлетворительно. Органы прокуратуры не обеспечили должного исполнения указа, «сведя свою роль лишь к канцелярской проверке материалов, поступающих от администрации предприятий и направляя дела в военные трибуналы без расследования». Без малейших прикрас правительство констатировало: «Прокуроры самоустранились от руководства розыском дезертиров с предприятий, который производится органами милиции крайне неудовлетворительно. Лишь незначительная часть дезертиров разыскивается до суда, в связи с чем дела в большинстве случаев рассматриваются военными трибуналами заочно. Заочно осужденные дезертиры также в подавляющем большинстве остаются неразысканными, что ведет к безнаказанности дезертиров. <...> Порочная практика заочного рассмотрения дел военными трибуналами ослабляет борьбу с дезертирством, подрывает авторитет судебного приговора, так как осужденные остаются фактически безнаказанными, и приводит нередко к судебным ошибкам (осуждение лиц, призванных в Красную Армию, больных, переведенных на другую работу в том же предприятии и т.п.)». Осудив практику заочного рассмотрения военными трибуналами дел о самовольном уходе с предприятий военной промышленности, СНК СССР постановил прекратить заочное рассмотрение дел о дезертирстве, передавать соответствующие дела в военные трибуналы после расследования и розыска обвиняемых, обязать НКВД СССР проводить розыск дезертиров до суда.

В постановлении также отмечалось, что безнаказанности дезертиров способствуют неправомерные действия руководителей многих предприятий и учреждений, председателей колхозов, которые принимают на работу дезертиров с других предприятий, а прокуратура не привлекает этих должностных лиц к ответственности. Прокурору СССР поручалось обеспечить выполнение закона о привлечении к ответственности должностных лиц, виновных в приеме на работу и укрывательстве дезертиров с предприятий[32].

После выхода этого постановления органы прокуратуры начали привлекать к уголовной ответственности тех руководителей, которые изобличались в незаконном приеме на работу и укрывательстве дезертиров. Был установлен ряд фактов переманивания рабочих с

предприятий военной промышленности руководителями пищевых и торговых предприятий, промартелей и т.п. Всего за вторую половину 1944 г. за указанные нарушения было привлечено к ответственности, по неполным данным, более 250 должностных лиц.

Стараясь добиться возвращения дезертиров на военные предприятия, советское руководство предоставило амнистию лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия. Соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР был принят 30 декабря 1944 г. Срок добровольного возвращения устанавливался до 15 февраля 1945 г.[33] По данным прокуратур 140 республик, краев и областей, с 1 января по 15 февраля 1945 г. на предприятия военной промышленности и других отраслей, на которые было распространено действие указа от 26 декабря 1941 г., возвратилось и приступило к работе 28 105 человек, самовольно ушедших с этих предприятий до 30 декабря 1944 г. Добровольно вернуться в основном предпочли те, кто был ранее задержан и осужден за дезертирство и теперь имел возможность освободиться из-под стражи[34].

Установленные законом меры уголовного наказания за нарушения трудовой дисциплины привели на скамью подсудимых миллионы рабочих и служащих, но добиться ликвидации прогулов, опозданий, самовольного оставления работы судебно-прокурорским органам так и не удалось. Основную массу нарушителей трудового законодательства судили по указу от 26 июня 1940 г. На отдельных промышленных предприятиях число осужденных за прогулы без уважительных причин было настолько большим, что, по мнению Прокурора СССР В.М. Бочкова, судимость за это преступление теряла свое значение и становилась по существу «бытовым явлением». Так, на заводе № 2 Наркомата вооружений с 1 января 1942 г. по 20 марта 1943 г. было осуждено только за прогулы 26,3% от списочного состава рабочих данного предприятия. На заводе № 63 Наркомата боеприпасов за то же время осудили за прогулы 40,7% от общего числа рабочих этого предприятия. На Златоустовском заводе Наркомчермета за тот же период было осуждено за прогулы 21,8% от общего числа рабочих. 18 октября 1942 г. постановлением СНК СССР было установлено дополнительное наказание для лиц, осужденных за прогул, — снижение нормы отпуска хлеба. Как показала практика, применение этой меры наказания оказалось более эффективным средством борьбы с прогулами, чем судебная репрессия. На многих крупных предприятиях снижение нормы отпуска хлеба рабочим, осужденным за прогул, привело к резкому сокращению числа прогулов, чего не удавалось достичь судебными мерами.

Среди осужденных за прогулы значительную часть составляли женщины, в том числе члены семей военнослужащих. Материальные лишения в течение длительного времени (до 6 месяцев), которым они подвергались вследствие осуждения, приводили к заметному ухудшению материального положения их семей.

> Между тем, как докладывал весной 1943 г. высшему советскому руководству Прокурор СССР, было известно немало случаев, «когда осуждаются как преступники, со всеми вытекающими отсюда последствиями, рабочие, совершившие прогул не по своей воле или преступной небрежности, а в силу неудовлетворительных производственных и бытовых условий, ссылка на которые, однако, не может служить законным поводом для освобождения от наказания по суду». Далее В.М. Бочков приводил типичные примеры из судебной практики тех лет. «Жена красноармейца Осипова, имея 2-х малолетних детей и отца 65 лет, совершила прогул только потому, чтобы постирать белье для семьи. Осипова почти 6 месяцев не имела выходных дней и живет от завода за 5 километров». «Работница прядильной фабрики меланжевого комбината (г. Иваново) Корнева Е.И. 20 октября 1942 г. опоздала на работу на 30 мин. по той причине, что, не имея часов, проспала. Узнав, что ее предают за прогул суду, Корнева не выходила на работу 4 дня, написав следующее объяснение начальнику цеха: “Не выхожу на работу лишь потому, что я проспала на 30 минут за неимением часов, и Вы хотите предать меня суду, а мне обидно, я работаю уже 10 лет и не опаздывала. Раз все равно придется платить, я еще 3 дня отдохну, хотя есть за что отвечать”».

По пяти предприятиям Челябинска были изучены причины прогулов по 420 делам, рассмотренным в суде. Оказалось, что в 88 случаях прогул был вызван, по объяснению нарушителей, отсутствием у них обуви; в 154 случаях — болезнью, не подтвержденной, однако, официальным врачебным документом; в 46 случаях — поездкой за продуктами в деревню; в 58 случаях — переутомлением на работе (проспала) и т.д. Анализируя практику работы судебно-прокурорских органов по проведению в жизнь указа от 26 июня 1940 г., В.М. Бочков пришел к выводу о необходимости вернуть руководителям предприятий право своей властью наказывать прогульщиков. Однако проект постановления СНК СССР «О расширении прав руководителей предприятий и учреждений по упорядочению трудовой дисциплины», предложенный Прокуратурой СССР, не получил поддержки у высшего руководства страны[35].

Указы военного времени предусматривали уголовную ответственность не только за нарушение трудовой дисциплины, но и за

уклонение от мобилизации для работы на производстве и строительстве (указ от 13 февраля 1942 г.), за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней (указ от 15 апреля 1942 г.), за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы (указ от 15 апреля 1942 г.) и другие «уклонения от работы на трудовом фронте». Наглядное представление о численности советских граждан, осужденных в годы войны по указам военного времени, и о мерах наказания, которым они были подвергнуты, дает *таблица 2.*

Представленные в *таблице 2* данные показывают, что 75,7% всех приговоров, вынесенных в годы войны за нарушения трудового законодательства, не были связаны с лишением свободы. Это свидетельствует о том, что карательная практика в области применения указов военного времени была менее жесткой по сравнению применением мер социальной защиты в сфере уголовного законодательства. В целом, меры наказания, которые предусматривались за общие уголовные преступления и тем более за так называемые контрреволюционные преступления, были значительно строже.

В СССР контрреволюционные преступления относились к числу государственных преступлений и официально признавались наиболее опасными для советского строя. Именно поэтому в судебной практике и в литературе их часто называли антисоветскими преступлениями. По данным Отдела по подготовке и рассмотрению ходатайств о помиловании при Президиуме Верховного Совета СССР, за годы войны специальными судами СССР (военными трибуналами и транспортными судами) и судебными органами союзных республик за контрреволюционные преступления было осуждено 583 285 человек. При этом в 1941 г. осудили 54 571 человека (1,8% от общего числа осужденных за этот год), в 1942 г. — 146 726 человек (4,3%), 1943 г. — 116 972 человека (4%), 1944 г. — 115 693 человека (4,1%), 1945 г. — 149 323 человека (5,9%)[36]. Важно отметить, что в эту статистику не вошли сведения о лицах, осужденных за контрреволюционные преступления внесудебными органами (Особыми совещаниями при НКВД СССР и при НКГБ СССР), некоторыми видами специальных судов, а также Военной коллегией Верховного суда СССР.

Наиболее часто в военные трибуналы поступали дела об измене Родине (ст. 58^{1} УК РСФСР) и об антисоветской агитации или пропаганде (ст. 58^{10} УК РСФСР). По закону эти преступления, совершенные в военной обстановке или в местностях, объявленных на военном положении, влекли за собой «высшую меру социальной защиты — расстрел». По мнению военных юристов, наибольшее число судебных ошибок было допущено при рассмотрении военными трибуналами дел о контрреволюционной агитации и пропаганде. «По многим из

Таблица 2

Число осужденных судами всех видов по указам военного времени за 1941—1945 гг. и меры наказания, предусмотренные этими указами (по СССР), человек

Наименование указов		Периоды	Всего осуждено	В т.ч. к мерам наказания	
				лишение свободы	исправительно-трудовые работы и условное осуждение
Указ 26 июня 1940 г.	Самовольный уход с предприятий и из учреждений	1941—1945 гг.	6 747 405	1 080 921	—
	Прогулы (самовольные отлучки)	1941—1945 гг.		—	5 666 484
Указ 28 декабря 1940 г. Нарушение дисциплины и самовольный уход из ремесленных и ж/д училищ и школ ФЗО		1941—1945 гг.	50 179	38 258	11 921
Указ 26 декабря 1941 г. Дезертирство с предприятий военной промышленности, ж/д и водного транспорта		1942—1945 гг.	960 897	960 897	—
Указ 13 февраля 1942 г. Уклонение от мобилизации для работы на производстве и строительстве		1942—1945 гг.	21 786	113	21 673
Указ 15 апреля 1942 г. Уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы		1942—1945 гг.	91 246	—	91 246
Указ 15 апреля 1942 г. Невыработка колхозниками обязательного минимума трудодней		1942—1945 гг.	679 286	—	679 286
Всего осуждено по указам военного времени		1941—1945 гг.	8 550 799	2 080 189	6 470 610

Составлено по: История сталинского Гулага, конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. — М., 2004. — Т. 1: Массовые репрессии в СССР. — С. 623—626.

этих дел трибуналы выносили в годы войны неправосудные приговоры, — излагал свою точку зрения начальник Управления военных трибуналов генерал-лейтенант юстиции А.И. Муранов. — Были среди них и с высшей мерой наказания. Ее за первый год войны применили к 40% осужденных за контрреволюционную пропаганду и агитацию Причины допущенных ошибок можно в какой-то степени объяснить, но не оправдать тем, что обвинение по таким делам зачастую основывалось на фактах, имевших место в действительности. Они оценивались тогда в соответствии с законом и общественным мнением как преступные антисоветские проявления»[37]. В настоящее время большинство этих дел прекращено за отсутствием состава преступления.

Одним из самых распространенных видов уголовных преступлений в годы войны было хищение государственной (общественной) собственности и личного имущества граждан. В 1941 г. за кражи и хищения было осуждено 359 786 человек (11,6% от общего числа осужденных за этот год), а в 1944 г. уже 519 546 человек (18,3%)[38]. Специфика правонарушений военного времени проявлялась, в частности, в том, что преступники использовали для своих криминальных целей такие ситуации, как воздушная тревога, эвакуация, обязательное затемнение городов и населенных пунктов в прифронтовой полосе и др. Так, в октябре 1941 г. в Москве была выявлена преступная группа из трех человек, расхищавшая на фабрике «Мосбелье» шерстяные и другие материалы, предназначенные для нужд Красной Армии. Группа орудовала во время объявляемых в Москве воздушных тревог, когда на фабрике оставался открытым склад, в помещении которого находился пожарный кран. Пользуясь темнотой, преступники (рабочие этой же фабрики) поочередно проникали в этот склад и мелкими партиями выносили военное сукно и шерстяные ткани, похитив в общей сложности 88 метров ценной военной продукции. При попытке выноса с предприятия очередной партии похищенных тканей преступники были пойманы с поличным и арестованы.

Московские органы милиции вскрыли ряд случаев расхищения управляющими домами вещей эвакуированных жильцов. При обыске в квартирах преступников были обнаружены и изъяты сотни различных вещей и предметов домашнего обихода (костюмы, часы, велосипеды и т.д.), которые были похищены из квартир эвакуированных жильцов в домах, расположенных на Большой Грузинской улице и в районе Миусской площади. Также были выявлены случаи, когда домоуправы в сговоре с другими мошенниками занимались фабрикацией подложных списков на жильцов, получали по ним продовольственные и промтоварные карточки, а затем по этим карточкам приобретали для себя нормированные продукты и промтовары. Дела по таким преступлениям рассматривались военным трибуналом[39].

Много уголовных дел было возбуждено по всей стране по фактам хищения железнодорожных грузов. Особенностью военного времени было то, что главную категорию расхитителей составляли не профессиональные преступники, как это было до войны, а сами железнодорожники. По милицейским данным, рабочие железных дорог составляли свыше 60% от общего числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности по делам о хищении железнодорожных грузов. Так, в первом квартале 1943 г. из 203 хищений, совершенных на Южно-Уральской железной дороге, на долю железнодорожных рабочих приходилось 131 хищение (64,5%)[40]. Проблема сохранности грузов на железных дорогах страны сохраняла свою актуальность в течение всех военных лет.

Серьезные материальные лишения, испытываемые основной массой населения, служили одной из причин, толкавших граждан на воровство и хищения продовольственной и промышленной продукции. Однако судебная практика по делам о крупных хищениях государственной и общественной собственности свидетельствует, что большинство таких преступлений было совершено не в состоянии крайней нужды, чтобы спастись от голода, а с целью наживы и личного обогащения. В постановлении Государственного комитета обороны «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» от 22 января 1943 г. отмечалось, что «во время войны в торговых, снабженческо-сбытовых и производственных организациях значительно возросло расхищение и разбазаривание продовольственных и промышленных товаров, злоупотребление в карточной системе, обмеривание, обвешивание и обсчет потребителей, а также спекуляция продовольственными и промышленными товарам»[41]. Правоохранительным органам, несмотря на строгий повсеместный контроль и жесткое пресечение преступной деятельности расхитителей, среди которых было немало работников торгово-распределительной системы, не удалось добиться ликвидации или хотя бы заметного снижения вышеназванных правонарушений.

В предвоенные годы весьма распространенным видом преступления было хулиганство. Так, в одном лишь 1940 г. за хулиганство осудили 201 735 человек, что было связано с исполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство». В 1941 г. число осужденных за это правонарушение снизилось до 140 тыс. человек, а в 1943 г. составило около 14 тыс. В последующие годы число осужденных за хулиганство постепенно увеличивалось, но оставалось существенно ниже довоенного уровня[42]. В первый год вой-

ны почти всех, кто был осужден за хулиганство к лишению свободы (кроме злостных хулиганов), освободили от наказания, при этом лица призывных возрастов были организованно переданы в военкоматы.

Более половины общеуголовных преступлений в годы войны совершалось в городах, но наблюдалась тенденция к росту числа правонарушений, совершенных в сельской местности. В 1941 г. на долю городов приходилось 54% преступлений, на сельскую местность — 46%. К 1945 г. эта пропорция несколько изменилась — 51,9% и 48,1%. Весьма существенные изменения произошли в составе лиц, совершивших преступления. Согласно судебной статистике, доля осужденных мужчин уменьшилась за годы войны с 82,8% в 1941 г. до 59,9% в 1944 г., а доля женщин в составе лиц, совершивших преступления, увеличилась соответственно с 17,2% до 40,1%. Лишь в последний год войны наметилась тенденция к снижению женской преступности[43].

Прямым следствием тяжелейших условий военного времени стал рост подростковой преступности. Если в 1941 г. несовершеннолетними было совершено 5% всех зарегистрированных в стране преступлений, то в 1944 г. этот показатель вырос до 11%. Военные и трудовые мобилизации оставили многих подростков без родительского надзора, часть ребят потеряла родителей во время эвакуации, многие дети вообще лишились родных и близких и стали сиротами. Все это не могло не привести к росту числа беспризорных и безнадзорных детей и к повышению уровня преступности среди несовершеннолетних. Малолетние преступники в основном занимались карманными и квартирными кражами, хулиганили. Помимо воровства и хулиганства, на счету несовершеннолетних были и тяжкие преступления — убийства и грабежи. Так, в 1943 г. группа челябинских подростков из четырех человек выслеживала в магазинах приходивших туда за хлебом сверстников и с целью завладения хлебными карточками под разными предлогами уводила их за город, где и убивала. Всего таким образом были убиты три несовершеннолетние девушки[44].

Прилагая усилия к тому, чтобы не допустить активного вовлечения молодежи в преступную среду, государство, несмотря на чрезвычайно сложную обстановку на фронте, было вынуждено уделять значительное внимание ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. В 1942—1943 гг. были приняты постановления СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» и «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», благодаря которым удалось активизировать деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Судьбой беспризорных и безнадзорных детей, оказавшихся на улице, занимался Наркомат внутренних дел, которому подчинялись коло-

нии для несовершеннолетних и детские приемники-распределители. В течение 1944 г. сеть детских приемников в системе НКВД была увеличена с 170 до 330 с общей вместимостью 22 тыс. человек. За 10 месяцев 1944 г. органы НКВД изъяли с улиц 306 550 детей и подростков, большинство из которых были устроены в детские дома Наркомата просвещения, часть направлена в ремесленные училища, школы ФЗО и на производство, многие переданы на попечение родственников, около 24-х тыс. подростков попали в трудовые воспитательные колонии НКВД. В эти колонии с воспитательными целями направлялись несовершеннолетние лица в возрасте от 12 до 16 лет, задержанные за мелкие кражи, хулиганство, нищенство, бродяжничество и другие незначительные проступки. В конце 1943 г. — начале 1944 г. было открыто 83 детских колонии НКВД на 53 375 детей и подростков. В производственных мастерских этих колоний подростки производили товарную продукцию, в том числе и для нужд фронта (боеприпасы, спецукупорку, швейно-трикотажные изделия и т.п.), и одновременно получали определенную трудовую квалификацию. За годы войны через детские приемники-распределители прошло более одного миллиона детей. В числе тех несовершеннолетних, которых органы НКВД устроили в детские дома, в школы ФЗО и ремесленные училища, на работу, в детские трудовые воспитательные колонии, около 500 тыс. детей были сиротами[45]. К концу войны, в основном благодаря деятельности правоохранительных органов, удалось уменьшить общее количество беспризорных и безнадзорных детей, добиться снижения подростковой преступности.

Законы военного времени были суровы, подчас даже жестоки, но необходимы. Их строгость оправдывалась, прежде всего, экстремальной обстановкой военного времени. Чтобы обеспечить консолидацию тыла, нейтрализовать деструктивное воздействие войны, правоохранительные органы были вынуждены подходить к любым правонарушениям со всей строгостью, которую предписывали законы военного времени.

1 Ведомости Верховного Совета СССР. — 1941. — № 29.
2 Там же.
3 *Звягинцев В.* Война и правосудие // Человек и закон. — 1990. — № 6. — С. 29.
4 *Муранов А.* По законам военного времени // Социалистическая законность. — 1990. — № 5. — С. 20.
5 История сталинского Гулага, конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. — М., 2004. — Т. 1: Массовые репрессии в СССР. — С. 618—620; *Кокурин А.И., Моруков Ю.Н.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль-XXI. — 2001. — № 12. — С. 100.
6 1941 год: в 2 кн. — М.: МФД, 1998. — Кн. 2 / под ред. В.П. Наумова. — С. 451.
7 Ведомости Верховного Совета СССР. — 1941. — № 32.

[8] История сталинского Гулага ... — Т. 1. — С. 428—429.
[9] Там же.
[10] *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Приговоренные временем: российские и советские прокуроры, XX век, 1937—1953. — М., 2001. — С. 223.
[11] Москва военная, 1941—1945: мемуары и арх. документы. — М., 1995. — С. 123, 550, 725.
[12] Там же. — С. 550.
[13] Правда. — 1941. — 20 окт.
[14] Москва военная, 1941—1945. — С. 551—555.
[15] *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Указ. соч. — С. 223.
[16] *Гусак В.А.* Милиция Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. — Челябинск, 2007. — С. 53.
[17] Там же. — С. 54, 57.
[18] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М., 1993. — С. 93—97.
[19] *Гусак В.А.* Указ. соч. — С. 82, 84.
[20] Ведомости Верховного Совета СССР. — 1942. — № 2.
[21] История сталинского Гулага ... — Т. 1. — С. 666.
[22] *Кодинцев А.Я.* Кампания по борьбе с «дезертирством» с предприятий военной промышленности СССР в 1941—1948 годах // Отечественная история. — 2008. — № 6. — С. 104—105.
[23] *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Указ. соч. — С. 217.
[24] История сталинского Гулага ... — Т. 1. — С. 438—442.
[25] СП СССР. — 1940. — № 24. — Ст. 591. Собрание постановлений правительства СССР (СП СССР) — официальное печатное издание советского правительства, в котором публиковались постановления, имеющие общее значение или носящие нормативный характер. Издавалось с 1938 по 1991 г.
[26] История сталинского Гулага ... — Т. 1. — С. 626.
[27] *Гусак В.А.* Указ. соч. — С. 62.
[28] *Салмина С.Ю.* Прокуратура Челябинской области: очерки истории. — Челябинск, 2001. — С. 204.
[29] История сталинского Гулага ... — Т. 1. — С. 435—437.
[30] Ведомости Верховного Совета СССР. — 1941. — № 1.
[31] *Кодинцев А.Я.* Указ. соч. — С. 104.
[32] ГА РФ. — Ф. Р-5446. — Оп. 1. — Д. 230. — Л. 43—45.
[33] Ведомости Верховного Совета СССР. — 1945. — № 1.
[34] История сталинского Гулага ... — Т. 1. — С. 451—454.
[35] Там же. — С. 446—448.
[36] Там же. — С. 611. По данным Верховного суда СССР, с 1941 по 1945 г. по делам о контрреволюционных преступлениях судами всех видов было осуждено 640 629 человек (без учета осужденных внесудебными органами НКВД СССР и НКГБ СССР), см.: Там же. — С. 621.
[37] *Муранов А.* Указ. соч. — С. 19; *Звягинцев А.* Указ. соч. — С. 38—39.
[38] История сталинского Гулага ... — Т. 1. — С. 611.
[39] Москва военная, 1941—1945. — С. 545, 549—550.
[40] *Гусак В.А.* Указ. соч. — С. 98.
[41] Цит. по: Там же. — С. 179.
[42] История сталинского Гулага ... — Т. 1. — С. 611.
[43] Там же. — С. 645.
[44] *Гусак В.А.* Указ. соч. — С. 108, 123, 125.
[45] ГА РФ. — Ф. Р-9401.— Оп. 2. — Д. 68. — Л. 92; Д. 168. — Л. 69, 72.

М.Ю. Мухин

ИЗ ИСТОРИИ ВПК ПРЕДВОЕННЫХ И ВОЕННЫХ ЛЕТ: ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТ В ОБЛАСТИ РЕАКТИВНОГО САМОЛЕТОСТРОЕНИЯ В СССР В 1930-Е — СЕРЕДИНЕ 1940-Х ГОДОВ

Статья посвящена истории организации работ в области реактивного самолетостроения в 1930-е — середине 1940-х годов. В фокусе исследования находятся вопросы отношения руководства СССР к созданию авиации нового типа: выбор приоритетов, создание научно-исследовательских учреждений, распределение заказов между конструкторскими бюро и др. Особое внимание уделяется истории работ над т.н. «нулевым поколением» советских реактивных самолетов, разработка которых была начата в 1944 г. Хотя машины этого поколения не стали серийными, опыт работ над ними и формирование системы организации конструкторских работ, полученный в ходе создания этих самолетов, стали неоценимой школой для советского авиастроения. Работа основана на новых, ранее не введенных в научный оборот, документах Центрального архива Министерства обороны и Российского государственного архива экономики.
Ключевые слова: государственная политика; научно-исследовательские работы; опытно-конструкторские работы; инновации; наукоемкое производство; научно-техническая революция; трансферт технологий; Великая Отечественная война; реактивная авиация; самолетостроение.

M.Yu. Mukhin
From the history of the Soviet military industrial complex before and during the Second World War: organization of works in the field of jet aircraft construction in the USSR in the 1930s and mid-1940s

The article is devoted to the history of the organization of work in the field of jet aircraft construction in the 1930s — mid-1940s. The focus of the research questions are relations between the USSR leadership to create a new type of aircraft: the choice of priorities, the establishment of research institutions, the distribution of orders between the design bureaus, and similar subjects. Particular attention is paid to the history of the work on the so-called "zero generation" of Soviet jet aircraft, the development of which was started in 1944. Although this generation of machines do not become serial, the experience of work on them and create a system of organization development work, resulting in the creation of these aircraft, become invaluable school for Soviet aircraft industry. The work is based on new, previously not introduced in the scientific usage, the Central archive of the Ministry of Defence and of the Russian State Archives of Economics.
Keywards: public policy; research work; development work; innovation; high-tech industry; scientific and technological revolution; technology transfer; Great Patriotic War; jet aircraft; aircraft industry.

События последних десятилетий показывают, что успешное обновление и модернизация производства и, тем более, внедрение в промышленное производство технических инноваций практически невозможно без целенаправленной и осмысленной политики по интенсификации научно-технического прогресса. Причем проводиться такая политика должна даже не на уровне отдельных корпораций, а сразу на уровне общегосударственном. И в США, и в СССР, и в других странах, занимавших во второй половине XX в. лидирующие позиции в мире, проблема стимулирования внедрения в производство тех или иных технических инноваций[1] или решалась в общегосударственном масштабе, или не решалась вовсе. В настоящий момент проблема оптимизации государственной политики в области организации инновационных разработок и их внедрения в индустриальное производство находится в фокусе внимания правительства Российской Федерации[2]. Именно поэтому представляется своевременным и актуальным обратиться к историческому опыту организации подобных работ в СССР. Тщательное изучение нюансов организации инновационных исследований и опытно-конструкторских работ в СССР позволит трезво оценить основные проблемы, с которыми рискует столкнуться отечественная стратегия инновационного развития и, хочется верить, даст шанс этих проблем избежать.

Предметом исследования в данной статье стала политика советского руководства в области работ, связанных с реактивной тематикой, в 1930-е годы — 1946 г. Выбор именно этого хронологического отрезка не случаен. В ходе Великой Отечественной войны в руки советского командования попали как документы по производству германских турбореактивных двигателей (ТРД), так и готовые образцы этих моторов. В результате первым поколением советских серийных реактивных самолетов стали истребители с ТРД, которые представляли собой «клоны» германских двигателей. Это первое советское поколение реактивных самолетов — истребители Як-15 и МиГ-9 — прошло испытания и было запущено в серийное производство в 1946 г. Поэтому мы сочли предпочтительным сосредоточится на периоде «до 1946 г.». Эти годы можно рассматривать как своеобразный тестовый период, в ходе которого советская политика организации работ в области реактивного самолетостроения развивалась в условиях «чистого эксперимента», практически без влияния западного опыта организации НИОКР.

Историография рассматриваемого нами вопроса по понятным причинам весьма скудна. Крупноформатные исследования советского военно-промышленного комплекса (ВПК)[3] обходят, как правило, данные сюжеты стороной ввиду относительной маловажности данной проблематики для истории советской оборонной промыш-

ленности. Потому что самолеты этого поколения (в дальнейшем мы будем называть их моделями «нулевого» поколения, так как хронологически они предшествовали поколению первому) в серийное производство так и не пошли. Крупные монографические исследования, посвященные истории авиаконструкций[4] или авиастроения[5] в СССР в целом, в лучшем случае также упоминают о машинах «нулевого» поколения буквально одной-двумя строчками. Таким образом, историография естественным образом сокращается до относительно небольшого комплекса журнальных статей, посвященных истории конкретной модели или проекта. Как правило, такие статьи публиковались в научно-популярных журналах, ориентированных на любителей истории авиации и военной истории. Ни в малейшей степени не желая поставить под сомнение научную добросовестность авторов этих статей, считаем необходимым, тем не менее, отметить, что информационный стандарт таких журналов не предполагает утяжеление статьи развитым ссылочным аппаратом, что в определенной степени снижает для нас информационную ценность этих работ.

Несколько наособицу в ряду вышеописанных работ стоит монография М.Д. Евтифьева[6]. Строго говоря, эта работа практически полностью посвящена истории зарождения и становления отечественной реактивной авиации. Однако внимательный анализ ссылочного аппарата показывает, что львиная доля информации Евтифьева проистекает все из тех же статей в научно-популярных журналах. Таким образом, данная работа является в большей степени компиляцией, нежели самостоятельным исследованием. С другой стороны, следует признать, что именно М.Д. Евтифьев впервые в отечественной историографии поставил вопрос об исследовании процесса становления реактивной авиации как самостоятельного предмета исследования в монографическом формате.

Единственной полноценной научной статьей, посвященной интересующему нас вопросу, может считаться только работа Б. Данилова[7], однако журнальная статья заведомо не могла раскрыть избранный нами сюжет в полном объеме. Наконец, на исходе 2000-х годов вышла монография Е.И. Подрепного[8]. Несмотря на публицистично-хлесткое название, данная работа представляет собой весьма серьезное, сугубо научное исследование, основанное, в том числе, на архивных источниках, впервые вводимых в научный оборот. Однако хронологический отрезок, изучаемый Е.И. Подрепным, простирается вплоть до 1960-х годов включительно, что поневоле делает фрагмент, посвященный вопросам освоения И-250, весьма лапидарным. Остальные же модели «нулевого» поколения, будучи несерийными, прошли мимо внимания Е.И. Подрепного. Разумеется, это обстоя-

тельство не может быть поставлено в вину данному исследователю — он избрал иной предмет исследования и успешно его изучил.

Надо учитывать, что авторы вышерассмотренных работ не ставили перед собой задачи проследить динамику государственной политики в области реактивного авиастроения. Таким образом, для историков авиапрома в целом рассматриваемая нами проблема оказалась слишком узкой и малозначительной, а для историков науки и техники, сосредоточившихся на изучении истории создания и испытаний отдельных моделей самолетов, — наоборот, слишком широкой.

Источниковой базой нашего исследования послужили материалы Центрального архива Министерства обороны (ЦА МО) и Российского государственного архива экономики (РГАЭ). В своем подавляющем большинстве использованные документы вводятся в научный оборот впервые.

* * *

Итак, уже к концу 1930-х годов большинству военных специалистов стало ясно, что важнейшим параметром, определяющим относительную боевую ценность любого истребителя, является именно его скорость. В конце 1930-х годов вернувшиеся с Дальнего Востока советские пилоты сетовали: «Трудновато приходится нам на “Чайках”. Полегче, конечно, чем на “бисах”[9], но все-таки трудновато! Скорости нет! А без скорости никакой маневр не помогает: крутись как хочешь, в вираже, а тебя сверху клевать будут...»[10]. Таким образом, уже к началу 1930-х годов стало очевидно, что достижение максимально возможной скорости (разумеется, при достижении приемлемых значений и по остальным параметрам — вооружению, маневренности, взлетно-посадочным характеристикам и т.д.) является первоочередной задачей при конструировании перспективного истребителя.

Достичь наибольшей скорости было возможно двумя путями. Во-первых, — «вылизать» аэродинамику самолета, снизив лобовое сопротивление до минимальных значений. Во-вторых — попросту увеличить мощность мотора. Впрочем, как правило, эти два метода старались в той или иной степени комбинировать, особенно советские и германские авиаконструкторы, в распоряжении которых не было сверхмощных американских авиадвигателей. Проблема состояла в том, что в первой половине 1940-х годов авиаконструкторы столкнулись с неожиданной проблемой — наращивать скорость новых истребителей привычными методами стало все труднее и труднее, а в перспективе обозначилась угроза полной невозможности дальнейшего прироста скорости. Вплотную приблизившись к скоростям порядка 700 км/ч, авиаконструкторы словно бы уперлись в невидимый потолок. Далее лежала область око-

лозвуковых скоростей, на которых сопротивление воздуха возрастало уже скачкообразно. Самолету приходилось буквально продираться через внезапно «загустевшую» атмосферу. Теперь увеличение мощности мотора давало намного меньший прирост скорости, чем раньше, а улучшать аэродинамику серийных истребителей, по большому счету, было уже особенно и некуда. При этом отдельную проблему составлял вопрос движителя. Традиционный пропеллер на скоростях более 750 км/ч начинал резко терять эффективность. Скорость концов лопастей авиавинта приближалась к скорости звука, это вело к возникновению в лопастях волнового сопротивления. В результате часть мощности двигателя расходовалась не на разгон самолета, а на преодоление волнового сопротивления. Так как коэффициент полезного действия двигателя при этом снижался, дальнейший прирост скорости требовал еще большего роста мощности мотора. Однако постоянное увеличение мощности традиционных поршневых моторов превращало авиадвигатель в нечто непригодное для установки на самолет — и вес, и габариты явно выходили за все мыслимые пределы. Кроме того, следовало учитывать, что линейный рост мощности мотора вызывал пропорциональный рост расхода топлива, поэтому ради сохранения дальности полета пришлось бы увеличить запас горючего на борту; возрастание мощности (а значит — и веса) мотора и объемов топлива (а значит — снова веса) при сохранении прежней нагрузки на крыло неизбежно требовало адекватного увеличения самого планера. Очевидно, что при этом резко возрос бы как вес самолета, так и его аэродинамическое сопротивление[11]. В результате получался замкнутый круг — рост мощности мотора вел к росту веса всего самолета в целом, а для того, чтобы разогнать «потяжелевшую» машину, требовался новый, еще более мощный, мотор. Таким образом, стало очевидно, что традиционными мерами данную проблему решить не удастся. Требовались какие-то альтернативные шаги.

Чтобы не путаться в дальнейшем, мы позволим себе дать тут очень краткий перечень основных разновидностей реактивных моторов, работы над которыми велись в те годы в СССР. Дело в том, что сейчас, когда мы говорим «реактивный самолет», каждый из нас интуитивно понимает, что речь идет о самолете с турбореактивным двигателем (ТРД). Однако в те годы то, что именно ТРД является магистральным путем развития реактивной авиации, было совершенно не очевидно. Практически синхронно и в СССР, и за рубежом развивались сразу несколько концепций реактивных авиадвигателей, а именно:

1. Жидкостный реактивный двигатель (ЖРД) — то есть обычный химический ракетный двигатель, использующий жидкое топливо. Горючее окисляется (сгорает) в камере сгорания, образовавшие-

ся газы на большой скорости истекают из двигателя, создавая реактивную тягу. Как правило, ЖРД используют двухкомпонентную систему, при которой кроме собственно топлива в камеру сгорания подается еще и окислитель. Впрочем, германские конструкторы на Ме-163 использовали однокомпонентный ЖРД.

2. Воздушно-реактивный двигатель (ВРД) — тепловой реактивный двигатель. В ВРД воздух, поступающий из атмосферы, подается в камеру сгорания, где выступает в качестве окислителя для топлива. В процессе сгорания смесь воздуха и продуктов окисления топлива резко нагревается и на значительной скорости истекает из двигателя, за счет чего и возникает реактивная тяга. Однако и это понятие описывает целый комплекс принципиальных схем двигателей, поэтому дефиниция «ВРД» может быть, в свою очередь, подразделена на несколько категорий. В целом, базовый признак, по которому эти разновидности ВРД отличаются друг от друга, — это способ нагнетания воздуха атмосферы в двигатель.

2.1. Прямоточный воздушно-реактивный двигатель (ПВРД) основан на нагнетании воздуха за счет торможения встречного потока. То есть воздух, поступая на входное отверстие мотора со скоростью полета самолета (или иного аппарата, на который установлен ПВРД), тормозится и за счет этого сжимается и нагревается. Затем он поступает в камеру сгорания, где при окислении топлива нагревается еще больше и истекает через сопло на скорости большей, чем скорость встречного потока, — возникает реактивная тяга. Очевидно, что схема такого двигателя относительно проста, но работа ПВРД возможна только при достижении определенной скорости, то есть при нулевой скорости он вообще работать не будет.

2.2. Пульсирующий воздушно-реактивный двигатель (ПуВРД) нагнетает воздух за счет разницы давлений между входной частью двигателя и камерой сгорания. Работа такого мотора имеет не постоянный, а периодический характер. На первом такте клапан (или клапаны) между входной частью и камерой сгорания открыт, и воздух через него поступает в камеру сгорания. Туда же подается топливо. На втором такте происходит возгорание топлива. Давление в камере сгорания резко возрастает и закрывает клапан. Продукты сгорания начинают истекать через сопло, создавая реактивную тягу. На третьем такте давление в камере сгорания снижается, и клапан вновь открывается. Такие двигатели тоже отличаются простотой конструкции и, теоретически, могут работать даже при нулевой скорости, хотя на практике существенную тягу они развивают уже при достижении сколько-нибудь значимых скоростей. Скажем, немецкий самолет-снаряд «V-1», использовавший ПуВРД, стартовал с паровой катапульты.

2.3. Мотокомпрессионный воздушно-реактивный двигатель, или иначе — воздушно-реактивный двигатель компрессионного типа (ВРДК), для нагнетания воздуха использует специальный компрессор. Но так как этот компрессор сам по себе работать не будет, ВРДК практически всегда сопряжен с обычным поршневым мотором внутреннего сгорания (ДВС). Строго говоря, поршневой мотор при этом мог ограничиться только обслуживанием компрессора, но иногда ДВС вращал еще и пропеллер.

2.4. Турбореактивный двигатель (ТРД) осуществляет нагнетание воздуха в камеру сгорания тоже компрессором, но в этом двигателе компрессор приводится в действие не дополнительным мотором, а турбиной, насаженной на один вал с компрессором. Перед тем, как покинуть двигатель через сопло, раскаленные газы из камеры сгорания попадают на турбину и заставляют ее вращаться, а турбина, в свою очередь, вращает компрессор. Такая конструкция позволяет ТРД эффективно работать на низких и даже нулевых скоростях, однако турбина сама по себе является крайне сложным агрегатом, разработка и производство которого сопряжено с решением массы технических проблем.

Разумеется, этот обзор носит крайне общий и конспективный характер, однако он позволяет понять, что диапазон возможных решений, лежавших перед советскими конструкторами реактивной авиации, был весьма широк, и сделать однозначно верный выбор было непросто.

* * *

Нельзя сказать, чтобы в 1930-е годы в СССР вообще не велись работы по конструированию нетрадиционных для того времени авиамоторов. Уже в январе 1933 г. начальник Управления ВВС РККА Я.И. Алкснис докладывал: «В порядке экспериментальных и исследовательских работ необходимо форсировать работы по газовым турбинам и реактивным двигателям»[12]. Начальник вооружений РККА М.Н. Тухачевский был с этой точкой зрения полностью согласен: «... использование реактивного мотора в авиации приведет в конечном счете к разрешению задачи полетов в стратосфере и с огромными скоростями»[13]. Спустя несколько месяцев, в сентябре 1933 г., в Москве был создан Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ), одним из направлений работ которого стала разработка реактивных двигателей, в том числе — и пригодных для установки на самолеты. Впрочем, от планов по научным изысканиям в области реактивной техники до собственно работоспособных моторов путь был не близок. Лишь в конце 1930-х годов удалось закончить постройку ракетоплана С.П. Королева СК-9 (РП-318) с ЖРД Л.С. Душкина. Наконец, 28 февраля 1940 г. пилот В.Ф. Федоров поднял в небо первый

советский ракетоплан[14]. Однако дальнейшая работа над реактивной авиацией в рамках РНИИ затормозилась. Свою роль в этом сыграло сразу несколько факторов, но превалировали, с одной стороны, «спецеедство», приведшее к аресту и отлучению от творческой работы значительной части сотрудников РНИИ, а с другой — ведомственная разобщенность. Не входя в структуру Наркомата авиапромышленности (НКАП), РНИИ лишь опосредованно касался проблем реактивной авиации[15]. Вскоре РНИИ был переименован в НИИ-3 и передан в ведение Наркомата боеприпасов (НКБ). Приоритетной задачей для НИИ-3 стали работы над твердотопливными ракетными двигателями, необходимыми для реактивных снарядов РС. Что касается тематики ЖРД, то значительная часть конструкторов и инженеров, работавших в этой области, была арестована и образовала так называемое особое конструкторское бюро (ОКБ) В.П. Глушко в составе Спецтехотдела НКВД. Некоторое количество инженеров с опытом работ над ЖРД во главе с Л.С. Душкиным осталось в составе НИИ-3.

С другой стороны, ряд проектов использования в авиации двигателей, отличных от традиционных ДВС, разрабатывались непосредственно в рамках авиапредприятий. Даже если абстрагироваться от совсем уж ранних экспериментов с твердотопливными ускорителями на самолетах[16], уже в конце 1930-х годов в Советском Союзе довольно широко велись опытно-конструкторские работы по созданию и испытанию авиадвигателей нетрадиционных систем. Так, в декабре 1939 г. на авиазаводе № 1 начались летные испытания И-15бис, на котором в качестве дополнительных ускорителей было установлено два пульсирующих воздушно-реактивных двигателя ДМ-2 конструкции И.А. Меркулова[17]. Правда, результаты этих испытаний можно было назвать успешными лишь относительно. При максимальной скорости самолета только на штатном поршневом двигателе в 315 км/ч, включение «дополнительных моторов»[18] позволяло ускориться лишь до 330 км/ч[19], что явно не могло считаться кардинальным улучшением скоростных характеристик. Однако идея ускорения за счет ПуВРД как таковая была апробирована, и это само по себе могло считаться важной победой. В сентябре 1940 г. ДМ-2 был испытан на И-153 и позволил ускорить этот биплан уже на 30 км/ч, а спустя месяц новый ПуВРД Меркулова — ДМ-4 позволил добавить «Чайке» 51 км/ч[20]. Это уже был существенный успех, который омрачался только одним обстоятельством — включенный ПуВРД действительно позволял резко ускорить самолет на какое-то время, но и расход топлива на период работы «дополнительного мотора» возрастал скачкообразно. Скажем, каждый ДМ-4 сжигал 20 кг бензина в минуту. Кроме того, поскольку за счет подвешенных под

крылья ПуВРД увеличивалось аэродинамическое сопротивление самолета, ПуВРД во включенном состоянии скорость самолета увеличивали, а в выключенном — наоборот, снижали. Таким образом, прирост скорости при запуске подвесных ПуВРД исчислялся от уже заниженной максимальной скорости. Надо отметить, что работы Меркулова являлись единственным проектом реактивного двигателя, полностью разработанного и апробированного в рамках структуры НКАП в довоенный период. Все остальные аналогичные работы велись вне авиапромышленности[21]. В годы войны работы над двигателями Меркулова продолжались, но, надо сказать, без особого успеха. В 1941 г. ДМ-4 испытывались на истребителе Боровкова и Захарова И-207. Планировалось установить такой же мотор на Як-1, однако дальнейшего продолжения эти планы не получили. Лишь в 1944 г. пара двигателей ДМ-4С была установлена на Як-7 и обеспечила прирост скорости истребителя на 53 км/ч, однако после аварии опытного самолета работы над ПуВРД Меркулова были свернуты.

Двигатели конструкции Меркулова были далеко не единственными ПуВРД, проходившими испытания в СССР в эти годы. Скажем, в 1941—1942 гг. на ЛАГГ-3 испытывались подвесные ПуВРД ВРД-1, разработанные в Научно-исследовательском институте Гражданского воздушного флота (НИИ ГВФ) под руководством М.М. Бондарюка[22]. Однако в этом случае результат оказался и вовсе отрицательным. В связи с возросшим лобовым сопротивлением скорость самолета при неработающих подвесных двигателях снизилась на 50 км/ч, а включение ПуВРД давало ускорение лишь на 30 км/ч[23].

Помимо ЖРД и ПуВРД, в довоенном СССР развивались и еще два типа реактивных двигателей, пригодных к установке на самолеты. Так, в Центральном институте авиамоторостроения (ЦИАМ) группа под руководством К.В. Холщевникова разрабатывала проект ВРДК, но особый интерес у советского руководства вызывал проект турбореактивного двигателя конструктора А.М. Люльки. Однако несмотря на курирование со стороны НКАП, работы по этому проекту были сосредоточены в Ленинграде на Кировском заводе, который в систему Наркомата авиапромышленности не входил[24]. Собственно говоря, на тот момент это было резонное решение — именно производственные мощности одного из ведущих советских машиностроительных заводов давали надежду на эффективное решение многочисленных технологических проблем, неизбежных в таком сложном и новом деле, как создание авиадвигателя принципиально новой схемы. Следует отметить, что накануне войны работы Люльки продвинулись уже достаточно далеко, и даже рассматривались в высших государственных инстанциях Советского Союза. Так, в принятом

Комитетом Обороны при СНК СССР 12 июля 1940 г. плане развития реактивной техники говорилось об изучении вопросов «о применении реактивных двигателей большой мощности для сверхскоростных стратосферных полетов, а также проведение работ по турбореактивным двигателям конструкции А.М. Люлька с тем, чтобы уже в декабре 1940 г. испытать двигатель на стенде»[25].

Однако с началом Великой Отечественной войны Ленинград очень быстро стал сначала прифронтовым, а затем — и осажденным городом. Продолжать работу над ТРД (готовым к этому моменту на 70%) в такой ситуации было крайне затруднительно, да и актуальность такой работы, строго говоря, с точки зрения руководства страны была весьма спорна. Поэтому в период 1941—1943 гг. работа по тематике ТРД в Советском Союзе попросту встала. Надо отметить, что М.И. Гудков предлагал в 1942 г. строить экспериментальный истребитель под ТРД конструкции Люльки, но ввиду отсутствия двигателя как такового эти предложения носили характер отвлеченного теоретизирования и были отклонены. Фактически работы по разработке турбореактивного двигателя были хотя бы в минимальной степени возобновлены лишь после передачи коллектива ОКБ-293 В.Ф. Болховитинова (в составе которого трудился и А.М. Люлька с группой единомышленников) в состав НИИ-1[26] НКАП. Несколько позднее группа Люльки перешла в Центральный институт авиамоторостроение, где, таким образом, сформировалось три центра разработки авиамоторов нетрадиционных (на тот момент) схем — К.В. Холщевникова (ВРДК), А.М. Люльки (ТРД с осевым компрессором) и В.В. Уварова (ТРД с центробежным компрессором).

Итак, какова была ситуация на 1941 г.? С одной стороны, положение дел не внушало опасений. Несколько конструкторских групп вели разработку сразу целого веера перспективных типов конструкций — ЖРД, ПуВРД, ТРД, ВРДК... с учетом того, что реактивная авиация представлялась делом сравнительно отделенного будущего, такая активность в относительно малоприоритетной области представляется даже несколько избыточной. С другой стороны, обращает на себя внимание полное отсутствие единого координирующего органа. По сути, исследования по тематике реактивного самолетостроения были рассредоточены между НКАП, НКВД, ЦИАМ[27], Кировским заводом, НИИ ГВФ и Наркоматом боеприпасов (НКБ). Понимали ли в руководстве наркомата авиапромышленности ненормальность такой ситуации? Безусловно! Дважды НКАП пытался перевести работы по реактивной тематике в сферу своей компетенции. Еще в сентябре 1940 г. Наркомат авиапромышленности предложил Комитету Обороны при Совнаркоме СССР создать на базе СКБ Центрального котлотурбинного института Наркомата

электропромышленности (НКЭП) — НИИ авиационной теплотехники, подчиненное НКАПу. Именно в это НИИ предлагалось передать все конструкторские группы, работавшие над различными моделями реактивных авиадвигателей. Однако НКЭП резко возражал против такого ущемления его ведомственных амбиций, и проект был похоронен. Вторично к идее концентрации всех проектов реактивных авиамоторов вернулись всего за несколько месяцев до войны — в феврале 1941 г. На этот раз притязания НКАПа простирались лишь на НИИ-3, который предлагалось передать из Наркомата боеприпасов в авиапромышленное ведомство и переориентировать с работ по реактивным снарядам на авиатематику. Однако и это предложение не прошло[28].

Начало Великой Отечественной войны привело к интенсификации работ над ракетопланами (то есть самолетами с ЖРД) — эта конструкция прошла какую-то апробацию еще до войны, поэтому на этом направлении можно было рассчитывать на сравнительно быстрый прогресс. Так, весной 1941 г. в ОКБ В.Ф. Болховитинова в инициативном порядке[29] А.Я. Березняк и А.М. Исаев начали работу над истребителем БИ[30], оснащенным ЖРД Д-1А-1100 конструкции Л.С. Душкина[31]. 9 июня 1941 г. проект БИ, к этому моменту существенно доработанный при участии И.Ф. Флорова, был представлен в НКАП и одобрен А.И. Шахуриным и А.С. Яковлевым[32]. Однако начавшаяся война естественным образом отодвинула на второй план все экспериментальные работы, не сулившие немедленной отдачи. Официальный старт работам над истребителем БИ был дан только 1 августа 1941 г. специальным постановлением ГКО № 348сс, поручавшим заводу № 293 строительство «самолета “Перехватчик” конструкции Болховитинова»[33], причем срок изготовления ракетного перехватчика этим постановлением устанавливался всего в 35 дней[34]. Не исключено, что в какой-то мере работы над проектом «БИ» были интенсифицированы в связи с начавшимися с 22 июля авиаударами люфтваффе по Москве[35]. Всего с 5 сентября по 5 ноября 1941 г. заводу надлежало сдать 5 истребителей БИ[36]. Действительно, первый планер самолета БИ был готов уже к 15 сентября (то есть через месяц и 10 дней после издания постановления ГКО № 348сс)[37], но ввиду медленного изготовления двигателя, испытания самолета начались лишь весной 1942 г., а первый полет состоялся 15 мая 1942 г.[38] Еще на стадии наземных испытаний, 20 февраля 1942 г., на БИ взорвался жидкостный реактивный двигатель. Но так как причиной аварии было признано усталостное разрушение металла камеры сгорания[39], сама конструкция была сочтена работоспособной. Хотя в первом же полете первый экземпляр БИ потерпел аварию[40] и более не восстанавливался[41], сам факт полета ракетного самолета можно было считать явным достиже-

нием. Причиной аварии была признана неопытность летчика в пилотировании ракетоплана[42]. С учетом того, что пилотов, имеющих опыт таких полетов, в СССР не было вообще, было решено, что «опыт — дело наживное», а данное летное происшествие никоим образом не ставит под вопрос потенциал БИ как самолета. Этот первый успех вселил уверенность в перспективах проекта не только в его авторов, но и в руководство страны. 9 июня 1942 г. было издано Постановление ГКО № 1903, предписывавшее заводу № 293 приступить к сборке малой серии самолетов БИ. Всего предполагалось произвести 30 (из них 8 — в 1943 г.) ракетных перехватчиков, однако суровая реальность внесла свои коррективы в «планов громадье» и фактически в 1943 г. удалось выпустить лишь 3 готовые машины и сдать еще 2 безмоторных планера БИ[43]. Производство остальных было решено сдвинуть на 1944 г. Как уже говорилось выше, БИ № 1 не восстанавливался, поэтому испытания самолета продолжились только 10 января 1943 г., после изготовления второго экземпляра аэроплана. В феврале 1943 г. закончилась сборка третьего экземпляра самолета БИ, а в марте того же года начались совместные государственные и заводские испытания второго и третьего экземпляров машины Болховитинова. Второй экземпляр[44] сделал 4 полета, после чего испытания этой машины были прекращены ввиду отрыва лыжи в полете, что привело к аварийной посадке[45]. На третьем экземпляре было сделано 2 полета, но во втором из них, 27 марта 1943 г., произошла катастрофа, в ходе которой летчик погиб[46]. Эта трагедия, хотя и не остановила работы по проекту БИ полностью, тем не менее, существенно затормозила доводку машины. Впрочем, об этом будет сказано ниже.

И. Султанов утверждает, что после катастрофы 27 марта уже построенные 30—40 самолетов БИ войсковой серии были разобраны[47]. Автор этих строк не обладает никакими документальными доказательствами ни производства столь обширной войсковой серии, ни ее последующего уничтожения.

Другим проектом самолета с нетрадиционными двигателями стала модель «302». Этот самолет разрабатывался в рамках работ НИИ-3 и отличался довольно замысловатой двигательной системой. Старт должен был осуществляться за счет работы разгонного ЖРД РД-1400 конструкции Душкина. А после взлета, по достижению скорости 260 км/ч, должны были включиться крейсерские ПВРД[48]. Надо сказать, что работы по проекту «302» развивались крайне неспешно. Организационно НИИ-3 входил в структуру Наркомата боеприпасов и профильной задачей для него была разработка и совершенствование ракет для легендарных «Катюш» и подобных систем. Поэтому хотя весной 1941 г. модель «302» была включена в

план работ НИИ-3, вскоре после начала Великой Отечественной войны этот проект был отложен в дальний ящик. Одной из причин, существенно тормозивших работы над проектом «302», было отсутствие ключевого агрегата — работоспособного жидкостного реактивного двигателя. Собственно, работы над различными моделями ЖРД велись в НИИ-3 с 1932 г. Однако до 1938 г. всё ограничивалось лишь общетеоретическими изысканиями, и лишь в 1938—1940 гг., наконец, было начато изготовление экспериментальных двигателей. До войны было отработано 2 образца с тягой 150 и 300 кг, работавших на азотной кислоте и керосине, и еще один двигатель тягой в 150 кг, использовавший в качестве окислителя и топлива жидкий кислород и спирт. В 1941 г. для самолета БИ в НИИ-3 был разработан ЖРД тягой 1100 кг, причем в КБ Болховитинова этот двигатель был передан без доводки и прохождения государственных испытаний[49]. Так что РД-1400 на 1941 г. существовал разве что в виде эскизных проектов.

Впрочем, работа над самолетом, хотя и урывками, продолжалась, и в конце 1942 г. был достигнут существенный прорыв — руководитель НИИ-3 А.Г. Костиков добился официального старта работ по модели «302», оформленного в виде постановления ГКО № 2105сс от 26 июля 1942 г. Согласно этому постановлению, самолет Костикова должен был быть предъявлен на совместные испытания с «двумя вариантами ВРД»[50] (то есть — первый вариант только с ЖРД и второй — с парой дополнительных ПуВРД на законцовках крыла), с первым — к 15 марта, а со вторым — к 15 мая 1943 г. При этом самолету были заданы достаточно жесткие тактико-технические характеристики (ТТХ)[51]:

— максимальная скорость у земли — 720 км/ч;

— максимальная скорость с форсажем — 820 км/ч;

— время подъема на высоту 5 тыс. м — 1,9 мин.;

— длительность полета со скоростью 800 км/ч на высоте 8 тыс. м — 20 мин.;

— потолок практический — 10 тыс. м;

— посадочная скорость с выгоревшим горючим — 130 км/ч;

— вооружение — 2 неподвижных пушки 20 мм с боезапасом 340 снарядов.

Как видим, правительство рассчитывало получить в результате работ коллектива Костикова вполне боеспособный ракетоплан-перехватчик, пригодный к использованию на фронте.

15 июля того же года было принято постановление ГКО № 2046, согласно которому НИИ-3 преобразовывался в Государственный институт ракетной техники (ГИРТ), выводился из структуры НКБ в непосредственное подчинение Совнаркома, а сам Костиков был назначен директором опытного авиазавода № 55[52]. В феврале 1943 г., в

рамках адаптации еще недавно «боеприпасного» института к авиаконструкторским работам, в ГИРТ было создано ОКБ-55 во главе с М.Р. Бисноватом. Надо отметить, что данное КБ представляло собой достаточно сильный конструкторский коллектив, укомплектованный высококвалифицированными кадрами. Из 108 человек персонала бюро 56 являлись инженерами и конструкторами I категории со стажем работы в авиапромышленности более 5 лет, а 35 человек работали в авиаиндустрии более 10 лет[53].

Однако выполнение Постановления № 2105сс шло с существенным отставанием от графика. Самолет «302» был передан на испытания в НИИ НКАП только 23 сентября 1943 г., причем Костиков, в нарушение постановления ГКО, строил самолет только в одном варианте — с единственным двигателем ЖРД, оставив вариант с ПуВРД в законцовках крыла «на потом». Несколько забегая вперед, уточним, что это «потом» так никогда и не наступило. Испытания машины на земле начались 4 октября, а 8 октября самолет впервые поднялся в воздух. Следует отметить, что двигатель при этом не запускался, а полеты проходили в форме буксировки самолета «302» бомбардировщиком СБ[54]. Всего было проведено 20 полетов, в ходе которых выявилось несколько существенных недостатков планера — произвольные повороты при рулежке, недостаточная путевая устойчивость и т.д.[55] После того, как у самолета были выявлены еще и автоколебания руля направления, первый экземпляр самолета «302» было решено отправить на продувку в аэродинамической трубе[56].

Подводя итог этого этапа, можно сказать, что начало Великой Отечественной войны не привело к существенным изменениям в политике советского руководства по отношению к проблеме реактивного самолетостроения. Работы по различным типам реактивных самолетов по-прежнему были рассредоточены между различными ведомствами и продолжали считаться малоприоритетными.

Ситуация резко изменилась в середине 1943 г., после того, как в Главное управление инженерно-аэродромной службы ВВС РККА поступила справка о состоянии работ по реактивным самолетам за границей[57]. В этой справке отмечалось, что Германия располагает тремя моделями реактивных самолетов — Хе-180, Хе-280 и Хе-Т. Причем если Хе-180 лишь упоминался как предшественник Хе-280, то последний описывался достаточно подробно: двухместный самолет-моноплан, реактивные двигатели расположены под крыльями и работают по принципу Кампини: установлены термодинамические турбины, воздух нагнетается с помощью компрессора. Вооружение самолета, согласно справке, состояло из пушек в фюзеляже и пары пулеметов в крыльях. Отмечались две важных особенности конструкции. Во-

первых, самолет был оснащен «приспособлением для выбрасывания летчика вместе с кабиной и парашютом». А во-вторых, мощность силовой установки «почти не регулируется, поэтому изменение скоростей в полете невозможно». Хе-Т характеризовался как одноместный истребитель с герметичной кабиной, способный развить скорость до 1180 км/ч на высоте 15 850 м. В отношении Великобритании в справке упоминались лишь турбореактивные двигатели фирм «Роллс-ройс» и «Ровер», в Италии — упоминались испытания самолета Кампини-Капрони в 1941 г., кроме того, отмечалось, что в 1942 г., очевидно в условиях оккупации, во Франции фирма Бреге (*Breguet*) и авиаконструктор Р. Ледюк (*Leduk*) также строили какой-то реактивный самолет.

Как видим, пусть и не без преувеличений и лакун, но определенную информацию о ходе работ по реактивной авиации за рубежом в Советском Союзе имели. Насколько эта информация была точной? Обратимся к нижеследующей *таблице*.

Основные зарубежные работы в области реактивной авиации на весну 1944 г.

Самолет	Начало конструирования	Первый полет	Появление в войсках
He.178	Конец 1938 г.	Август 1939 г.	Экспериментальный самолет, серийно не строился
Me.262A-1 Schwalbe	Осень 1938 г.	18 июля 1942 г.	Июнь 1944 г.
Me 163	Конец 1939 г.		Май 1942 г.
He. 280	Июнь 1939 г.	30 марта 1941 г.	27 марта 1943 г. проект закрыт на стадии готовности к серийному производству.
E.28/39 (G-40) Pioneer	3 февраля 1940 г.	15 мая 1941 г.	Экспериментальный самолет, серийно не строился
Meteor F.I	Август 1940 г.	5 марта 1943 г.	12 июля 1944 г.
P-59A Airacomet	30 сентября 1941 г.	1 октября 1942 г.	Ноябрь 1943 г.
P-80A Shooting-Star	Май 1943 г.	8 января 1944 г.	Декабрь 1944 г.

Источник: *Соболев Д.А.* История самолетов, 1919—1945. — М., 1997. — С. 314—332; Авиационный сборник: прил. к Бюллетеню ЦАГИ «Техническая информация». — 2000. — № 14: Истребители США. — С. 59—61; *Котельников В.Р.* Истребители, 1939—1945 // Моделист-конструктор. — 2002. — Спец. вып. № 1. — С. 11, 25, 31—32.

Очевидно, что раньше всех к практическим работам в области реактивной авиации приступили в Германии, но англичане стремительно наверстали отставание, сведя его к минимуму. Формально США начали поставлять в войска реактивный истребитель раньше всех, однако «Аэрокомет» был машиной, явно не пригодной для боя, и в боевых действиях не участвовал, а «Шутинг Стар», наоборот, — существенно отставал по срокам готовности и от «Метеора», и от «Швальбе». Таким образом, зимой 1943/44 г. и США, и Германия, и Великобритания вели полноценные испытания и готовились к серийному производству истребителей, оснащенных турбореактивными двигателями. Очевидно, что данные советской разведки были очень неточны и расплывчаты, однако основной посыл этого документа был верен — на Западе работы по реактивной авиации действительно шли полным ходом.

По сути, перед руководством НКАП стояла труднейшая задача — принять решение о выборе магистрального пути работ в области реактивной авиации. Надо отметить, что опора на зарубежный опыт в данном случае помогала мало. Во-первых, данные разведки были скупы, обрывочны, и никто не мог дать гарантию того, что они вообще не являются специально сфабрикованной дезинформацией. Во-вторых, даже идеальная работа разведки не могла дать полной ясности относительно генерального тренда развития реактивного самолетостроения за рубежом. Да, английские, американские и немецкие самолеты имели турбореактивные двигатели. Но те же немцы строили и испытывали и перехватчики с ЖРД. А итальянцы еще до войны испытывали самолеты с ВРДК, и была вероятность, что эти работы продолжаются...

В сложившейся ситуации было решено уделить вопросам реактивной авиации особое внимание. 18 февраля 1944 г. было принято постановление ГКО № 5201, согласно которому вся тематика, связанная с реактивным самолетостроением, сосредотачивалась в ведении НКАП[58]. Специально для решения этих задач в рамках Наркомата авиапромышленности создавался Научно-исследовательский институт реактивной авиации (НИИРА), вскоре переименованный (очевидно, из соображений секретности) в НИИ-1. Причем во главу угла работ НИИ-1 ставились проблемы именно моторостроения. Было очевидно, что при наличии работоспособного мотора, создание под него собственно самолета представлялось вопросом уже не столь сложным. Государственный институт реактивной техники (ГИРТ) и прочие научные коллективы, развивавшие опытные работы в области реактивного авиастроения вне структур НКАП, вливались в состав НИИ-1. Всего, таким образом, в рамках НКАП должно было остаться два центра реактивного авиамоторостроения — НИИ-1 и ЦИАМ.

Как уже говорилось, ГИРТ, наряду с рядом других структур и организаций, влился в состав НИИ-1, причем руководство НКАП, видимо, рассчитывало, что производственная и научная база института реактивного движения, который так или иначе, но занимался реактивной тематикой еще с тридцатых годов, позволит существенно ускорить темпы разработки новой техники. Увы, эти планы оказались основаны на шатком фундаменте. Итоговый акт комиссии НКАП по приемке ГИРТ, работавшей под председательством А.С. Яковлева зимой 1944 г.[59], гласил:

> «Общее состояние работы в институте по всем основным разделам его деятельности — совершенно неудовлетворительное. Основные задачи тематики не решены. Сроки выполнения работ по решениям ГОКО[60] сорваны. Заявленные институтом технические данные объектов и сроки выполнения основных заданий совершенно не обоснованы ни располагаемой базой, ни степенью технической подготовленности основных вопросов. Научно-исследовательского института фактически нет, ни с точки зрения экспериментально-исследовательской базы, ни с точки зрения наличия подготовленных кадров. Направление всей работы института было неверным и сводилось к бессистемному и технически необоснованному конструированию многочисленных объектов, без проведения необходимых научных исследований и предварительных испытаний. ... Утвержденного годового плана работы института не имеется. Из числа работ, проводившихся в институте, основные работы, определявшие его практическую отдачу — не выполнены. Главная задача института — создание реактивного двигателя — не решена и решение этой задачи совершенно не обеспечено, т.к. основные элементы двигателя не отработаны, нет необходимых образцов двигателя для доводки. Испытательная база неудовлетворительна. ... Создание реактивного самолета перехватчика по постановлению ГОКО № 2105сс от 26.07.1942 с передачей 2 экземпляров на летные испытания в марте и мае 1943 г. являлось основной работой института. Задание ГОКО не выполнено в первую очередь по причине отсутствия отработанного двигателя»[61].

При детальном изучении положения дел с проектом ракетного перехватчика выяснилось, что руководство ГИРТ позволило себе даже на стадии проектирования существенно снизить технические характеристики по сравнению с параметрами, заданными в постановлении ГКО. Хотя постановление требовало обеспечить продолжительность полета ракетоплана 20 минут, проект самолета конструировался, исходя из необходимости обеспечить полет лишь на протяжении 1 минуты. Было очевидно, что даже при успешном завершении испытаний (а до этого было весьма далеко) ВВС безусловно откажутся от

самолета с крайне малым радиусом действия[62]. Костиков, правда, пытался сослаться на то, что в отличие от первых двух экземпляров самолета «302», на III и IV экземплярах устанавливается не одно-, а двухкамерный ЖРД, что, дескать, позволит поднять продолжительность полета до 3,5 минуты[63]. Но так как, во-первых, на тот момент ни один экземпляр «302» не был испытан с работающим двигателем в воздухе, во-вторых, III экземпляр только строился и был готов на тот момент приблизительно на 30%, а IV и вовсе не был даже заложен[64], а в-третьих, ввиду того, что и 3,5 минуты были явно меньше заданных 20 — эти обещания на комиссию существенного внимания не произвели. Особое возмущение у членов комиссии вызвал тот факт, что Костиков даже не довел до сведения сотрудников КБ технические характеристики, изложенные в постановлении ГКО.

Таким образом, стало ясно, что задел ГИРТ использовать не получится, из-за отсутствия такового задела. Пришлось начинать если и не с нуля, то с азов. Так как было очевидно, что базовым элементом, без которого реактивное самолетостроение невозможно в принципе, является наличие реактивных двигателей, ключевым и наиболее ответственным шагом стало определение наиболее приоритетных проектов в области реактивного двигателестроения.

На тот момент достаточно далеко продвинулись только работы над ЖРД. Так, в рамках работ НИИ-3 А.М. Исаев разрабатывал ЖРД вытеснительного типа, который так и назывался — «двигатель НИИ-3», Л.С. Душкин в том же ГИРТ доводил[65] одно- и двухкамерные варианты ЖРД насосного типа. Однако наибольших успехов добился В.П. Глушко, который работал в ОКБ НКВД при заводе № 16 над трехкамерным ЖРД, притом однокамерный вариант его двигателя уже испытывался на Пе-2[66]. Двигатели всех остальных схем все еще оставались в проектах и эскизах. Исходя из сложившегося положения дел, а также учитывая «подмоченную» репутацию всех проектов, связанных с ГИРТ, и было принято итоговое решение о распределении задач в области реактивного моторостроения.

Не позднее 3 марта 1944 г. был одобрен проект плана опытных работ по авиационным моторам на 1944 г., в котором, наряду с иными проектами, значились и реактивные авиадвигатели:

> «1. Однокамерный жидкостный реактивный двигатель автономного действия РД-1 конструкции Глушко с номинальной тягой 1000 кг. Вес двигателя — 180 кг. Расход топлива и окислителя на 1 кг тяги — 5 гр/сек. На испытания РД-1 должен быть подан в августе 1944 г.
>
> 2. Воздушно-реактивный двигатель ВРДК-107А (ответственный руководитель Фадеев) с мотором М-107А, винтом и компрессором с

номинальной тягой 680 кг. Вес двигателя 950 кг, расход топлива на 1 кг тяги — 0,5 гр/сек. Летные испытания запланированы на ноябрь 1944 г.

3. Воздушно-реактивный двигатель ВРДК-30 (ответственный руководитель Толстов) с мотором М-30В, винтом и приводом компрессора от газовых турбин с номинальной тягой 1250 кг. Вес — 1500 кг, расход топлива на 1 кг тяги — 0,8 гр/сек. Десятичасовые заводские испытания этого комплекса ВРДК и авиадизеля запланированы на декабрь 1944 г.

4. Воздушно-реактивный двигатель ВРДК-ГТУ (ответственный руководитель Уваров) с газовой турбиной, компрессором и винтом, с номинальной тягой 340 кг. Вес — 400 кг, расход на 1 кг тяги — 0,55 гр/сек. (Тут сроки были весьма расплывчаты, в декабре 1944 г. с данного комплекса предполагалось лишь снять общие характеристики. — *М.М.*).

5. Воздушно-реактивный двигатель ВРДК-ГТЛ (ответственный руководитель Люлька) с компрессором и газовой турбиной с номинальной тягой 1250 кг. Вес — 900 кг, расход на 1 кг тяги — 0,65 гр/сек.»[67].

Как и с ВРДК-ГТУ, на декабрь 1944 г. предполагалось лишь изготовить двигатель и снять его общие характеристики.

В развитие постановления ГКО № 5201 и ряда последующих решений ГКО, 30 мая 1944 г. был издан приказ наркома авиапромышленности № 371, в котором была конкретизирована «нарезка задач» отдельным конструкторским бюро в плане создания самолетов с реактивными моторами разного типа. Так, А.С. Яковлеву было поручено оснастить истребитель Як-9 однокамерным ЖРД РД-1 конструкции В.П. Глушко, а кроме того — специально разработать новый истребитель под трехкамерную версию того же двигателя. Такой же однокамерный двигатель РД-1 П.О. Сухой должен был установить на штурмовик Су-6. Перед С.А. Лавочкиным поставили задачу установить на Ла-5 однокамерный вариант РД-1 и параллельно разработать новый истребитель, оснащенный турбореактивным двигателем ТР-1 А.М. Люльки. Н.П. Поликарпов получил задание на конструирование экспериментального истребителя под двухкамерный ЖРД Л.С. Душкина. Наконец, сразу два КБ — А.И. Микояна и М.И. Гуревича с одной стороны и П.О. Сухого с другой — получили практически идентичные задания на разработку истребителя под ВРДК К.В. Холщевникова, совмещенный с поршневым мотором ВК-107А. Кроме того, следует учитывать, что на этом этапе всё еще продолжали вестись работы над самолетами БИ и «302». Сроки сдачи новых самолетов были весьма жесткими. Уже в августе 1944 г. на испытания должны были выйти Як-9 и Ла-5 с однокамерными ЖРД Глушко, причем ожидалось, что использование реактивного двигателя позволит на 3 минуты довести скорость истребителя до 780 км/ч. Высоту 5 км с включенным ЖРД эти истребители должны были набирать за 3 минуты[68]. В сентябре —

октябре ожидалось поступление на испытания ракетоплана Яковлева с трехкамерным ЖРД Глушко с автономной подачей[69] топлива. От этого самолета ожидалась максимальная скорость около 800 км/ч и продолжительность полета 20 минут у земли или 10 минут — на высоте 5 км[70]. Впрочем, 10 минут полета на высоте должны были проходить на минимальной тяге, на максимальной — продолжительность полета по заданию была ограничена всего 2 минутами[71]. Начало испытаний остальных самолетов ожидалось в первой половине 1945 г. Предполагалось, что они смогут развить скорость в 800—810 км/ч[72]. Ввиду несомненной важности задания было решено простимулировать трудовую активность инженерно-конструкторского персонала, в том числе, и рублем.

Наркомфин получил указание выделить из резервного фонда Совнаркома СССР Наркомату авиапромышленности для проведения работ по реактивным двигателям 20,5 млн. руб., из которых 8,5 следовало перечислить в НИИ-1, 9 — в ЦИАМ и 3 — в ОКБ завода № 16. Однако это были деньги на собственно незапланированные расходы. А для стимулирования трудовой активности предназначались выделенные сверх упомянутых 20,5 млн. рублей еще 4 млн., направленных в премиальный фонд. Этот фонд распределялся следующим образом: 2 — в НИИ-1, 1,5 — в ЦИАМ и 0,5 — на завод № 16. Половину фонда разрешалось израсходовать в процессе работ, а вторую половину — только после окончательного выполнения задания[73]. Данные суммы шли исключительно на работы с новыми двигателями; тематика, связанная с разработкой новых самолетов, оплачивалась отдельно. Скажем, на постройку Як-9 с ЖРД выделялось 3 млн. руб., а на разработку и строительство ракетоплана Яковлева — 6 млн. Кроме того, в распоряжение Яковлева на премирование сотрудников было выделено 500 тыс. руб. по тематике «Як-9 с ЖРД» и 1 млн. по проекту ракетного перехватчика. Из них самому Яковлеву было предназначено 50 тыс. и 100 тыс. руб. соответственно[74]. Приблизительно в той же мере финансировались и работы по реактивной тематике КБ Лавочкина. На строительство Ла-5 с ЖРД было ассигновано 4 млн. руб., на истребитель с турбореактивным двигателем — 8,5. Премиальный фонд на эти самолеты составлял 500 тыс. и 1 млн. соответственно, причем на долю лично Лавочкина приходилось 50 тыс. и 100 тыс. руб.[75] Поликарпову на его ракетоплан выделили столько же, сколько и Яковлеву, — 6 млн. всего, 1 млн. — в премиальный фонд и 100 тыс. руб. — главному конструктору[76]. На истребители с ВРДК выделялось по 8 млн. руб. и сверх того — по 1 млн. в премиальный фонд, из которого 100 тыс. руб. причиталось главному конструктору. С учетом того, что Микоян и Гуревич были формально равны по статусу, эта сумма между ними делилась так: 60 тыс. — Микояну и 40 — Гуревичу[77].

Обращает на себя внимание, что данный план опытных работ, по сути, дезавуировал попытку сделать НИИ-1 головной организацией по разработке реактивных двигателей в масштабах СССР. Проекты В.В. Уварова, А.И. Толстова и А.А. Фадеева (впоследствии руководителем работ над ВРДК стал К.В. Холщевников) развивались в рамках ЦИАМ, В.П. Глушко работал на производственной базе завода № 16, оставаясь в сфере влияния НКВД, по сути, за НИИ-1 оставалось лишь непосредственное руководство работами над ТРД А.М. Люльки и не упомянутым в вышеприведенном плане ЖРД Л.С. Душкина, предназначавшегося для ракетоплана Н.П. Поликарпова. Несколько забегая вперед, следует отметить, что потеряв контроль над большинством направлений реактивного двигателестроения, НИИ-1 и в административно-управленческом смысле начал терпеть поражение за поражением. Летом 1944 г. начальник НИИ-1 жаловался наркому авиапромышленности на то, что еще 22 февраля Шахурин приказал перевести в институт 150 квалифицированных рабочих с московских заводов, но за 4 истекших месяца не было переведено ни единого человека. Из 20 человек, которые должны были быть переведены из ведомственных институтов системы НКАП, фактически поступило лишь двое, а из девяти десятков, которые должна была обеспечить армия, — прибыло четыре человека. В результате суммарно из 280 сотрудников, которые должны были быть переведенными в распоряжение по плану, в действительности было переведено шестеро. Попытка руководства института решить кадровую проблему самостоятельно провалилась. За март — июнь в НИИ-1 было принято 180 человек, в том числе — 37 рабочих, и уволено 119 человек, в том числе — 44 рабочих. Таким образом, рабочих увольняли больше, чем принимали. Причиной такого стремительного бегства рабочих из института было отсутствие собственного подсобного хозяйства. Закрепленный за НИИ-1 Угодско-Заводской совхоз был явочным порядком передан Наркомату государственной безопасности. А так как в реалиях военного времени обеспечить полноценное питание рабочих за счет централизованных поставок было невозможно — рабочие в массовом порядке искали более «хлебное» место. Из запланированных на II квартал 750 человек на 1 марта 1944 г. в НИИ-1 работало лишь 622 человека. В той же мере выполнялись и постановления ГКО № 5201сс от 18 февраля 1944 г. и № 5946сс от 22 мая 1944 г., согласно которым во II квартале 1944 г. НИИ-1 должен был получить 46 единиц металлорежущего оборудования, 6 единиц импортного оборудования и инструмента на 200 тыс. руб. На самом деле институт получил единственный металлорежущий станок, и на этом расширение станочного парка встало. В результате руководство института не смогло полноценно загрузить даже свой невеликий штат и 8 квалифицированных рабочих были вынужденно переведены на работу в столовую[78].

Таким образом, ведомственность вновь победила идею централизации, и работа над реактивными авиадвигателями снова оказалась «размазанной» между НИИ-1, ЦИАМ и НКВД. Результаты такой разобщенности оказались ожидаемо негативны. Из всего «веера» моделей авиадвигателей и самолетов, запланированных к производству весной 1944 г., успешно прошел государственные испытания и был рекомендован к серийному производству только один истребитель И-250 конструкции Микояна и Гуревича, оснащенный ВРДК Холщевникова. Однако к этому моменту в СССР уже полным ходом шли испытания истребителей первого поколения с «трофейными» германскими ТРД — МиГ-9, Як-15 и Ла-150. На фоне этих самолетов тактико-технические данные И-250 выглядели откровенно бледно, поэтому после выпуска установочной партии в 8 машин производство этого самолета прекратили. После того, как от И-250 отказалась армия, машину попытались спасти путем создания специальной флотской модификации с повышенной дальностью полета. За счет установки на самолете дополнительных топливных баков планировалось создать на базе И-250 специализированный истребитель сопровождения. Так как советский флот на тот момент не мог не то что похвастаться наличием авианосцев, но и вообще испытывал недостаток хоть сколько-нибудь крупных кораблей, основу ударной мощи флота во второй половине 1940-х годов составляла торпедоносная авиация берегового базирования. Вот эти торпедоносцы и планировалось сопровождать истребителями с комбинированной двигательной установкой. Один из серийных И-250 (№ 3810102) был доработан для установки на нем дополнительных бензобаков. Суммарный вес топлива на истребителе за счет этих работ удалось довести до 190 кг[79].

Е.И. Подрепный пишет, что в апреле 1947 г. все работы по проектам И-225 и И-250 были официально прекращены, как потерявшие актуальность[80], однако это было, как минимум, не совсем так. Государственные испытания новой модификации И-250 начались лишь 9 октября 1947 г., в НИИ авиации ВМФ на аэродроме Скульте в Риге. Ответственными за проведение испытаний были назначены ведущий инженер А.К. Подторжнов и летчик-испытатель И.М. Сухомлин. Первый, ознакомительный, полет в Скульте был совершен 23 октября, а 21 января 1948 г., после проведения 6 полетов испытания были прерваны. Официально государственные испытания были прекращены 8 апреля 1948 г., как пишет Е. Арсеньев, ввиду «большого количества выявленных дефектов и конструктивных недостатков»[81]. Впрочем, думается, в данном случае ссылка на дефекты и недостатки была некоторым лукавством. На самом деле этот самолет уже попросту не был нужен — МиГ-9 со значительно лучшими ТТХ выпускался се-

рийно, а МиГ-15 проходил испытания, и было очевидно, что начало его серийного производства — не за горами. М.Д. Евтифьев утверждает, что в мае 1948 г. И-250 был официально принят на вооружение под обозначением МиГ-13. Эти самолеты, по мнению М.Д. Евтифьева, поступили на вооружение ВВС ВМФ, но уже в 1950 г. были с вооружения сняты[82]. Версию о принятии И-250 на вооружение морской авиации поддерживает и В.Р. Котельников[83]. Е. Арсеньев, напротив, полагает, что И-250 никогда не состоял на вооружении[84]. Автор этих строк склонен солидаризироваться с последним утверждением, так как до сих пор не обнаружено ни единого свидетельства наличия И-250 или МиГ-13 в строевых авиачастях.

Впрочем, для нас более важно не уточнить судьбу 8 произведенных И-250, а оценить результаты политики советского руководства по координации работ в области реактивной авиации в рассмотренный период. Надо откровенно признать, что эти результаты были малоудовлетворительны. Несмотря на постоянные попытки НКАП сосредоточить все работы по тематике, связанной с реактивным самолетостроением, в едином центре (желательно — чтобы этот центр находился под контролем именно НКАП), ведомственность раз за разом приводила к раздроблению работ над реактивной авиатехникой между несколькими ведомствами. Этот цикл (попытка объединения — провал этой попытки — раздробление тематики между ведомствами) практически без изменений повторился в 1940, 1941 и 1944 гг. Очевидно, что советское руководство правильно оценило трижды повторенный урок. В дальнейшем все работы по реактивной авиации были сосредоточены именно в авиастроительном ведомстве.

[1] В данном случае мы говорим о технических новациях кардинального значения: атомная энергия, реактивный двигатель, выход в космос, полупроводниковая электроника, компьютер, электронные сети и т.п.

[2] Помимо широко известного центра инновационных разработок «Сколково», только на 2004 г. в России функционировало около 40 других технопарков.

[3] См., например: *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы. — М., 1996; *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930—1980-е годы). — М., 2006.

[4] *Шавров В.Б.* История конструкций самолетов в СССР, 1938—1950 гг. — М., 1978; Самолетостроение в СССР, 1917—1945. — М., 1992.

[5] История отечественной авиапромышленности. Серийное самолетостроение, 1910—2010. М., 2011; Век авиастроения в России. — М., 2011.

[6] *Евтифьев М.Д.* Огненные крылья: история создания реактивной авиации СССР (1930—1946). — М., 2005.

[7] *Данилов Б.* Из истории создания реактивной авиации // Военно-исторический журнал. — 1981. — № 3. — С. 70—71.

[8] *Подрепный Е.И.* Реактивный прорыв Сталина. — М., 2008.

[9] Имеются в виду И-15 бис.

[10] *Галлай М.Л.* Избранное: в 2 т. — М., 1990. — Т. 2. — С. 10.

[11] *Соболев Д.А.* История самолетов, 1919—1945. — М., 1997. — С. 312.
[12] *Данилов Б.* Указ. соч. — С. 70.
[13] *Глушко В.П.* Ракетные двигатели ГДЛ-ОКБ. — М., 1975. — С. 14.
[14] *Данилов Б.* Указ. соч. — С. 70.
[15] *Серов Г.* В начале реактивной эры. // Самолеты мира. — 1997. — № 3/4. — С. 2.
[16] Такие ускорители устанавливались на самолетах У-1 и ТБ-1.
[17] Самолетостроение в СССР, 1917—1945. — М., 1994.— Кн. 2. — С. 426.
[18] Индекс ДМ расшифровывался именно так — дополнительный мотор.
[19] *Фомичев А.* Поршневые истребители С.А. Лавочкина с реактивными ускорителями // Самолеты мира. — 1997. — № 5/6.
[20] *Евтифьев М.Д.* Огненные крылья. — М., 2005. — С. 51.
[21] *Серов Г.* Указ. соч. С. 2.
[22] *Алексеенко В., Никольский М.* Истребители Лавочкина в Великой Отечественной войне // Авиация и космонавтика. — 2000. — № 5/6. — С. 21.
[23] Самолетостроение в СССР, 1917—1945. — Кн. 2. — С. 429.
[24] *Серов Г.* Указ. соч. — С. 2.
[25] *Данилов Б.* Указ. соч. — С. 71.
[26] О создании НИИ-1 см. ниже.
[27] Сохранял по отношению к НКАП определенную автономию.
[28] *Серов Г.* Указ. соч. — С. 2.
[29] *Евтифьев М.Д.* Указ.соч. — С. 59.
[30] По мнению М.Д. Евтифьева, БИ расшифровывается как «Ближний истребитель», Г. Серов полагает, что правильная расшифровка — «Березняк и Исаев».
[31] Самолетостроение в СССР, 1917—1945. — Кн. 2. — С. 405.
[32] *Евтифьев М.Д.* Указ. соч. — С. 60.
[33] ЦА МО. — Ф. 35. — Оп. 11323. — Д. 78. — Л. 2.
[34] *Маслов М.* Ракетный истребитель «БИ» // Полигон. — 2000. — № 3. — С. 20.
[35] *Хазанов Д.Б.* 1941. Горькие уроки: война в воздухе. — М., 2006. — С. 244.
[36] ЦА МО. — Ф. 35. — Оп. 11323. — Д. 78. — Л. 40.
[37] *Валуев Н.О.* «Полуреактивные» истребители ЦАГИ // Самолеты мира. — 1995. — № 2. — С. 26—32.
[38] *Данилов Б.* Указ. соч. — С. 71.
[39] *Куликов С.* Ракетный БИ // Крылья Родины. — 1993. — № 6. — С. 3.
[40] Собственно, авария заключалась в том, что при посадке, с уже выработавшем топливо и естественным образом прекратившим работу ракетным двигателем, у самолета подломилась одна из стоек шасси. Подробнее см.: *Черток Б.Е.* Ракеты и люди. Фили — Подлипки — Тюратам. — М., 1996. — С. 133. Г. Серов полагает, что виновником аварии стала азотная кислота, использовавшаяся в качестве окислителя в ЖРД (*Серов Г.* Указ. соч. — С. 2). Действительно, учитывая цельнодеревянную конструкцию БИ, полностью игнорировать воздействие едких паров кислоты на различные элементы планера, и шасси в том числе, нельзя.
[41] ЦА МО. — Ф. 35. — Оп. 11323. — Д. 78. — Л. 40.
[42] *Куликов С.* Указ. соч. — С. 4.
[43] ЦА МО. — Ф. 35. — Оп. 11323. — Д. 78. — Л. 5.
[44] Чтобы улучшить отчетность, его тоже включили в состав 8 «серийных» машин, производство которых было предписано постановлением ГКО № 1903сс от 09.06.1942, хотя на самом деле он был построен в рамках выполнения постановления ГКО № 348сс от 01.08.1941.
[45] Эта версия приводится в «Деле опытных истребителей» за 1944 г. (см.: ЦА МО. — Ф. 35. — Оп. 11323. — Д. 78. — Л. 4). М.Д. Евтифьев приводит несколько иную версию событий (см.: *Евтифьев М.Д.* Указ. соч. — С. 69). Согласно его мнению, происшествие со II экземпляром произошло 12 января, то есть до начала совместных испытаний. После этого якобы БИ № 2 был отремонтирован и испытывался вплоть до 14 марта, после чего был снять с испытаний из-за протекания баков, а не проблем с шасси.
[46] ЦА МО. — Ф. 35. — Оп. 11323. — Д. 78. — Л. 4.

[47] *Султанов И.* Биография БИ. Новые штрихи // Вестник авиации и космонавтики. — 1998. — № 2. — С. 73.
[48] *Евтифьев М.Д.* Указ. соч. — С. 190.
[49] РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 1182. — Л. 44.
[50] ЦА МО. — Ф. 35. — Оп. 11323. — Д. 78. — Л. 40 об.
[51] РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 1182. — Л. 47.
[52] *Ангельский Р.* ...А если бы не Королев? // Авиация и космонавтика. — 1998. — № 4. — С. 22.
[53] РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 1182. — Л. 48.
[54] *Серов Г.* Указ. соч. — С. 5.
[55] ЦА МО. — Ф. 35. — Оп. 11323. — Д. 78. — Л. 40 об.
[56] РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 1182. — Л. 48.
[57] ЦА МО. — Ф. 35. — Оп. 11323. — Д. 77. — Л. 98—100.
[58] *Арсеньев Е.* Самолеты ОКБ им. А.И. Микояна. И-250 (Н) // Авиация и космонавтика. — 2001. — № 3. — С. 34.
[59] Акт не имеет датировки, но следующий за ним документ в архивном деле датирован 25 февраля 1944 г.
[60] Здесь и далее. В документах военных лет встречаются как аббревиатуры ГКО, так и ГОКО. Очевидно, единого стандарта на тот момент не существовало.
[61] РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 1182. — Л. 11—12.
[62] Характерно, что Ме-163 конструировался из расчета 12 минут полета и лишь в результате неожиданно большого расхода топлива, реальная продолжительность полета германского ракетоплана снизилась до 8 минут. БИ, действительно, имел топлива лишь на полторы минуты полета, однако то, что было допустимо на полуэкспериментальном самолете, впервые взлетевшем уже весной 1942 г., было совершенно неприемлемо на перехватчике, только начатом конструированием летом того же года.
[63] РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 1182. — Л. 48.
[64] Там же. — Л. 49.
[65] Насколько это было возможно в рамках ГИРТ.
[66] РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 1182. — Л. 78.
[67] ЦА МО. — Ф. 35. — Оп. 11323. — Д. 176. — Л. 9—10.
[68] РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 1182. — Л. 99.
[69] Однокамерная версия двигателя Глушко была рассчитана на то, что топливный насос будет работать за счет отбора мощности от основного (поршневого) мотора. Трехкамерная версия должна была работать самостоятельно, без использования дополнительного мотора.
[70] Оговоримся сразу — трехкамерный ЖРД у Глушко не задался, а Яковлев даже не приступил к изготовлению ракетоплана, откровенно проигнорировав приказ наркома.
[71] РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 1182. — Л. 100.
[72] Там же. — Л. 80.
[73] Там же. — Л. 84.
[74] Там же. — Л. 101.
[75] Там же. — Л. 104.
[76] Там же. — Л. 106.
[77] Там же. — Л. 108, 110.
[78] Там же. — Д. 1183. — Л. 2—7.
[79] *Арсеньев Е.* Указ. соч. — С. 36.
[80] *Подрепный Е.И.* Указ. соч. — С. 159.
[81] *Арсеньев Е.* Указ. соч. — С. 36.
[82] *Евтифьев М.Д.* Указ. соч. — С. 180.
[83] *Котельников В.Р.* Отечественные авиационные поршневые моторы, 1910—2009. — М., 2010. — С. 288.
[84] *Арсеньев Е.* Указ. соч. — С. 36.

В.Н.Земсков

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ СССР В 1941—1945 ГГ.
(к вопросу о степени достоверности имеющихся подсчетов)

В статье показаны происхождение и эволюция официальной статистики людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (с 1946 г. и по настоящее время эта статистика неоднократно менялась), дан критический анализ применявшихся методик подсчета этих потерь, проведена четкая грань между понятиями «жертвы войны» и «естественная смертность населения», выявлено соотношение между военными и гражданскими жертвами войны. Особое место в статье уделено развенчанию различных мифов и легенд относительно масштабов людских потерь СССР в 1941—1945 гг.
Ключевые слова: людские потери; статистика; военнослужащие; гражданское население; погибшие; замученные; военнопленные; смертность; подсчеты.

V.N. Zemskov
The human losses of the USSR in 1941—1945
(to the question of the degree of reliability of the existing calculations)

This article traces the origin and evolution of human losses official statistics of the USSR in the Great Patriotic war (since 1946 to the present this statistic has changed several times). The article provides critical analysis of the different methodologies of these losses calculations; gives a clear distinction between the definitions "victims of war" and "natural mortality"; reveals the ratio between the military and civilian victims of war. A special place in the article devoted to debunking various myths and legends about the extent of human losses of the USSR in 1941—1945.
Keywords: human losses; statistics; soldiers; civilians; killed; tortured; prisoners of war; mortality; estimates.

По этой проблеме существует масса литературы, и, может быть, у кого-то создается впечатление, что она достаточно исследована. Да, действительно, литературы много, но и остается немало вопросов и сомнений. Слишком много здесь неясного, спорного и явно недостоверного. Даже достоверность нынешних официальных данных людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (около 27 млн человек) вызывает серьезные сомнения. В данной статье показана эволюция официальной статистики по этим потерям (с 1946 г. и по настоящее время она неоднократно менялась), и сделана попытка установить действительное число потерь военнослужащих и гражданского населения

в 1941—1945 гг. Решая эту задачу, мы опирались только на действительно достоверную информацию, содержащуюся в исторических источниках и литературе. В статье приведена система доказательств того, что на самом деле прямые людские потери составляли около 16 млн человек, из них 11,5 млн — военные и 4,5 млн — гражданские.

В течение 20 лет после войны все людские потери СССР в Великой Отечественной войне (суммарно военные и гражданские) оценивались в 7 млн человек. В феврале 1946 г. эта цифра (7 млн) была опубликована в журнале «Большевик»[1]. Ее же в марте 1946 г. назвал И.В. Сталин в интервью корреспонденту газеты «Правда». Вот дословно цитата Сталина, опубликованная в этой газете:

> «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек»[2].

На самом деле Сталину была известна совсем другая статистика — 15 млн[3]. Об этом ему было доложено в начале 1946 г. по результатам работы комиссии, которой руководил кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский. Слово «комиссия» в данной ситуации надо понимать условно, так как, по всем признакам, это была рабочая группа госплановских специалистов, осуществлявших соответствующие подсчеты по заданию председателя Госплана. О работе этой комиссии (рабочей группы) пока мало что известно, и непонятно, какую методику она использовала при исчислении 15 млн людских потерь. Причем, как утверждал Д.А. Волкогонов в своей книге «Триумф и трагедия», Вознесенский якобы уверял Сталина, что реально потери составляют ***более*** 15 млн человек[4]. Спрашивается: а куда же они, эти данные, делись? Получается так, что в документе, представленном ему Вознесенским, Сталин произвел «редакторскую правку», исправив 15 млн на 7 млн. А иначе как объяснить, что 15 млн «исчезли», а 7 млн были обнародованы и стали официальными данными? О мотивах поступка Сталина можно только гадать. Конечно, здесь имели место и мотивы пропагандистского характера, и желание скрыть как от своего народа, так и от мировой общественности реальные масштабы людских потерь СССР.

Утверждение, что Сталину была известна статистика — 15 млн жертв войны, иногда подвергается сомнению, поскольку такую информацию (без ссылки на источник) привел Д.А. Волкогонов, известный своей склонностью к фантазированию. Но мы полагаем, что в данном случае его информация близка к истине. Уже к осени 1945 г. существо-

вали два документа: подготовленная Управлением учета и контроля за численностью вооруженных сил Наркомата обороны СССР справка «О боевых потерях личного состава Красной Армии в Великой Отечественной войне» и справка Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК) «Об итогах расследования кровавых преступлений немецко-фашистских захватчиков и их сообщников». Согласно первому из этих документов, потери военнослужащих составили 9675 тыс. человек (включая 3344 тыс. пленных и пропавших без вести)[5], а согласно второму — на оккупированной территории СССР было убито и замучено 6 716 660 мирных советских граждан[6]. При суммировании этих цифр получается 16 392 тыс. человек (9675 тыс. + 6717 тыс. = 16 392 тыс.). Но поскольку эта величина включала в себя попавших в плен и пропавших без вести военнослужащих, часть которых (предположительно) осталась в живых, то тогда, действительно, общее число военных и гражданских потерь погибшими и замученными вполне могло оцениваться величиной приблизительно в 15 млн человек. Предположение, что Сталин мог не знать об этом, несостоятельно, так как соответствующие службы обязаны были довести до его сведения эту чрезвычайно важную информацию. В свете этого значительно убедительней выглядит наша версия о произведенной Сталиным «редакторской правке» в виде «исправления» 15 млн на 7 млн.

Основным аргументом оппонентов, утверждающих, что Сталин и Вознесенский обладали неполной информацией о потерях, является тезис о том, что данные, которыми они пользовались, не учитывали даже ленинградских блокадников. Но это не так. Они, ленинградские блокадники, учтены в приведенной выше статистике ЧГК, которая слагается из 6 074 857 убитых и замученных советских граждан на оккупированной территории СССР и 641 803 умерших жителей блокадного Ленинграда[7]. Арифметически это выглядит так: 6 074 857 + 641 803 = 6 716 660 (позднее последняя цифра была доведена до 6,8 млн). Статистику смертности ленинградских блокадников мы склонны считать близкой к достоверной, хотя в условиях блокадного города у кладбищенских работников существовала предрасположенность делать в соответствующих актах приписки (и, безусловно, такая практика имела место), так как они получали прибавку к пайку за перевыполнение установленных норм захоронений. Что же касается статистики гибели гражданского населения на оккупированной территории, то она, как будет показано ниже, является существенно преувеличенной.

В дальнейшем, уже после смерти И.В. Сталина, для нового политического руководства страны во главе с Н.С. Хрущевым не явля-

лось секретом, что официальная статистика людских потерь в войне сильно занижена. Начальник ЦСУ СССР В.Н. Старовский в своей докладной записке в ЦК КПСС от 14 ноября 1956 г. доказывал, что потери составляли не 7 млн, а значительно больше и предлагал излагать это в следующей формулировке:

> «Советский Союз за период Великой Отечественной войны потерял в боях с захватчиками, в результате истребления населения оккупантами, а также от снижения рождаемости и увеличения смертности, особенно в оккупированных районах, свыше 20 миллионов человек»[8].

Но тогда, в 1956 г., и в последующие годы Н.С.Хрущев не решился так кардинально изменить масштаб официальной статистики.

В первой половине 1960-х годов специалисты-демографы пытались определить общие людские потери в войне балансовым методом, сопоставляя результаты Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг. Делалось это, разумеется, с санкции ЦК КПСС. Здесь сразу же выявилась масса сложностей в решении этой задачи, поскольку при различающихся подходах и методиках реально можно было вывести любую величину в диапазоне от 15 млн до 30 млн. Тут требовался предельно профессиональный и корректный подход. По итогам расчетов, проведенных в начале 1960-х годов, вытекало два вывода: 1) точное число людских потерь в 1941—1945 гг. установить невозможно; 2) реально они составляют свыше 20 млн. Поскольку специалисты понимали, что этот показатель сугубо демографический, включающий в себя не только прямые жертвы войны, но и повышенную смертность населения в связи с ухудшением в военное время условий жизни, то была выработана корректная формулировка — «война унесла жизни». В таком духе обо всем этом было доложено «наверх». Причем в потери вносился не сам по себе скачок в естественной смертности населения, а отрицательное сальдо между расчетными показателями смертности и рождаемости как на оккупированной территории, так и в советском тылу[9].

В конце 1961 г. по сталинским 7 млн был нанесен первый чувствительный удар. 5 ноября 1961 г. Н.С. Хрущев в письме шведскому премьер-министру Т. Эрландеру отметил, что прошедшая война «унесла два десятка миллионов жизней советских людей»[10] (вообще-то руководство ЦСУ СССР докладывало в ЦК КПСС, что потери составляют ***свыше*** 20 млн, но Хрущев убрал слово «свыше»). Тем не менее, несмотря на такое признание, в СССР вплоть до начала 1965 г. величина в 7 млн сохранялась в качестве официальной статистики.

8 мая 1965 г., накануне 20-летия Победы, Л.И. Брежнев в своей речи сказал, что «война унесла более двадцати миллионов жизней

советских людей»[11]. На другой день эта речь была опубликована в газетах, и именно с этого момента, то есть с 9 мая 1965 г., сталинские 7 млн перестали быть официальной статистикой. Таким образом, Хрущев назвал 20 млн, Брежнев — более 20 млн при одинаковой терминологии — «война унесла жизни».

Надо сказать, что статистика в виде «более 20 млн» родилась накануне 20-летия Победы уже в недрах ЦК КПСС, после того как ЦСУ СССР представило туда соответствующую информацию. Пока не совсем ясно, какая именно цифра была тогда названа, но, по всем признакам, в диапазоне от 26 млн до 28 млн. И уже там, в ЦК КПСС, ее «переправили» на «более 20 млн»[12]. С течением времени в пропаганде и на бытовом уровне обозначения «более» и «свыше» постепенно вышли из употребления и остались просто 20 млн.

Специалистам, осуществлявшим в 1964—1965 гг. эти расчеты, не была известна статистика военных потерь, но оценивали они их (в принципе вполне адекватно) в диапазоне от не менее 7 млн до не более 9 млн[13]. Поскольку за счет непомерно преувеличенных оценок гибели гражданского населения на оккупированной территории общее число людских потерь СССР доводилось до 26—28 млн, то оцениваемый в 7—9 млн человек удельный вес погибших военнослужащих получался неправдоподобно низким — от 26% до 32%. Следовательно, во все эти расчеты изначально был заложен ***ложный алгоритм*** о якобы значительном преобладании гражданских потерь над военными.

Представленную в начале 1965 г. в ЦК КПСС статистику всех людских потерь СССР (в диапазоне от 26 млн до 28 млн) следует, по нашему убеждению, квалифицировать как ***фальшивую***, так как она получилась в результате сложения не только вполне достоверных статистических компонентов, но и чудовищно преувеличенных оценок. Если бы в этих расчетах использовались более близкие к реальности данные ЧГК (6,8 млн), а не сверх всякой меры преувеличенные оценки людских потерь на оккупированной территории (якобы более 16 млн)[14], то тогда общий итог всех людских потерь СССР получился бы не в рамках 26—28 млн, а менее 20 млн. Поэтому произведенное в аппарате ЦК КПСС, а, возможно, и лично Л.И. Брежневым «исправление» этих 26—28 млн на «более 20 млн» было не совсем правильным. Правильней было бы исправить на «около 20 млн» или «почти 20 млн».

Это еще не все. В указанные расчеты были заложены миллионы виртуальных «мертвых душ», в действительности не существовавших. Чтобы было понятней, приведем такой пример: допустим, в каком-то районе за время войны умерло 300, а родилось 200 человек — разница между ними составляет 100 человек. И вот эту разницу, или отрицательное сальдо между смертностью и рождаемостью, а

не реально существовавших людей, в больших количествах включали в статистику людских потерь. Имеются сведения, что в указанные выше 26—28 млн были включены порядка 5,5 млн (из них свыше 3 млн — по оккупированной территории и 2,4 млн — по советскому тылу)[15] такого рода виртуальных «жертв», которые на самом деле погибнуть никак не могли, поскольку их вообще не существовало на свете. Из этого следует вывод, что даже величины «около 20 млн» или «почти 20 млн» являются существенно преувеличенными.

Практику включения арифметических величин, составляющих отрицательное сальдо между смертностью и рождаемостью, в общую статистику жертв войны мы считаем совершенно неприемлемой. Поскольку в военное время резко снизилась рождаемость (в основном потому, что десятки миллионов женщин и мужчин по понятным причинам были разъединены), то указанное отрицательное сальдо неизбежно образовывалось даже в тех районах, в которых уровень смертности либо оставался примерно таким же, как до войны, либо же увеличился незначительно. Вот тут-то отчетливо высвечивается ***порочность*** этого метода подсчета: даже при отсутствии значительного количества реальных жертв можно было (и так на практике делалось) насчитать многие миллионы «дополнительных потерь».

Статистику в 20 млн можно признать достоверной только с оговоркой, что она учитывает не только прямые жертвы войны, но и повышенный уровень естественной смертности населения, превышающий соответствующие показатели мирного времени. Данное обстоятельство сделало эти 20 млн несопоставимыми с соответствующей статистикой других стран (там включают в людские потери только прямые жертвы войны). Иначе говоря, исходя из методик подсчета, принятых в других странах, расчет людских потерь СССР, определяемый величиной в 20 млн, является преувеличенным. И преувеличен он в таком случае, по нашим оценкам, приблизительно на 4 млн человек, поскольку, как будет показано ниже, методом суммирования конкретных жертв войны (военнослужащих и гражданских лиц) получается около 16 млн человек.

На деле 20 млн — это суммарная численность прямых (16 млн) и косвенных (4 млн) потерь. Сам этот факт говорит о недостатках и издержках балансового метода исчисления, способного только установить общую численность прямых и косвенных потерь и не способного их вычленить и отделить друг от друга. И здесь невольно получается методологически неверное суммирование прямых и косвенных потерь, приводящее к определенной девальвации понятия «жертвы войны» и преувеличению их масштаба. Напомним, в соответствующих статистиках других стран косвенные потери отсутству-

ют. Вообще-то проблема косвенных потерь — это отдельная тема, и здесь должна, по идее, существовать отдельная статистика, и если и включать их в общее число людских потерь в войне, то надо сопровождать это рядом серьезных оговорок. Поскольку разъяснений такого рода никогда не делалось, то в общественном сознании величина в 20 млн искаженно воспринималась как общее число именно прямых жертв войны.

В течение четверти века (1965—1989 гг.) эти 20 млн являлись официальными данными потерь СССР в Великой Отечественной войне. Но в конце 1980-х годов, в разгар горбачевской перестройки, когда критиковались и ниспровергались многие прежние стереотипы и представления, это же коснулось и указанных официальных данных потерь. В публицистике они тогда клеймились как «фальшивые», и утверждалось, что на самом деле количество жертв войны было намного больше (свыше 40 млн). Причем эти заведомо ложные утверждения активно внедрялись в массовое сознание. Звучали призывы «установить правду о потерях». На волне этого «правдоискательства» с 1989 г. началась довольно бурная деятельность по «пересчету» людских потерь СССР в 1941—1945 гг.

Фактически всё это являлось составной частью инспирированной горбачевским Политбюро широкой пропагандистской кампании по «разоблачению сталинизма». Вся тогдашняя пропаганда была построена с таким расчетом, чтобы Сталин выглядел единственным виновником (Гитлера редко упоминали) огромных людских потерь в Великой Отечественной войне, и существовала предрасположенность (с целью усиления степени негативности образа Сталина и «сталинизма» в общественном сознании) «отменить» 20 млн и «насчитать» намного больше.

С марта 1989 г. по поручению ЦК КПСС работала государственная комиссия по исследованию числа человеческих потерь СССР в Великой Отечественной войне. Особенностью психологического настроя членов этой комиссии являлось убеждение, что тогдашние официальные данные людских потерь СССР в войне (20 млн) якобы «приблизительные» и «неполные» (что было их заблуждением), и ей, комиссии, надо насчитать значительно больше. Они рассматривали применявшийся ими метод демографического баланса как «новаторский», не понимая или не желая понимать, что еще во времена Хрущева и Брежнева при соответствующих расчетах использовался тот же метод.

В изданной в 1995 г. «Всероссийской Книге Памяти» подробно описана методика подсчетов, по результатам которых получилось почти 27 млн (точнее — 26,6 млн) всех людских потерь СССР в Великой Отечественной войне. Поскольку для наших дальнейших вы-

водов имеют значение даже самые мельчайшие подробности и нюансы, то ниже мы приводим это описание дословно и полностью:

> «Общие людские потери, исчисленные комиссией с помощью балансового метода, включают всех погибших в результате военных и иных действий противника, умерших вследствие повышенного уровня смертности в период войны на оккупированной территории и в тылу, а также лиц, эмигрировавших из СССР в годы войны и не вернувшихся после ее окончания. В число прямых людских потерь не включаются косвенные потери: от снижения рождаемости в период войны и повышенной смертности в послевоенные годы.
>
> Подсчет потерь балансовым методом производился за период с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1945 г. Верхняя граница периода была отодвинута от момента окончания войны на конец года, чтобы учесть умерших от ран в госпиталях, репатриацию в СССР военнопленных и перемещенных лиц из числа гражданского населения и репатриацию из СССР граждан других стран.
>
> Демографический баланс предполагает сопоставление населения в одних и тех же территориальных границах. Для расчетов были приняты границы СССР на 22 июня 1941 г.
>
> Оценка численности населения СССР на 22 июня 1941 г. получена путем передвижения на указанную дату итогов предвоенной переписи населения страны (17 января 1939 г.) с корректировкой чисел рождений и смертей за два с половиной года, прошедших от переписи до нападения фашистской Германии. Таким образом, численность населения СССР на середину 1941 г. определяется в 196,7 млн человек. На конец 1945 г. эта численность рассчитана путем передвижки назад возрастных данных Всесоюзной переписи 1959 г. При этом использована уточненная информация о смертности населения и данные о внешней миграции за 1946—1958 гг. Расчет произведен с учетом изменения границ СССР после 1941 г. В итоге население на 31 декабря 1945 г. определено в 170,5 млн человек, из которых 159,5 млн — родившиеся до 22 июня 1941 г.
>
> Общее число погибших, умерших, пропавших без вести и оказавшихся за пределами страны за годы войны составило 37,2 млн человек (разница между 196,7 и 159,5 млн человек). Однако вся эта величина не может быть отнесена к людским потерям, вызванным войной, так как и в мирное время (за 4,5 года) население подверглось бы естественной убыли за счет обычной смертности. Если уровень смертности населения СССР в 1941—1945 гг. брать таким же, как в 1940 г., то число умерших составило бы 11,9 млн человек. За вычетом указанной величины людские потери среди граждан, родившихся до начала войны, составляют 25,3 млн человек. К этой цифре необходимо добавить потери детей, родившихся в годы войны и тогда же умерших из-за по-

вышенной детской смертности (1,3 млн человек). В итоге общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне, определенные методом демографического баланса, равны 26,6 млн человек»[16].

Несмотря на кажущуюся фундаментальность и солидность указанных расчетов, у нас по мере неоднократных попыток их перепроверить неуклонно росло подозрение такого рода: а являются ли они, эти расчеты, результатом корректного подхода и не сокрыта ли здесь фальсификация? Наконец, стало ясно, в чем дело: за подробным и внешне беспристрастным описанием методики подсчета была сокрыта статистическая манипуляция, призванная увеличить прежние официальные данные потерь на 7 млн человек (с 20 млн до 27 млн) посредством занижения на то же количество (на 7 млн) масштабов естественной смертности в 1941—1945 гг. исходя из уровня смертности населения СССР в 1940 г. (без указания конкретного числа умерших в 1940 г.). Логика здесь, по-видимому, была такая: все равно никто не знает, сколько людей в СССР умерло в 1940 г., и не сможет проверить.

Проверить, однако, можно. По расчетам Госкомстата, в 1940 г. в СССР умерло 4,2 млн человек. Эта цифра была опубликована в 1990 г. в журнале «Вестник статистики»[17]. Она же фигурирует в вышедшем в 2000 г. 1-м томе фундаментального научного труда «Население России в XX веке»[18]. Это означает, что за 4,5 года (с середины 1941 г. до конца 1945 г.), если исчислять в соотношении 1: 1 к уровню смертности населения СССР в 1940 г., умерло бы 18,9 млн (4,2 млн × 4,5 года = 18,9 млн). Это такое количество людей, которые всё равно бы умерли в указанный период (1941—1945 гг.), даже если бы не было войны, и их надо вычитать из любых расчетов по определению людских потерь вследствие войны.

Комиссия, работавшая в 1989—1990 гг., это понимала и произвела соответствующую операцию в своих расчетах, но вычла (исходя якобы из уровня смертности в СССР в 1940 г.) только 11,9 млн человек. А надо-то было вычитать 18,9 млн! Именно таким способом были получены «дополнительные» 7 млн потерь (18,9 млн — 11,9 млн = 7 млн), в результате чего официальные данные людских потерь СССР в Великой Отечественной войне были увеличены в 1990 г. с 20 млн до 27 млн человек. По сути эти 27 млн есть такая же профанация, что и сталинские 7 млн, — только наизнанку.

Такова подоплека появления новой официальной статистики людских потерь в войне. Все прочие существовавшие и существующие версии ее происхождения, включая забавную «математическую формулу» (сталинские 7 млн + хрущевские 20 млн = горбачевские 27 млн)[19], являются, разумеется, ошибочными.

Новая статистика получилась такого же масштаба, что и представленные ЦСУ в начале 1965 г. в ЦК КПСС данные, «исправленные» там на «более 20 млн». Подсчеты, сделанные в начале 1965 г. (от 26 млн до 28 млн), легко опровергаются, так как при их изучении сразу же «всплывают» заложенные туда более 10 млн «лишних» (виртуальных) потерь на оккупированной территории. Сделанные же в 1989—1990 гг. подсчеты, в такой же мере недостоверные, выполнялись по более изощренной методике, и поэтому их недостоверность не так очевидна.

8 мая 1990 г. президент СССР М.С. Горбачев в докладе, посвященном 45-летию Победы, сказал, что «война унесла почти 27 миллионов жизней советских людей»[20]. Отметим, что Горбачев употребил ту же формулировку («унесла жизни»), что Хрущев и Брежнев. С этого времени, то есть с мая 1990 г., и по сей день эти «почти 27 млн» (иногда называют «точнее» — 26,6 млн) являются официальными данными людских потерь СССР в Великой Отечественной войне. Причем зачастую в пропаганде вместо достаточно корректного выражения «война унесла жизни», подразумевающего демографические потери в широком плане, употребляется глагол «погибнуть», что является серьезным смысловым искажением (тогда надо вычленять прямые жертвы войны в составе общих демографических потерь).

Любопытно, что даже в 1990 г. была соблюдена старая советская традиция, согласно которой всякая новая информация о статистике людских потерь в 1941—1945 гг. исходила только от высших должностных лиц партии и государства. За 1946—1990 гг. эта статистика менялась и уточнялась 4 раза, и всегда ее озвучивали генеральные секретари ЦК КПСС — последовательно И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев и М.С. Горбачев. Последние трое, по всей видимости, не сомневались в достоверности называемых цифр (Сталин же, как известно, сознательно сфальсифицировал статистику в сторону понижения ее масштаба).

Несмотря на господствовавшее восприятие этих новых официальных данных (27 млн) людских потерь СССР в войне как якобы истины в последней инстанции, все-таки в исторической науке полного единодушия не было, и имели место оценки, ставившие под серьезное сомнение их достоверность. Так, известный историк доктор исторических наук А.К. Соколов в 1995 г. отмечал: «...Хотелось бы напомнить отдельным авторам, склонным к преувеличениям, что Россия по мировым стандартам и с учетом ее территории — страна в общем-то малонаселенная... Странное представление о неисчерпаемости ее людских ресурсов — миф, на который работает большинство авторов, “разбрасывающихся” направо и налево десятками

миллионов жертв... Численность погибших в годы войны все-таки меньше, чем 27 млн человек»[21].

Но такие вполне здравые оценки новой официальной статистики были относительной редкостью. Гораздо чаще звучали призывы скорректировать ее в сторону значительного увеличения масштаба потерь. В июне 1991 г. было опубликовано интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г., в котором утверждалось, что СССР потерял во Второй мировой войне 44 млн человек[22]. В свете этого в первой половине 1990-х годов в научной, публицистической и журналистской среде нередко задавался вопрос: что же теперь считать официальными данными людских потерь в войне — горбачевские 27 млн или солженицынские 44 млн? Этот вовсе не риторический вопрос был снят с повестки дня в мае 1995 г., когда на торжествах по случаю 50-летия Победы президент РФ Б.Н. Ельцин озвучил ту же самую цифру[23], которую пятью годами раньше назвал М.С. Горбачев. После этого стало окончательно понятно, что «почти 27 млн» — это официальная статистика. Это также означало, что названная А.И. Солженицыным цифра (44 млн) на высшем государственном уровне была признана неправильной (хотя об этом прямо не говорилось).

Тем не менее, мифическая статистика в виде якобы более 40 млн жертв войны отнюдь не ушла в небытие. Иногда предпринимались довольно активные попытки представить эти «более 40 млн» подлинной статистикой, а 27 млн — «заниженной». Так, в статье Ю.Л. Дьякова, опубликованной в 2005 г., утверждается, что «проблему суммарных потерь армии и мирного населения решают демографические исследования, которые и вычислили страшную цифру — более 40 млн погибших»[24]. Здесь автор даже придумал для убедительности некие «демографические исследования», на основе которых якобы была вычислена эта цифра. На самом же деле та статистика, которую отстаивал и пропагандировал Ю.Л. Дьяков, представляла собой сильно преувеличенные умозрительные и интуитивные оценки, рождавшиеся в публицистической и журналистской среде и не базировавшиеся ни на каких конкретных подсчетах.

С начала 1990-х годов в научной среде стали известны результаты исчисления общих военных потерь, проведенные коллективом военных историков во главе с генерал-полковником Г.Ф. Кривошеевым. Согласно им, все потери военнослужащих убитыми и умершими (включая погибших в плену) составляли почти 8,7 млн человек (точнее — 8668,4 тыс.)[25]. Все эти расчеты были опубликованы в 1993 г. в статистическом исследовании «Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». Чтобы снять сомнения относительно

того, не представлены ли в этой статистике какие-нибудь скрытые категории выживших военнослужащих, мы проанализировали все ее составляющие, из которых она слагалась. Получается, что более 8,5 млн — это совершенно точно погибшие и умершие. А единственную прослойку выживших, включенных с легкой руки авторов указанной книги в общую статистику погибших и умерших, составляли военнопленные-«невозвращенцы» (по нашим оценкам, до 150 тыс. человек), расселившиеся после войны в составе т.н. «второй эмиграции» по различным странам мира.

Рассчитанное указанным коллективом военных историков количество общих потерь военнослужащих убитыми и умершими (8668,4 тыс.) на самом деле было недостоверным, существенно ниже реальных потерь, но, тем не менее, быстро вошло в научный оборот.

Таким образом, в течение 1990—1993 гг. для специалистов и более широкой аудитории были «запущены» две фактически фальшивые цифры: завышенные «почти 27 млн» (общие людские потери) и заниженные «почти 8,7 млн» (общие военные потери). Причем даже в сознании многих специалистов (не всех) эти цифры воспринимались как некие догматы, не подлежащие сомнению и оспариванию. И тут началось нечто, выходящее за рамки здравого смысла. С ходу определили общее количество (18,3 млн) гражданских потерь убитыми и замученными (27 млн — 8,7 млн = 18,3 млн), и стала пропагандироваться нелепейшая идея об «особом характере Великой Отечественной войны, в которой гражданские потери значительно превосходили военные». Любому здравомыслящему человеку ясно и понятно, что такого соотношения между военными и гражданскими потерями по определению быть не могло и что погибшие военнослужащие, безусловно, преобладали в общем составе прямых людских потерь. Невозможно оспорить тот факт, что в многочисленных братских могилах от Москвы до Берлина покоятся в основном люди в военной форме.

Тем не менее, эти фантастические 18,3 млн «гражданских жертв войны» стали «гулять» по страницам различных изданий. Поскольку эта величина документально никак не подтверждалась, то прослеживалась тенденция объяснить это неким виртуальным недоучетом гибели гражданского населения на территории СССР, подвергавшейся вражеской оккупации. Так, А.А. Шевяков в статье, опубликованной в 1991 г., уверенно констатировал: «В результате массового истребления мирного населения, преднамеренной организации голода на самих оккупированных советских территориях и гибели угнанного населения на немецкой каторге Советский Союз лишился 18,3 млн своих граждан»[26]. Шевяков нашел и объяснение того, почему раньше (в течение более 45 лет после войны) такие гигант-

ские масштабы гибели гражданского населения на оккупированных территориях никому не были известны и никто о них даже и не подозревал. Основную «вину» за это он возложил на ЧГК, которая, по его словам, «на местах состояла нередко из малоквалифицированных людей, не обладавших политическим чутьем и методикой выявления фашистских злодеяний»[27].

Претензии А.А. Шевякова к ЧГК в данном вопросе совершенно несправедливы. Местные комиссии ЧГК провели кропотливую работу по установлению потерь (убитыми и замученными) гражданского населения на бывшей оккупированной территории. Всего ими было насчитано 6,8 млн таких жертв. До конца 1960-х годов эта цифра была строго засекречена и впервые опубликована в 1969 г. в статье бывшего главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко[28]. Она же приведена и в вышедшем в 1973 г. 10-м томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»[29]. Какого-либо серьезного недоучета, вопреки утверждению Шевякова, в статистике ЧГК не прослеживается, а вот завышение данных бесспорно присутствует. Так, местные комиссии ЧГК нередко учитывали как погибших всех прежде здесь проживавших жителей сожженных безлюдных деревень, а потом выяснялось, что эти люди вовсе не погибли, а просто переселились на жительство в другие районы. В число жертв включали даже людей, находившихся в эвакуации. По этому поводу академик РАН Ю.А. Поляков отмечал: «Известно, например, что по многим городам сразу после войны людей, эвакуировавшихся в 1941 году и не вернувшихся, заносили в списки потерь, а потом они возвращались откуда-нибудь из Ташкента или Алма-Аты»[30]. На практике же местные комиссии ЧГК вносили в списки погибших и замученных немало живых людей, отсутствовавших по различным другим причинам. Следует также отметить, что в практике работы этих комиссий понятие «замученные» трактовалось широко, фактически позволяя включать в их число в широких масштабах и естественную смертность населения. И, наконец, из статистики ЧГК надо вычесть почти 642 тыс. умерших ленинградских блокадников, так как они не подпадают под категорию погибших и замученных на оккупированной территории, поскольку Ленинград не был оккупирован (это отдельная категория потерь).

Для нас совершенно ясно, что данные ЧГК о гибели гражданского населения на оккупированной территории преувеличены не менее чем в 2 раза. Конечно, отрицать геноцид, террор и репрессии оккупантов и их пособников нельзя, и, по нашим оценкам, такие жертвы, с учетом боевых потерь партизан из числа местных жителей, составляли никак не менее 3 млн человек. Это — основная составная часть прямых жертв войны гражданского населения СССР.

В зарубежной литературе прослеживается тенденция определять масштаб жертв геноцида, террора и репрессий на оккупированной территории СССР (имеется в виду только гражданское население) величинами обычно в диапазоне от 700 тыс. до 900 тыс., иногда — немногим выше 1 млн человек. Но мы продолжаем настаивать, что именно наша оценка (не менее 3 млн человек) ближе к истине. Зарубежные авторы принципиально ограничивают территорию СССР границами по состоянию на 1 сентября 1939 г. и дают соответствующие оценки только по «старым советским областям», исключая Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию и Северную Буковину (а ведь именно в этих регионах количество только жертв Холокоста оценивается величинами, значительно превышающими 1,5 млн человек)[31]. Наша же принципиальная позиция прямо противоположная — мы считаем все выше перечисленные регионы составной частью СССР (в его границах на 21 июня 1941 г.). Собственно, в основном из-за этого различия в трактовке понятия «территория СССР» наша оценка масштабов гибели гражданского населения на оккупированной советской территории значительно расходится с соответствующими оценками, бытующими в зарубежной литературе.

В российской литературе последних десятилетий господствующей тенденцией было стремление представить статистику ЧГК (6,8 млн) якобы «неполной», «заниженной» и поэтому «недостоверной». Чтобы увеличить ее масштаб, для начала придумали 0,6 млн «дополнительных» потерь (будто бы не учтенных ЧГК) и вывели новую величину — 7,4 млн человек (6,8 млн + 0,6 млн = 7,4 млн). Что же это за т.н. «дополнительные» потери? Оказывается, немцы якобы преднамеренно заражали опасными инфекционными бациллами (бактериями) целые районы оккупированной территории, чтобы вызвать массовую смертность местного населения, в результате чего «дополнительно» погибли 0,6 млн человек (почему именно сочинили величину в 0,6 млн, а не какое-то другое количество, — никто объяснить не может). При этом никаких доказательств не приводится, и их не может быть, потому что описанная ситуация является придуманной некоторыми современными российскими авторами и не соответствующей действительности. Ведь на оккупированной территории проживало не только местное население, но также находились оккупационные войска, администрация, полиция и т.д. (а вредоносные бациллы не разбирают, кто есть местный житель, а кто — солдат оккупационных войск). Из опасения заразить самих себя немцы, разумеется, не занимались заражением оккупированной территории вредоносными бациллами. Однако, несмотря на очевидную несостоятельность этой «версии», «дополнительные» 0,6 млн были включены в общее число людских

потерь на оккупированной территории, и новый статистический суррогат в 7,4 млн «прижился» в отечественной историографии. Так, в вышедшем в 2001 г. солидном статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века» черным по белому записано: «Всего было преднамеренно истреблено мирного населения на оккупированной территории более 7,4 млн человек»[32].

Дальше — больше. Авторам книги «Россия и СССР в войнах XX века» величина в 7,4 млн показалась недостаточной, и они, приплюсовав к ней еще 4,1 млн, получили в итоге более 11,5 млн жертв гражданского населения на оккупированной территории СССР[33]. Как же это получилось? Мимоходом упомянув какие-то «социологические исследования» и «имеющиеся данные» (под последними чаще всего имелись в виду нелепые статистические «изыскания» А.А. Шевякова), авторы этого труда определили в 4,1 млн человек фактическое превышение смертности на оккупированной территории над средними значениями мирного времени. По их версии, более 7,4 млн было преднамеренно истреблено и 4,1 млн — погибло от преднамеренно жестоких условий оккупационного режима, то есть от голода, инфекционных болезней, отсутствия медицинской помощи и т.п. Но дело в том, что по большей части здесь получается дублирование, так как в свое время комиссии ЧГК старались таковых учитывать и включали их в категорию «замученные».

Чтобы убедительней показать несостоятельность «новой статистики» в виде 11,5 млн жертв на оккупированной территории, следует пояснить, что авторы книги «Россия и СССР в войнах XX века» в качестве отправной точки для перерасчетов избрали не вызывающие абсолютно никакого доверия и поэтому совершенно не используемые в научной литературе «подсчеты» А.А. Шевякова, согласно которым на оккупированной советской территории якобы только от голода и эпидемий умерло 8,5 млн человек[34]. Понимая, что эта «статистика» слишком недостоверна, авторы указанной книги произвели с ней определенную трепанацию, сократив более чем в 2 раза (с 8,5 млн до 4,1 млн)[35], что отнюдь не привело к ее трансформации из недостоверной в достоверную. Все, что теперь известно о жизни на оккупированной территории, а также элементарный здравый смысл показывают, что масштаб смертности от голода там никак не мог превышать соответствующего масштаба в блокадном Ленинграде. И тех, кто действительно умер от голода или не оказания медицинской помощи при тяжелой болезни, местные комиссии ЧГК вносили в списки потерь. Поэтому сводную статистику ЧГК (6,8 млн), и без того, как мы показали выше, преувеличенную примерно в 2 раза, совершенно не нужно было «дополнять» новыми придуманными жерт-

вами и доводить ее сначала до 7,4 млн, а потом — до 11,5 млн. Все эти «дополнения» — это этапы конструирования ложной статистики.

Надо сказать, что в современной отечественной литературе статистика жертв гражданского населения на оккупированной территории СССР в виде 11,5 млн человек используется крайне редко, так как большинство авторов осознают ее искусственность и недостоверность. Гораздо чаще используется величина в 7,4 млн (тоже недостоверная, но в меньшей степени). Для восприятия же достоверной статистики в виде не менее 3 млн человек современное поколение отечественных исследователей и публицистов пока психологически не созрело. Не так-то легко отрешиться от вбиваемого десятилетиями в их головы всякого рода статистического суррогата.

В литературе и публицистике распространено странное представление, что проблема выяснения потерь гражданского населения будто бы касается только территории, подвергавшейся оккупации (отсюда и тенденция придумывать применительно к ней мифические «новые жертвы», поскольку иначе не получается свести концы с концами и получить в итоге искомые почти 27 млн всех людских потерь), а не всего СССР. В действительности же работавшая в 1989—1990 гг. комиссия в исчисленные ею общие людские потери (26,6 млн) включила «умерших вследствие повышенного уровня смертности в период войны на оккупированной территории и в тылу»[36]. Обращаем внимание на концовку этой фразы: «***и в тылу***». Это означает, что комиссия имела в виду ***всю территорию СССР***. Поэтому повышенная смертность гражданских лиц в советском тылу на почве недоедания, перегрузок на работе и т.п. тоже входит в указанную общую статистику потерь. Мы же решительно против включения их в прямые жертвы войны. Можно, конечно, дискутировать по вопросу о том, применима ли к ним формулировка «война унесла жизни», но и даже при такой формулировке всех умерших гражданских лиц в советском тылу (за исключением погибших от бомбежек, артобстрелов и т.п.), по нашему мнению, не следует включать в статистику прямых людских потерь вследствие войны. Речь в данном случае можно вести только о ***повышенном*** уровне ***естественной*** смертности гражданского населения в советском тылу.

В прямые гражданские жертвы войны входят и умершие советские граждане, угнанные на принудительные работы в Германию и находившиеся там на положении т.н. «восточных рабочих» («остарбайтеры»). Если строго опираться на имеющиеся в исторических источниках статистические данные (что является нашей профессиональной обязанностью), то о масштабах смертности «остарбайтеров» можно дискутировать только в следующем диапазоне: от 100 тыс. до

200 тыс. человек. Но это такая сфера, где начисто игнорируются прямые показания исторических источников и взамен них преподносятся нелепые и фантастические «предположения» и «расчеты» с виртуальными «миллионами жертв». А.А. Шевяков «насчитал» даже два варианта нелепейшей «статистики» гибели советских гражданских лиц на работах в Германии — 2,8 млн и 3,4 млн[37]. Ложная статистика приведена и во «Всероссийской Книге Памяти», и в книге «Россия и СССР в войнах XX века» — якобы таких жертв было 2 164 313 человек[38]. «Точность» этой цифры не должна вводить в заблуждение — это для отвода глаз. Вся эта «статистика» ни в каких документах не фигурирует и целиком является плодом авторских фантазий.

Однако существует относительно надежный исторический источник в виде сводной немецкой статистики смертности «восточных рабочих» по отдельным месяцам. К сожалению, по ряду месяцев таких сводок исследователям выявить не удалось, но и по имеющимся можно составить достаточно ясную картину масштаба их смертности. Приводим численность умерших «остарбайтеров» по отдельным месяцам 1943 г.: март — 1479, май — 1376, октябрь — 1268, ноябрь — 945, декабрь — 899; за 1944 г.: январь — 979, февраль — 1631 человек[39]. Эта статистика учитывает смертность не только тех «восточных рабочих», которые находились в арбайтлагерях и по месту жительства хозяев, но и помещенных за различные «преступления» в концлагеря. Опираясь на эти данные и используя метод экстраполяции (с учетом возможных скачков в уровне смертности в отдельных месяцах, по которым нет сведений), П.М. Полян определил общую смертность «восточных рабочих» в диапазоне от 80 тыс. до 100 тыс.[40] В принципе с Поляном можно согласиться, но нас смущает одно обстоятельство — отсутствие сведений за последние месяцы войны, а в связи с перенесением военных действий на территорию Германии масштабы гибели «восточных рабочих», по ряду косвенных признаков, значительно возросли (это, кстати, касалось и немецкого гражданского населения). Поэтому мы склонны определить численность погибших и умерших советских гражданских лиц («восточных рабочих») в Германии величиной около 200 тыс.

В прямые гражданские потери входят погибшие бойцы гражданских добровольческих формирований — незавершенных формирований народного ополчения, отрядов самообороны городов, истребительных отрядов, боевых групп партийно-комсомольского актива, спецформирований различных гражданских ведомств и др. (потери партизан из числа местных жителей входят в общую статистику жертв на оккупированной территории), а также гибель гражданского населения от бомбежек, артобстрелов и т.п. Эти жертвы исчисляют-

ся многими сотнями тысяч. Составной частью прямых гражданских потерь являются ленинградские блокадники (по статистике ЧГК, почти 642 тыс. умерших)[41].

Суммируя все вышеприведенные составляющие прямых гражданских потерь, к которым без всяких натяжек применим термин «жертвы войны», мы определяем их общее количество величиной, как минимум, 4,5 млн человек.

Что касается военных потерь убитыми и умершими, то они составляли не менее 11,5 млн (а отнюдь не почти 8,7 млн). Речь идет об общем числе военнослужащих, не доживших до конца войны, и их мы условно подразделяем на три группы: 1) боевые потери; 2) не боевые потери; 3) умершие в плену.

Боевые потери военнослужащих мы определяем величиной около 7 млн (большинство их погибло непосредственно на поле боя). Наши оценки относительно боевых потерь убитыми и умершими несколько расходятся с указанной в книге «Гриф секретности снят» величиной — 6329,6 тыс.[42] Однако это расхождение можно устранить посредством объяснения одного явного недоразумения. В одном месте этой книги отмечено: «Около 500 тыс. погибло в боях, хотя по донесениям фронтов они были учтены как пропавшие без вести»[43]. Но в общее число боевых потерь (6329,6 тыс.) эти около 500 тыс. человек авторами книги «Гриф секретности снят» почему-то не включены, несмотря на их же собственное утверждение, что они погибли в боях. Поэтому, когда мы утверждаем, что боевые потери убитыми и умершими составляли около 7 млн, то надо иметь в виду, что это с учетом оценочной численности погибших в боях в составе пропавших без вести.

Т.н. ***не боевые*** потери составляют свыше 0,5 млн человек. Это — военнослужащие, умершие от болезней, а также удручающе большое количество погибших в результате всякого рода происшествий и несчастных случаев, не связанных с боевой обстановкой. Сюда же входят почти 160 тыс. расстрелянных по приговорам военных трибуналов и приказам командиров в основном за трусость и дезертирство. В книге «Гриф секретности снят» указано общее количество всех этих не боевых потерь — 555,5 тыс. человек[44].

В общее число военных потерь убитыми и умершими входят также почти 4 млн ***советских военнопленных***. Нам могут возразить, что в отечественной и зарубежной литературе называются другие цифры, значительно ниже указанной величины. В книге «Гриф секретности снят» в рубрике «Не вернулось из плена (погибло, умерло, эмигрировало в другие страны)» в качестве итоговой цифры указана непонятная и вызывающая острое недоверие у специалистов величина — 1783,3 тыс. человек[45]. Эту цифру следует сразу же отбросить ввиду ее очевидной

абсурдности. Несравненно ближе к истине стоят данные немецкой сводной статистики, согласно которым в немецком плену умерли 3,3 млн советских военнопленных[46]. Эта цифра является наиболее ходовой в научной литературе и не вызывает особого недоверия у специалистов. Однако изучение методики подсчета немецких сводных данных выявило весьма существенную их неполноту — от 600 тыс. до 700 тыс. советских военнопленных, которые в действительности погибли в плену, не вошли в немецкую сводную статистику смертности. Чтобы эти наши утверждения не выглядели голословными, мы приведем следующую аргументацию. Во-первых, сводная немецкая статистика смертности советских военнопленных (3,3 млн человек) по состоянию на 1 мая 1944 г., а война-то продолжалась еще целый год, за который отсутствуют соответствующие сведения; во-вторых, указанная сводная статистика состоит как бы из двух частей, где данные за 1942—1944 гг. можно признать полными, поскольку отсчет велся от момента пленения, а вот за 1941 г. немцы «вмонтировали» в нее, сводную статистику, только данные лагерной статистики, то есть не учтены пленные, погибшие в 1941 г. в промежуток времени от момента пленения до момента поступления в лагеря (это крупный недоучет — по нашим оценкам, не менее 400 тыс. советских пленных немцы в 1941 г. не довели живыми до лагерей). В-третьих, указанная статистика касается только немецкого плена, и там не отражена смертность советских военнопленных в финском и румынском плену. Опираясь на эту аргументацию, мы продолжаем настаивать, что масштаб смертности советских военнопленных (суммарно по немецкому, финскому и румынскому плену) составлял более 3,9 млн или почти 4 млн человек.

Таким образом, общие потери военнослужащих убитыми и умершими (включая погибших в плену) составляли, как минимум, 11,5 млн человек. Утверждение авторов книги «Гриф секретности снят», что все эти потери военнослужащих в сумме составляли почти 8,7 млн (точнее — 8668,4 тыс.), безусловно является ошибочным. Это в основном произошло из-за того, что авторы этой книги совершенно неправильно определили масштаб смертности советских военнопленных, существенно занизив его.

Странно, что авторы книги «Гриф секретности снят» проигнорировали данные ЧГК, согласно которым на оккупированной территории СССР было убито и замучено 3 912 883 советских военнопленных. Эти подсчеты были сделаны уже к осени 1945 г., но тогда И.В. Сталин их не утвердил и не допустил их публикации[47]. Позиция Сталина понятна — ведь эти подсчеты никак не укладывались в сконструированную им же самим ложную статистику всех людских потерь СССР, составлявших якобы около 7 млн человек. Полу-

чалось, что более половины всех этих потерь составляли военнослужащие, погибшие и умершие в плену, а менее половины — все остальные потери (включая погибших на фронте). Такая ситуация выглядела бы слишком неправдоподобной, и, в случае обнародования указанной статистики ЧГК пришлось бы существенно скорректировать в сторону увеличения и общую статистику людских потерь страны. Ради сохранения официальной статистики всех людских потерь СССР (7 млн человек) публикация указанных данных ЧГК о смертности советских военнопленных была, естественно, совершенно исключена. С этим нам все ясно и понятно.

Понятно также и то, что весной 1956 г. комиссия Г.К. Жукова, созданная по заданию Президиума ЦК КПСС для выяснения судьбы бывших советских военнопленных, просто физически не могла использовать данные ЧГК о масштабах их смертности в плену (свыше 3,9 млн), поскольку определила общее число попавших в плен военнослужащих величиной, ненамного превышавшей 2,6 млн человек, из числа которых, по уверению этой комиссии, умерло в плену свыше 600 тыс.[48] С высоты сегодняшнего дня (в плане степени изученности этой проблемы) совершенно ясно, что комиссия Г.К. Жукова в 1956 г. фактически сфабриковала ложную, сильно приуменьшенную статистику советских военнопленных (это касается и общего числа попавших в плен, и особенно масштабов их смертности в плену). Но в ситуации 1956 г., когда сохранялась официальная статистика всех людских потерь СССР в виде 7 млн, именно данные комиссии Г.К. Жукова (в отличие от данных ЧГК) были востребованными, поскольку они органически вписывались в тогдашнюю ***фальшивую*** статистику всех военных и гражданских жертв войны, не противоречили ей и не ставили ее под сомнение. Главным здесь было поддержание «достоверности» официальной ***фальшивой*** статистики, и все ее составляющие (включая численность погибших и умерших во вражеском плену советских военнослужащих) тоже обязательно должны были быть ***фальшивыми***.

Но не совсем понятно, зачем авторы сборника «Гриф секретности снят» полностью проигнорировали данные ЧГК и занимались конструированием заниженной и соответственно заведомо неправильной статистики гибели советских военнопленных, если они, авторы этого сборника, работали в то время (начало 1990-х годов), когда официальные данные всех людских потерь СССР составляли не 7 млн, а были доведены до почти 27 млн человек? Ведь теперь указанная статистика ЧГК относительно масштабов смертности советских военнопленных вполне укладывалась в официальные данные всех людских потерь СССР и никак им не противоречила. У авторского коллектива указанного сборника не было никаких

препятствий для получения этой статистики ЧГК, так как с конца 1960-х годов она уже не являлась секретной и неоднократно публиковалась, в том числе в солидных научных трудах и энциклопедиях[49].

Может возникнуть вопрос: а насколько достоверна эта статистика ЧГК? И тут мы сталкиваемся с неожиданной коллизией, заключающейся в том, что данная статистика учитывает смертность советских военнопленных только на оккупированной советской территории. Однако, по нашим оценкам и расчетам, на территории Германии и других европейских стран умерло не менее 1,5 млн советских пленных[50], которые в статистике ЧГК не учтены, но если их к ней приплюсовать, то в сумме получается порядка 5,4 млн человек (1,5 млн + 3,9 млн = 5,4 млн). Но, по нашим расчетам, общее число погибших и умерших советских военнопленных не могло превышать 4 млн, из чего следует, что соответствующая статистика ЧГК преувеличена примерно на 1,4 млн человек (5,4 млн — 4,0 млн = 1,4 млн). Этому есть объяснение — ведь местным комиссиям ЧГК при соответствующих подсчетах зачастую приходилось опираться на результаты опросов свидетелей, а здесь уже вступал в силу субъективный фактор, и в ряде свидетельских показаний наверняка присутствовало сильное преувеличение.

Отметим, что 11,5 млн — это количество людей, являвшихся на момент смерти военнослужащими. В эту статистику не входят умершие еще во время войны демобилизованные искалеченные военнослужащие, так как на момент смерти являлись уже гражданскими лицами. Они являются составной частью косвенных людских потерь и входят в определяемый нами примерно в 4 млн человек скачок в естественной смертности населения вследствие войны. Коллектив военных историков во главе с Г.Ф. Кривошеевым при своих расчетах военных потерь убитыми и умершими об этих людях напрочь «забыл».

Следовательно, методом сложения конкретных прямых потерь получается приблизительно 16 млн, из них 11,5 млн — военные, 4,5 млн — гражданские. И именно таким способом принято исчислять потери в других воевавших странах. Например, общие людские потери Японии во Второй мировой войне (2,5 млн человек)[51] были исчислены, исходя из специфики японских потерь, посредством сложения их составляющих: погибшие на войне + умершие в плену + жертвы бомбежек, в том числе от американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Т.н. балансовый метод при подобных расчетах не использовался ни в Японии, ни в других странах. И это правильный подход: общее число жертв войны, безусловно, надо исчислять посредством сложения разных компонентов конкретных потерь.

Но можно и балансовым методом доказать, что прямые людские потери (жертвы войны) СССР составляли около 16 млн. Для этого надо установить корректное соотношение уровня естественной смертности между относительно благополучным в демографическом плане 1940 г. и экстремальными 1941—1945 гг. Соотношение 1: 1, установленное работавшей в 1989—1990 гг. комиссией, нельзя признать корректным. Ведь было же понятно, что в 1941—1945 гг. в связи с ухудшением условий жизни, отсутствием дефицитных лекарств и т.п. уровень естественной смертности населения неизбежно возрастет. И здесь необходима поправка в сторону увеличения при исчислении этого уровня применительно к экстремальным 1941—1945 гг. и установить его в рамках не 18,9 млн, а довести хотя бы до 22 млн. Эта величина (22 млн) является, по нашему мнению, минимально допустимым уровнем естественной смертности населения в 1941—1945 гг. По нашим подсчетам и оценкам, к концу 1945 г. не было в живых порядка 38 млн человек, живших до войны, а также родившихся во время войны и тогда же умерших (в это число входят и лица, которые на самом деле были живы, но находились в эмиграции), и если из этого количества вычесть указанные 22 млн, то остается 16 млн жертв войны (38 млн — 22 млн = 16 млн).

А теперь сравним это с описанной в вышедшей в 2006 г. книге «Демографическая модернизация России» методикой подсчетов, по итогам которых получились названные в 1965 г. Л.И. Брежневым более 20 млн потерь:

> «Сохранившиеся в архиве ЦСУ СССР документы позволяют приблизительно восстановить методику расчетов и статистические материалы, лежащие в основе этой оценки. Они опирались на данные и оценки численности гражданского населения, погибшего (прямые потери) на оккупированных территориях (13,1 млн человек), оценки военных потерь (от 7 до 8,8 млн человек) и оценки потерь, объединенных в достаточно невнятную категорию “превышение резко увеличившейся смертности над сильно сократившейся рождаемостью” на оккупированных территориях (3—3,5 млн человек). К этим потерям было добавлено еще 2,4 млн человек — превышение смертности над рождаемостью по не оккупированной территории. В сумме получено от 25,5 до 27,8 млн человек. Результаты расчетов были переданы “наверх” и там трансформировались в расплывчатую формулу “свыше 20 миллионов”»[52].

Что об этом можно сказать? При данных расчетах активно использовалось отрицательное сальдо между рождаемостью и смертностью на оккупированной территории и в советском тылу, то есть в свод-

ную статистику вошли не только погибшие и замученные люди, но и арифметические величины (но не конкретные люди), составляющие разницу между показателями (расчетными) смертности и рождаемости. Это означает, что подсчет фактически велся методом суммирования реальных и виртуальных жертв. Но главное в другом: бросается в глаза фантастически преувеличенный масштаб гибели (в результате истребления, а также превышения смертности над рождаемостью) гражданского населения на оккупированной территории — более 16 млн. Здесь налицо преувеличение ни много ни мало примерно на 13 млн человек! Не мудрено, что, оперируя подобного рода цифрами, в итоге общие людские потери СССР были рассчитаны в диапазоне от 25,5 млн до 27,8 млн. Л.И. Брежнев вполне благоразумно «округлил» эти данные до «более 20 млн», но этого было явно недостаточно. Тут надо было сделать сокращение, как минимум, на 10—11 млн человек и получить в итоге примерно 16 млн ***действительных*** жертв войны.

Тот факт, что установленный масштаб естественной смертности населения в военные годы нельзя включать в общую статистику прямых жертв войны, совершенно очевиден, и большинством исследователей не оспаривается. Однако иногда в литературе высказывается и иная точка зрения. Так, И.И. Ивлев в статье, опубликованной в 2012 г., утверждает, что при подсчете людских потерь СССР надо «вести речь об общей утрате граждан СССР, погибших, умерших на фронте, в плену, в оккупации и в тылу от всех факторов, имевших место в военные годы, а не вычитать тех, кто якобы был “обязан умереть” согласно уровня смертности мирного 1940 года»[53]. Из этого следует, что И.И. Ивлев является сторонником включения всей естественной смертности населения в общее число жертв войны. Понятно, что такой подход делает неизбежным при соответствующих подсчетах гипертрофированное преувеличение численности последних. Надо понимать, что естественная смертность населения — это одно, а жертвы войны — совсем иное.

Коснемся немного проблемы сопоставимости наших потерь с потерями других стран. Общие людские потери Японии (2,5 млн) сопоставимы с рассчитанными нами 16 млн, но несопоставимы с хрущевскими и брежневскими 20 млн. Почему так? А потому, что в японских потерях не учтена возможная повышенная смертность гражданского населения в военные годы по сравнению с мирным временем. Это не учтено ни в немецких, ни в английских, ни во французских, ни в иных общих людских потерях в войне. В других странах подсчитывали именно прямые людские потери, а названная в 1961 г. Н.С. Хрущевым величина в 20 млн подразумевала демографические потери в широком плане, включающая в себя не только

прямые людские потери, но и скачок в естественной смертности населения в военное время. Кстати, минимальные расчеты германских людских потерь (6,5 млн) сопоставимы именно с нашими 16 млн, но несопоставимы с 20 млн, так как немцы, не применяя балансового метода и не определяя скачка в естественной смертности населения, старались скрупулезно подсчитать и суммировать все составляющие прямых военных и гражданских потерь, включая ставших жертвами Холокоста немецких евреев[54].

Конечно, в военное время резко снизилась рождаемость. В дилетантской среде прослеживается тенденция включать «не родившихся детей» в общее число людских потерь в войне. Причем «авторы» обычно не имеют понятия, сколько же, собственно, детей «недородилось», и делают крайне сомнительные «расчеты», руководствуясь при этом исключительно собственной «интуицией» и доводя за счет этого общие людские потери СССР иногда даже до 50 млн. Разумеется, подобную «статистику» нельзя воспринимать всерьез. В научной демографии всего мира включение не родившихся детей в общее число людских потерь в войне принято считать некорректным. Иначе говоря, в мировой науке это запрещенный прием.

Существует довольно большой пласт всякого рода литературы, в которой, даже без учета «не родившихся детей», посредством некорректных статистических манипуляций и ухищрений и «интуитивных оценок» выводятся самые невероятные и, естественно, заведомо ложные цифры прямых потерь — от 40 млн и выше. Вести цивилизованную научную дискуссию с этими «авторами» невозможно, поскольку, как нам неоднократно приходилось убеждаться, их цель состоит не в поисках исторической правды, а лежит совсем в иной плоскости: ошельмовать и дискредитировать советских руководителей и военачальников и в целом советскую систему; принизить значение и величие подвига Красной Армии и народа в Великой Отечественной войне; возвеличить успехи нацистов и их пособников.

Конечно, 16 млн прямых людских потерь — это огромные жертвы. Но они, по нашему глубокому убеждению, отнюдь не принижают, а, наоборот, возвеличивают подвиг народов многонациональной страны (СССР) в Великой Отечественной войне.

Мы отнюдь не рассматриваем результаты нашего исследования как истину в последней инстанции, ибо в ходе дальнейшего изучения возможны различные корректировки и уточнения. По нашему убеждению, следует оживить и активизировать постепенно угасающую практику научных дискуссий по проблеме людских потерь СССР в 1941—1945 гг.

[1] Большевик. — 1946. — № 5. — С. 3.
[2] Правда. — 1946. — 14 марта.
[3] *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина. — М., 1989. — Кн. 2, ч. 2. — С. 26.
[4] См.: Там же.
[5] *Михалев С.Н.* Людские потери в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: стат. исследование. — Красноярск, 2000. — С. 97 (со ссылкой на: Центральный архив Министерства обороны (ЦА МО РФ). — Ф. 14. — Оп. 3028. — Д. 8. — Л. 1—2). См. также: *Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К.* Когда мы узнаем реальную цену разгрома гитлеровской Германии? // «Умылись кровью»?: ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне. — М., 2012. — С. 26.
[6] *Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К.* Указ. соч. — С. 27.
[7] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. 7021. — Оп. 116. — Д. 246б. — Л. 1—3.
[8] Документ размещен в Интернете Д.Д. Богоявленским (со ссылкой на: Всероссийский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 1562. — Оп. 33. — Д. 2990. — Л. 75).
[9] Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А.Г. Вишневского. — М., 2006. — С. 439.
[10] Международная жизнь. — 1961. — № 12. — С. 8.
[11] Правда. — 1965. — 9 мая.
[12] Демографическая модернизация России, 1900—2000. — С. 439.
[13] Там же.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Всероссийская Книга Памяти, 1941—1945 гг. — М., 1995. — Обзорный том. — С. 395—396.
[17] Вестник статистики. — 1990. — № 7. — С. 34—46.
[18] Население России в XX веке: ист. очерки / отв. ред. Ю.А. Поляков. — М., 2000. — Т. 1 / отв. ред. В.Б. Жиромская. — С. 340.
[19] См., напр.: *Буровский А.* Мединский и война. Создатель мифов или только пособник? // Анти-Мединский: Псевдо-история Второй Мировой. Новые мифы Кремля. — М., 2012. — С. 210.
[20] Правда. — 1990. — 9 мая.
[21] *Соколов А.К.* Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. — СПб., 1995. — С. 22.
[22] Размышления по поводу двух гражданских войн: интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. // Комсомольская правда. — 1991. — 4 июня.
[23] См.: Российская газета. — 1995. — 9 мая.
[24] *Дьяков Ю.Л.* Горькое чувство истории: за ошибки власти расплачивается народ // Россия в XX веке. Война 1941—1945 годов. Современные подходы. — М., 2005. — С. 82.
[25] Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: стат. исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. — М., 1993. — С. 131.
[26] *Шевяков А.А.* Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социологические исследования. — 1991. — № 12. — С. 10.
[27] Там же. — С. 6.
[28] *Руденко Р.А.* Забвению не подлежит // Правда. — 1969. — 24 марта. — С. 4.

[29] История СССР с древнейших времен до наших дней. — М., 1973. — Т. 10. — С. 390.
[30] *Поляков Ю.А.* Основные проблемы изучения людских потерь СССР в Великой Отечественной войне // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. — СПб., 1995. — С. 11.
[31] См.: *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941—1945 гг. — М., 2002. — С. 303—304; Холокост на территории СССР: энциклопедия. — М., 2009. — С. 785; *Кропачев С.А.* Становление отечественной историографии Холокоста и проблемы определения численности его жертв // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: материалы VII Междунар. науч. конф. — Краснодар, 2012. — С. 34.
[32] Россия и СССР в войнах XX века: потери Вооруженных Сил: ст. исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. — М., 2001. — С. 230.
[33] Там же. — С. 232.
[34] *Шевяков А.А.* Указ. соч. — С. 9.
[35] Россия и СССР в войнах XX века ... — С. 232.
[36] Всероссийская Книга Памяти. — Обзорный том. — С. 395.
[37] *Шевяков А.А.* Указ. соч. — С. 10.
[38] Всероссийская Книга Памяти. — Обзорный том. — С. 406; Россия и СССР в войнах XX века ... — С. 231.
[39] *Полян П.[М.].* Жертвы двух диктатур: остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. — М., 1996. — С. 146.
[40] Там же. — С. 68.
[41] ГА РФ. — Ф. 7021. — Оп. 116. — Д. 246б. — Л. 1—3.
[42] Гриф секретности снят. — С. 130.
[43] Там же. — С. 338.
[44] Там же. — С. 130.
[45] Там же. — С. 131.
[46] *Streit C.* Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen, 1941—1945. — Bonn, 1991. — S. 244—246.
[47] *Всеволодов В.А.* «Ступайте с миром»: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945—1958 гг.). — М., 2010. — С. 84, 209; *Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К.* Указ. соч. — С. 27.
[48] См.: *Гареев М.А.* О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. — 1991. № 4. — С. 47.
[49] См.: *Руденко Р.А.* Забвению не подлежит // Правда. — 1969. — 24 марта. — С. 4; История СССР с древнейших времен до наших дней. — Т. 10. — С. 390; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. — М., 1976. — С. 369; Великая Отечественная война, 1941—1945: энциклопедия. — М., 1985. — С. 157; и др.
[50] См.: *Земсков В.Н.* «Статистический лабиринт»: общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. — 2011. — № 3. — С. 29.
[51] *Хаттори Т.* Япония в войне, 1941—1945 / сокр. пер. с яп. В.П. Гужавина [и др.]. — М., 1973. — С. 606.
[52] Демографическая модернизация России, 1900—2000. — С. 439.
[53] *Ивлев И.И.* Генеральская ложь // Военно-исторический архив. — 2012. — № 9. — С. 43.
[54] Методику немецких подсчетов см.: *Якобсен Г.-А.* 1939—1945. Вторая мировая война: хроника и документы / пер. с нем ГЯ. Рудого. — М., 1995. — С. 237—239. Загл. пер.: Вторая мировая война: Два взгляда.

А.Г. Гуськов

«...ЭТОТ МУЧИТЕЛЬНЫЙ ТРУД МОЖЕТ ВЫДЕРЖАТЬ ТОЛЬКО РУССКИЙ СОЛДАТ»: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЫМА КРАСНОЙ АРМИЕЙ В 1944 г.*

В публикации приводятся записи бесед с военнослужащими 216-й Сивашской Краснознаменной стрелковой дивизии, участвовавшими в освобождении Крымского полуострова от немецко-румынских войск. Особый интерес для многогранной реконструкции боевых будней представляет сопоставление двух разных взглядов на одни и те же события — командира дивизии и рядового красноармееца.
Ключевые слова: Великая Отечественная война; освобождение Крыма; 216-я дивизия; генерал-майор Г.Ф. Малюков; полковник Л.Г. Володарский; сапер Е.Я. Тищенко.

A.G. Guskov
«…This painful labor can only withstand a Russian soldier»: new records on liberation of the Crimea by the Red Army in 1944

The publication of records is based on interviews with militants of the 216th Sivash infantry division of the Red Army, who took an active part in the liberation of the Crimean Peninsula from the German-Romanian troops. A division commander and an ordinary soldier each tell their own story about the same military operations, which is particularly important for the reconstruction of the multi-faceted history of the war.
Keywords: Great Patriotic War; liberation of the Crimea; 216 military division; major-general G.F. Malyukov; colonel L.G. Volodarsky, soldier-sapper E.Y. Tishchenko.

Операция по освобождению от немецко-фашистских захватчиков Крымского полуострова, проходившая с 8 апреля по 12 мая 1944 г., сопровождалась кровопролитными боями, в ходе которых советские воины проявили мужество и героизм. Однако военные будни, эмоциональный накал событий тех лет, со временем, — особенно с уходом из жизни военного поколения, — стали забываться. Не менее важной представляется задача многогранной реконструкции боевых действий, поскольку восприятие одних и тех же событий в солдатском окопе и на командном пункте дивизии, несомненно, отличалось, — как в силу разной степени удаленности от

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-01-00221(а).

передовой, так и в связи с различным уровнем компетентности военнослужащих.

Восполнить указанный выше пробел позволяет публикация сохранившихся в Научном архиве Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН) стенограмм интервью с военнослужащими 216-й Сивашской Краснознаменной стрелковой дивизии. Эти впервые вводимые в научный оборот документы были созданы по горячим следам боев, что увеличивает их ценность. Источники входят в коллекцию документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР («Комиссия И.И. Минца»), включающую несколько тысяч интервью. Документы Комиссии частично публиковались и ранее[1]. Но лишь в последние годы началось их активное введение в научный оборот[2].

Настоящая публикация содержит текст стенограмм двух бесед, позволяющих увидеть боевые действия по освобождению Крыма глазами самих военнослужащих. Интервью с генерал-майором Г.Ф. Малюковым, полковником Л.Г. Володарским и рядовым Е.Я. Тищенко проводились сотрудниками Комиссии И.И. Минца 28 мая 1944 г., то есть буквально через две недели после завершения операции и разгрома последних немецких частей. Для интервьюирования не случайно были выбраны военнослужащие 216-й стрелковой дивизии. Именно эта воинская часть оказалась в самом «пекле» боев в Крыму, отличилась и за форсирование Сиваша и удержание плацдарма на берегу Гнилого моря получила почетное наименование «Сивашской». Особый интерес представляет контраст в восприятии событий, то, как их описывают руководство дивизии — ее командир и замполит (первое интервью) и рядовой красноармеец-сапер (второе интервью). Эти интервью крайне важны в информационном плане. Кроме того, они позволяют подойти к изучению индивидуального военного опыта солдат и офицеров.

Командир дивизии генерал-майор Григорий Федорович Малюков (1.01.1898—30.6.1977) был опытным офицером и кадровым военным. Выходец из крестьянской среды, проработал несколько лет на шахте, в 1917 г. добровольно вступил в ряды Красной гвардии, участвовал в Гражданской войне и к 1941 г. дослужился до должности командира кавалерийской дивизии. После ее переброски из Закавказья под Москву осенью 1941 г. участвовал в обороне столицы.

216-ю стрелковую дивизию полковник Малюков возглавил в августе 1943 г. Звание генерал-майора получил после освобождения Крыма — буквально накануне интервью с ним — 16 мая 1944 г. Малюков прошел всю войну. Был награжден многими орденами и медалями, в том числе — двумя Орденами Ленина, четырьмя Орденами

Красного Знамени, Орденами Суворова 2-й степени (1944 г.), Кутузова 2-й степени (1944 г.), Александра Невского (1945 г.). Судя по списку наград, больше всего он получил их именно в конце 1943 — начале 1944 г., когда его дивизия оказалась в эпицентре боев за освобождение Крыма. За форсирование Сиваша он был представлен к званию Героя Советского Союза, но Военный совет фронта утвердил награждение Малюкова «командирским» Орденом Кутузова 2-й степени[3].

Другой респондент — заместитель командира 216 стрелковой дивизии по политической части полковник Леонид (Лев) Григорьевич Володарский (1906—?) служил в армии с 1927 г., дослужившись к 1941 г. до звания дивизионного комиссара. С первых дней войны оказался на фронте, за 1941—1945 гг. получил четыре ранения. Награжден Орденами Красной Звезды (1942 г.), Отечественной войны 1 ст. (1943 г.), двумя Орденами Красного Знамени (1944, 1945 гг.).

Красноармеец Ефим Яковлевич Тищенко (1906—16.08.1944 г.) был опытным солдатом. Выходец из крестьян, служивший в РККА по призыву в 1928—1931 гг., до войны 10 лет проработал шахтером. Тищенко был мобилизован на фронт на четвертый день войны, участвовал в боях на Украине, где 12 августа 1941 г. был ранен. После госпиталя весной 1942 г. вновь попал в армию. В 216-й дивизии воевал с августа 1942 г. в составе 370-го саперного батальона. О том, как он освобождал Крым, рядовой Е.Я. Тищенко рассказал сотрудникам Комиссии Минца в мае 1944 г. Тогда никто еще не знал, что взятое у него интервью, которое публикуется ниже, — последний его прижизненный документ. Кавалер Ордена Славы 3-й степени и медали «За отвагу», командир отделения саперов Тищенко погиб в Латвии 16 августа 1944 г.[4]

Основные события, описываемые в публикуемых интервью, связаны с периодом с ноября 1943 г. по май 1944 г.[5] В октябре 1943 г., после успешной для РККА Мелитопольской операции, у руководства 4-го Украинского фронта возникла идея молниеносного прорыва вглубь Крымского полуострова на плечах отступавшего противника. Высказывалось предположение, что сильная организованная оборона врага в Крыму отсутствует, а оставшиеся воинские части будут в спешном порядке эвакуироваться из «котла». Однако надежды на быстрый успех оказались напрасными. Попытки прорыва через Перекоп и Сиваш были остановлены подразделениями 17-й немецкой армии при поддержке румынских частей. Советским войскам, тем не менее, удалось захватить и удержать несколько плацдармов на территории Крыма (в районе Турецкого вала, на южном берегу Гнилого моря, побережье Керченского полуострова), с которых в апреле 1944 г. и развернулось уже основательно подготовленное наступление силами трех советских армий (51-й, 2-й гвардейской и Отдельной При-

морской). Сражение за Крым 13—14 мая 1944 г. завершилось разгромом врага и капитуляцией остатков оккупантов на мысе Херсонес.

Для 216-й дивизии основным районом боевых действий оказалось побережье Сиваша, на плацдарме которого несколько месяцев происходило накопление сил и подготовка наступления. Саперным подразделениям 51-й армии при почти полном отсутствии подручных материалов удалось построить две переправы, находившиеся под почти непрерывным обстрелом и бомбежками врага. В зонах ответственности стрелковых дивизий снабжение осуществлялось силами собственных инженерных частей (в состав 216-й дивизии входил 370-й отдельный саперный батальон, где и служил Е.Я. Тищенко). Из рассказов интервьюируемых можно узнать о тяжелейших условиях работы на переправах, о неблагоприятных климатических условиях «Гнилого» моря, вызывавших кожные и простудные заболевания, усугублявшиеся суровыми условиями осени — зимы 1943—1944 г. Внезапно начинавшиеся шторма несколько раз прерывали подготовку наступления, разрушали понтонный и насыпной мосты, которые с неизменным упорством восстанавливались саперами. По свидетельству командира дивизии, «этот мучительный труд может выдержать только русский солдат, немец сдох бы». Причем на работу по доставке грузов и переправе раненых выделяли ослабленных и «возрастных» солдат, отправляя более молодых на передовую.

В стенограммах приводятся интересные факты об освобождении Симферополя и Севастополя, о штурме Сапун-горы, о захвате пленных, о попытках немцев эвакуироваться на материк и др. Упоминаются факты мародерства и уничтожения немцами гражданского населения («Причем, отвезут на середину моря, говорят, что отвезли в Германию, а сами возвращаются и грузят свой войска»).

Сквозь скупые строки рассказов пробивается личностное отношение к происходившему. Так, Е.Я. Тищенко в порыве возмущения восклицает: «Подумаешь: где эта война взялась, где взялся этот жулик? Я этого Сиваша не знал и век чтобы мне не знать». Г.Ф. Малюкову не чужды ирония и сарказм: «Родился... в семье крестьянина, имевшего 3 десятины надельной земли, впоследствии бывшего пастухом. Я, учтя эти недостатки, думаю побогаче жить»; «Мы, конечно, большие герои, головы спрятали под развалины разные. Потом ямочку выкопали, в которой жили до следующей операции»; «Все фрицы пошли на дно. Дельфины ликовали и глотали фрицев».

Не все упоминаемые респондентами факты заслуживают безусловного доверия. Так, следует осторожно относиться к утверждению Г.Ф. Малюкова, что он «в 1917 г. в февральскую революцию поступил добровольно в отряд СИВЕРСА». Возможно за давностью лет

генерал-майор подзабыл точную хронологию событий и несколько «омолодил» факт появления знаменитого подразделения Рудольфа Фердинандовича Сиверса, созданного лишь в октябре 1917 г.

Тексты документов публикуются в полном объеме, с сохранением всех особенностей (орфографических, стилистических и пр.). Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Каждый документ имеет двойную пагинацию: 1) рукописная зеленым карандашом на каждом листе дела; 2) машинописная на каждой странице основного текста.

Стенограмма беседы с генерал-майором Г.Ф. Малюковым и полковником Л.Г. Володарским

(л. 1)*

СТЕНОГРАММА

беседы с командиром 216-й Краснознаменной, Сивашской, ордена Суворова 2-й степени дивизии генерал-майором МАЛЮКОВЫМ Григорием Федоровичем, и заместителем командира дивизии, полковником ВОЛОДАРСКИМ Леонидом Григорьевичем.

28/V-[19]44 г. Дер[евня] Кош, Бахчисарайского р[айо]на

Беседу проводит капитан ФАЗИН З.И.
Стенографирует Шамшина А.И.

Родился в 1898 г. в Донской области, Хоперского округа, станица Михайловская, хутор Калмык в семье крестьянина, имевшего 3 десятины надельной земли, впоследствии бывшего пастухом. Я, учтя эти недостатки, думаю побогаче жить.

До 1914 г. учился, окончил 2-х классное училище церковно-приходское. Во время советской власти сдал экзамен за семилетку. В процессе учебы в академии добился до среднего образования. Окончил факультет обще-войсковых начальников при воздушной академии. Окончил высшую академию[6] в Москве в 1943 году.

С 1914 по 1916 год работал на шахте в Юзовке, Пролединский рудник лампоносом, коногоном и последнее время забойщиком. В 1916 г., был призван в старую армию, где прослужил до революции

* Обозначены обе пагинации — карандашом и машинописная.

рядовым в коннице. В 1917 г. в февральскую революцию поступил добровольно в отряд СИВЕРСА[7] и с тех пор в армии на должностях: командир взвода, командир эскадрона, начальник школы, помощник командира полка, командир полка, помощник командира дивизии и командир дивизии. Участник освобождения Крыма в годы гражданской войны, по Арабатской стрелке шли на Феодосию.

Член партии с 1928 г., кандидатом немного раньше.

В отечественной войне — Калининский, западный фронты и южный, 4-й Украинский. Награжден 2 орденами Красного зна// **(л. 1 об. / с. 2)**мени, медалью «20 лет РККА», орденом Кутузова 2-й степени и орденом Суворова 2-й степени. Дивизией командую с 18 сентября 1942 года.

Дивизия получила приказ форсировать Сиваш (Гнилое море) 1/XI-43 г. с целью захвата плацдарма как трамплина для прыжка в Крым после 80-километрового марша в сутки.

Что из себя Сиваш представляет? Водную преграду шириной в 3 клм. плюс Гнилое море, где имеется масса колдобин, засасывающих любого сильного человека. Я переходил через Сиваш как и все. Когда вышли, остались только вчетвером: я, полковник ВОЛОДАРСКИЙ, мой заместитель по политчасти, оперативная группа. Дивизия имела задачей захватить высоту 17,6, как ключ от замка, откуда могло проглядывать сосредоточение частей противника.

12/XI-43 г. противник подтащил 10 танков и полк пехоты, пытался сбить с высоты 17,6 и уничтожить части дивизии. Контратаками 589-го полка был противник отбит и частью уничтожен. В этом бою было подбито 4 танка, уничтожен эскадрон румын и рота пехоты немцев. Высота была закреплена за частями дивизии.

Первым переправился 665-й полк вброд, по горло в воде, ночью. По фронту были Тархан, Урджин и Ашкадан, 6 клм. Сразу пошли, выполнили задачу. Мы перешли Сиваш, вышли на намеченный кп, откуда управляли войсками. Это был сарай юго-восточнее 3 клм. Тархана. Самолеты там накрыли нас. Первый самолет появился, когда еще стали подходить к Сивашу к вечеру, второй накрыл нас на кп на бреющем полете, обстрелял. Мы, конечно, // **(л. 2 / с. 3)** большие герои, головы спрятали под развалины разные. Потом ямочку выкопали, в которой жили до следующей операции.

27 ноября противник, с целью захвата высот 16,7 и 17,6 повел наступление одним полком при поддержке десяти танков, восьми самоходных орудий, при поддержке восьми батарей артиллерии, пяти батарей минометов. Атака противника была отбита, было уничтожено до 700 солдат, 4 танка, 2 самоходных орудия.

К этому моменту дивизия имела 50% состава, того, что было положено с обозом, со всем. Наша цифра выражалась в 4 тысячи с лишним, но на позициях было непосредственно 800 штыков, по 15—20 в роте. Артиллерия была: артиллерийский полк, батальон артиллерии. Непосредственно на переднем крае участвовала батальонная и полковая артиллерия — 9 батальонных и 10 полковых орудий. 27 числа мы имели артиллерийский полк в полном составе.

Мы были у высоты 13,5, когда он бомбил. В день было 200 самолето-вылетов, сброшено было 200 тонн бомб на дивизию. Потери были незначительные благодаря хорошей маскировке и оборудованности позиций, закапывались в землю. Если-бы я привел вас в свою землянку, вы-бы сидели спокойно и папиросы курили-бы. Был накат небольшой, деревца и рельсы, а у бойцов было пять ярусов камыша, даже у офицеров были такие случаи, у командиров полков было лучше.

На переправу бурлаки таскали нам продовольствие, фураж, снаряды и орудия. Этот мучительный труд может выдержать только русский солдат, немец сдох-бы. Этот труд заслуживает большого внимания. Вода соленая, проедает все. Несмотря на это он тянет день и ночь. Наличие лодок равнялось пяти, а нужно подвезти на них фураж, продовольствие, снаряды, патроны и т.п.

// **(л. 2 об. / с. 4)** День и ночь таскали. Были созданы специальные команды и когда не управлялись, нужно было выделить даже с обороны. Были случаи, когда недостаток лодок был, люди таскали на своей собственной спине снаряды, мешки и т.д. Наиболее сильных выделяли на передовую, а наиболее старых заставляли таскать. Особого подбора там не было. Один раз перешел, сто грамм водки получил и пошел второй раз. Есть старики, которые прошли 75 раз. Участвовали девушки там, которые в медсанбате были. Они носили раненых на своей спине по воде и илу.

Это все происходило под бомбежкой повседневной и обстрелом с воздуха. Противник ежедневно 50 самолето-вылетов делал. Мы построили даже мост. Когда мы его постр[о]им за день, то ночью разбомбит, если мы его построим ночью, то он днем его разбомбит.

Полковник ВОЛОДАРСКИЙ. Лодка могла дойти только по воде, но другой берег метров еще 60—70. Если лодка пришла с продуктами, она разгружается и ждет, когда принесут раненых. 4 девушки берут раненого на носилки и несут по воде и илу к лодке. Там погружают его и бурлаки тянут этого раненого на северный берег, девушки наши награждены орденами, они у нас есть сейчас.

Генерал-майор МАЛЮКОВ. На этом рубеже мы оставались до начала наступления и перехода в Крым. 8 апреля пошли прорывать. 8-го начали прорыв и закончили 12-го. Главный удар был нанесен на дер[евню] Тархан двумя полками // **(л. 3 / с. 5)** в первом эшелоне и одним полком во втором эшелоне. На этом рубеже сплошные траншеи заминированные, обложенные проволокой, противотанковый ров системы обороны сплошной. Сам Тархан приспособлен с точки зрения оборонительной. Каждый дом являлся дзотом и третья линия тоже противотанковый ров с системой речных преград и далее выход был на Воинку.

Оба полка хорошо дрались, 647-й и 665-й. 559-й во втором эшелоне был. 13/IV они вырвались в направлении Воинки и шли до Симферополя. В Симферополе особых боев не было. Там дивизия остановилась для несения гарнизонной службы. Там я был начальником гарнизона.

После пяти дней, приведя себя в порядок, дивизия получила приказ выйти в направлении Севастополя и вот тут-то, уже за Севастополем были жаркие бои.

Первые дни в Симферополе был беспорядок. Тыловые учреждения старались побольше кое-чего захватить, беспорядки, пьянка, что может быть после захвата города. Приходилось наводить порядок. Сидели в погребе даже наши капитаны, потому что один погон есть, другого нет, пьяные. В каждом доме было — пейте не перепьете. В городе царил полный беспорядок. Командующим армией была вызвана по тревоге 216-я Сивашская Суворовская дивизия. В течение двух суток порядок был восстановлен.

После этого дивизия получила приказ перейти в наступление на Севастополь. 27—28/IV в 18.00 выступили по маршруту Симферополь—Ленка—Кобози—Бахчисарай—Юхары—Шули и к утру 28/IV сосредоточились северо-восточнее 2 клм. Шули. 665-й полк занял кп 2 ½ клм. западнее Нижнего Чоргуна, в течение дня приводил себя в порядок.

29-го части дивизии проводили учебу, одновременно гото// **(л. 3 об. / с. 6)**вясь к приему боевого знамени, проводили строевые занятия в каждом батальоне.

1 мая частям дивизии членом военного совета 51-й армии, генерал-майором УРАНОВЫМ было вручено боевое знамя.

4/V был получен приказ о том, что наша дивизия действует во втором эшелоне с задачей развить успех наступающих с левого фланга. В соответствии с поставленной задачей части дивизии выдвинулись на исходный рубеж для наступления. Оборона противника проходила по Сапун-горе, у подножия которой за 200—500 мет-

ров, были сооружены проволочные заграждения в 2 кола. У самого подножья ската горы были построены доты и дзоты, по средним скатам горы проходили отдельные траншеи и ходы сообщения, насыщенные пулеметными и огневыми точками, дзотами и дотами. Артиллерия и минометы находились на обратном скате горы. Тяжелая артиллерия находилась юго-западнее Севастополя.

8/V противник открыл сильный артиллерийский огонь и до исхода дня пехота, неся большие потери, продвинуться не смогла, в частности наша дивизия.

9-го части дивизии перешли в решительное наступление, овладели Сапун-горой и продолжали наступление в своей полосе в направлении Английского кладбища и далее овладели гор[одом] Севастополь с южной его окраины и вышли к морю.

В Севастополе дарил тот-же грабеж, горели дома, горели склады. Люди голодные, хотели покушать, лезли в огонь, вытаскивали провиант и всякую такую штуку, больше всего тылы и мирное население. Боевые части пронизыв//**(л. 4 / с. 7)**ают город и идут дальше. Когда тылы подходят, идут на машинах, набирают. Солдат сколько может взять? Банку консервов. В бою, как говорят и иголка тяжела, а тылам нужно поднажиться чем-нибудь. Действуют больше всего тылы дивизии, артиллерии, которые имеют средства передвижения.

Нельзя сказать, чтобы было много продовольствия в Севастополе, но можно прокормить корпус дней десяток тем, что немцы оставили.

Я был назначен начальником гарнизона в тот-же день вечером, а утром опять начали наступать, т.е. я переночевал в Севастополе на станции, затем опять пошел наступать. Прибыл новый начальник гарнизона, я оставил своего заместителя по строевой части и он у него принял, а мы пошли наступать.

В ночь с 11 на 12/V дивизия сменяет части 128-й дивизии и гвардейская готовилась в наступление. С рассветом 12-го после небольшой артподготовки перешли в наступление прорывать оборону противника и 12-го группировка противника на мысе Херсонес была полностью ликвидирована. В результате было захвачено пленных 7500 солдат и офицеров. Сдали мы немцев 6400. Я выделил на 7500 30 человек во главе с начальником школы и они сопровождали пленных в Шули на пункт сбора. Они шли вереницами, как телята.

Когда мы вышли на наблюдательный пункт на рассвете 11 числа, была ярко видна картина. 8 пароходов отчалило от берега бухты Камышевой и Северной. Тут интересная картина. Я сразу-же запросил командира корпуса дать авиацию. Он дал 9 «Илов». После первой-же бомбежки один пароход загорелся и в воду. Все фрицы пошли на

дно. Дельфины ликовали и глотали фрицев. Артиллерия подбила несколько кораблей.

Как раз прибыл начальник штаба артиллерии армии, кото// **(л. 4 об. / с. 8)**рый с своего наблюдательного пункта видел, как в другой бухте, Северной тоже идет погрузка и тут наши прямой наводкой вывели артиллерию и как дали, тоже один в воздух, видно с горючим, потому что дыму очень много было. Процентов 30 кораблей было потоплено еще при погрузке.

Какая картина была при подходе к этой бухте? Немцы, лошади, машины, ничего не разберешь. Одна группа, человек 1000 пыталась контратаковать во главе с офицерами, но в связи с тем, что артиллерия была в боевых порядках, открыли огонь и они выбросили белый флаг. Конечно, солдаты проявляли храбрость, ботинки меняли на сапоги себе. Глупо было его пустить в сапогах.

Части наши, ведя артиллерийскую подготовку, по приказу рубанули, уничтожали на пути, как вихрь, все стоящее. Большая груда трофеев немцев, коней, много машин, до 2 тысяч и тут, как правило, опять с тыла напор. Была выставлена охрана в каждой полку, роте. Мною было приказано недопускать никого. Я танки поставил поперек дороги, ни черта, все это сбили и забирали. Машины тащили три дня все части, 2-я армия, Приморская, 51-я и каких только там не было. Трофеи были свезены и закопаны. Сейчас только валяются одни обломки машин. Виден хвост немецкого самолета в бухте, который хотел сесть, а наши зенитчики как дали из пушки и он сел прямо в воду. Самолетов много сбили.

Никакого населения не было там. Прямо говорю, населения очень мало было. Город весь разрушен. Там только часть, где мы стояли штабом домов десять было. Старики остались, остальных они вывезли. Причем, отве//**(л. 5 / с. 9)**зут на середину моря, говорят, что отвезли в Германию, а сами возвращаются и грузят свой войска. Население еле живо было. До войны он жизнерадостный человек, сытый, довольный, а сейчас как тень ходит. Ну, радуются, что прибыли, отдельные бояться, потому что придется отвечать за свои безобразия. Когда захватили пленных, нужно сказать, что русских не было, были одни женщины с румынами. Русские предатели разбежалась по лесам, по горам.

За Сиваш и Севастополь не меньше 2 тысяч отмечено и награждено. Героев Советского Союза два в дивизии и представлен командир 665-й[8]. Герой красноармеец ЗЮСЬ[9] и командир роты АКСЮТИН[10] за прорыв Тархана. Оба погибли там-же. Зюсь взял себя сам на гранату. Он повис на проволоке и когда немцы подбирались к нему, он подложил под себя гранату и взорвался, второй погиб в рукопашной схватке.

Дивизия получила орден Суворова 2-й степени за Крымскую кампанию и Красного знамени за кавказские дела.

Полковник ВОЛОДАРСКИЙ. Дивизия зародилась в городе Харькова в 1941 г. Ее путь был — Харьков, из Харькова была переброшена в Донбасс, по пути отхода на Кавказ держала оборону Геленджикской бухты в 1942 г., потом прорвала оборону противника уже на кавказском направлении, заняла Ахтырскую, Холмскую и Крымскую. Затем прорвала вторую, так наз[ываемую] Зеленую линию на высоте 195,5. После этого дивизию сменили и перебросили в Донбасс. На Кавказе она входила в 47-ю армию, которой командовал ГРЕЧКО[11] и потом ЛЕСЕЛИДЗЕ[12]. Потом она вошла в состав 56-й армии у Гречко тоже, сейчас генерал-полковника, который командует на 1-м Украинском фронте. Затем была переведена в 51-ю армию в Донбасс и в // **(л. 5 об. / с. 10)** ее составе освободила Донбасс. Прошла по Донбассу, была под Мелитополем на левом фланге, вышла к Сивашу, форсировала Сиваш и вышла к берегу Черного моря.

Красное знамя мы получили за оборону Кавказа, за разгром 3-й и 19-й румынских дивизий. Командиры их были сняты за разгром. Мы были на горном массиве, они были на низине. 13 клм. оставалось до выхода в Геленджикскую бухту. Мы их не впустили туда и они не могли овладеть новороссийским портом. Мы имеем благодарность БУДЕННОГО и КАГАНОВИЧА. Дивизия имеет в своей истории два славных страницы — это защита Кавказа и освобождение Крыма. Я с самого начала в дивизии, есть командиры полков, отдельные рядовым, сержанты, офицеры.

1906 г. рождения. Родился в семье кустаря в Житомире. Учился в высшей начальной школе, а потом в приюте в доме юношества, в школе рабочей молодежи, фабрично-заводском ученичестве и затем в армии с 1927 г. от курсанта до комиссара дивизии. Комиссаром 127-й дивизии я стал до войны, в 1940 году в Харькове, а в войну был на западном фронте в составе 127-й дивизии, затем 10-й бригады, потом 275-й и 216-й дивизий с февраля 1942 г. Она создалась в 1941 г., выделилась из моей 10-й бригады. Я ушел в 275-ю дивизию, потом пришел обратно в 216-ю дивизию, которая создавалась из нашей-же бригады. Прошел весь путь дивизии до сегодняшнего дня.

В партию вступил в 1927 г. По квалификации рабочий формовщик на фарфорово-фаянсовом заводе до армии.

Награждения: орден Красной Звезды за пройденный путь от Донбасса до Кавказа, орден Отечественной войны // **(л. 6; с. 11)** первой степени от Кавказа до Донбасса и орден Красного знамени за

Крым. В дивизии четыре раза ранен в боях. Из строя дивизии не выходил даже будучи раненым.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. I. Оп. 104. Ед. хр. 4. Л. 1—6 (рукописная пагинация; обороты листов не обозначены); с. 2—11 (машинописная пагинация; первая страница не пронумерована). Стенограмма напечатана машинописным способом на листах желтой бумаги.

Стенограмма беседы с сапером Е.Я. Тищенко

(л. 1)*

СТЕНОГРАММА
беседы с сапером 370-го саперного батальона 216-й стр[елковой] дивизии тов[арищем] ТИЩЕНКО Ефимом Яковлевичем.

28/V-44 г. Гор[од] Бахчисарай.

Беседу проводит капитан ФАЗИН З.И.
Стенографирует Шамшина А.И.

Родился в 1906 г. в Ворошиловградской области, Ровенецкого района, село Дьяково. Крестьянин середняк. Отец до 1910 г. крестьянством занимался, в 1910 г. отец и мать умерли. Я воспитывался у дедушки и бабушки, занимался крестьянством до 1928 г. С 1928 г. на действительной служил в Севастополе в береговой обороне 3 года, а потом прибыл домой, пошел на производство шахтером в Боков-Антрацитовском районе с 1931 года по 1941 год, до мобилизации.

26 июня меня забрали в армию. Участвовал в боях под Новоград-Волынском, Житомир, Фастов, Белая Церковь. Под Киевом меня ранило 12 августа 1941 г. Попал я в госпиталь, пробыл там 3 месяца и 5 месяцев дома. Из дома попал в запасной полк. В 1942 г. во время отступления двигался вместе с полком до 12 августа. С 12 августа 1942 г. попал в 216-й дивизию, 370-й саперный батальон и до настоящего дня в этом батальоне.

Кандидат партии с апреля 1944 г. Награжден орденом Славы 3-й степени и медалью «За отвагу», орден Славы за Сивашь, а медаль за Кавказ.

Я 50 раз переходил через Сиваш. Труден был сам переход Сиваша во время обстрела и бомбежки. Два раза был под бомбежкой. Про-

* Обозначены обе пагинации — карандашом и машинописная.

дукты переправляли, боеприпасы и лесоматериалы для блиндажей для комдива. Я был 22 суток подряд на переправе старшим над группой. Мы по грязи тащили лодки метров 200, потом метров 200 или 300 вода, грязь жиденькая и с километр приходится на веслах, потом тоже самое. Если ветер подует южный, тогда больше мы на веслах, а как ветер с запада, выгнал всю воду, то больше по грязи тянем. Берешь веревку, кругом лодки люди 6 или 8 человек. Это было в январе 1944 г. — декабре 1943 г. Были одеты в ботинки сперва. Раз переехал босиком, чудновато показалось. Потом обуты были. У некоторых пары три было сапог резиновых. А то обмотаешь обмотками, чтобы не так холодно было. Потом переоденешься в сухую одежду, а эта сохнет.

Под обстрелом бывал. Я такой, что не особенно переживаю. Холодно сильно, тяжело, когда нагрузишься, тянуть по грязи, а как выйдешь оттуда все-таки легче. Подумаешь: где эта война взялась, где взялся этот жулик? Я этого Сиваша не знал и век чтобы мне не знать. Вода соленая, разъедает ноги, но у нас не особенно. Я первый раз босиком как пошел, очень плохо было, а когда обулись, стало легче. У нас еще не было запаса белья, значит, будем ночевать мокрыми или перейдем одетые. Мы сняли белье и все. Вода тогда была по пояс. Без шинелей переправлялись, но они были при нас в скатке. При нас было все, что положено бойцу: винтовка, сумка, патроны, гранаты. Я провалился, но мало, по грудь, // **(л. 1 об. / с. 2)** а по слухам двое утонуло, провалились в воронку. Они как шли вдвоем, связались за руки, чтобы не упасть. Там-же грязь, топко, они как в воронку попали и потонули.

Мою лодку два раза разбивало под бомбежкой. Один раз в двух местах разбило, а второй раз в одном. Продукты я спас.

У меня были ШЕВЧЕНКО, РЕПЕРЕЛЬСКИЙ, они отличились в работе, активно участвовали, здоровые ребята. Нам 200 грамм только давали водки в сутки. 25 раз я ходил туда и 25 оттуда, всего 50. Один раз один оборот дадим, переправляем лошадей, и кухни, и снаряды, все что нужно для военной части. Второй раз не успеваешь, потому что 3 клм. пока на себе дотянешь. Переправа длилась около трех часов, если легко нагрузишь — 2 ½—2 часа, а если нагрузишь тяжело, то 3 и даже бывало 3 ½ часа, потому что лодка сядет. Тонны по 3—4 бывало, какой груз. Лодки были на 8 тонн. Протянешь 200—300—400 метров, как заморишься, минут на 5—10 станешь, постоишь, перекуришь и идешь дальше. А как выйдешь на другой берег, здесь костерчик. Немного погреешься, обсушишься, бригада разгружает. Бывает, когда и наша бригада разгружает, иногда нет и возвращаешься на свою сторону. Бывало, когда пустую лодку тащили, а больше с ранеными или с офицерами. Они

сами не садятся, ищут старшего по лодке, спрашивают, можно-ли одному или двум человекам сесть, чтобы переехать на ту сторону. Когда скажешь, что можно, когда и нет. Когда раненых нет, то берешь. Больше всего раненых собирали в то время.

Самые трудные были три дня в январе и три дня в декабре. Был мороз градусов на 15. Тогда у нас двум человекам приморозило ноги, один и сейчас в госпитале, а один здесь, ВЛАСОВ и БЕЗВЕРХНИЙ. Безверхний сержант, а Власов рядовой.

Пока оттуда дотянешь, аж бичевка врежется в плечо, тяжело. Когда тяжело, когда ничего. Были сделаны такие петли. Накидываешь их на плечи, так что если попадешь в воронку, то здорово не замочишься. Идешь возле самой лодки и одной рукой держишься за лодку. Человек 8—9 идут, по 4 человека с каждой стороны. В моей команде было 8 человек. Есть лодки на тонну. У нас было 3 человека всего на эти лодки. Мы так делали. Груз меньше на них был. Втроем дотянем до глубины сантиметров на 70—80, потом один возвращается назад, а двое садимся на лодку и пошел на южный берег на веслах, а с южной стороны меньше расстояние тащить волоком и тут мы вдвоем. Лодка маленькая, а когда волна идет, может опрокинуть если едут трое. Дивизия большая, подразделений много, от каждого крупного подразделения была лодка. Там несколько дивизий переправляли продукты, боеприпасы, как караван идет, везде тащат. Тут и мат, и песни поют. Я насчет песен не особенно, но песни разные пели: украинские, разные прибаутки, бурлацкие, я уже не помню.

Так я 50 раз переправился туда и обратно через Сиваш. В полках еще больше переправлялись, есть по 70, по 80 раз. Они награждены были орденами «Славы» 1-й степени. Там были награжденные орденом «Отечественной войны», медали получили. //

(л. 2 / с. 3) На южном берегу были землянки и печки и там обсушивались. У нас две смены было. Обсушим это, на другой день меняем грязное на сухое и идем рыболовствовать. Как тепло и днем на дворе костер разведешь, а ночью в блиндаже, потому что часто налетали самолеты. Был и артиллерийский обстрел туда. Во время налета днем только самолеты и он из артиллерии бьет. Как только самолеты ушли, артиллерия кончает бить.

Как только я пришел с Сиваша, оттуда наступление было. Я участвовал в наступлении. Пришел утром в расположение, а на ночь пошли на боевое задание. На другой день пошла в наступление дивизия, которой мы были приданы. Наша задача была такая, если пехота продвинется вперед, то мы должны были разминировать достигнутый рубеж. Дивизия дала задание из первых траншей выбить противника. Его выбили вечером часа в три. Как только стемнело, —

мы уже только ночью работали, — сейчас-же этот участок заминировали. Наше дело заминировать и все. Это еще в январе дело было.

8 апреля я болел и не участвовал в наступлении. В Севастополе был связным у майора ЖУКОВА, главного инженера дивизионного. Панорамы нет, разбита, нет ничего. Немцев видел много, многих взяли.

Под Сапун-горой у нас было задание заминировать достигнутый рубеж по приказу. Мы двигались только с машинами и ставили за ними мины. Шли вслед за пехотой. Не было приказа минировать и мы не минировали. Так мы дошли до моря. Один раз купались, много народа купалось. Вода уже ничего была. Я вспомнил, что еще в 1930—31 г. купался, ну, давай искупаюсь. Были такие ребята, что не видели моря и купались, чтобы попробовать.

— Ну, как вода?

— Да, — говорят, — ничего, помыли голову.

Есть такие, которые помыли голову, а потом не растянешь волосы. Настроение хорошее, закончили уже, победа, значит нужно покупаться.

НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. I. Оп. 104. Ед. хр. 6. Л. 1—2 (рукописная пагинация; обороты листов не обозначены); с. 2—3 (машинописная пагинация; первая страница не пронумерована). Стенограмма напечатана машинописным способом на листах желтой бумаги.

[1] *Курносов А.А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 год. — М., 1974. — С. 118—132; *Левшин Б.В.* Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. // История и историки; 1974: историогр. ежегодник. — М., 1976. — С. 312—317; и др. Подробнейшая пополняемая библиография о работе Комиссии расположена на сайте «Комиссия по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. АН СССР» (URL: http://komiswow.ru/?q=biblio).

[2] *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своем командире: правда из прошлого, 1941—1945. — М., 2014; *Hellbeck J.* Die Stalingrad-Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. — Frankfurt am Main: Fischer Verlag GmbH, 2012; Stalingrad. The City That Defeated the Third Reich / Jochen Hellbeck, ed. — New York: Public Affairs, 2015; Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев: (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / отв. ред. Й. Хелльбек. — М., 2015; Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о войне: на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг.: коллективная монография / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев. — М.; СПб., 2015.

[3] Информация о награждениях Г.Ф. Малюкова основана на материалах сайта «Подвиг народа»: URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1377108464/ (дата обращения: 26.07.2017 г.), где размещены копии его наградных документов.

[4] Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). — Ф. 58. — Оп. 18002. — Д. 788. — Л. 78 (Донесение № 59968. Именной список безвозвратных потерь сержантского и рядового состава 216 стрелковой краснознаменной дивизии с 11 по 12 августа 1944 г.).

[5] Крымская наступательная операции достаточно подробно описана в историографии. См., например: *Горшков С.Г.* На южном приморском фланге (осень 1941 г. — весна 1944 г.): воен.-ист. очерки. — М., 1989; *Литвин Г.А., Смирнов Е.И.* Освобождение Крыма (ноябрь 1943 г. — май 1944 г.). — М.: Агентство «Кречет», 1994. — (Документы свидетельствуют); Крым 1944. Весна освобождения / авт.-сост. С.Н. Ткаченко. — М., 2014; Битва за Крым, 1941—1945 гг. / А.В. Исаев, Н.Н. Глухарев, О.В. Романько, Д.Б. Хазанов. — М., 2016; и др.

[6] Высшая военная академия РККА им. К.Е. Ворошилова. В годы войны обучение проводилось по ускоренной 6-месячной (с июня 1943 г. — 9-месячной) программе.

[7] Рудольф Фердинандович Сиверс (1892—1918) — один из первых революционных военных деятелей, возглавлявший отряды Красной гвардии в период их формирования. Руководил частью, участвовавшей в подавлении выступления Керенского — Краснова под Пулково в октябре 1917 г.. Позже переброшен на юг, где участвовал в боевых действиях на Донбассе и Дону. Возглавлял «Социалистическую армию», 5-ю советскую армию, затем — 1-ю Особую украинскую бригаду в составе 9-й армии Южного фронта.

[8] Командир 665 стрелкового полка 216-й Сивашской дивизии — Владимир Ульянович Воронов (1914—1995) — получил награду лишь через год. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. «за мужество и отвагу, проявленные во время форсирования Сиваша и в боях за удержание Сивашского плацдарма, за успешные действия полка по овладению Севастополем» ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

[9] Иван Иванович Зюсь (1925—22.03.1944 г.) — красноармеец-пулеметчик 665 стрелкового полка. 16.05.1944 г. посмертно удостоен звания Героя Советского Союза за подвиг, который он совершил, прикрывая отход разведывательной группы. Будучи раненым, Зюсь огнем из пулемета некоторое время сдерживал наступающих немцев, а затем подорвал себя и окруживших его врагов последней гранатой.

[10] Николай Васильевич Аксютин (1916—11.04.1944 г.) — капитан, командир стрелковой роты 589-го стрелкового полка. 16.05.1944 г. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза за мужество и героизм, проявленных в боях при наступлении 8—9 апреля 1944 г. на опорный пункт с. Тархан, лично возглавляя атаку своих бойцов по захвату трех оборонительных траншей противника.

[11] Андрей Антонович Гречко (4(17).10.1903 — 26.04.1976) — советский военачальник, маршал Советского Союза, министр обороны СССР в 1967—1976 гг. Командовал 47-й армией Закавказского фронта в сентябре — октябре 1942 г.

[12] Константин Николаевич Леселидзе (15.10.1903—21.02.1944) — советский военачальник, генерал-полковник, Герой Советского Союза. Руководил 47-й армией Закавказского фронта в январе — марте 1943 г.

М.К. Юрасов

РУССКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ X—XI ВВ.*

В русско-венгерских отношениях X—XI вв. прослеживается, прежде всего, линия на поддержание добрососедских отношений при отсутствии у обеих сторон стремлений к расширению своих владений за счет друг друга. В языческий период истории Руси и Венгрии регулярными были совместные походы их войск на Византию. Союзнические отношения, ставшие особенно тесными при Святополке Изяславиче (1093—1113) и Калмане Книжнике (1095—1116), поддерживались династическими браками. Если же говорить об активном вмешательстве Рюриковичей и Арпадов во внутренние дела друг друга, то в рассматриваемое время можно отметить лишь возведение на венгерский престол в 1046 г. Андраша I военными силами, посланными его тестем Ярославом Мудрым и приход Калмана Книжника с королевским войском в 1099 г. под стены Перемышля в качестве союзника Святополка Изяславича в его войне с Давыдом Игоревичем.
Ключевые слова: внешняя политика Древней Руси; средневековая Венгрия; Русская марка; древнерусская агиография.

M.K. Yurasov
Russian-Hungarian relations in the X—XI centuries

In the Russian-Hungarian relations X—XI centuries there is observed before all the line to maintain good neighborly relations in the absence of both parties desire to expand their holdings at the expense of each other. In the pagan period of the history of Russia and Hungary were regular joint campaigns of their troops against Byzantium. Alliance, which became particularly close with Svyatopolk Izyaslavich (1093—1113) and Kalman the Bookman (1095—1116), supported by dynastic marriages. If we talk about the active intervention of Rurikids and Arpads in the internal affairs of each other, then at the material time, there were only the construction on the Hungarian throne in 1046 Andras I by military forces sent his father-in Yaroslav the Wise and the arrival of Kalman the Bookman with the royal army in 1099 at the walls of Przemysl as Svatopolk Izyaslavich's ally in its war with Davyd Igorevich.
Keywords: foreign policy of Ancient Rus'; a medieval Hungary; Russian mark; old Russian hagiography.

* Работа выполнена по гранту РФФИ проект № 17-21-07001.

Уход венгров, каваров и присоединившихся к ним этнических групп (среди которых, по свидетельству Венгерского Анонима, были и русы, названные им *рутенами*)[1] в Среднее Подунавье привел к временному прекращению непосредственных контактов между правящей верхушкой Руси и Венгерского союза племен. Как писал Б. Хоман, «естественный крепкий бастион Карпатских гор отсек венгров от северных соседей и в столетие, последовавшее за “обретением родины”, им никогда не приходило в голову, перейдя границу, нарушать спокойствие русских или польских соседей»[2]. В то время русско-венгерские отношения сводились к контактам венгров с предками современных русинов, проживавшими в бассейне Верхней Тисы, не входившем в состав Венгрии. Эта область получила впоследствии название Русской марки, а в Новое время — Подкарпатской Руси. Переход племен Арпада через Карпаты не означал переселения всех без исключения венгров из Восточной Европы на Средний Дунай. Польские археологи А. Коперский и М. Парчевский обнаружили небольшое венгерское кладбище X в. в Перемышле. Похороненные на нем венгры занимались торговой деятельностью[3]. По мнению К. Мештерхази, они могли быть как мадьярами, не пожелавшими переселяться из страны Ателькузу (междуречье Днестра и Прута) на Средний Дунай, так и вернувшимися в Восточную Европу из Паннонии с торговыми целями[4].

Во время апогея могущества болгарского царя Симеона (914—927) константинопольский патриарх Николай Мистик (912—925, второе правление) настойчиво искал союзников против северного соседа Византии. В письме, направленном Симеону в 922 г., патриарх пугал царя готовностью русов, печенегов, алан и венгров напасть на Болгарию[5]. Если эта угроза не была блефом, то Русь и венгры находились в то время в одной коалиции, хотя это не свидетельствует о наличии контактов между ними. В то же время отмечается сближение мадьяр с печенегами. Уже в 917 г. их отряды участвуют в битве на р. Ахелой, где помогают Симеону разгромить византийское войско, а в 934 г. состоялся первый совместный набег венгров и печенегов на Византию.

Во время княжения в Киеве Игоря Старого (912/922—945) его воевода Свенельд занимался планомерным подчинением «славиний», находившихся на землях будущей юго-западной Руси — уличей и тиверцев. Поскольку ареал расселения последних соприкасался с линией Карпатских хребтов, установление власти Киева над территориями в верховьях Южного Буга, Днестра и Прута побудило часть тиверцев к переселению за Карпаты[6], где они увеличили число жителей Подкарпатской Руси. Это, с одной стороны, укрепило связи между

восточными славянами, проживавшими по обе стороны Карпатского хребта, а с другой, усилило автономное положение Русской марки, сохранявшееся в XI в. и, по крайней мере, в первой трети XII в.

Вышеупомянутый Венгерский Аноним свидетельствует о том, что верховный вождь венгерских племен Жолт (около 907 — около 950) на границе с Германией «повелел рутенам, которые пришли в Паннонию с его дедом, вождем Алмошем, построить замок и в том же порубежье, за болотом Мошон, он поселил немало печенегов для защиты королевства своего, чтобы неповадно было тевтонам, разгневанным нанесенной им обидой, опустошать пределы венгров»[7]. По мнению исследователей, речь в данном случае идет о крепости Оросвар (*венг.* «Русская крепость») — современном Русовце[8] — самом южном районе словацкой столицы Братиславы. Сегодня здесь сходятся границы Австрии, Венгрии и Словакии, а в рассматриваемое время проходил рубеж между германской Восточной маркой и землями, освоенными мадьярами.

В первой половине 40-х годов X в. инициатива организации походов на Византию «северных варваров» исходила от киевского князя Игоря. Хотя Повесть временных лет (*ПВЛ*) не упоминает под 941 г. об участии венгров в походе Игоря на Константинополь, в Житии Василия Нового содержится известие о неудачной попытке венгров тогда же перейти через Дунай, что может свидетельствовать о согласованности действий русов и венгров[9]. В 943 г. венгры совершают новый набег на северные территории Византии. По мнению М.Н. Тихомирова и Б.А. Рыбакова, опирающихся на данные т.н. Добруджанской надписи, свидетельствующей о какой-то военной акции против греков, состоявшейся в 943 г., второй поход Игоря на Византию следует датировать тем же годом[10]. В таком случае одновременная военная операция венгров на Балканах вполне могла быть скоординирована с походом Игоря.

ПВЛ свидетельствует об активном участии венгров в торговых отношениях с Византией через Балканы. Летописец вкладывает в уста киевского князя Святослава Игоревича (начало 960-х — 972) фразу, объясняющую его стремление перенести столицу Руси из Киева в Переяславец-на-Дунае, куда «вся благая сходится», в том числе «из Угорь сребро и комони»[11]. Военно-политическое сотрудничество венгерской и киевской правящей верхушки более явно проявилось во время войны Святослава Игоревича с византийским императором Иоанном II Цимисхием за Болгарию в 970—971 гг. По свидетельству очевидца событий — византийского писателя Льва Диакона, отряды венгров (названных им гуннами) принимали активное участие в сражении войск Святослава и Цимисхия под Аркадиополем (весна

970 г.), подчиняясь приказам киевского князя. После разгрома армии собранной Святославом коалиции «гунны» покинули его[12]. В рыцарском романе Венгерского Анонима есть свидетельство о том, что в эпоху верховного вождя венгров Такшоня (около 950 — 970/2) к нему пришла группа волжских булгар во главе с Биллой и Бакшем[13]. Возможно, их миграция на Средний Дунай была одним из следствий Волжского похода Святослава и уничтожения им Хазарии, в связи с чем они искали более спокойное место для проживания.

Объединительная политика князя Гезы (970/2—997), одним из элементов которой была христианизация венгров и других этнических групп, проживавших в Карпатской котловине, по времени совпала с аналогичными процессами, протекавшими на Руси. По свидетельству саксонского анналиста Ламперта Херсфельдского (70-е годы XI в.) на съезд, созванный германским императором Оттоном I в Кведлинбурге 23 марта 973 г., прибыли, в том числе, послы из Венгрии и Руси[14]. Главной целью съезда была пропаганда христианства представителям европейских народностей, еще державшихся за традиционное язычество. Ламперт ничего не сообщает о контактах между русскими и венгерскими послами, но именно процесс христианизации, проходивший в то время на Руси и Венгрии, мог способствовать сближению между ними. В т.н. Большом житии св. Иштвана есть свидетельство об особой заботе и гостеприимстве Гезы по отношению к иностранцам-христианам[15].

Следует также учитывать тот факт, что в X — начале XII в. между Русью и Венгрией — в бассейне Верхней Тисы — существовала область, населенная предками современных русинов, не освоенная в административном отношении и до образования Венгерского королевства, скорее всего, находившаяся под патронатом рода Аба, а затем сохранявшая автономию в виде Русской марки. Есть основания полагать, что самая западная группа восточного славянства приняла христианство в 882 г. во время поездки св. Мефодия из Моравии в Константинополь[16]. Признававшие над собой верховную власть венгерских правителей, русины сохраняли связи с Днепровской Русью и активно участвовали в международной торговле, о чем свидетельствует клад, обнаруженный в Хусте[17].

Венгерские историки не раз выдвигали гипотезу о том, что младший брат князя Гезы Михаил был женат на русской княжне, опираясь на то, что он дал своим сыновьям широко распространенные у славян имена Вазул (Василий?) и Ласло (Владислав)[18]. Безусловно, приведенное основание является весьма шатким, тем более что в то время, когда Михаил женился, Русь еще являлась языческой страной. Более достоверными представляются сведения о матри-

мониальных связях между Арпадами и Рюриковичами, которые содержатся в средневековых исторических сочинениях королевства Венгрии, о русской жене сына Михаила Ласло Сара, хотя никаких конкретных фактов, связанных с этим браком, в названных источниках не упоминается[19].

ПВЛ в той части статьи под 996 годом, где содержатся припоминания летописца более позднего времени о мирных отношениях, сложившихся у крестителя Руси Владимира Святославича (978—1015) с соседними народами, упоминаются «мир и любы» со «Стефаном Угорским», то есть Иштваном I Святым (997—1038, король с 1000/1)[20]. Безусловно, здесь имеется в виду уже начало XI в., что подтверждает несоответствие хронологии правления первого венгерского короля и годовой статьи *ПВЛ*, в которой он упоминается. Других сведений о русско-венгерских отношениях рассматриваемого времени в раннем летописании нет. Никоновская летопись (XVI в.) свидетельствует о приходе к Владимиру Святославичу в 1000 г. послов от римского папы и правителей Чехии и Венгрии, к которому принято относиться с недоверием[21]. Между тем, как раз в 1000 или в 1001 г. состоялась коронация Иштвана I присланной из Рима папой Сильвестром II (999—1003) королевской короной, а в 999 г. правителем чехов стал Болеслав III (999—1002). В Средние века смена верховной власти в стране была частым поводом для отправки послов в соседние государства.

Упоминания об отдельных «угринах», как называли в то время на Руси выходцев из Венгрии, встречаются в летописях и агиографических памятниках, описывающих события, связанные с борьбой за власть между сыновьями Владимира Святого и ее последствиями. Речь идет о братьях Угринах — Георгии, Моисее и, возможно, Ефреме Новоторжском. Георгий Угрин является героем особого «Сказания об убиении Бориса», помещенного в *ПВЛ* под 1015 годом. Он был любимым отроком Бориса Владимировича, принявшим вместе со своим князем смерть от убийц, присланных Святополком «Окаянным» (1015—1016, 1018—1019)[22]. Моисей Угрин больше известен по Киево-Печерскому патерику, где ему посвящено отдельное слово 30[23], повествующее о его страданиях в польском плену, куда он попал вместе с сестрой Ярослава Мудрого Предславой, уведенной в Польшу в качестве наложницы польским князем Болеславом I Храбрым (992—1025) в 1018 г.

Что касается св. Ефрема Новоторжского, то свидетельство о том, что он был братом Георгия и Моисея, содержится только в его житии, дошедшем до нас в списках не ранее XVI в., составленных со слов старцев, помнивших его первоначальный текст. *ПВЛ* и Кие-

во-Печерский патерик не содержат никаких сведений о св. Ефреме, прославившемся основанием первого монастыря в память о свв. Борисе и Глебе в Торжке (Новом торге) — одном из городов Новгородской земли[24]. Всё это вызывает сомнения исследователей по поводу того, стоит ли причислять Ефрема к братьям Угринам, но с точки зрения истории русско-венгерских отношений более всего сведений о деятельности названных братьев в дружине Бориса Владимировича содержится в житии св. Ефрема Новоторжского.

В этом памятнике Ефрем назван уроженцем Венгерской земли, достигшим у Бориса чина конюшего, а Георгий и Моисей, судя по всему, были простыми княжескими «отроками»[25]. Венгерские исследователи, пытавшиеся установить причины появления братьев Угринов на Руси, выдвигали гипотезы о том, что они могли быть внуками венгерского воина, поступившего на службу к Святославу Игоревичу во время русско-византийской войны 970—971 гг. (Э. Иглои), бежали на Русь вследствие политики насильственной «латинизации», проводившейся Иштваном I по отношению к христианам восточного обряда в ходе подчинения отдельных земель Карпатской котловины, не признававших его верховную власть (И. Феринц, В. Лепахин). Более близкой к истине мне представляется точка зрения Д. Кришто, который, допуская возможность религиозных преследований, считает более вероятным, что братья просто нанялись на службу к Борису, как делало в то время множество чужестранцев, искавших возможности для повышения своего социального статуса[26].

Последнее обстоятельство не исключает того, что братья Угрины были не венграми, а этническими русинами. Для русского человека того времени Карпаты были «горами Угорскими», поэтому все приходившие со стороны Венгрии люди, в том числе жители Русской марки, считались «уграми». Говорившим на одном из диалектов древнерусского языка предкам современных русинов было значительно легче сделать карьеру на Руси, чем в странах латинского Запада или в Византии. В XI в. Русская марка была местом, где скрывались от преследований члены правящих династий, которым угрожала смертельная опасность на родине. Не случайно один из сыновей Владимира Святого — Святослав, также ставший жертвой убийц, посланных в погоню за ним Святополком «Окаянным», бежал (по свидетельству *ПВЛ*) в 1015 г. в сторону Карпат, что отнюдь не означает поисков им защиты и покровительства у Иштвана I[27].

Венгры участвовали в борьбе за Киев наследников Владимира Святого не только в лице братьев Угринов. Болеславу I Храброму, приходившемуся тестем Святополку «Окаянному», удалось к 1018 г. не только нормализовать отношения с Иштваном I, испорченные

высылкой на родину сестры венгерского короля, вышедшей замуж за Болеслава, и нахождением в Польше Дюлы Младшего (правителя Трансильвании, не подчинившегося Иштвану), но и получить от него военную помощь. Отряд из 500 венгров был в составе войска польского князя, вернувшего в 1018 г. киевский стол Святополку, о чем свидетельствует Титмар Мерзебургский[28].

Следующий этап в истории русско-венгерских отношений связан с деятельностью принца Андраша (Эндре), ставшего зятем Ярослава Мудрого. В 1031 г. на охоте трагически погиб единственный сын и наследник Иштвана I Святого Имре, которого Хильдесхаймские анналы называют «князем русских» (*dux Ruizorum*)[29]. Его титул, скорее всего, обозначал власть над Русской маркой, хотя возможно также и его управление областью, центром которой был Оросвар. После смерти Имре венгерский престол на правах старшего в роде Арпадов должен был унаследовать его двоюродный брат Вазул, но Иштван по неизвестным причинам сделал все, чтобы власть не попала в руки Вазула и его детей. По приказу короля Вазул был лишен зрения и слуха, а сыновья последнего — Андраш, Бела и Левенте — вынуждены были бежать сначала в Чехию, а затем в Польшу. Польский князь Ме́шко II (1025—1031, 1032—1034) приблизил к себе Белу и выдал за него свою дочь. Оказавшиеся после этого в зависимости от брата Андраш и Левенте решили покинуть Польшу и отправиться дальше на восток[30].

Возможно, они надеялись найти помощь у родственников русской жены их дяди Ласло Сара, однако, по свидетельству хроники Шимона Кезаи, князь Лодомера (Владимира-Волынского) не позволил братьям вступить на территорию Руси[31]. Пробыв после этого некоторое время в половецких степях[32], Андраш и Левенте прибыли, наконец, в Киев, где нашли защиту и покровительство у Ярослава Мудрого. Наиболее вероятная дата появления венгерских принцев на Руси — 1034 г., хотя предлагаются и другие датировки, от 1038 до 1046 г.[33] Судя по имени Андраша, христианство он мог принять на Руси, где апостол Андрей был более популярен, чем на западе Европы, хотя если имя его отца (Вазул) является венгерской транскрипцией греческого Василий, то стать христианином Андраш мог и на родине. В пользу крещения Андраша на Руси может свидетельствовать тот факт, что Левенте так и остался язычником и был похоронен по языческому обряду, что подчеркивает автор соответствующего известия Композиции венгерских хроник XIV в.[34]

Тот факт, что Ярослав Мудрый дал приют покинувшим родину венгерским принцам, свидетельствует об отсутствии в то время союзнических отношений между киевским князем и венгерским ко-

ролем. Иштван I стремился не только подчинить своей власти все области Карпатской котловины, в том числе окраины, правители которых признавали его власть лишь номинально, но и создать на их территории королевские замковые округа во главе со специальными чиновниками — ишпанами, обеспечивавшими контроль центральной власти над прилегающей к королевскому замку землей. Однако образовать такие округа — комитаты (*венг.* медье) — на всей территории страны сразу было невозможно. Русская марка продолжала оставаться вне комитатской системы, сохраняя свой автономный статус, по крайней мере, до конца первой трети XII в.

Выше подчеркивалась роль бассейна Верхней Тисы в качестве своеобразной «буферной зоны», население которой сохраняло тесные связи как с основной территорией Венгерского союза племен, а затем — королевства, так и с Русью, где проживали родственные ему по языку восточные славяне. Предки современных русинов были соседями одного из племен каваров — части хазар, примкнувших к венграм еще во второй трети IX в., во время проживания мадьяр в Северном Причерноморье. Возглавлял этих каваров род Аба, который, скорее всего, покровительствовал и соседним малочисленным группам восточных славян[35]. Поскольку подчинение окраин только что возникшего Венгерского королевства сопровождалось их насильственной христианизацией, тогдашний лидер рода Аба крестился и принял имя Самуил (*венг.* Шамуэл). Иштван I по достоинству оценил это и выдал за Шамуэла Абу одну из своих дочерей, что сделало последнего одним из кандидатов на венгерский престол — у короля не было наследника после трагической гибели принца Имре.

После смерти Иштвана I Святого венгерский престол занял его зять — сын венецианского дожа Петер Орсеоло (1038—1041, 1044—1046), свергнутый через три года свояком Шамуэлом Абой (1041—1044) и вернувший корону св. Иштвана с немецкой помощью. Ярослав Мудрый занимал в то время выжидательную позицию по отношению к происходившим в Венгрии событиям, поскольку тамошняя знать еще не рассматривала сыновей Вазула в качестве кандидатов на получение верховной власти в стране. Известия Композиции венгерских хроник XIV в. и Регенсбургской хроники императоров, взятые в совокупности, свидетельствуют о том, что потерпевший поражение от Петера Орсеоло Шамуэл Аба бежал к русским (*ze den Ruizen*)[36] в направлении Верхней Тисы (*versus Tysciam*)[37]. Это соответствует реалиям Русской марки, население которой, как указывалось выше, проживало по соседству с владениями рода Аба и могло искать у него покровительства. Попытки обосновать сопоставлением тех же данных наличие у Шамуэла Абы связей с Яросла-

вом Мудрым при отсутствии даже намеков на это в дошедших до нас источниках[38] представляются крайне маловероятными.

В источниках также нет никаких сведений о том, что́ делал Андраш на Руси, если не считать свидетельства о его браке с дочерью Ярослава Мудрого, имя которой (Анастасия) сохранилось лишь в «Польской истории» Яна Длугоша, да и то в приписке на полях (схолии). Тем не менее, исследователи склонны доверять информации Длугоша[39]. В 1046 г., когда венгерская знать сделала, наконец, выбор в пользу Андраша, Ярослав Мудрый оказал ему военную помощь. Разгромив армию короля Петера Орсеоло, зять Ярослава вступил на венгерский престол под именем Андраша I (1046—1060). Пока был жив Ярослав Мудрый, умерший в 1054 г., между Русью и Венгрией, скорее всего, сохранялись союзнические отношения, хотя источники умалчивают о совместных военных операциях русских и венгров в то время. Впрочем, венгерские исторические сочинения и русские летописи вообще не содержат никаких упоминаний о связях Андраша I с тестем.

В отечественной историографии отмечена попытка нарисовать идиллическую картину счастливого брака Андраша и Анастасии, которая якобы стала не просто королевой, а фактической соправительницей своего болезненного супруга[40]. Венгерские исследователи пишут об этом более осторожно. Роль королевы Анастасии сводилась, главным образом, к покровительству восточным христианам. При ней, в частности, был основан пещерный монастырь на побережье Балатона в Тихани. К сожалению, ни отечественные, ни венгерские исследователи до сих пор не обратились к материалу русинских народных преданий, в которых можно найти некоторые дополнительные подробности семейной жизни Андраша и Анастасии. В частности, у русинов есть легенда о «княжеских гробочках», в которой повествуется о том, что у «белого князя» и «белой княгини», ставших правителями Венгрии, умерли сыновья в младенческом возрасте[41].

Это свидетельство объясняет причину появления известия Композиции венгерских хроник XIV в. о наличии у Андраша I сына Георгия «от наложницы, которая у него была из села Морот»[42], которое является уникальным для цитированного источника. Нигде более в нем не называется имя королевского бастарда, да еще с указанием места, откуда происходила его мать. По всей видимости, Андрашу I после смерти первых сыновей, рожденных Анастасией, пришлось официально признать Георгия своим сыном, чтобы заявить о наличии у него детей мужского пола. Лишь в 1053 г. Анастасия родила сына Шаламона, не умершего в младенчестве, а позднее его младшего брата Давида, также пережившего отца.

В свое время Н.М. Карамзин обратил внимание на имя *dux Damazlaus* (князь Дамаслав), встречающееся в одном из королевских дипломов[43], сочтя его свидетельством о приезде вместе с Анастасией в Венгрию не только лиц духовного звания, но и представителей светской знати[44]. Хотя имя *Домаслав* встречается в тексте одной из найденных в Новгороде берестяных грамот, датируемой 60—90-ми годами XII в.[45], видеть в Дамаславе русского боярина представляется слишком смелой гипотезой, поскольку, во-первых, сам диплом, в котором он упомянут, не дает для этого никаких оснований, во-вторых, титул *dux* всё же является более высоким, чем *боярин*, а в-третьих, на территории Венгерского королевства проживало значительное славянское население, из которого, скорее всего, и происходил князь Дамаслав.

Венгерские ученые давно выяснили, что автор рыцарского романа «Деяния венгров» перепутал два местных предания, в результате чего у него получилось, что супруга Андраша I избрала местом своего проживания замок Комаром, находящийся недалеко от тогдашней границы с Германией, поскольку «боялась прихода тевтонского императора, который вторгался в Венгрию, мстя за кровь короля Петера»[46]. На самом деле, Анастасия Ярославна считала безопасным от немецких вторжений местом замок Шарошпатак, где протекал ручей *Киалтпатак*, в то время как в Комароме в Дунай впадал ручей *Кетелпатак*. Название последнего гидронима Венгерский Аноним возводил к рыцарю Кетелю — одному из легендарных сподвижников Арпада во время завоевания венграми Паннонии.

По мнению венгерского журналиста и историка И. Лазара, дочь Ярослава Мудрого не случайно избрала Киалтпатак, находящийся на юго-востоке современной Словакии, своей резиденцией. По мнению Лазара, выбор королевы предопределил тот факт, что названный замок «был ключевым пунктом главного пути, ведшего в Киев»[47]. Здесь находился таможенный пункт, где русские купцы делали необходимую остановку, и королева Анастасия могла пообщаться с соотечественниками на родном языке. В этих размышлениях И. Лазара чувствуется принципиальное для современной венгерской историографии отрицание факта проживания предков современных русинов в бассейне Верхней Тисы до конца XII в. Между тем, Киалтпатак находился как раз на границе освоенной в административном отношении территории Венгерского королевства (где были созданы замковые округа) с Русской маркой. По моему мнению, именно нахождение этой крепости на земле, до которой доходили самые западные поселения восточных славян, и побудило дочь Ярослава Мудрого сделать Киалтпатак своей резиденцией.

Попытка Андраша I гарантировать переход трона после его смерти к малолетнему Шаламону привела в 1060 г. к войне между королем и его братом Белой, вернувшимся в начале правления Андраша из Польши и получившим в управление треть Венгрии в качестве дуката (герцогского держания). В ходе этой войны Андраш погиб, а на венгерский престол взошел Бела I (1060—1063). Бежавшие из страны Анастасия и Шаламон искали помощь не на Руси, а в Германии. О том, что дочь Ярослава Мудрого (по крайней мере, после смерти мужа) не поддерживала тесные связи со своими русскими родственниками, свидетельствует и тот факт, что Шаламона фактически посадил на венгерский престол его шурин — германский император Генрих IV (1056—1106), дав ему войско для борьбы с дядей Белой I. Высказывавшееся в начале XX в. немецким историком Т. Эдигером и поддержанное позднее В.Т. Пашуто предположение, согласно которому прибывшие ко двору киевского князя Изяслава Ярославича (1054—1068, 1069—1073, 1077—1078) немецкие послы могли, в том числе, представлять интересы находившейся в это время в Германии вдовствующей венгерской королевы, в связи с чем Изяслав вскоре после этого отправил ответное посольство в Германию[48], было убедительно опровергнуто А.В. Назаренко, считающим, что в данном случае имеет место «раздвоение» известия об аналогичном русском посольстве 1068 г.[49]

Во время правления Шаламона (1063—1074) отдаленность венгерского короля и его матери от своих русских родственников стала еще более очевидной. По свидетельству Композиции венгерских хроник XIV в., сын Белы I герцог Ласло (будущий король Ласло I Святой) в конце 1073 — начале 1074 г. находился на Руси, занимаясь поисками военной помощи против Шаламона, но так и не нашел ее[50]. Создается впечатление, что отказ вдовствующей королевы Анастасии и ее сына от связей с русскими родственниками побудил к установлению отношений с Рюриковичами Белу I и его сыновей. Оно поддерживается сведениями, содержащимися в «Истории Российской» В.Н. Татищева, который дополняет летописное известие о смерти тмутараканского князя Ростислава Владимировича (датированной в *ПВЛ* 3 февраля 1067 года) фразой о том, что вдова князя «хотела и с детьми в Венгры ко отцу отъехать, но Изяслав, великий князь, детей ей не дал, а самой ехать не воспретил»[51]. Это известие представляется заслуживающим доверия, поскольку соотносится с информацией о более поздних событиях, связанных с походом Калмана Книжника к Перемышлю в 1099 г. (см. ниже). Скорее всего, жена Ростислава была дочерью Белы I, поскольку дети Андраша и Анастасии находились в слишком близкой степени родства к Ростиславу Владимировичу.

Начало регулярных нападений половцев на южнорусские земли и использование их некоторыми Рюриковичами в своих политических целях косвенно отразилось и на русско-венгерских отношениях. Во-первых, половцы начали нападать на владения Арпадов уже при Шаламоне, а во-вторых, теребовльский князь Василько Ростиславич (умер в 1124 г.), сын вышеупомянутого тмутараканского князя, привлекал кочевников для набегов на владения Пястов и Арпадов. Венгерский хроникальный свод сообщает о набеге половецкого хана Кутеска на северо-восточную Венгрию в 1085 г., после чего Ласло I Святой (1077—1095) принимает решение об организации замковых округов (комитатов) Унг и Боршова на части Русской марки. В 1092 г. названный король совершает поход в юго-западную Русь, скорее всего, против не скрывавшего своих намерений захвата соседних земель Василька Ростиславича[52].

Новая эпоха в истории русско-венгерских отношений началась с приходом к власти в Киеве Святополка Изяславича (1093—1113). Еще до 1091 г. он породнился с Арпадами, женив своего сына Ярослава на венгерской принцессе, а во время прохождения крестоносного войска через Венгрию в 1096 г. король Калман Книжник (1095—1116) был готов бежать на Русь (или в Русскую марку?) в случае, если его военных сил не хватит для обуздания буйных «воинов Христовых»[53]. В 1099 г. Калман пришел во главе венгерского войска под Перемышль на помощь Святополку против Давыда Игоревича, но потерпел страшное поражение от половцев хана Боняка[54]. Венгерский хроникальный свод упоминает некую «княгиню русских» (ducissa Rutenorum) Ланку, вставшую на пути королевского войска и пытавшуюся отговорить Калмана от похода на Русь[55]. Скорее всего, это была вдова Ростислава Владимировича, мать теребовльского князя Василька и перемышльского Володаря, вернувшаяся из Венгрии к сыновьям.

[1] *P. magistri*, *qui Anonymus dicitur*, Gesta Hungarorum // Scriptores rerum Hungaricarim tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit E. Szentpétery. — Budapestini, 1937. — Vol. 1. — P. 113. — Далее: SRH. Венгерским Анонимом принято называть неизвестного нотария короля Белы III (1172—1196), написавшего в начале XIII в. рыцарский роман «Деяния венгров» (*Gesta Hungarorum*), в том числе, на основе не дошедших до нас ранних исторических сочинений королевства Венгрии.

[2] *Hóman B.* Magyar történet. — 7. kiad. — I. k. — Budapest, 1941. — 134. l.

[3] *Koperski A., Parzczewski M.* Wcześnośredniowieszny grób węgrakocczownika z Przemyśła // Acta Archaeologica Carpathica. — 1978. — 30. — S. 213—230.

[4] *Mesterházi K.* Régészeti adatok Magyarország 10—11. századi kereskedelméhez // Századok. — 1999. — 3—4. sz. — 452—453. l.

[5] *Nicolas I, Patriarch of Constantinople*. Letters / ed. and transl. by R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink. — Washington, 1973. — P. 158, 161.
[6] *Нидерле Л.* Славянские древности. — М., 1956. — С. 158, 159; *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—IX вв. — М., 1982. — С. 130. — (Археология СССР).
[7] «Dux vero Zulta <...> dedit castrum construere Ruthenis, qui cum Almo duce avo suo in Pannoniam venerant, et in eodem confinio ultra lutum Musun collocavit etiam Bissenos non paucos habitare pro defensione regni sui, ut ne aliquando in posterum furibundi Theutonici propter iniuriam sibi illatam fines Hungarorum devastare possent» (*P. magistri*, *qui Anonymus dicitur*, Gesta Hungarorum. — P. 113—114).
[8] *Kristó Gy., Szőke B. M.* Oroszvár // Korai magyar történeti lexikon (9—14. század) / Főszerk. Gy. Kristó. — Budapest, 1994. — 510. l.
[9] Сборник Отделения языка и словесности Императорской Академии наук. — СПб., 1889. — Т. 46, № 6: *Веселовский А.Н.* Разыскания в области русского духовного стиха (X—XVII). — С. 64—65 (Прил.).
[10] *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. — М., 1969. — С. 170; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — Изд. 2-е, доп. — М., 1993. — С. 354.
[11] Полное собрание русских летописей. — [Репр.]. — М., 1997. — Т. 1: Лаврентьевская летопись. — Стб. 67; М., 1998. — Т. 2: Ипатьевская летопись. — Стб. 55. — (Далее: ПСРЛ).
[12] *Leonis Diaconi Caloensis* historiae libri decem / E rec. C.H. Hasii. — Bonnae, 1828. — P. 18—19.
[13] *P. magistri*, *qui Anonymus dicitur*, Gesta Hungarorum. — P. 114—115.
[14] *Lamperti monachi Hersfeldensis* opera / Ed. O. Holder-Egger. — Hannover; Leipzig, 1894. — P. 42.
[15] Legenda S. Stephani regis maior / Ed. E. Bartoniek // SRH. — Budapestini, 1938. — Vol. 2. — P. 379.
[16] См. об этом: *Юрасов М.К.* : 1) Какие «росы» были крещены в год захвата вещим Олегом Киева? // Проблемы славяноведения. — Брянск, 2010. — Вып. 12. — С. 5—14 ; 2) Место русинов в этнополитической структуре Венгрии в X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII чтения памяти В.Т. Пашуто. — М., 2011. — С. 337—343.
[17] *Кропоткин В.В.* Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Проблемы археологии и древней истории угров: сб. ст. — М., 1972. — С. 201.
[18] *Deér J.* A magyar törzsszövetség és patrimoniális királyság külpolitikája. — Kaposvár, 1929. — 36. l.; *Györffy Gy.* Krónikáink és a magyar őstörténet. — Budapest, 1948. — 148. l.; *Bonis Gy.* István király. — Budapest, 1956. — 26. l.; *Makk F.* Magyarország és keleti szomszédai Szent István korában // Szent István és korá / Szerk. Glatz F., Kardos J. — Budapest, 1988. — 82. l.
[19] Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. A. Domanovszky // SRH. — Budapestini, 1937. — Vol. 1. — P. 344. Сведения о русской жене Ласло Сара содержатся только в списках «семейства» Будской или Иллюстрированной хроники.
[20] ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 126; Т. 2. — Стб. 111.
[21] Там же. — М., 2000. — Т. 9. — С. 68.
[22] Там же. — Т. 1. — Стб. 134; Т. 2. — Стб. 120.
[23] Киево-Печерский Патерик / подгот. текста Л. А.Ольшевской; пер. Л.А. Дмитриева; коммент. Л.А. Дмитриева и Л.А. Ольшевской // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 1997. — Т. 4. — С. 416—427.
[24] См. об этом: *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. — М., 1871. — С. 335.

[25] Житие преподобного Ефрема Новоторжского: из фонда «Редкая книга» Тверского гос. объединенного музея: рукописный список / пер. В.З. Исакова; коммент. П.Д. Малыгина. — Торжок, 2011.

[26] Подробнее об этом см.: *Юрасов М.К.* Роль братьев Угринов в истории Руси первой половины XI века // Исследования по истории России: материалы междисцип. семинаров, 2003—2005 гг. — Сомбатхей, 2008. — С. 3—28.

[27] См. об этом: *Его же*. Подкарпатская Русь — место приюта изгнанных правителей и их родственников в раннее Средневековье // Карпатская Русь: лит.-публицист. альманах. — М., 2013. — Вып. 1 / сост. А.В. Фатула, М.Ю. Дронов. — С. 166—175.

[28] *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв.: тексты, пер., коммент. — М., 1993. — С. 137—143.

[29] Annales Hildesheimenses / [Hrsg. von] G. Weitz. — Hannover, 1878. — S. 36. — (Monumentis Germaniae historica. Scriptores Rerum Germanicarum in usum sholarum; [8]).

[30] Chronici Hungarici compositio ... — P. 318—321, 335—336.

[31] Летописи умалчивают о том, кому в то время принадлежала Владимиро-Волынская волость. Исследователи видят в не названном венгерской хроникой по имени князе Игоря Ярославича (умер в 1060 г.), получившего эту землю по «завещанию» Ярослава Мудрого (1054 г.), но Игорь родился не ранее 1031 г., поскольку следовал по старшинству за Всеволодом (родился в 1030 г.). Даже если Андраш и Левенте появились на Руси в 1043 г., как считает Д. Паулер, крайне маловероятно, чтобы Игорь получил в то время Волынскую землю в княжение. Судя по тому, что впоследствии киевский князь Святополк Изяславич (1093—1113) заявлял о вхождении Волыни в состав владений его отца, князем, не пустившим венгерских принцев на Русь, был Изяслав Ярославич (умер в 1078 г.).

[32] *Simonis de Keza* Gesta Hungarorum / Ed. A. Domanocszky // SRH. — Budapestini, 1937. — Vol. 1. — P. 177.

[33] Обзор мнений см.: *Юрасов М.К.* Русско-венгерские отношения второй трети XI в. // Венгрия и Россия в историческом прошлом: материалы междисциплинарного семинара, г. Сомбатхей, 26 января 2002 г. — Сомбатхей, 2003. — С. 9—13. После выхода этой работы А.В. Назаренко привел «новые» аргументы в пользу того, что Андраш и Левенте не могли появиться на Руси ранее 1043 г., опираясь на данные Альтайхских анналов и хроники Херманна из Райхенау. Однако оба этих источника не упоминают по имени племянника Иштвана I Святого, участвовавшего в антивенгерской военной акции 1042 г., организованной германским императором Генрихом III и чешским князем Бржетиславом I (*Назаренко А. В.* Племянники венгерского короля Иштвана I на Руси // Ad fontem = У источника: сб. ст. в честь С.М. Каштанова. — М., 2005. — С. 167—175), каковым вполне мог быть и оставшийся в Польше Бела. При этом фактически отвергается свидетельство Композиции венгерских хроник XIV в., называющей покровителем сыновей Вазула польского князя Ме́шка II, что предполагает уход Андраша и Левенте из Польши на Русь не позднее 1034 г. Все приведенные А.В. Назаренко аргументы со ссылками на те же источники и аналогичные выводы можно найти уже в труде Д. Паулера. См.: *Pauler Gy*. A magyar nemzet története az Árpadházi királyok alatt. — 2. kiad. — Budapest, 1899. — I. k. — 82—86. l.

[34] Chronici Hungarici compositio ... — P. 344.

[35] Подробнее об этом см.: *Юрасов М.К.* Место русинов в этно-политической структуре Венгрии в X в.

[36] Deutsche Kaiserchronik / Hrsg. v. E. Schröder // Monumenta Germaniae historica. Scriptores, qui vernacula lingua usi sunt = Deutsche Chroniken und andere Geschichtsbücher des Mittelalters. — Hannover, 1892. — T. 1, 1. — S. 378.

[37] Chronici Hungarici compositio ... — P. 332.

[38] См.: *Назаренко А.В.* : 1) Об одном эпизоде венгерской политики Ярослава Мудрого // Норна у источника Судьбы: сб. ст. в честь Е.А. Мельниковой. — М., 2001. — С. 268—281 ; 2) Племянники венгерского короля Иштвана I на Руси. — С. 167—175.

[39] *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I—VI): текст, пер., комментарий / под ред. и с дополнениями А.В. Назаренко. — М., 2004. — С. 107, 255—256, 390.

[40] *Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. — М., 2001. (Жизнь замечательных людей: сер. биографий; вып. 1008 (808)). Несмотря на беллетристический характер серии, в которой вышла эта книга, ее автор — профессиональный историк — написал к основному ее тексту примечания, имеющие серьезный научный характер. Мнение А.Ю. Карпова о соправительстве Анастасии опирается на тот факт, что, по свидетельству Композиции венгерских хроник XIV в., в самые последние годы жизни Андраш действительно был прикован к постели. Однако там ничего не сказано об участии королевы в управлении Венгрией, как, например, это засвидетельствовано в том же источнике относительно жены Иштвана I Гизеллы или жены Белы II Елены (Илоны) Урошевны.

[41] *Bidermann H. I.* Die Ungarischen Ruthenen. Ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte. — Innsbruck, 1862. — Bd. 1. — S. 7.

[42] «De concubina autem, quam habuit de villa Moroth, genuit Georgium» (Chronici Hungarici compositio ... — P. 345).

[43] См. упоминание Дамаслава в новейшем издании диплома: Diplomata Hungariae antiquissima. — Budapestini, 1992. — Vol. 1 / Edendo operi praefuit G. Györffy. — P. 77.

[44] *Карамзин Н.М.* История Государства Российского в 12 т. — М., 1991. — Т. 2—3. — С. 208 (примеч. 44).

[45] См.: Новгородские грамоты на бересте. — М., 1955. — С. 34—36.

[46] «...timebat adventum imperatoris Theotonicorum, ut ne ulterius (*sic!*) sanguinem Petri regis Hungariam intraret» (*P. magistri*, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum. — P. 56).

[47] *Lázár I.* Kiált patak vára. — Budapest, 1974. — 197. l.

[48] *Ediger Th.* Russlands aelteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und römischen Kurie. — Halle, 1911. — S. 37—38; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Дреней Руси. — М., 1968. — С. 52.

[49] *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XIII вв. — М., 2001. — С. 520.

[50] Chronici Hungarici compositio ... — P. 381.

[51] *Татищев В.Н.* Сочинения. — М.; Л., 1963. — Т. 2. — С. 83—84.

[52] Chronici Hungarici compositio ... — P. 408—409, 414—415.

[53] *Alberti Aquensis* Historia Hierosolymitana / Ed. P. Meyer // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. — Paris, 1879. — T. 4. — P. 294.

[54] ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 270—271; Т. 2. — Стб. 245—246.

[55] Chronici Hungarici compositio ... — P. 423—424.

И.С. Рыбаченок

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БОРЬБА РОССИИ ЗА МИРОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Противоречие интересов капиталистических держав в области мировой политики нигде не отражается с такой яркостью, как в борьбе за морские коммуникации и проведение тех или иных рельсовых путей. Эти противоречия становятся одной из главных причин международных конфликтов, приводящих к войнам. Дипломатические соглашения и договоры являются лишь вершиной пирамиды, в основании которой лежат факторы торгово-экономического, финансового и геополитического противостояния.
Ключевые слова: международные отношения; мировые коммуникации; морские пути; железные дороги; противоречия между державами.

I.S. Rybachenok
International relations and the struggle of Russia for global communication in the late XIX — early XX

The contradiction of interests of the capitalist powers in the field of world politics is reflected nowhere so bright as in the struggle for the sea lanes and the execution of any other track. These contradictions become one of the major causes of international conflict, leading to wars. Diplomatic agreements and treaties are only the tip of the pyramid, which is based upon the factors of trade and economic, financial and geopolitical confrontation.
Keywords: international relations; global communication; sea route; railroad; the contradictions between the powers.

Прокладывая и усовершенствуя сухопутные и морские пути, люди всегда решали как минимум две взаимосвязанные, но не полностью совпадавшие задачи — сделать эти пути максимально безопасными и минимально протяженными. Уже в древности сеть сухопутных и морских коммуникаций была довольно широкой. Хорошо известны средиземноморские и малоазиатские маршруты, путь из варяг в греки, Великий Шелковый путь. Система стратегических дорог и морских путей была создана в Риме. Она обеспечивала возможность быстрой перегруппировки римских легионов по территории огромной империи и осуществления эффективного морского контроля над всей береговой линией Средиземного моря.

С античных времен Средиземное море было главным районом европейской морской торговли. Его огромное значение определяется бла-

гоприятным географическим положением: оно омывает три континента — южное побережье Европы, северные берега Африки и западное прибрежье Малой Азии. Большая изрезанность берегов, многочисленные бухты, острова и архипелаги — всё это обусловило исключительную важность Средиземного моря для мировых коммуникаций[1].

После вторжения арабов Средиземное море, как верно отметил британский историк и географ Джон Френсис Хоррабин, перестало быть связующим звеном и превратилось в «ров между враждующими силами ислама и христианства»[2]. Стремление западноевропейских стран расширить выгодные торговые сношения с Востоком, получить доступ к его богатствам в значительной степени стимулировало крестовые походы. В их основе, по образному выражению Б.Б. Жерве, «лежало стремление Западной Европы отвоевать у арабских завоевателей не столько “ключи к гробу господню”, сколько “ключи к Востоку”, к выгодным торговым сношениям с восточными странами»[3].

После появление в восточных областях Средиземного моря турок, препятствовавших торговым сношениям Европы с Востоком, в западноевропейских государствах задумались о новых путях в Индию и страны Дальнего Востока. Пионерами в этих поисках стали Испания и Португалия, расположенные на водоразделе между Средиземным морем и Атлантическим океаном. Попытки увенчались успехом, и в результате походов Колумба (1492 г.), Васко да Гама (1498 г.) и Магеллана (1520 г.) сеть мировых коммуникаций существенно расширилась. Колумб, наткнувшись на острова у берегов Центральной Америки, полагал, что земли, названные им Вест-Индией, лежат у восточно-китайского побережья. Когда же Магеллан обогнул южную оконечность американского материка, старая Индия — отныне Ост-Индия — была достигнута западным путем.

С XVII в. Средиземное море приобрело особое значение как кратчайший путь для торговли Европы со странами Ближнего Востока. Этому способствовали, с одной стороны, начавшийся упадок могущества Османской империи и, с другой, быстрый рост экономической и военной мощи морских держав — Португалии, Голландии, Испании, затем — Франции и Англии. В XVIII в. между ними перманентно шло соперничество за господство на море, а также долгая, упорная борьба за захват, раздел и передел колоний. Ко второй половине XIX в. общая сеть мировых морских путей в общих чертах сложилась, а в соперничество держав на море включились новые игроки — Германия, США, позже других Япония.

После промышленного переворота произошли изменения и в характере европейской колониальной экспансии. Теперь целью стало не только получение (преимущественно с помощью торговли) цен-

ных и экзотических товаров, а экономическое завоевание целых регионов. Капиталистическая экономика европейских государств остро нуждалась в доступе к источникам сырья и рынкам сбыта. Проникновение европейцев в азиатские и африканские страны приобретало форму неравноправных договоров с ними, а соперничество между великими державами в колониях оказалось тесно связано с системой военно-политических союзов в Европе.

Промышленный переворот сказался на расширении морских мировых путей и железнодорожных сообщений[4]. Строительство последних далеко двинуло вперед экономическое объединение земного шара, включило в картину мира не только берега, но и до тех пор не затронутые цивилизацией обширные области в глубине материков[5]. Не случайно XIX в. называли веком «железа и стали». Если в 1860 г. выплавка чугуна в мире составляла 7 млн. тонн, то в 1910 г. — 70 млн. тонн.

Прогресс в области металлургии и влияние финансового капитала обеспечили громадное и быстрое развитие железнодорожной сети по всему миру. Вместе с тем развитие тяжелой металлургии оказывалось неразрывно связанным не только с хозяйственной деятельностью (производством рельсов, подвижного состава и т.д.), но и с ростом вооружений и военной техники (пушки, снаряды, броненосцы и пр.), то есть со всей системой милитаризма и маринизма.

Министр колоний Германии Б. Дернбург утверждал: «Опыт всех стран показал, что без железных дорог большие колониальные владения остаются непрочно завоеванными, экономически малодоступными». Этот же тезис вице-король Индии Дж. Керзон сформулировал так: «Лучшим средством покорения восточных государств являются железные дороги. Это средство более действенное, чем пушки и ядра»[6]. Таким образом, железные дороги становились не только коммуникационными путями, но и выгодными финансовыми предприятиями, а также инструментом в политической борьбе.

Развитие железнодорожного транспорта имело два важных последствия. Во-первых, оно «открыло» громадные континентальные пространства, до тех пор соприкасавшиеся с внешним миром только своей прибрежной полосой, и, во-вторых, оно изменило равновесие сил между наиболее развитыми в промышленном отношении государствами. Сооружение сухопутных дорог придало новый вес некоторым континентальным державам, и хотя обладание океанским берегом осталось огромным преимуществом, железные дороги поколебали монополию стран, омываемых открытым океаном[7]. В результате значительно изменилось и соотношение сил европейских государств. Если в начале XIX в. сильными экономическими державами считались только Великобритания и Франция, то к концу это-

го века железные дороги, выстроенные Германией и Россией, создали новый баланс на мировой арене.

Проследим в самом общем виде взаимосвязь борьбы за мировые морские и железнодорожные коммуникации в конце XIX — начале XX в. и международных соглашений, обозначив место России в этих процессах и достигнутые ею результаты.

На протяжении веков территориальный контроль являлся средоточием международно-политических конфликтов. Исследователи обращают внимание на непреложную связь становления и развития империй с созданием транспортной сети стратегических дорог и оптимальных морских перевозок. Захват и удержание жизненно важных географических позиций, установление контроля над присоединенными территориями требовали военной системы организации пространства, что создавало каркас империй[8].

Стремление крупнейших европейских государств разрешать назревавшие между ними противоречия из-за колоний и сфер влияния вооруженным путем породило гонку вооружений. С 1871 г. во всех европейских странах произошло резкое увеличение расходов на вооружение, что обостряло и усиливало соперничество держав за железнодорожные и морские коммуникации. Не случайно известный историк-востоковед М.П. Павлович утверждал, что «милитаризм самым фактом своего существования и непрерывного роста становится одной из важнейших причин обострения международных отношений»[9]. Значительно увеличивается в бюджетах всех государств доля военно-морских расходов, а также затрат на колониальные экспедиции и «умиротворение» захваченных территорий в Азии и Африке.

Самыми быстрыми темпами росла милитаризация бюджета в Англии, особенно расходов на флот[10]. Ему в борьбе за колонии отводилась главенствующая роль, поэтому военно-морская мощь ведущих государств нарастала стремительно[11]. За последнюю четверть XIX в. суммарное водоизмещение броненосного флота Франции увеличилось втрое, Англии — вчетверо, России — впятеро, Германии — в восемь раз, Японии — в 15 раз. На строительство военных флотов и их содержание тратились огромные средства.

Россия в результате осуществления долгосрочной программы судостроения, разработанной в начале 80-х годов XIX в., превратилась в достаточно сильную морскую державу, занимая третье место в мире. Но в новой гонке военно-морских вооружений, начавшейся на рубеже веков, она стала быстро отставать от Англии, Германии и других государств. После поражения в Русско-японской войне 1904—1905 гг. ей пришлось заново восстанавливать флот.

В области международной политики перед ведущими государствами в конце XIX — начале XX в. обозначилось несколько проблем, в решении которых были заинтересованы все, но в отдельных регионах в разной степени. *Малоазиатская* — борьба за окончательный раздел Османской империи (основные соперники: Англия, Германия, Франция, Италия, Австро-Венгрия, Россия). *Африканская* — борьба за передел колониальных владений (основные соперники: Англия, Германия, Франция, Италия, Испания). *Средневосточная* — вопрос об обладании Месопотамией (основные соперники: Англия, Германия, Россия, Франция). *Тихоокеанская* — вопрос о гегемонии в водах океана, омывающего три континента (основные соперники: Англия, Германия, Франция, Россия, Япония, США).

Роль международных сухопутных и морских коммуникаций существенно возросла. Ведущие морские державы стремились установить свой односторонний или коллективный контроль над морскими путями мирового значения, используя их для устройства опорных пунктов, завоевания рынков сбыта и сфер приложения капиталов. Ввиду особого экономического и стратегического значения важнейших морских проливов и каналов вопросы их правового режима стали весьма актуальными[12]. При этом способы правовой регламентации — односторонними актами, международными соглашениями, общими принципами международного права — также становились инструментами острых баталий.

Исключительное географическое положение Средиземного моря делало его не только благоприятным для мореплавания, но превращало в арену острых конфликтов. Мощный британский флот мог контролировать продольный путь по нему. Объектами упорного соперничества между державами здесь были три важнейших стратегических зоны: Гибралтарский пролив, Черноморские проливы и Суэцкий канал, служившие своеобразными «заслонками» в системе территориального контроля.

До начала XX в. доминирование Англии в Европе и мире базировалось на ее безусловном экономическом лидерстве, обширной колониальной империи и на обладании выстраиваемой ею с начала XVIII в. сетью стратегически важных опорных пунктов на всех главных мировых путях. Великобритания с полным правом именовалась «владычицей морей». Порт в Дувре и полученный от Германии в обмен на Занзибар о. Гельголанд ставили под контроль англичан выход из Балтийского моря в Северное.

На южной оконечности Иберийского полуострова форпостом этой системы стал Гибралтар, имеющий господствующее положение на коммуникационных путях, ведущих из Средиземного моря в Атлан-

тический океан. Расположенными по другую сторону Гибралтарского пролива Сеутой и Танжером — важнейшими пунктами на северном побережье Африки — в XV в. овладели португальцы. Два века спустя Сеута перешла к Испании, а Танжер — к Англии (как приданое Екатерины, инфанты Португальской, вышедшей замуж за Карла II Английского). В 1684 г. англичане оставили Танжер, но в 1704 г. захватили Гибралтар (как и остров Менорку). Все попытки Испании вернуть его оказались безуспешными. Гибралтар — плацдарм для морских и сухопутных сил, оборудован как морская операционная база и имеет гавань, доки, ремонтные средства, склады угля, боеприпасов, продовольствия[13].

Промежуточной базой между Гибралтаром и другими английскими опорными пунктами стал о. Мальта, захваченный в 1800 г. Следующие звенья цепи — о. Перим, временно занятый Англией в 1799 г. и превращенный в колонию в 1857 г., три года спустя после того, как под ее контроль перешли соседние острова Курия-Мурия. В 1839 г. был оккупирован порт Аден на выходе из Красного моря, а в 1882 г. — Суэц. В качестве компенсации от Турции после Русско-турецкой войны в 1878 г. Англия получила о. Кипр, а в 1886 г. — завладела о. Сокотра у выхода из Баб-эль-Мандебского пролива. Кроме того, еще в 1819 г. Англия утвердилась на о. Сингапур в Малаккском проливе — пути на Дальний Восток. После победы в англо-бурской войне 1899—1902 гг. и юг Африканского континента принадлежал Англии.

Таким образом, к началу XX в. в британских руках оказались, по словам первого лорда адмиралтейства адмирала Дж.А. Фишера, «пять стратегических ключей, на которые запирается земной шар — Дувр, Гибралтар, мыс Доброй Надежды, Александрия и Сингапур»[14]. Эта цепь укрепленных баз позволяла контролировать практически все самые важные мировые морские коммуникации.

Разрозненные попытки России обозначить свое присутствие в Средиземном море в конце XIX в. и создать там опорные пункты были безрезультатны. Продуманная долгосрочная программа отсутствовала, а флот был слаб. С конца 60-х годов XIX в. в Морском министерстве господствовала концепция двух флотов — оборонительного и наступательного с акцентом на первый. Кроме того, развитие флота сдерживало недостаточное финансирование и ограничительные условия Парижского трактата 1856 г., запретившего строительство кораблей на Черном море.

Новая международная обстановка, сложившаяся после появления единого Германского государства в 1871 г. и Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., стимулировала разработку в России судостроительной программы. Предполагалось создать морские силы, равные флотам нескольких крупных держав: Германии, Швеции и Дании на

Балтике, Турции — в Черном море, Китаю и Японии — на Дальнем Востоке[15]. Тем самым обозначалось намерение России расширить участие в мировой политике.

В середине 80-х годов XIX в. замысел устроить вблизи входа в Дарданеллы опорный пункт для миноносцев, способных задержать английскую эскадру и нарушить морские коммуникации турок, поддержки не нашел. В Морском министерстве тогда полагали, что Россия не имеет прямых интересов в Средиземном море. Вместе с тем очерчивались районы, потенциально интересные для ознакомительного плавания крейсеров: Красное море и северная часть Индийского океана, южный берег Аравии, Персидский залив, северо-восточные берега Африки с о. Сокотра, северная часть Атлантического океана (острова Азорские, Канарские, Зеленого Мыса)[16].

В конце 80-х годов XIX в. Морское министерство предполагало создать сеть наблюдательных пунктов в Архипелаге, чтобы постоянно отслеживать движение кораблей всех великих держав, а также английских транспортов, перемещавшихся по Средиземному морю и Суэцкому каналу. Консулы в Гибралтаре, Алхесирасе, на Мальте и в Порт-Саиде должны были вести постоянное наблюдение с целью выяснить опасность, угрожающую побережью Черного моря. Замысел реализовался лишь отчасти: на Мальту был назначен внештатный консул[17].

Отряд судов в Средиземном море, незначительный и слишком слабый для активных действий, в 1890 г. был упразднен. Но в 1893 г. в контексте заключения русско-французского союза эскадра русских кораблей посетила Тулон для политической демонстрации единства двух держав[18]. Позже в Средиземном море иногда проводились единичные акции российского флота.

Северное побережье Африки постепенно стало зоной острого соперничества Франции, Испании, Италии, Англии и Германии. Основной стратегической задачей мощного британского флота на этом море являлось обеспечение продольного пути от Гибралтара до Суэца.

В первой половине XIX в. Англия и другие морские державы сравнительно благосклонно относились к завоеванию Алжира Францией. Она хотела получить опорный пункт в Средиземном море, который мог бы служить противовесом английской базе на Мальте, и, утвердив свой протекторат в Тунисе, создать морскую базу в Бизерте[19]. Программа была достаточно масштабной: в конце 50-х годов один из идеологов французского колониализма утверждал: «Марокко и Тунис, вместе с Алжиром и Францией, должны образовать единую Средиземную империю»[20]. Однако распространение французских владений на североафриканском берегу в сторону Туниса и Марокко встретило отпор со стороны других держав.

Англия согласилась на занятие Туниса в 1881 г. в обмен на отказ Третьей республики от видов на Египет и восточный Судан. Но Италию это подтолкнуло к заключению в 1882 г. союза с Германией и Австро-Венгрией. Южная часть Апеннинского полуострова и Сицилия являлись естественным плацдармом итальянской экспансии против Туниса. Идею итальянского стратегического барьера в Средиземном море высказывал еще министр иностранных дел, а позже премьер-министр Ф. Криспи: «Если нам будет принадлежать Триполитания, то Бизерта не будет представлять опасности»[21].

В 1885 г. Италия высадила военно-морской десант на побережье Красного моря и уже к 1890 г. объединила захваченные территории. Но в ходе итало-эфиопской войны 1895—1896 гг. итальянцы были разгромлены, и тогда Рим отказался от более широких планов экспансии. Только в 1911 г. с согласия Англии и Франции Италия захватила Триполитанию у Турции — ее последнее владение в Африке. Лондон и Париж рассчитывали, что благодаря этому Рим дистанцируется от Тройственного союза.

В отличие от Англии, задачей которой являлся контроль продольного пути от Гибралтара до Суэца, основную стратегическую задачу Франции на Средиземном море составляло обеспечение поперечного морского пути к своим колониальным владениям от порта Тулон (на юге Франции) до Бизерты (на северном побережье Африки). В ходе маневров в 1900 г. французской эскадре удалось пройти Гибралтарский пролив, не будучи замеченной английскими постами[22]. План маневров 1902 г. также включал отработку действий против британского флота[23], поскольку Англия рассматривалась как основной соперник на море.

В том же году в Париже рассматривали возможность заключения морской конвенции с Россией, но дальше зондажа дело не пошло[24]. После подписания англо-французского договора в апреле 1904 г., снявшего остроту колониального соперничества между двумя державами в Африке, этот вопрос не поднимался, и только в 1912 г. была подписана военно-морская конвенция между Россией и Францией уже в иных политических реалиях.

Объектом ожесточенного международного соперничества было Марокко, географическое положение которого давало возможность контроля над Гибралтарским проливом[25]. Конкуренция держав там обострилась в конце XIX в., и Испании, прежде традиционно преобладавшей в Марокко, приходилось теперь считаться с Францией, Англией, а позже и с Германией. По условиям конвенции, принятой на международной конференции в Мадриде в 1880 г., за всеми государствами-участниками признавались права наиболее благоприятствуемых наций в Марокко[26].

Спустя год Россия присоединилась к Мадридской конвенции, но лишь в ноябре 1897 г. в Марокко было учреждено генеральное консульство. Россия опасалась преобладания в Марокко Англии, которая, в случае захвата Танжера, получила бы возможность окончательно завладеть входом в Средиземное море к невыгоде других держав. Слухи о предстоящем заключении франко-испанского соглашения о Марокко, распространившиеся осенью 1902 г., обеспокоили Петербург. В газете «Новое время», которая иногда использовалась российским МИД для озвучивания своих позиций, появилась подробная статья о Гибралтарском проливе с детальной картой[27]. Для ограждения статус-кво в Гибралтарском проливе Россия предлагала нейтрализовать марокканское побережье[28].

Заключение англо-французской антанты оповестило политический мир об отказе Франции от притязаний в Египте, взамен обещания Англии не препятствовать ее политике мирного проникновения в Марокко. В октябре 1904 г. Франция и Испания подписали конвенцию об обоюдных интересах в Марокко. Декларировалась решимость сохранять и поддерживать целостность страны под верховной властью ее султана. В сферу влияния Испании вошли города на всем протяжении прибрежья, в том числе Танжер, а африканский берег Гибралтарского пролива объявлялся нейтральным за исключением испанских владений (анклав Сеута).

Нейтрализация марокканского побережья Гибралтарского пролива соответствовала интересам России. Однако по требованию Германии была созвана международная конференция для обсуждения вопроса, и в результате разгорелся первый Марокканский кризис. В конференции, открывшейся в январе 1906 г. в Альхесирасе, где участвовали делегаты 13 держав, проявилось новое соотношение сил между ними.

Россия, еще воевавшая в тот момент с Японией, нуждалась в поддержке Германии. Заключение русско-германского Бьеркского договора в 1905 г. и расчет с его помощью подорвать англо-французскую антанту, смягчили позицию германского кайзера Вильгельма II по марокканскому вопросу, но крушение договора и окончание Русско-японской войны ослабили зависимость России от Берлина и упрочили франко-русские связи. Лондон и Париж были заинтересованы в том, чтобы Франция, Англия и Россия выступили в Альхесирасе единым фронтом против Германии.

В начале конференции Россия рассчитывала, став посредником и поддерживая Францию, в то же время не испортить отношений с Германией. Но под финансовым нажимом Парижа позиция Петербурга становилась всё более антигерманской. Вынужденный уступить, Берлин не смог решить ни региональную задачу — получить

стратегическую позицию в Марокко, ни добиться общеполитической цели — расколоть англо-французскую антанту[29].

Балканы, занимающие уникальное географическое положение, поскольку разделяют и одновременно связывают три материка: Европу, Азию и Африку — играли ключевую роль в обеспечении коммуникаций как на Запад, так и на Восток. Через Балканы пролегали наиболее короткие и удобные сухопутные и речные торговые пути, открывающие дорогу на Ближний и Средний Восток и далее в Индийский океан для трех крупнейших континентальных держав: Австро-Венгрии, Германии и России.

Но выход этих держав в мировой океан легко контролировался британским флотом. Поэтому Балканы в международных отношениях рассматривались как плацдарм, владея которым можно господствовать на Средиземном и Черном морях, контролировать коммуникации, связывающие юг Европы с Азией, оказывать непосредственное влияние на развитие политической и экономической ситуации в близлежащих регионах. Не случайно исследователи полагают, что «государство (или группа государств), рассматривающее в качестве стратегической задачи установление контроля на евразийском пространстве, должно, прежде всего, обеспечить себе господство над естественным геополитическим клином, вбитым в тело Евразии со стороны Восточного Средиземноморья»[30].

Основная масса русского экспорта тяготела к черноморским портам, поэтому для нее были важны позиции на Балканах. Но здесь Петербург неминуемо сталкивался с противодействием, прежде всего Вены, которая также искала на Балканах не только рынки сбыта и источники сырья, но и выход в Средиземное море. Это столкновение интересов Австро-Венгрии и России, во многом находившихся в сходной ситуации, могло быть на время урегулировано компромиссом. Заключенное в 1897 г. австро-русское соглашение позволяло до известной степени поддерживать статус-кво в регионе, но не снимало проблему[31].

Русско-австрийское противостояние на Балканах проявлялось также в соперничестве за другие пути коммуникаций: выбор направлений железнодорожных линий и свободу судоходства по Дунаю. Австро-Венгрия давно проектировала построить железную дорогу от Сараево (где она соединялась бы с боснийской сетью) через Новипазарский санджак до Митровицы (где она смыкалась бы с румелийской). Такая дорога, перерезав Балканы с северо-запада на юго-восток, позволила бы Австро-Венгрии и Германии создать путь от Берлина и Вены до Салоник, дав им экономическое и политическое преобладание в регионе. Проект, ставший известным в 1900 г., вызвал тревогу не только в Белграде, но и в Петербурге, Париже и

Риме. Осуществление замысла прокладки иной трансбалканской линии (задуманной еще в 90-е годы) Дунай — Ниш — Адриатическое море дало бы Сербии выход к побережью, с одной стороны, а, с другой, при постройке моста через Дунай, позволяло соединить ее с русской сетью. Не имея собственных средств, Белград обратился в Петербург и Рим, но встретил отказ от финансового участия в строительстве. Провалились и совместные попытки французских и итальянских предпринимателей получить концессию от Порты. События 1903—1904 гг. в Македонии сняли вопрос с повестки дня[32].

Черноморские проливы, которые являются звеньями цепи, соединяющей закрытое Черное море с открытым Средиземным, — были одной из стратегически значимых мировых коммуникаций. Идущее из Черного моря судно должно сначала войти в довольно узкий Босфор, миновать Стамбул, дойти до Мраморного моря и войти в Дарданеллы. Этот пролив заканчивается Эгейским морем, которое, в свою очередь, является частью Средиземного моря. Статус Черноморских проливов не раз становился предметом острых споров ведущих мировых держав.

Параллельно с угасанием могущества Османской империи на востоке европейского континента быстро вырастал новый колосс — Российская империя, овладевшая к концу XVIII в. всем северным побережьем Черного моря. Ее устремления были нацелены к Средиземному морю через Проливы. Этими коммуникациями Англия не владела, и поскольку великий морской путь к Леванту и Индии в случае выхода России через Проливы в открытый океан ставился под угрозу, в лице Англии Россия встретила сильного, упорного и хитрого врага.

Так в международной политике выдающееся место занял Восточный вопрос. Вокруг него завязалась борьба между европейскими державами, а позже — и балканскими странами за дележ наследства «больного человека Европы», как стали именовать Османскую империю[33]. Составной частью Восточного вопроса было столкновение британских интересов — по охране пути от Гибралтара на Суэц, и задачи России — получить свободный выход из Черного моря в Средиземное. Фокусом Восточного вопроса стали Проливы, принадлежавшие Османской империи и судьба которых тесно переплелась с ее судьбой[34].

Принципиально важное стратегически значение столицы империи — Константинополя — в свое время отметил Н.Я. Данилевский: «Нет на земле другого такого перекрестка всемирных путей. На запад открывается непрерывный морской путь сначала между Европой и Азией, а потом между Европой и Африкой... К югу... канал, прерываемый лишь нешироким, теперь прорытым перешейком, ведет между Азией и Африкой до Южного океана. На востоке не-

когда непрерывное море разбилось, правда, на три бассейна: Понта, Каспия и Арала, разделенные широкими перешейками. ...и тут названные моря, железная дорога... а со временем, может быть, и Аму, возвращенная в свое старое русло, поведут в самую глубь Азиатского материка. Наконец, на север Днепр, Дон, соединенный железным путем с Волгою, и Дунай соединяют Константинополь со всеми славянскими землями и ведут в глубь России и Европы»[35].

Средиземное море рассматривалось британскими адмиралами как главный театр возможного морского конфликта. Основные силы флота второй морской державы — Франции — были сосредоточены именно там. На протяжении XIX в. Англия и Россия нередко оказывались на грани конфликта. Крымская война продемонстрировала слабость обороны черноморского побережья Российской империи. С тех пор присутствие сильной британской эскадры у Черноморских проливов расценивалось в Лондоне как важный фактор давления на «Северного колосса»[36].

Закрепленный трактатами к середине XIX в. международно-правовой режим судоходства в Проливах — их закрытие для военных кораблей всех держав — носил дискриминационный характер по отношению к России, как причерноморской державе. Он лишь отчасти гарантировал ее безопасность. Вместе с тем в России считали недопустимым переход контроля над этими морскими артериями из рук Турции в руки Англии или Германии. Именно поэтому Петербург, поддерживая до времени сохранение слабой Турции в роли «сторожа» на Проливах, стремился изменить их режим в пользу России. Осуществить этот замысел было возможно двумя путями: дипломатическим или военным. Предпочтение отдавалось первому, но на случай развала Османской империи в ходе международных осложнений готовились и ко второму.

Вопрос о занятии русскими войсками Босфора поднимался в ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Особое совещание в 1881 г. закрепило проведение десантной операции как стратегическую цель России — исподволь, но неуклонно и последовательно готовиться овладеть устьем Босфора, укрепиться на обоих его берегах у входа в Черное море, оградив его от всякого посягательства. Тогда же были сделаны первые практические шаги в этом отношении. Многие просчеты в подготовке этой акции, по верной оценке Р.В. Кондратенко, объяснялись недостаточностью финансирования и материальных средств, плохой подготовкой и слабой практикой личного состава, отсутствием должной координации между Военным и Морским ведомствами. Это не давало возможности успешного захвата Верхнего Босфора российскими вооруженными силами как в 1880-е, так и в начале 1890-х годов[37].

Положение дела не изменилось и во время Ближневосточного кризиса 1894—1897 гг. События показали, сколь реальна угроза нарушения принципа закрытия Проливов. В Особых совещаниях в 1895—1896 гг., где обсуждалась программа действий на случай кризиса в Османской империи и вторжения в Проливы английской эскадры, было приняло вполне взвешенное постановление — отложить десантную операцию. Но от самого замысла не отказались. На совещаниях в конце 90-х — начале 900-х годов обсуждались соответствующие меры, а Морское ведомство проводило учебные десантные маневры[38]. Многие спорные вопросы так и остались не решенными — начавшаяся в феврале 1904 г. Русско-японская война задвинула дело о Босфорской экспедиции в долгий ящик.

Столь же малоуспешными оказались в тот период и попытки России решить проблему Проливов в выгодном для себя смысле дипломатическим путем. Принцип коллективного, взаимно обязательного для европейских государств характера договора о Проливах, который отстаивала Россия, до известной степени гарантировал ее от угрозы вторжения британского флота в Черное море. Вместе с тем, он ограничивал суверенные права России, как причерноморской державы, а запрет проводить русские военные корабли через Проливы «запирал» Черноморскую эскадру, не позволяя использовать ее в других регионах. Стеснительность для России постановлений о Проливах и крайне негативное отношение Англии к попыткам Петербурга изменить их в своих интересах отчетливо проявились накануне и во время Русско-японской войны 1904—1905 гг.

После длительного обсуждения в российском МИД сформировалось намерение при благоприятных условиях попытаться скорректировать международные соглашения в более выгодном для России смысле, вынеся их на обсуждение держав. Однако инициативу МИД заблокировало в тот период отрицательное отношение силовых структур: Совет Государственной обороны счел в ноябре 1905 г. «желательным оставить этот вопрос без движения до того времени, когда общая политическая и стратегическая обстановка будет выяснена более определенно»[39]. Но ситуация не изменилась в лучшую сторону и после Русско-японской войны.

Обещание Англии в ходе переговоров о разделе сфер влияния в Персии в 1907 г. благосклонно отнестись к видам России на Проливах не стоило выеденного яйца. Исследователь британской морской политики А. Мардер констатировал, что давая такое обещание, Лондон ничем не рисковал, поскольку даже в случае выхода российской эскадры в Средиземное море, контроль надо всеми мировыми коммуникациями по-прежнему оставался в его руках[40]. Британская

угроза России, запертой усилиями западных держав в Черном море, сохранялась. Это отмечают даже британские авторы: «Контроль над морскими путями позволял Англии доминировать не только в морской стихии, но и в мировой политике и играть роль арбитра в европейских конфликтах»[41].

Система Датских (Балтийских) проливов имела существенное значение для международных коммуникаций и международных отношений на севере Европы. Она с давних времен была частью торговых маршрутов и предметом политического интереса в этом регионе. Пролив Каттегат между восточным берегом полуострова Ютландия и юго-западной частью Скандинавского полуострова соединяет Северное море через пролив Скагеррак с Балтийским морем через проливы Эресунн (Зунд), Малый Бельт и Большой Бельт. Эта система естественных водных путей является основной коммуникационной линией, связывающей порты Балтийского моря с мировым океаном. Правители Дании с XV в. взимали в пользу датской короны денежный сбор — так называемую «зундскую пошлину» с иностранных торговых судов при их проходе через Эресунн и Бельты. По договору, подписанному в марте 1857 г., Дания от сбора пошлины отказалась.

У России в этом регионе издавна были существенные интересы. Первостепенное значение для государства имела торговля через балтийские порты, особенно вывозная. Стратегическую важность представляла оборона севера страны в целом и столицы в частности. Кроме того, базировавшийся на Балтику флот можно было перебрасывать в другие регионы мирового океана, особенно учитывая тот факт, что Черноморские проливы были закрыты для прохода военных судов. Именно из Балтийского моря в годы Русско-японской войны отправилась к берегам Японии 2-я тихоокеанская эскадра. Не имея собственных баз и опорных пунктов в мировом океане, русские корабли были вынуждены пользоваться французскими базами и заправляться в открытом море углем, закупаемым в Германии.

На Балтийском море в 60—70-х годах XIX в. Морское ведомство России придерживалось оборонительной тактики. Но уже с середины 80-х годов было решено строить мощный броненосный флот, способный вести активные наступательные действия не только на Балтийском и Черноморском театрах, но и за их пределами. По своей силе флот должен был превосходить на Балтике германский флот, а на Черном море — турецкий. Обсуждался план учреждения опорных пунктов или станций для миноносок в Либаве, Виндаве, в Рижском заливе. Предусматривалась также постановка минного заграждения на подступах к Кронштадту. Однако если раньше организация соответствующих мер была рассчитана на случай столкновения с

Англией, то теперь сложилось мнение о неизбежности «борьбы с Германией, которая будет борьбою за мировое значение русской державы и за самое ее существование в настоящих границах»[42]. Такая постановка вопроса стала особенно актуальной, поскольку Германия начала активную работу по созданию мощного современного флота. Кроме того она демонстрировала намерение сблизиться с Англией и заключить соглашение со Швецией.

В России для обеспечения господства на Балтийском море считали нужным построить хорошо укрепленный незамерзающий военный порт для броненосной эскадры. В целях обороны Финского и Рижского заливов рассматривались варианты оптимального места для устройства такого порта, проводились десантные учения. При этом выявилось расхождение в подходах Морского и Военного ведомств. Если первое полагало необходимым сосредоточить силы на Моонзунде, то последнее склонялось к выбору Либавы. Она считалась выгоднее в стратегическом отношении, поскольку расположена близ границ с Пруссией, обеспечена железнодорожными линиями, ведущими вглубь страны, ее сравнительно легко укрепить. Кроме того, учитывались планы Берлина построить канал, соединяющий Балтийское море с Северным, что давало возможность при необходимости сосредоточить силы германского флота у российских границ, в то время как балтийский флот оставался бы скованным льдами в Кронштадте.

В итоге сделанный Морским министерством в 1890 г. выбор в пользу Либавы (а не Моонзунда) трактовался в докладе по ведомству как заявление о владычестве на Балтике, то есть «для предприятий наступательных, которые необходимы великой морской державе, обязанной поддерживать свое влияние на различных театрах войны»[43]. К этому подталкивала и политика Германии.

В 1895 г. кайзер Вильгельм II торжественно открыл для эксплуатации Кильский канал, соединяющий Балтийское и Северное моря и полностью пролегающий по территории Германии от Кильской бухты до устья Эльбы. Строительство задумал кн. Бисмарк еще в 1873 г., а кайзер Вильгельм I, закладывая первый камень в 1887 г., провозгласил девиз: «Во славу объединенной Германии. Для ее возрастающего благополучия. Как знак ее силы и мощи». Этот морской судоходный международный канал был построен главным образом в стратегических целях и позволял Германии в любое время производить скрытное и быстрое передвижение своего военно-морского флота из Балтийского море в Северное и обратно. На празднованиях по случаю открытия Кильского канала корабли русской и французской эскадр продемонстрировали единство двух держав, косвенно подтвердив наличие между ними политического союза[44].

Наконец, значимой стала проблема Аландских остров, ввиду их стратегического расположения между Швецией и Финляндией на входе в Ботнический залив. В 1808—1809 гг. России удалось установить контроль над этими островами и рядом финских регионов, находившихся в тот период под контролем Швеции. По условиям Парижского мира 1856 г. Петербург потерял право возводить укрепления на островах. Но после распада шведско-норвежского союза в 1905 г. в обмен на признание независимости Норвегии Россия в 1907 г. потребовала аннулировать конвенцию 1856 г., что позволило бы ей разместить свои войска на территории островов. Кроме того, балтийский вопрос Петербург хотел использовать в политике лавирования между Лондоном и Берлином. Однако предложение России вызвало противодействие Швеции и особенно Великобритании, которая стремилась минимизировать влияние России в регионе. Тем не менее, в 1908 г. был подписан международный договор, устранявший опасность создания у северных границ России английской или германской военно-морской базы путем приобретения какого-либо норвежского порта[45]. Но от пересмотра статуса Аландских островов Петербургу пришлось отказаться.

Суэцкий канал, соединяющий Средиземное море с Индийским океаном через Красное море, в последней трети XIX в. приобрел исключительное значение для мировой торговли и мореплавания[46]. Это грандиозное предприятие эпохи восполняло недостающее звено в непрерывном морском пути, связывающем страны Европы со странами Среднего и Дальнего Востока, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии и с Австралией. По сравнению с маршрутом вокруг Африки путь из Европы в Азию сократился на 10 тыс. км.

Сама идея такой коммуникации, как известно, возникла в глубокой древности. Более 3 тыс. лет назад был прорыт канал от восточного рукава Нила через соленые озера и впадины. Геродот сообщал о начале строительства канала в VII в. до н.э. Спустя 400 лет Страбон писал, что из-за разницы уровня воды в Средиземном и Красном морях канал не достроен. Плиний в 227 г. до н.э. утверждал, что при римском императоре Птолемее канал был закончен, имел длину 92 км. В VIII в. он был частично загражден, чтобы закрыть доступ в Египет.

С оживлением международной торговли в период капитализма вопрос о строительстве Суэцкого канала был поднят вновь. Основная борьба завязалась между Англией и Францией. Наполеон в 1803 г. намеревался сооружением канала не по рукавам Нила, а по перешейку создать угрозу британскому могуществу в Индии. Но после краха африканского похода Наполеона к работам так и не приступили. Лондон, стоя за спиной Турции, в вассальной зависимости

от которой находился Египет, стремился не допустить укрепления здесь других западноевропейских держав.

Поэтому, когда в 1858 г. французский дипломат и инженер Фердинанд Лессепс получил от египетского вице-короля концессию на постройку и использование канала (сроком на 100 лет), Лондон потребовал ее ликвидации, а Турция совершала диверсии в зоне работ[47]. Тем не менее, строительство завершили в 1869 г., а по истечении срока концессии все сооружения канала должны были перейти в собственность Египта.

Влияние Франции на Ближнем Востоке после получения концессии на строительство канала стало преобладающим. Наполеон III даже лелеял замысел превратить Средиземное море во «французское озеро». В результате военной экспедиции в Сирию был установлен контроль над значительной частью Средиземноморья, а затем захвачены ключевые позиции в районе Африканского Рога, в том числе порт Обок на берегу Баб-эль-Мандебского пролива[48].

Формально управление Суэцким каналом находилось в руках международной компании с администрацией в Париже, где ежегодно проходила конференция представителей стран, заинтересованных в судьбе канала. После падения империи Наполеона III и объединения Германии в 1871 г., Англия, до этого всемерно противодействовавшая проекту, скупила в 1875 г. египетскую часть акций канала, чтобы они не стали французскими, истратив 4 млн. ф. ст.[49] Факт этой покупки французский историк М. Сабри оценил так: «Это был предвестник нового крестового похода, предпринимаемым британским империализмом в Африке... Дипломат и ростовщик отныне объединяются»[50].

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. поставила на повестку дня вопрос о нейтралитете канала во время военных действий[51]. Египет, как вассальное Турции государство, считался участником войны, а его территория, следовательно, и Суэцкий канал, мог стать театром военных действий. Поэтому в мае 1877 г. министр иностранных дел Э. Дерби заявил российскому посланнику в Лондоне, что всякая попытка блокировать Суэцкий канал будет рассматриваться Англией как угроза Индии и действие, несовместимое с сохранением английского нейтралитета.

Между тем, Петербург не имел намерений угрожать судоходству по каналу, поскольку признавал его нейтральным. Об этом канцлер А.М. Горчаков сообщил в инструкции послу П.А. Шувалову[52]. Хотя, по мнению юрисконсульта МИД профессора Ф.Ф. Мартенса, «это было добровольное отречение от своих прав, которые при других обстоятельствах могли бы осуществиться и нанести непоправимый

вред этой артерии всемирной торговли»[53]. С целью обеспечить пользование каналом под эгидой международных договоров, Институт международного права в 1879 г. принял соответствующую резолюцию. Но в 1882 г. Англия, нарушив суверенитет Оттоманской Порты, оккупировала Египет, поставила в зоне Суэцкого канала свои гарнизоны и, утвердившись там, обеспечила за собой господство на этом пути, имеющем мировое экономическое и стратегическое значение[54].

17 (29) октября 1888 г., во избежание исключительного использования канала какой-либо из морских держав в своих торговых и военных целях, была заключена международная конвенция между Англией, Австро-Венгрией, Германией, Францией, Италией, Голландией, Россией и Турцией[55]. По ее условиям канал должен быть свободен как в мирное, так и в военное время для прохода торговых и военных судов без различия флага. То есть в основу договора был положен принцип равенства всех государств относительно пользования каналом. Но Англия, подписав документ, никогда не выполняла его условий. Англо-французское соглашение 1904 г. также не внесло перемен в этом вопросе.

Открытие в 1869 г. Суэцкого канала существенно повысило стратегическое значение территорий, примыкающих к этой важной морской коммуникации. Захват Англией Египта в 1882 г. и провозглашение в 1884 г. английского протектората над Берберой и Зейлой на побережье Сомали побудили Францию и Италию активизировать политику в регионе[56]. Франция предприняла решительные шаги по созданию базы на африканском побережье к югу от Баб-эль-Мандебского пролива, соединяющего Красное море и Аденский залив. Опираясь на Обок, купленный в 1862 г. французским консулом в Адене у вождя племени данакиль за 10 тыс. долларов, Франция оккупировала в декабре 1884 г. расположенную неподалеку Таджуру, эвакуированную египетскими войсками, а затем заняла другие пункты на берегу Таджурского залива, включая Джибути. В 1888 г. были подписаны англо-французские соглашения о границах между владениями этих двух держав в Сомали.

В 1882 г. статус колонии Италии на африканском побережье Красного моря получил Ассаб, приобретенный частной торгово-судовладельческой компанией королевства еще в 1869 г., а в 1885 г. итальянские войска заняли порт Массауа. Пять лет спустя Италия объединила свои владения на Красном море в одну колонию — Эритрею. Таким образом, к концу 1880-х годов три европейские державы — Англия, Франция и Италия — полностью контролировали водный путь из Средиземного моря в Индийский океан.

Предпринимавшиеся в то время отдельные попытки создать российский форпост на этом кратчайшем морском пути к берегам даль-

невосточных владений империи свидетельствовали об отсутствии в Петербурге ясного понимания целей политики в этом регионе и непродуманности методов их реализации. В ноябре 1884 г., непосредственно перед объявлением об установлении французского протектората над Таджурой, частное французское коммерческое общество предлагало уступить России порт Шейк-Саид, расположенный на оконечности Йемена, близ Баб-эль-Мандебского пролива, но Морское и Военное ведомства России тогда высказались против покупки[57].

Спустя четыре года по приказу морского министра И.А. Шестакова была организована экспедиция для устройства угольной станции для российских судов вблизи Баб-эль-Мандебского пролива[58]. Она носила частный характер, но ее охраной служил казачий конвой, вооруженный из военно-морских арсеналов Николаевского порта. Командовал конвоем и фактически руководил всей экспедицией вольный казак Н.И. Ашинов, а замысел принадлежал нижегородскому губернатору Н.М. Баранову[59]. Предполагалось «при некотором содействии правительства» образовать Российско-Африканскую компанию, деятельность которой распространялась бы на побережье Таджурского залива и Абиссинию. Проектируемому предприятию предоставлялось право иметь свои суда и гарнизон, а позже, «в удобный в политическом отношении момент» заявить о переходе в руки правительства[60].

Прожект носил авантюристический характер, но, казалось, позволял провести разведку на местности неофициальным путем. В ноябре 1888 г. Морское министерство решило выяснить возможность устроить поселение казаков на берегах Обока и бухты Таджура, обозначив на карте наиболее выгодные места для укреплений, минных заграждений и угольных складов[61]. В январе 1889 г. экспедиция добралась до Таджурского залива и высадилась в местечко Сагалло, уже объявленного протекторатом Франции. После отказа освободить занятую территорию, французская эскадра обстреляла лагерь экспедиции, а ее участники были отправлены в Россию. Дипломатическими мерами инцидент был исчерпан, но укрепленного пункта на побережье Россия так и не получила.

Трехстороннее соглашение между Англией, Францией и Италией о сферах влияния в Абиссинии было заключено в 1906 г. за спиной России[62]. Отсутствие у Петербурга четких целей, опасение осложнений в случае попытки получить хотя бы угольную базу в Красном море, невозможность крупных финансовых затрат, а также несогласованность действий между военным, морским и дипломатическим ведомствами в совокупности обрекали Россию на пассивную роль в этом регионе.

На «черном континенте» с последней четверти XIX в. за господство упорно боролись Англия, Франция и Германия. Каждая из них выдвинула свой проект трансафриканского железнодорожного пути[63]. Согласно английскому варианту дорога пересекала весь континент с севера на юг — от Каира до Капштадта (4 тыс. км). Французский замысел предусматривал сооружение линии от Алжира через Сахару и Конго, которая дальше смыкалась с английской. Германия хотела проложить путь с востока на запад, объединив свои владения. Осуществлению планов препятствовало наличие независимых государств — Трансвааля, Оранжевой республики, Марокко и Абиссинии. Англо-бурская война 1899—1902 гг. положила конец независимости бурских республик, и Англия прочно укрепилась на южной оконечности Африки.

На Среднем Востоке русско-британское противостояние обострилось в начале 70-х годов XIX в. после прорытия Суэцкого канала и намерения Англии воспрепятствовать дальнейшему продвижению России в регионе после ее выхода к Амударье. Пик обострения борьбы двух держав за Персию пришелся на рубеж XIX—XX вв. — когда соперницами были получены основные железнодорожные концессии, достигнуты значительные успехи в развитии внешней торговли и финансового давления на шахское правительство[64].

В Лондоне Персию рассматривали как плацдарм для обороны Индии, поскольку юг Персии был связующим звеном британских колониальных владений на морских и сухопутных путях от Европы до Дальнего Востока. В английских руках находились все телеграфные линии, соединявшие метрополию с Индией через Персию; вся торговля между Персидским заливом и Багдадом. По условиям концессии, полученной в 1872 г. английским подданным Ю. Рейтером на строительство железной дороги от Каспийского моря до Персидского залива, вся страна, по сути, сдавалась в аренду Англии.

Россия рассчитывала получить доминирующее положение в Персии и вынашивала проекты постройки трансперсидской железной дороги от Каспийского моря до Персидского залива с вариантами конечного пункта в портах Бендер-Аббас или Чахбар. В 1873 г. Петербург добился отказа шаха от концессии Рейтера, а в 1889 г. получил письменное обязательство шаха провести проектирование железной дороги в любом месте на территории Персии. Лондон успешно парализовал действия соперницы: в том же году шах предоставил Англии концессию на открытие Шахиншахского банка и заключил с ней секретное соглашение. По его условиям в случае предоставления России какой-либо концессии он обязался выдать и Англии таковую же на все железные дороги в южной Персии.

Поэтому в 1890 г. шахское правительство известило Петербург о невозможности предоставить России ту часть концессии, которая касается проведения дороги от Тегерана на юг. Но шах согласился в течение 10 лет не строить на средства Персии железных дорог и не выдавать концессий на них в стране другим державам. В связи с истечением в 1900 г. срока моратория Петербургу удалось заручиться обязательством шаха еще 10 лет не строить железных дорог. Соглашение 1900 г. между шахским правительством и Учетно-ссудным банком о займе стало важным рычагом, который, казалось, давал России шанс перейти в наступление[65].

Принципиально иную расстановку сил в регионе создавало включение Германии в борьбу за железнодорожное строительство в Персии. В ноябре 1899 г. султан даровал Обществу Анатолийских железных дорог право на сооружение линии от Босфора до Багдада. Вопрос о Багдадской дороге, по выражению М.П. Павловича, стал «важнейшей проблемой международной “рельсовой политики” последнего времени» и «одним из главных стержней, вокруг которых она вращается»[66]. В Персии Россия придерживалась тактики, позже получившей наименование «монополии бездорожья» и приложила максимум усилий, чтобы затормозить реализацию германского железнодорожного проекта. Однако при этом она не могла опереться на поддержку союзной Франции, готовой в собственных экономических интересах сотрудничать здесь с Германией.

Грандиозный замысел Берлина — построить железную дорогу с конечным пунктом на побережье Персидского залива — подрывал, с одной стороны, устои британского могущества в регионе, а, с другой — осложнял русско-германские отношения. Магистраль, по меткому замечанию немецкой исследовательницы З. Кумпф-Корфес, давала возможность Германии «установить контроль над Проливами, оказывать влияние на действия русского Черноморского флота и сравнительно быстро концентрировать турецкие войска на Босфоре и облегчить наступление на русском Кавказском фронте. Она вторгалась в русскую сферу влияния в Персии, а в дальнейшем — позволяла Германии установить контроль над восточной частью Средиземноморья и открыть для нее сухопутную дорогу в Индию»[67].

В Петербурге обоснованно полагали, что постройка Багдадской дороги нарушит статус-кво на Ближнем Востоке. Три проблемы, связанные с этим строительством, имели существенное значение для интересов России — начало трассы у Босфора, конечный ее пункт в Кувейте и финансирование проекта, в котором готова была принять участие Франция. Багдадская железная дорога должна была пройти вдоль южного побережья Черного моря. Петербург сумел в

1900 г. добиться того, что трасса дороги была отклонена к югу, а Турция запретила выдачу концессий на железнодорожное строительство в этом регионе[68]. Но разыграть «кувейтскую карту» Петербургу не удалось, и конечный пункт на берегу Персидского залива остался неустановленным. Попытки консолидированных действий с союзницей на Ближнем Востоке также не увенчались успехом.

В противовес Багдадской дороге в России обсуждался проект рельсового пути между Европой и Индией через Россию, но в отличие от прежних планов трансперсидской магистрали он, во-первых, не соединялся с закаспийской сетью русских железных дорог и не имел выхода к Персидскому заливу или Индийскому океану, и, во-вторых, предполагалась не конфронтация, но договоренность с Англией. Соединить русские и индийские линии намечалось по направлению Кушка — Чаман либо Ашхабад — Сеистан — Нушки. После обсуждения в верхах было решено оставить вопрос без движения[69].

Одной из приоритетных задач Англии с начала 90-х годов XIX в. было не допустить Россию в Персидский залив. Идеолог британской политики на Среднем Востоке лорд Керзон предупреждал: «Я буду рассматривать уступку любой державой порта в Персидском заливе России как преднамеренное оскорбление Англии, как беспричинное нарушение статус-кво и как международную провокацию войны»[70]. Утверждения о необходимости для России пробиться на Ближнем Востоке к открытому океану появились в русской печати с конца 90-х годов XIX в. Предлагалось немедленно приобрести Бендер-Аббас с прилегающими островами и ускорить строительство железной дороги из Закавказья к этому порту[71].

«Новое время» обращало внимание на изменение рамок Восточного вопроса. «Прошло после прорытия Суэцкого канала всего 30 лет, и не только географически, но и политически центр Восточного вопроса перенесся для нас от Константинополя в Персидский залив. Вернее: для нас Константинополь и его проливы сохранили все свое прежнее значение в русской части Восточного вопроса, в общеевропейской — центром стал Персидский залив». В газете доказывалось, что основной узел европейских и азиатских торговых путей переместился из Константинополя в Месопотамию. «Потому-то во всей Персии для нас важна именно юго-западная часть ее, и если бы приобрели даже всю Персию, кроме этого ее клочка, это равнялось бы тому, как если бы, решая восточный вопрос, мы приобрели всю Малую Азию, кроме проливов»[72].

С целью обозначить свои интересы в Персидском заливе и продемонстрировать там русский флаг Петербург организовал походы русских военных кораблей «Гиляк» 1899 г., «Варяг» 1901 г., «Аскольд»

1902 г. и «Боярин» 1903 г.[73] Эти меры не могли существенно поколебать доминирующих позиций Англии в регионе. Однако они стимулировали попытки Лондона договориться с Петербургом в общеполитическом плане, чтобы заблокировать возможность русско-германского союза.

В России рассчитывали, как утверждалось в инструкциях посланнику в Тегеране, «сохранить целость и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако как внешних принципов ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя»[74]. Поэтому все предложения Лондона в конце XIX в. и в первые годы XX в. разграничить сферы влияния в Персии Петербургом отклонялись.

История этих попыток показала, что в разное время они обуславливались разными причинами, как верно констатировала А.Ф. Остальцева. До 1903 г. Лондон искал путей соглашения с Петербургом, поскольку главными противоречиями в Персии были англо-русские, одной из задач — расстроить франко-русский союз, а с другой, чуть позже, — столкнуть Россию с Японией. После 1903 г. на первый план выходит англо-германское соперничество на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке и задачей становится стравить Германию с Россией и перетянуть ее на свою сторону в борьбе с Германией за мировое господство[75].

Первое предложение разграничить области промышленной деятельности в Персии прозвучало в 1887 г. в связи с получением соперницами железнодорожных концессий. В 1898—1902 гг. Петербург добился преимуществ, поставив финансовую систему Персии под свой контроль в результате двух займов 1900 и 1902 гг. и заключив исключительно выгодное торговое соглашение. Укрепив положение в Северной Персии и политическое влияние в Тегеране, Петербург рассчитывал преуспеть и на юге страны. Поэтому в его намерениях не входило соглашаться на раздел Персии на сферы влияния. Но эти успехи обострили англо-русские отношение и стремление английской дипломатии любыми средствами добиться раздела Персии, чтобы остановить наступление России к Персидскому заливу. Следующие попытки договориться с Петербургом Лондон сделал в ноябре 1901 г., а затем осенью 1903 г.

В ходе прений, состоявшихся в мае 1903 г. в палате лордов, о положении дел в районе Персидского залива, прозвучало заявление о том, что появление там иностранной державы будет «означать прорыв той протяженной оборонительной позиции, которая прости-

рается от Ламанша до Индии и Дальнего Востока и включает в себя Гибралтар, Мальту, Египет и Аден». При этом докладчик ссылался на авторитет адмирала А. Мэхэна, который связывал судьбы Британской империи с господством в бассейне Персидского залива. Два тезиса в речи обращают на себя внимание: во-первых, публичное оглашение общности интересов Англии и Франции в борьбе с претензиями Германии; во-вторых, мысль о том, что для Англии ядром Восточного вопроса становится район Персидского залива, а не Константинополь и Босфор.

Еще более четко позиция Лондона была сформулирована в речи министра иностранных дел Г. Ленсдауна, утверждавшего, что создание военно-морской базы или укрепленного порта в Персидском заливе должно рассматриваться как очень серьезная угроза британским интересам, и ей надо противодействовать всеми средствами, имеющимися в распоряжении. По убедительной оценке Бондаревского, яснее высказать претензию на своеобразную «доктрину Монро» — притязание превратить Персидский залив в «британское озеро» — было трудно. Выражавшее стремление британских правящих кругов к монополии в регионе, заявление адресовалось и Петербургу, и Берлину[76].

Намерение России предотвратить превращение Южной Персии в монопольную британскую сферу влияния было основной причиной срыва англо-русских попыток договориться осенью 1903 г. Но Русско-японская война 1904—1905 гг. вынудила Россию скорректировать финансово-экономическую политику в Маньчжурии и Персии. В Петербурге отчетливо поняли, что придется ограничить сферу своего влияния северными районами Персии. В этом соперничестве победила более сильная, экономически развитая держава.

В результате обострения противоречий между Россией и Англией, Россией и Германией, Англией и Германией на Среднем Востоке сложился своеобразный политический треугольник, в котором каждая из трех держав, упрочивая собственные позиции, в то же время пыталась играть на противоречиях между двумя другими соперниками. Намерение Берлина переделить сферы влияния в самом старом районе англо-русского соперничества ставило в иную плоскость и проблему союзов держав в Европе.

На Дальнем Востоке международные противоречия постепенно нарастали с конца XVIII в. Тихий океан вошел в мировую историю очень поздно. В последней четверти XIX в. империалистические державы все ближе продвигались к Китаю, водворяясь во всех окраинных провинциях и соседних странах. Франция надвигалась с юга, захватив территории в Индокитае: Вьетнам, Камбоджу, Лаос. Англия присвоила верхнюю Бирму и установила фактический протекторат

над Тибетом. Россия двигалась с севера к открытым морским портам и начинала проникать в Маньчжурию. А Соединенные Штаты, выиграв войну против Испании, захватили Филиппинские острова, лежащие в нескольких сотнях миль от юго-восточных портов Китая. Кроме того, появилось новое современное промышленно-империалистическое государство — Япония. В конце XIX в. стало ясно, что ее цель — господствовать над всем Дальним Востоком. Объявив Китаю войну, она разбила его и установила свой протекторат над Кореей, чтобы обеспечить себе опорный пункт для продвижения на материке.

Та держава, которая хочет пользоваться неоспоримой гегемонией на Дальнем Востоке, как утверждал Хоррабин, должна господствовать над Тихим океаном. Все пути в Китай, за одним только исключением, пути морские. Единственное исключение сухопутные дороги, ведущие с севера в долину Хуан-Хэ и находящиеся в руках России, те самые дороги, по которым прежде вторгались в Китай монголы и маньчжуры. Господство Японии над морскими путями в Китай зависит от ее господства над лежащим у нее в тылу открытым океаном. За каждым ее шагом по пути осуществления империалистических притязаний зорко следили две великих державы, обладающих тихоокеанскими интересами, — Америка и Англия. В союз с последней Япония вступила в 1902 г.

Поражение Китая в войне с Японией 1894—1895 гг. стимулировало экспансию европейских держав, основными формами которой были займы, получение железнодорожных концессий и аренда территории, захват портов. Активизация с начала 90-х годов XIX в. политики России на Дальнем Востоке диктовалась актуальными экономическими, внутриполитическими и внешнеполитическими задачами. Они воплотилось в сооружении Транссибирской магистрали, которая протянулась почти через всю страну.

Военно-стратегическую составляющую Транссибирской магистрали отлично поняли как в Европе, так и в Азии. По определению Б.А. Романова, дорога включала Россию «в сферу международного экономического и политического соперничества на Тихом океане» и «должна была обеспечить русскому военному флоту все необходимое», дав ему «твердую точку опоры в наших восточных портах»[77]. Этот тезис прекрасно иллюстрирует надпись на фронтоне одного из туннелей, сквозь который пролегала дорога: «Путь к великому океану». В активном проникновении на Дальний Восток — строительстве Транссиба и прорыве России к незамерзающему морю, Британия ясно ощутила посягательство на свою морскую гегемонию.

Вопрос о целях, задачах и характере политики России на Дальнем Востоке после Японо-китайской войны 1894—1895 гг. — обо-

ронительной или наступательной, о выборе союзников, выявил разномыслие в правящих верхах[78]. Решение проложить часть железной дороги через Северную Маньчжурию, занятие Порт-Артура в 1897 г. и строительство КВЖД к нему стали фундаментальными ошибками Петербурга, во многом определившими дальнейший ход событий. Замысел определялся расширением масштаба англо-русского соперничества, имевшего по определению Х. Маккиндера, ярко выраженную геополитическую природу[79], но в известной степени был также спровоцирован Берлином.

Конец XIX — начало XX в. называют «эпохой нового маринизма». Это был период зарождения и господства теорий морской мощи А.Т. Мэхена и Ф. Коломба. «В те времена, — по словам Д.В. Лихарева, — в коридорах власти Лондона и Вашингтона, Берлина и Петербурга, Рима и Токио, Парижа и Вены непоколебимо верили, что без большого военного флота нет благосостояния и процветания нации, нет эффективной политики, нет статуса великой державы»[80].

В последние годы XIX в. Германия, как и другие великие державы, включилась в начавшуюся борьбу за передел мира. Уверенность в своих силах ей придавала растущая промышленная, финансовая и военная мощь. В экономическом отношении Германия превосходила многие континентальные державы. В Берлине считали, что целями «мировой политики» германской империи должны стать подрыв британского мирового господства и освобождение колониальных территорий, необходимых для нуждающихся среднеевропейских государств. В начавшейся борьбе за передел мира англо-германский антагонизм занял центральное место.

После принятия в 1898 и 1900 гг. двух «морских законов» в Германии развернулась беспрецедентная гонка морских вооружений, в ходе которой ее флот был увеличен на две трети. Инициатор программы перевооружения адмирал фон Тирпиц полагал, что уничтожение военно-морской монополии Великобритании станет сдерживающим фактором для всей системы международных отношений, а Германия получит возможность решающего политического влияния на любой конфликт.

Вступление на путь «мировой политики» Германия ознаменовала приобретением опорных пунктов в Китае. Воспользовавшись убийством в провинции Шаньдун двух немецких миссионеров, она в 1897 г. оккупировала бухту Киао-Чао и навязала правительству Китая договор об ее аренде с портом Циндао на 99 лет. Позднее путем соглашения с группами английских банков Германия добилась разграничения сфер железнодорожного строительства и закрепила монополию на железнодорожные концессии в богатой природными ресурсами провинции Шаньдун, которая стала сферой ее влияния. Попытка анг-

ло-русского соглашения о разделе сфер влияния на Среднем и Дальнем Востоке в 1898—1899 гг. не удалась, и дело ограничилось соглашением о сферах железнодорожного строительства в Китае[81].

Вопрос о приоритетах дальневосточной политики России не был однозначно решен и в начале 1900-х годов. Дилемма — вместе с Китаем против Японии или вместе с Японией за счет Китая — переплеталась с другой: укреплять политические и военно-стратегические позиции России посредством железнодорожного строительства для быстрой мобилизации сухопутных сил или сооружать мощный броненосный флот. Тесно связанная с этим проблема выбора места незамерзающего порта для постоянного базирования Тихоокеанского флота не была окончательно решена и после занятия Порт-Артура — продолжались попытки Морского министерства получить порт в Корее[82].

Россия пыталась увеличить свою морскую мощь, чтобы освоить акваторию океана. Считавшаяся еще в царствование Александра II «большою первоклассною, хотя и не морскою державой», в рескрипте Николая II на имя министра иностранных дел М.Н. Муравьева от 1 января 1900 г. она была объявлена «великою морской державой»[83], и ее морская сила, казалось, получила новый импульс для развития. На страницах таких ведущих отечественных газет, как «С.-Петербургские ведомости» и «Биржевые ведомости», в начале XX в. была опубликована серия материалов в поддержку строительства мощного современного броненосного флота.

Знаковой стала статья «Россия — океанское государство» в газете «Биржевые ведомости» за 11 (24) декабря 1901 г. с таким пафосным началом: «Читатели, которые вдумчиво относятся к событиям и явлениям международной жизни, могли наблюдать, как постепенно расширялись и размножаются задачи русского флота. Велико значение этих задач не только для внешней обороны государства, но и для экономического его развития и преуспеяния. Всей своей громадой и с неудержимой силой несется наша Русь к мировым океанам, обреченная всегда быть готовою на подвиги там, где этого потребуют обстоятельства, не всегда зависящие от ее воли».

Автор статьи констатировал многовекторность целей политики России на мировой арене, поскольку в сложившихся условиях «бдительно охранять жизненные русские интересы приходится и на Дальнем Востоке, и в южной, и юго-восточной Азии, не упуская при этом из виду запертые для нас ворота в Средиземное море», подчеркивая в этой связи трансформацию задач русского флота и возрастание его общегосударственного значения. Сооружение Великого Сибирского пути, создавшего для империи колоссальные экономические интересы в Китае, Корее и Персии и приведшего к

изменению соотношения сил на международной арене, по мнению публициста, налагает «на Россию все обязательства, с которыми неизбежно сопряжено положение океанского государства».

Не являясь официозами, эти консервативные органы печати поддерживали и активно пропагандировали правительственный курс, в том числе, и по вопросам морской политики.

В стремлении добиться своих стратегических целей Россия оказалась в политической изоляции. Обострились отношения с Китаем, а в глазах Англии, Японии, Германии и США русский прорыв к Тихому океану нарушал баланс сил в регионе и вызвал их жесткое противодействие. Русско-японская война 1904—1905 гг. обуславливалась комплексом причин, в том числе провокационной политикой Англии. Этот замысел откровенно раскрыл А. Бальфур в письме Эдуарду VIII в конце декабря 1903 г.: война России и Японии, «в которую не была бы вовлечена Англия, и в которой Япония не потерпела бы серьезного поражения, имела бы не только отрицательные стороны. Россия создала бы себе непримиримого врага, и с ней было бы легче иметь дело и в Европе, и в Азии, чем сейчас»[84].

Вопрос о геополитической подоплеке Русско-японской войны, по верному замечанию К.И. Зубкова, «имеет принципиальное значение не только для объяснения причин поражения России в борьбе за выход в Тихий океан, но и для понимания всей логики самоопределения России как восходящей на рубеже XIX—XX вв. великой державы». Здесь стоило бы добавить «великой морской державы»[85]. Создав островную империю, Япония, опираясь на поддержку Великобритании и США, разбила Россию, соперничество с которой в Маньчжурии и Восточной Монголии было непосредственно опасно для японского господства над Кореей. Выиграв войну, она перехватила у России аренду Порт-Артура — восточного выхода из Маньчжурии в открытый океан.

К началу 1906 г. общая международная обстановка кардинально изменилась. На Дальнем Востоке появилась новая могущественная держава — Япония, связанная союзом с Англией (продленном в 1905 г.); на Балканах и Ближнем Востоке интересы России резко разошлись с интересами держав Тройственного союза, а наличие англо-французской антанты и общее ослабление России после поражения в войне с Японией оставляло дипломатии очень узкий коридор для маневра. Как уже говорилось, Петербург на переговорах в Алхесирасе в 1906 г. поддержал Париж, а не Берлин, а в 1907 г. согласился на разграничение сфер влияния в Персии с Лондоном.

Противоречия интересов капиталистических держав в области мировой политики нигде не отражаются так выпукло, как в борьбе за морские коммуникации и проведение тех или иных рельсовых пу-

тей. Эти противоречия становятся одной из главных причин международных конфликтов, приводящих к войнам. Дипломатические соглашения и договоры являются лишь вершиной пирамиды, в основании которой лежат факторы торгово-экономического, финансового и геополитического противостояния.

С геополитической точки зрения стремление России получить свободный выход в Средиземное море, марш к Персидскому заливу и Тихому океану в глазах держав, делавших ставку на развитие мощных военно-морских флотов, как базовых элементов силы (Англии, США, Японии и Германии), означало нарушение традиционно понимаемого ими баланса сил.

[1] *Жерве Б., Петров А., Шведе Е.* Средиземное море: политико-стратегический очерк. — М., 1927. — С. 7. — (Б-ка «Морские пути и морские базы»).
[2] *Хоррабин Дж.Ф.* Очерк историко-экономической географии мира. — 7-е стереотип. изд. с 6-го, вновь просм. и испр. изд. — М., 1931. — С. 32.
[3] *Жерве Б., Петров А., Шведе Е.* Указ. соч. — С. 9.
[4] См.: *Вышнепольский С.А.* Мировые морские пути и судоходство: очерки. — Изд. 2-е. — М., 1959.
[5] *Хоррабин Дж.Ф.* Указ. соч. — С. 42.
[6] Цит. по: *Грулёв М.[В.].* Соперничество России и Англии в Средней Азии. — СПб., 1909. — С. 59.
[7] *Хоррабин Дж.Ф.* Указ. соч. — С. 43.
[8] См.: *Сахаров А.Н.* Русь на путях к «Третьему Риму». — М., 2010. — С. 209—215.
[9] *Павлович М.П.* Мировая война 1914—1918 гг. и грядущие войны. — Изд. 2-е. — М., 2012. — С. 11.
[10] Там же. — С. 153—154, 157—164.
[11] См.: *Жерве Б.[Б.].* Значение морской силы для государства. — [2-е изд.]. — Пг., 1922.
[12] См.: *Бараболя П.Д., Иванащенко Л.А., Колесник Д.Н.* Международно-правовой режим важнейших проливов и каналов. — М., 1965. — С. 3.
[13] См.: *Петров А.К.* Гибралтар. — Л., 1927; *Schulz-Wilmersdorf P.A. von.* Gibraltar — der Schlüssel zum Mittelmeer? — Leipzig, 1940; *Печникова Р.Ю.* Гибралтар — последняя колония в Европе. — М., 1984.
[14] Цит. по: *Kennedy P.M.* The Rise and Fall of British Naval Mastery. — N.Y., 1976. — P. 205—206.
[15] См.: *Кондратенко Р.В.* Морская политика России 80-х годов XIX века. — СПб., 2006. — С. 64—74.
[16] Там же. — С. 181—182, 213—214.
[17] См.: Там же. — С. 203—204.
[18] См.: «Восстановление в Средиземном море нашей эскадры»: документы 1893 г. об усилении России / публикация И.[С.] Рыбачёнок // Источник: документы русской истории. — 1997. — № 1. — С. 25—40.
[19] См.: *Петров А.К.* Указ. соч. — С. 85.
[20] *Китайгородский П., Пурецкий Б.* Алжир, Тунис, Марокко в борьбе за независимость. — М., 1925. — С. 15.
[21] *Нольде Б.Э.* Внешняя политика: ист. очерки. — Пг., 1915. — С. 135.
[22] См.: *Петров А.К.* Указ. соч. — С. 90.

[23] См.: Морской сборник. — СПб., 1903. — Т. 316, № 6. — С. 15—32.
[24] См.: *Рыбачёнок И.С.* Военно-морское сотрудничество России и Франции на рубеже XIX—XX веков // Россия и Франция, XVIII—XX века. — М., 2008. — Вып. 8. — С. 205—236.
[25] См.: *Ротштейн Ф.А.* Международные отношения в конце XIX века. — М.; Л., 1960. — С. 621—628.
[26] В конференции участвовали: Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Великобритания, Дания, Испания, Северо-Американские Соединенные Штаты, Франция, Италия, Марокко, Нидерланды, Португалия, Швеция, Норвегия.
[27] Новое время. — 1902. — 13 (26) сент. — С. 3.
[28] См.: *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы: внешняя политика России на рубеже XIX—XX вв.: цели, задачи и методы. — М., 2012. — С. 364—374.
[29] *Астафьев И.И.* Русско-германские дипломатические отношения, 1905—1911 гг.: от Портсмутского мира до Потсдамского соглашения. — М., 1972. — С. 29—59.
[30] Цит. по: *Свиридов В.* Балканы: опасный перекресток // Красная звезда. — 2004. — 30 апр.
[31] См.: *Киняпина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898). — М., 1994; *Рыбачёнок И.С.* Россия и Австро-Венгрия на Балканах: соперничество и сотрудничество на рубеже XIX—XX вв. // Европейский альманах: История. Традиции. Культура, 2006. — М., 2007. — С. 111—126.
[32] См.: *Кирова К.Э.* Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье (в начале XX в.). — М., 1973. — С. 233—237.
[33] См.: Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII в. — начало XX в. — М., 1978.
[34] *Дранов Б.А.* Черноморские проливы: международно-правовой режим. — М., 1948; Россия и Черноморские проливы (XVIII—XX столетия). — М., 1999; *Курат А.Н.* Собрание сочинений: пер. с турец. — Казань, 2016. — Кн. 4: Турция и Россия: турецко-российские отношения с конца XVIII века до войны за независимость Турции (1798—1919).
[35] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. — Изд. 6. — СПб., 1995. — С. 310.
[36] См.: *Лихарев Д.В.* Эра адмирала Фишера: политическая биография реформатора британского флота. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1993.
[37] *Кондратенко Р.В.* Указ. соч. — С. 274.
[38] См.: *Рыбачёнок И.С.* Черноморские проливы — зона геополитического напряжения // Формирование территории Российского государства XVI — начало XX в. (границы и геополитика). — М., 2015. — С. 172—200.
[39] Цит. по: *Гришина М.И.* Черноморские проливы во внешней политике России в 1904—1907 гг. // Исторические записки. — М., 1977. — [Т.] 99. — С. 152.
[40] *Marder A.J.* The anatomy of British sea power: a History of British naval policy in the Pre-Dreadnought era, 1880—1905. — N.Y., 1940. — Ch. XXI: Naval aspects of Anglo-Japanese alliance. — P. 427—434.
[41] *Clayton G.D.* Britain and the Eastern Question: Missolonghi to Gallipoli. — London, 1971. — P. 70.
[42] *Кондратенко Р.В.* Указ. соч. — С. 190. См также: Там же. — С. 188—190.
[43] Там же. — С. 290. См. также: Там же. — С. 275—290.
[44] См.: *Рыбачёнок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. — М., 1993. — С. 20—31.
[45] См.: *Luntinen P.* The Baltic Question, 1903—1908. — Helsinki, 1975; *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в 1905—1907 гг. — М., 1986. — С. 243—256.

[46] *Скальковский К.* Суэцкий канал и его значение для русской торговли. — СПб., 1870; *Charles-Roux J.* L'isthme et le Canal de Suez. — Paris, 1901; *Birk A., Müller K.H.* Der Suezkanal. — Hamburg, 1925; *Шведе Е.Е.* Суэцкий канал. — Л., 1927. — С. 101—105; *Дементьев И.А.* Суэцкий канал. — [2-е изд.]. — М., 1954.
[47] См.: *Шведе Е.Е.* Указ. соч. — С. 115; *Виноградов К.Б.* Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала // Вопросы истории. — 1969. — № 11. — С. 139—154.
[48] См.: *Черкасов П.П.* Судьба империи. — М., 1983. — С. 32.
[49] См.: *Ротштейн Ф.А.* Захват и закабаление Египта. — Изд. 2-е. -— М., 1959; *Трухановский В.Г.* Бенджамин Дизраэли, или История одной невероятной карьеры. — М., 1993. — С. 315—318.
[50] *Sabry M.* L'empire égyptien sous Ismail et l'ingérence anglo-française (1863—1879). — Paris, 1933. — P. 166.
[51] См.: *Овчинников И.* Международные каналы // Морской сборник. — СПб., 1989. — Т. 291, № 4. — С. 151—153.
[52] Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. — Т. 2. — С. 80—81 (№ 61).
[53] *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов.— Изд. 5-е, доп. и испр. — СПб., 1905. — Т. 2. — С. 266.
[54] *Овчинников И.* Указ. соч. — С. 165.
[55] Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. — [М.], 1952. — С. 271—276; Суэцкий канал: сб. документов. — М., 1957.
[56] См.: *Васин И.И.* Политика капиталистических держав в Эфиопии (80—90-е годы XIX в.). — М., 1974.
[57] Там же. — С. 55—56.
[58] Цит. по: *Хренков А.В.* Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). — М., 1992. — С. 43.
[59] См.: *Васин И.И.* Указ. соч. — С. 205—206; *Хренков А.В.* Указ. соч. — С. 26—50; *Григорьева С.В.* Авантюра Н.И. Ашинова и отношение к ней правящих верхов России. — Н. Новгород, 1994. — (Рукопись деп. в ИНИОН РАН); Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в.: сб. док. — М., 1998. — С. 107—114 (Док. 21); и др.
[60] *Ламздорф В.Н.* Дневник В.Н. Ламздорфа (1886—1890). — М.; Л., 1926. — С. 132—133.
[61] Россия и Африка: документы и материалы, XVIII в. — 1960 г. — М., 1999. — Т. 1: XVIII в. — 1917 г. — С. 39 (Док. 14).
[62] *Хренков А.В.* Указ. соч. — С. 156.
[63] См.: *Павлович М.П.* Великие железнодорожные и морские пути будущего. — СПб., 1913.
[64] См.: *Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии: дипломат. противостояние России и Англии: пер. с англ. — М., 2004; *Ананьич Б.В.* Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895—1914 гг. — Л., 1975; *Кулагина Л.М.* Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX — начале XX в. — М., 1981.
[65] См.: *Ананьич Б.В.* Указ. соч. — С. 25—27.
[66] *Павлович М.П.* Великие железнодорожные и морские пути будущего. — С. 30.
[67] *Kumpf-Korfes S.* Bismarcks «Draht nach Rußland»: Zum Problem der sozialökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. — Berlin, 1968.
[68] *Бондаревский Г.Л.* Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903). — Ташкент, 1955; *Туполев Б.М.* Германский империализм в борьбе за «место под солнцем»: германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX — начале XX вв. — М., 1991.

[69] См.: *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. — С. 416—419.
[70] *Curzon G.N.* Persia and the Persian question. — L.; N.Y., 1892. — Vol. 2.— P. 465.
[71] Санкт-Петербургские ведомости. — 1899. — 20 окт. (1 нояб.).
[72] Новое время. — 1900. — 29 янв. (10 февр.).
[73] См.: *Рыбачёнок И.С.* Закат великой державы. — С. 428—450.
[74] К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. — М., 1935. — Т. 2/3 (69/70). — С. 13.
[75] См.: *Остальцева А.Ф.* Англо-русское соглашение 1907 года: влияние русско-японской войны и революции 1905—1907 годов на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. — Саратов, 1977.
[76] *Бондаревский Г.Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). — М., 1968. — С. 478—481.
[77] *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892—1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. — Л., 1928. — С. 4.
[78] См.: *Его же.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.; Л., 1955; *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. — СПб., 2008.
[79] *Mackinder H.J.* The Round World and Winning of the Peace // Foreign Affairs. — 1943. — Vol. 21, no. 4. — P. 595—597.
[80] *Лихарев Д.В.* Морские вооружения и милитаризм в конце XIX — первой трети XX в. URL: https://forum.worldofwarships.ru/topic/4571 (дата обращения: 7 июня 2016 г.).
[81] См.: История дипломатии. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М., 1963. — Т. 2: Дипломатия в новое время, 1871—1914. — С. 354—373.
[82] См.: *Доккю Ч.* Россия в Корее, 1893—1905 гг.: политика Министерства финансов и Морского министерства. — СПб., 1996.
[83] См.: *Аренс Е.И.* Русский флот: ист. очерк. — СПб., 1904. — С. 59.
[84] Цит. по: *Гальперин А.[Л.].* Англо-японский союз, 1902—1921 годы. — [М.], 1947. — С. 200.
[85] *Зубков К.И.* Азиатская политика России в позднеимперский период: геополитический аспект // Общественно-политическая жизнь Сибири, XX век: межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск, 1994. — С. 5.

В.Б. Перхавко

ИЗ ТОРГОВОГО РЯДА В БОЯРСКУЮ ДУМУ: БИОГРАФИЯ КУЗЬМЫ МИНИНА В КОНТЕКСТЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Автор статьи, использовав подходы исторической антропологии, представил научную реконструкцию жизненного пути и деяний народного героя России Кузьмы Минина, показав стремительное изменение его социального статуса (от простого торговца до члена Боярской думы) на протяжении всего лишь двух лет Смутного времени (1611—1613 гг.).
Ключевые слова: биография; народный герой; Смутное время; государство; общество; деятельность; народное ополчение; статус.

V.B. Perkhavko
From market place to the Boyar Duma: a biography of Kuz'ma Minin in the context of the Time of Troubles

The author of the article, using the field of the historical anthropology, has represented the scientific reconstruction of Russian people's hero Kuzma Minin's biography and described the impetuous change of the social statute (from the tradesman to the member of the State counsel) during only two years of the Time of Troubles (1611—1613).
Keywords: biography; people's hero; Time of Troubles; state, society; activities; people's; militia; statute.

Около 400 лет назад, весной 1616 г., находясь вдали от Москвы, за Волгой, при неизвестных обстоятельствах скончался национальный герой России Кузьма Минин, посланный на усмирение народных волнений в Казанский уезд. На момент кончины он имел высокий чин думного дворянина, который один автор книги о Дмитрии Пожарском, Авраамии Палицыне и Кузьме Минине приравнивал к чину действительного статского советника[1]. Хотя в действительности в XIX в. чиновников в ранге действительного статского советника было гораздо больше, чем думных дворян в Смутное время.

Славным деяниям Кузьмы Минина (на протяжении всего лишь пяти неполных лет), как и его боевого соратника князя Дмитрия

Пожарского, на поприще спасения Отечества посвящены не только многочисленные научные исследования, но и произведения художественной литературы[2]. «Мы не можем воссоздать себе вполне ясного, выпуклого образа этого замечательного человека», — писал о Кузьме Минине Н.И. Костомаров[3]. Действительно, описать его жизненный путь из-за отсутствия синхронных и асинхронных источников конца XVI — начала XVII в. можно только путем научной реконструкции. Неизвестно, когда родился национальный герой России, чем занимались его предки. Документальная биография одного из руководителей Второго земского ополчения, выходца из нижних слоев русского общества охватывает не более четырех с половиной лет жизни Минина: с сентября 1611 по декабрь 1615 г., и к ней я обращусь во второй и третьей частях статьи.

В целом ряде публикаций, исследований и популярных изданий XIX — начала XXI в. помещены сводки письменных материалов о Кузьме Минине, но они не охватывают все известные к настоящему времени источники и не всегда сопровождаются детальным критическим разбором публикуемых сведений[4].

Между тем, до сих пор остается целый ряд неразгаданных и спорных моментов в биографии Минина. К примеру, в исторической и художественной литературе начиная с XVIII в. его называют порой купцом[5]. В книге «Историческое описание российской коммерции» (1781 г.) М.Д. Чулков повествовал, как в Нижнем Новгороде в 1611 г. «некто купец, торговавший мягкою рухлядью (пушниной. — *В.П.*), Козма Минин, прозванием Сухоруков» обратился с призывом к горожанам собирать средства на создание народного ополчения для освобождения Москвы от интервентов[6]. В трагедии «Освобожденная Москва» (1798 г.) М.М. Херасков посвятил Минину следующие строки:

Сей муж, почтенный муж России, сын и друг
Примером сделался Отечеству заслуг,
Не князь, не знатный муж, не есть чиновник дворский,
Он Минин! Минин он! — купец нижегородский,
Порода знатная без добрых дел ничто,
Тот в мире знаменит, полезен царству кто![7]

Приведенные выше высказывания сделаны в то время, когда в России в 1775 и 1785 гг. завершилось законодательное оформление купеческого сословия, и звание купца (особенно 1-й гильдии) давало определенные преимущества и было более престижным, чем мещанин. В наши дни в периодике и популярной литературе распространилась даже нелепая версия о том, что Кузьма Минин был, по

происхождению, татарин[8]. Из какой же среды он происходил? Каков же в действительности имел социальный статус национальный герой России и как могла протекать его повседневная жизнь до сентября 1611 г.? Что изменилось в жизни и социальном положении Кузьмы Минина с сентября 1611 г. и после воцарения Михаила Федоровича Романова? Чтобы ответить на поставленные выше вопросы, необходимо использовать не только те русские и иностранные письменные источники, в которых фигурирует имя Минина, но и косвенные материалы, информирующие о простых посадских людях России второй половины XVI — первой половины XVII в., занимавшихся торговлей мясом.

1. БУДНИ НИЖЕГОРОДСКОГО МЯСНИКА ДО СЕНТЯБРЯ 1611 Г. (опыт реконструкции)

Научные биографии выдающихся выходцев из народной среды русского Средневековья из-за весьма ограниченного круга прямых письменных свидетельств неизбежно имеют гипотетический характер. Выступая в одной из научных дискуссий 1980-х годов, Н.Я. Эйдельман обосновал в этой связи новаторский и очень ценный исследовательский подход: «Для воссоздания внутреннего мира личности тех периодов, по которым источники, действительно, скудны и однообразны, существенно построение типологических моделей облика людей определенной эпохи и социально-культурной среды с экстраполяцией полученных результатов на принадлежащую к данной эпохе личность, биография которой пишется. Само отсутствие тех или иных видов источников для более ранних периодов (например, личных дневников и отчасти писем) есть характерный показатель уровня развития личности. При построении вероятностных характеристик личности важное значение имеет выявление специфики мышления и социально-психологических стереотипов людей отдаленных исторических периодов»[9]. Попытаюсь воспользоваться этим подходом с целью воссоздания жизненного пути Кузьмы Минина в русле исторической антропологии.

Начну свою реконструкцию биографии национального героя России (до сентября 1611 г.) с обзора русских источников, свидетельствующих о его социальном происхождении и занятиях[10]. Самые ранние актовые материалы с упоминанием Минина относятся к началу 1612 г., лаконичная информация о его профессиональной деятельности в период, предшествовавший избранию одним из земских старост Нижнего Новгорода, содержится в более поздних сочинени-

ях нарративного характера, созданных спустя несколько десятилетий после Смуты. Многое в нарративных источниках зависит от позиции и степени информативности автора.

Составитель Бельского летописца повествует, как «учал збиратца в Нижнем Новагороде князь Дмитрей Михайловичь Пожарской да от молодчих от торговых людей с ним посацкой человек нижегородец Кузьма Минин»[11]. В те времена посадские жители русского города как налогоплательщики чаще всего делились на три категории: лучшие, средние и «молодчие» («худые»)[12]. Последние вносили подати в государеву казну в минимальном размере, могли и вовсе обнищать и не пользовались, конечно, авторитетом у соседей и тем более у широкого круга горожан. Вряд ли такого человека могли избрать земским старостой, выполнение обязанностей которого требовало немало времени и известного достатка. Поэтому в данном случае, скорее всего, имущественное положение Минина принижено летописцем.

При Борисе Федоровиче Годунове, в 1600—1602 гг., прежде всего, в фискальных интересах казны проводилось т.н. посадское «строение». Оно выражалось в пополнении тяглого городского населения за счет перевода в его состав жителей белых слобод, пригородных сел, а также лиц, выбывших из посадов. Из-за отсутствия источников мы не можем точно определить, как же повлияли эти меры на жизнь торгово-ремесленного населения Нижнего Новгорода и тем более самого Кузьмы Минина[13].

По словам талантливого писателя и участника событий Смутного времени, автора «Летописной книги» С.И. Шаховского, жил «в то же время человек некий в Нижнем Новгороде убогою куплею питаяся, сиречь продавец мясу и рыбе в требания и в снедь людям, имя ему Кузма»[14]. В статейном списке похода польского короля Сигизмунда III под Москву 1612 г. имя Минина приводится даже в уменьшительной форме: «Куземка Минин»[15]. Торгуя мясом и салом, Кузьма Минин, вероятно, закупал часть товаров в Казанском уезде, где было хорошо развито мясное скотоводство.

Простым мясником именуется Минин и в Хронографе 1617 г.: «художеством бяше преже говядарь»[16]. Перевод данной фразы, сделанный О.В. Твороговым («занимался прежде торговлей скотом»), представляется не вполне адекватным, ведь мясники закупали скот на убой и разделку (то есть торговали мясом), а не для перепродажи в живом виде, как делали прасолы и барышники[17]. В сентябре 1614 г., например, «новгородец Иван Негодяев сын мясник» предъявил местным таможенникам 8 коров и 4 овцы[18]. Забоем скота занимались специальные люди — «животинники». По информации писцовой книги Нижнего Новгорода 1621—1622 гг., в Мясном торговом

ряду находились «лавченко Замятни мясника и животинная бойница Богдашка Сухорукова»[19]. В Латухинской степенной книге (конец XVII в.) фигурирует «Козма Минин рекомый Сухорук, торговлею говедарь»[20].

О низком социальном происхождении Минина хорошо знали и заезжие иноземцы. Мозырский хорунжий Осип (Иосиф) Будила, находившийся в составе польско-литовского гарнизона в Москве в 1612 г., в своем дневнике по ошибке назвал Минина мясником Кузмой Юрьевичем (по-видимому, из-за созвучия с истинным отчеством «Минич»)[21]. Голландец Элиас Геркман в сочинении «Историческое повествование» (Амстердам, 1625) восторженно отзывался о патриотических деяниях простолюдина, мясника Кузьмы Минина (Kousma Minof): «Если бы это случилось в какой-либо другой стране или в наших Нидерландах, то я убежден, что Кузьма Минин слышал бы, как поют эти стихи поэта Еврипида: “Гражданин может стяжать высшую похвалу и честь тем, что, не щадя ни имущества, ни крови ради своего Отечества, был готов умереть за него”»[22].

Чтобы представить себе, как протекала повседневная жизнь Минина до сентября 1611 г., обратимся теперь к общей информации русских письменных источников конца XVI — XVII в. о посадских людях-мясниках. Большинство черных посадских людей, в том числе мясников, подобно Кузьме Минину, в приказных документах обозначены двумя именами (личным и паронимом (именем отца)) и занятием (например, «Сенка Окулов, мясник» из Великого Устюга)[23]. Либо еще проще — одним личным именем и занятием («Иван, месник» из Коломны, 1578 г.; «Ивашка, мясник» из Калуги, 1590-е годы)[24]. 23 июня 1613 г. была «запечатана грамота в Переславль по челобитью Филки Федорова на Семку мясника о управе в товарной рухляди» за пошлину в полполтины[25]. Лишь 4 из 30 владельцев лавок в Мясном ряду Великого Устюга имели, согласно писцовой книге 1623—1626 гг., трехсоставное наименование («Петрушка Иванов Бобров», «Ивашка Яковлев Лапа», «Гришка Кузмин Ушаков», «Девятка Иванов Килкин»), включающее личное имя, имя отца (пароним) и прозвище[26]. Крайне редко мясников зачисляли в привилегированные торговые корпорации, даже в самую низшую на иерархической лестнице группу. В Суконной сотне на 1632 г. числились несколько мясников, платившихсравнительно небольшой оклад — от одной деньги до пяти денег: «Игнатей мясник с сыном» (5 денег), «Софон мясник» (2 деньги), «Олексей Игнатьев сын мясник» (деньгу)[27]. Но ни один мясоторговец не входил в Гостиную сотню.

Как и прочие посадские люди, новгородские мясники (Григорий Васильев, Никифор Тарукин, Семен с Лубяницы и др.) не раз в кон-

це XVI в. выполняли обязанности таможенных целовальников. Причем один из них, Гаврила Иванов с Розважи улицы, в 1579 г. даже стоял во главе таможенных целовальников[28]. Одним из пятиконецких старост Великого Новгорода стал мясник[29].

Разделывание (*др.-рус.* «мясораздробление») туш животных (быков, баранов, свиней) считалось грязной работой, связанной с испусканием крови, отбросами в виде внутренностей. Мясники занимались также копчением мяса, первичной выделкой и продажей кожи.

В Мясном ряду Можайска в 1595—1598 гг. находились 27 лавок и амбар для хранения мяса[30]. Годовой оброк с каждой мясной лавки в Коломне в конце XVI в. составлял 1 гривну (10 копеек), а Можайске — 10 денег, то есть в 2 раза меньше. Между Мясным и Рыбным рядами коломенского торга располагались 5 кладовых лавок и один амбар[31].

На усадьбе у мясника должны были находиться загон либо крытое помещения для скота, а также погреб-ледник для хранения мяса. Кильбургер описал русские ледники, существовавшие не только в кабаках, но в каждом практически доме. В марте туда заносили колотый лед, заливавшийся водой, которая сразу же замерзала, затем сверху все застилали соломой, чтобы летом лед быстро не таял[32].

Мясницкий промысел, по отношению к которому в источниках XVII в. порой использовался глагол «мясничать», считался грязным делом, и летом от содержимого утробы убитых животных исходили неприятные запахи. Как свидетельствует Б.Л.Ф. Таннер (1678 г.), кое-кто из московских мясников торговал в розницу также тухлым, слегка подвяленым на солнце мясом, «отдающим тяжким запахом». Его употребляли на ходу вместе с чаркой водки и чесноком москвичи, проезжавшие либо проходившие мимо таких мясных лавок[33]. Вот почему в Москве мясники проживали и торговали за пределами Торга, в районе современной Мясницкой улицы и Чистых прудов. У Мясницких ворот, рядом с кварталом московских мясников, располагалась Коровья площадка, куда пригоняли крупный рогатый скот. В Пискаревском летописце при описании московского пожара 1547 г. упоминается церковь «Флора святаго в Мясникех»[34]. Около 1665 г. была составлена выпись из писцовой книги 1638/1639 г., хранившейся в Земском приказе. В ней, в частности, описывалась Константиновская улица Москвы, где жили «Бронные слободы тяглецы и Патриарховы слободы крестьяня» и находился двор «Ивашки мясника Головки» длиной 17 сажен и шириной около 11,3 сажени. Рядом с ним в более узком дворе проживал мясник Максимка[35].

Порой мясоторговцы сами занимались забоем купленного скота. В сентябре 1674 г. мясники сибирского г. Тары Иван Белобородов и Петр Потанин били скотину на продажу, за что платили пошлины в

таможне. С мясников взимали также полавочные деньги в размере одной гривны[36]. В начале ноября 1674 г. в Таре «мясник Ивашко Белобородов купил на убой скотин у конного казака у Оски Шухова», а также у стрельца Кондрашки Федорова[37]. Кстати, «животинниками» порой именовали также торговцев скотом, скотников: «Савка... и животинник, и гонщик он же» (документ 1643 г.)[38].

Кто-то из мясоторговцев разорялся, а кто-то постоянно повышал свое благосостояние. Все это нашло отражение в письменных источниках XVI—XVII вв. В писцовой книге Торопца 1540 г. значится «Во дв(оре) Еска Захарьин да у него ж у лавчишка мясничья». Мясник из Великого Устюга Кузьма Емельянов сын Щука (Щучка) на протяжении 20 лет повышал свое благосостояние: в 1579 г. он приобрел дворовое место на Горной улице, в 1580 г. — Осифовские полянки, в 1596 г. — два пустых места в Фроловском приходе, в 1599 г. — лавку в Мясном ряду у Марьи Григорьевой, жены Евсея Журавлева[39]. Мясник Константин Лукьянов сыну Дерягин, проживавший в Сольвычегодске, приобрел в 1624 г. двор у Андрея и Петра Семеновичей Строгановых[40]. В январе 1624 г. «Федос Петров сын Костромитинов московскои жилец», согласно повелению своего отца, продал мяснику Константину Лукьянову сыну Дерягину на посаде лавку[41]. Порой одной мясной лавкой владели два складника, подобно устюжанам Семену Павлову сыну Колосову и Ждану Семенову сыну Белых в 1615—1620 гг.[42] Для обозначения профессиональной деятельности мясников использовался глагол «мясничати», означавший «торговать мясом»: «А торгует де он в Нижнем, мясничает в Мясном ряду, а живет свои двором» (документ 1643 г.); «Дворишко Богдашка Евстифеева сына Малгина... мясничает» (переписная книга Ростова Великого XVII в.)[43].

Итальянец Амброджо Контарини, посетивший Московию в 1476—1477 гг., писал о продаже, наряду с другими товарами (зерном, сеном, дровами) огромного количества замороженного мяса (говядины, свинины) на льду Москвы-реки, причем по сравнительно невысокой цене: «К концу ноября обладатели коров и свиней бьют их и везут на продажу в город. Так цельными тушами их время от времени доставляют для сбыта на городской рынок, и чистое удовольствие смотреть на это огромное количество ободранных от шкур коров, которых поставили на ноги на льду реки. Таким образом, люди могут есть мясо более чем три месяца подряд. То же самое делается с рыбой, с курами и другим продовольствием»[44]. В красочной зарисовке продажи мяса, сделанной Контарини, есть одна небольшая неточность: из-за Рождественского поста, начинавшегося в ноябре и продолжавшегося до конца декабря, истинно верующие православ-

ные люди не могли непрерывно потреблять мясную пищи в течение трех зимних месяцев. Горожане обычно закупали зимой замороженное мясо впрок и хранили его в домашних погребах.

Мясники торговали чаще всего говядиной, свининой, бараниной. В древнерусском языке для обозначения крупного рогатого скота использовали слово «нута» («нутное стадо»)[45]. Мясо на Руси продавали «частями», «косяками», «полтями». Князю И.Б. Черкасскому и И.Н. Романову, сосланным в 1602 г. повелением царя Бориса Федоровича Годунова в Нижний Новгород, выдавали «в мясные дни по три части боранины да по три части говядины»[46]. По приговору Боярской думы 13 октября 1620 г. устанавливалась денежная оценка домашнего скота: «корова 2 рубли, бык 2 рубли, коза 10 алтын, свинья 2 гривны, овца 2 гривны». Согласно информации шведского дипломата Кильбургера, отметившего дешевизну съестных припасов в России, в 1674 г. в Москве 1 пуд говядины стоил 28 копеек, 1 пуд свежего шпика — 24 копейки, 1 пуд вяленого шпика — 40 копеек, 1 поросенок — 5—6 копеек, заяц — 3—4 копейки, 1 овца — 30—36 копеек («но по эту сторону Новгорода, на реке Луге — 12—14 копеек»). По его словам, «в лавках во множестве имеется в продаже: глухари, тетерки, рябчики, зайцы, калькутские куры (индейки. — *В.П.*), гуси, домашние и дикие утки, куры и голуби»[47]. Одну обыкновенную курицу можно было купить за 3 копейки, пару молодых кур в мае — за 2 копейки, одного жирного гуся — за 9—10 копеек, пару голубей — за 2 копейки. Цены на дикую птицу варьировались: рябчик (1 копейка), тетерка (3 копейки), глухарь (8—9 копеек).

Мясники занимались также копчением мяса, первичной выделкой и продажей кожи. «Мясники Михайло Зимин с товарыщом поехали в Ярославль на 5-ти лошадех с кожами яловичьими своего мясничья промыслу» (1651 г.)[48].

По средам и пятницам, а также во время постов русские обычно не ели мясо. В период Великого поста (конец февраля, март, начало апреля) мясники, оставив на время торговлю, очевидно, выезжали в сельскую местность либо в другие уезды для закупки скота. В постные дни они, подобно Кузьме Минину, могли торговать рыбой. Для хранения мяса, рыбы и сала в ледниках им приходилось закупать соль.

Таможенники взимали у местных жителей как с мясной туши («стяга»), так и с коровы, привезенных на продажу, «по полуторе ж денге». Пошлина же с иногородних торговцев за «стяг» мяса и корову была на полденги выше. По размерам таможенной пошлины к «стягу» мяса или корове приравнивались: 10 «полоть», 10 баранов, 30 поросят, 20 гусей, 30 утят, 20 зайцев, 30 тетеревов (уставные таможенные грамоты Устюжны Железопольской 1544/1545 и 1599 гг.)[49].

Согласно уставным таможенным грамотам (Устюжны Железопольской 1544/1545 и 1599 гг., Соли Вычегодской 1619 гг.), мясникам полагалось отдавать таможенникам «с лавки на Рожество Христово по косяку мяса, а не люб косяк, ино за косяк денга»[50].

В деле о дозоре Нижегородского посада после пожара 1618 г. содержится интересная информация о местных мясниках. Тогда в огне погибли торговые ряды с лавками и анбары с хлебом, солью, рыбой и прочими товарами. Пострадали от пожара и мясоторговцы, часть из которых (например, Пятой) разорилась, кто-то сбежал, кто-то стал нищенствовать, а кто-то умер (Афанасий Свиньин). Разорившиеся мясники чаще всего уплачивали оброк в размере полушки ($^1/_2$ деньги)[51].

Скот в Нижнем Новгороде в начале XVII в. перегоняли животинные гонщики, связанные своим занятием с мясниками и также упоминающиеся в деле о дозоре Нижегородского посада после пожара 1618 г. (Богдан, Третьяк)[52].

Слово «мясник», помимо обозначения профессии, в XVII в. имело еще одно значение — «жестокий человек». Хорватский ученый-просветитель Юрий Крижанич, который во времена царя Алексея Михайловича провел немало лет в России, назвал в сочинении «Политика» (1660-е годы) Ивана Грозного «не только жадным и беспощадным людодерцем, но и лютым, жестоким, безбожным мясником, кровопийцем и мучителем»[53]. В «Повести о видении в Владимире» рассказывается, как в ночь с 24 на 25 августа 1611 г. Мелании, молодой жене владимирца Бориса, по прозвищу Мясник, дважды явилась Богородица в благословляющей позе[54].

Но вернемся теперь непосредственно к посадскому человеку-мяснику Кузьме Минину, которому могли принадлежать на торгу Нижнего Новгорода одна либо несколько лавок и амбаров в Мясном ряду. Нам ничего неизвестно об общественной активности Минина до сентября 1611 г. Можно лишь предположить об его участии в городском самоуправлении Нижнего Новгорода в качестве земского целовальника и в походе нижегородского регионального ополчения во главе с воеводой А. Алябьевым против «тушинцев» и их сторонников в 1608—1609 гг.

В «Новом летописце», завершенном около 1635 г., а также в Ельнинском и Лобковском хронографах XVII в., Латухинской степенной книге (конец XVII в.), он почему-то именуется как «Козма Минин, рекомый Сухорук»[55].

Может быть, его перепутали с другим нижегородским посадским торговцем, носившим такое же имя и жившим в это же время? Двор «Кузьмы Захарьева сына Сухорука» (но не Минина!) впервые упомина-

ется в Нижнем Новгороде в купчей 1602 г., а в писцовой книге Нижнего Новгорода 1621—1622 гг. зарегистрированы дворы и торговые помещения в Мясном и Соляном рядах, принадлежавшие его ближайшим родственникам Сухоруковым[56]. Однако нижегородец Кузьма Захарьевич Сухорук не имеет ничего общего (за исключением имени) с одним из предводителей Второго земского ополчения[57]. Кстати, имя Захар не упоминается в поминальных записях рода думного дворянина Кузьмы Минича и его сына стряпчего Нефеда Минина[58]. Ознакомившийся с «Новым летописцем», В.Н. Татищев называл в «Истории Российской» одного из организаторов Второго ополчения Козьмой Сухоруковым либо Сухоруким[59]. Нижегородский историк А.Я. Садовский еще в 1916 г. доказал, что это разные люди, которых объединяет лишь общее имя[60]. Но до сих пор по отношению к национальному герою России в научно-популярной, справочной и учебной литературе можно встретить неверные именования «Кузьма Минич Захарьев-Сухорук» либо «Кузьма Захарович Минин», что не соответствует действительности: отца народного героя звали Миной, а не Захаром[61]. Спорным остается лишь вопрос о наличии у него физического дефекта — сухорукости. С одной стороны, прозвище «Сухорук», использованное по отношению к Кузьме Минину в ряде источников XVII в. («Новом летописце», Латухинской степенной книге, Ельнинском и Лобковском хронографах) не могло вроде бы возникнуть на пустом месте, но, с другой стороны, непонятно, как человек с малоподвижной рукой (пусть даже левой) мог ворочать огромные мясные туши и рубить их топором[62].

Согласно евангельской легенде, Иисус исцелил человека, имеющего сухую руку [От Луки 6: 10]. В III Пахомиевскую редакцию Жития Сергия Радонежского включено чудо о некоем отроке Леонтии из Вышеграда на Поротве, имевшим «суху руку за 8 лет прикорчена к ребром»» и исцелившим ее после троекратной молитвы-мольбы у гробницы святого в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря. Произошло все это в середине XV в. на глазах у самого Пахомия Серба[63]. Трудно поверить в эти чудесные исцеления. Изредка среди мясников встречались люди с физическими дефектами, правда, не с сухорукостью. В 1634 г. в Кадашевской слободе Москвы проживал «Куземка Никитин сын мясник хромои», торговавший «харчевым товаром» и служивший в тот год десятским на Хамовном дворе, где занимались изготовлением полотна и льняных изделий[64].

Еще в XIX в., по мере роста общественного интереса к одному из национальных героев России, в народной среде стали распространяться разные (чаще всего недостоверные) слухи о Кузьме Минине и его происхождении. «В Балахне есть купеческая фамилия Мининых; говорят, она происходит от одного из братьев Козьмы», — отмечал

писатель П.И. Мельников (Печерский)[65]. Версия о происхождении Кузьмы Минина из небольшого волжского г. Балахны (недалеко от Нижнего Новгорода), являвшегося центром добычи соли, получила распространение в научной литературе последней трети XX в. в результате публикаций И.А. Кирьянова и В.А. Кучкина. По их гипотезе именно в Балахне в конце XVI в. проживал предполагавшийся отец Кузьмы Минина Мина Анкундинов, промышлявший добычей и торговлей солью[66]. Согласно писцовой книге 1591 г. дворцовой Заузольской волости, «за балахонцем за посадским человеком за Минею за Онкундиновым» числились три деревни, принадлежавшие ему на праве собственности и дававшие дополнительный доход. В них имелись 13 $^{5}/_{12}$ десятины пахотной земли, 26 $^{1}/_{4}$ десятины перелога и 7 десятин хоромного леса. Проживавшие в деревнях подневольные работники Мины Анкундинова занимались сельским хозяйством. Его потомки в XVII в. владели в Балахне значительным состоянием — лавками, городскими дворами, соляными варницами. По мнению Кирьянова и Кучкина, фамильное прозвище Мининых происходит от имени отца Кузьмы — Мины Анкудинова, являвшегося в начале 80-х годов XVI в. совладельцем соляной трубы Каменки. В таком случае деда Кузьмы Минина звали Анкундин (Анкудин), а отцовское имя заменило ему отчество (Минич) и фамилию (Минин), хотя правильнее было бы его именовать Кузьма Минич Анкундинов (либо, как тогда писали: Козьма Минин сын Анкудинов). Для XVII в. характерна неустойчивость фамилий и прозвищ русских горожан, в том числе представителей купечества. Нередко через одно-два поколения они менялись. Даже у живших в одно и то же время близких родственников из числа членов привилегированных купеческих корпораций гостей и Гостиной сотни порой встречаются разные фамилии. К примеру, Селезневы из Переславля-Рязанского именовались также Немчиновыми; часть потомков черносошных крестьян Усовых, ставших гостями и членами Гостиной сотни, прозывались Усовыми, другие же — Грудцыными; из одной семьи монастырских крестьян происходили Гурьевы и Назарьевы[67]. Однако балахнинские Минины (Федор, Григорий Федорович, Клементий, Никита, Сергей) почему-то стойко держались за свою именную фамилию[68].

В последние годы в историографии стали все чаще высказываться сомнения в версии о балахнинском происхождении Кузьмы Минина, основанной на косвенных данных и не выдерживающей верификации при сопоставлении имен в поминальных записях рода Кузьмы Минина и материалах о семье Мининых из Балахны[69]. Очевидно, народный герой России все-таки родился в семье нижегородского посадского человека, по имени Мина, жил сам в Нижнем

Новгороде и лишь по делам (в целях закупки соли, необходимой в большом объеме для мясницкого промысла) выезжал в Балахну. Мы не знаем и вряд ли когда-либо узнаем, чем занимался отец Кузьмы Минина, очевидно, принявший постриг под именем Мисаил, которое указано в поминальных записях рода Минина и его сына Нефеда. «На родине занятие Минина было мясная торговля, — писал один из первых его биографов Н. Чичагов. — Эта промышленность не считается в обществе почетною, но вспомнить должно, что даже те работы, кои своенравными поверьями включены в число унизительных, изменяют свой вид, когда наложат на них печать свою здравый ум, честность и благородство души»[70].

Мог ли рядовой нижегородский мясник, занимавшийся до сентября 1611 г. будничной работой на рынке и в домашнем хозяйстве, предугадать, что вскоре его жизнь кардинально изменится, что ему придется возглавить новое земское ополчение и взять на себя заботы о судьбах всей России?! И уж, конечно, простой посадский человек средней руки даже не помышлял стать думным дворянином и участвовать вместе с родовитой аристократией в управлении Российским государством. Но бурные события Смутного времени внесли коррективы в повседневную жизнь торговца-мясника Кузьмы Минина.

2. ЗЕМСКИЙ СТАРОСТА И «ВЫБОРНЫЙ ЧЕЛОВЕК ВСЕЮ ЗЕМЛЕЮ»

В разгар Смуты, в начале июля 1610 г., после поражения русского войска от польской армии короля Сигизмунда III под Клушином, в Москве свергли царя Василия Ивановича Шуйского, утратившего социально-политическую опору. Страной стала управлять Боярская дума (Семибоярщина), решившая пригласить на царский престол королевича Владислава. В сентябре 1610 г. Москву занял польско-литовский гарнизон. Российско-польские переговоры под осажденным Смоленском зашли в тупик. Зимой 1611 г. в Рязанской земле началось формирование Первого земского ополчения во главе с думным дворянином, воеводой П.П. Ляпуновым, еще до подхода которого к Москве, в марте 1611 г., в столице России вспыхнуло народное восстание против иноземных интервентов. В нем участвовал, наряду с рядовыми москвичами, и воевода, князь Д.М. Пожарский, ранее стойко оборонявший Зарайск и получивший ранение во время схватки с неприятелем, рядом со своей московской усадьбой. Уже после жестокого подавления восстания Москву осадили дворянские и казачьи отряды Первого земского ополчения, сформировавше-

го в мае 1611 г. правительство во главе с И.М. Заруцким, П.П. Ляпуновым и Д.Т. Трубецким. Однако вероломное убийство казаками П.П. Ляпунова 22 июля 1611 г. и уход дворянских отрядов значительно ослабили Первое земское ополчение, которое оказалось не в состоянии освободить Москву и подготовить почву для избрания легитимного царя. Тем временем пал Смоленск, а в руках шведов оказалась Новгородская земля и сам Великий Новгород. Сепаратистские тенденции проявлялись и в Казани. Польско-литовские и шведские интервенты, а также казачьи отряды грабили русских горожан и крестьян. Кризис российской государственности достиг своего пика.

В условиях иноземной интервенции, социального брожения, наличия нескольких центров власти, анархии, хаоса спасти Российское государство могла лишь патриотическая деятельность народных масс. Но ее нужно было как-то инициировать. Патриарх Гермоген, находившийся в Московском Кремле под домашним арестом, но оставшийся до конца жизни непреклонным, стал рассылать в 1611 г. по городам России грамоты с призывом подниматься на борьбу против интервентов, за сохранение православной веры. Подобного рода грамоты исходили также от Троице-Сергиева монастыря.

И эти призывы не остались безответными в посадских общинах Поволжья, отличавшихся большей организованностью в сравнении с сельскими мирами. Горожане, в отличие от крестьян, проживали компактно, и их легче было быстро собрать. К тому же численность населения уездного города намного превышала численность обитателей любого села и тем более деревни. Центром формирования нового земского ополчения стал Нижний Новгород. Согласно Пискаревскому летописцу конца первой четверти XVII в., «некий торговой человек от простых людей, имянем Козьма, прозвище Минин, смышлен и язычен», в Нижнем Новгороде «почал советовати с своею братьею с нижегородцы з гостьми и с торговыми людьми, и со всякими: како бы им пособити Московскому государьству»[71]. Использованное здесь по отношению к нему слово «некий» подчеркивает тот факт, что до 1611—1612 гг. имя Минина было известно лишь узкому кругу нижегородцев, а писавшие позже авторы почти ничего не знали об его происхождении и социальном положении.

Составитель Полной редакции Нижегородского летописца (80-е годы XVII в.) поместил весьма лаконичное известие о создании и действиях Второго земского ополчения: «В лето 7120-м году. В Нижнеи Новгород пришел князь Димитрий Михайлович Пожарской. И в Нижнем нижегородские жители всяких чинов выбрали нижегородца посацкого человека добра Козму Минина в полк ко князю Димитрию

Пожарскому. И в Нижнем Новегороде они собрали ратных людей много. И с посацких людей они имали пятую денгу ратным людем на жалованье. И собрали ратных людей из Нижнего к Москве для очищения Московского царства от Литвы злых еретиков»[72].

Имя Кузьмы Минина 17 раз упоминается при описании событий 1611—1612 гг. в «Повести о победах Московского государства» (полное название — «Повесть известна о победах Московского государства»), написанной во второй половине 20-х годов XVII в. (после 1625 г.) смоленским дворянином, участвовавшим в действиях Второго земского ополчения[73]. Причем автор этого сочинения, считавший заслугой Минина хорошее денежное обеспечение дворянских отрядов (от 15 до 30 рублей), удостоил его самыми превосходными эпитетами: «доброприветный», «добролюбный муж», «благоразсудный», «добромысленный»[74]. Начинается же рассказ о создании Второго ополчения со слов: «Бысть же 120 (1612) году в Нижнем Нове граде некий муж благолюбив и добросмыслен зело, именем Козма Минин, от посацкаго чина земским старемниистом почтен бысть в Нижнем граде»[75]. Использованное здесь выражение «земским старемниистом» означало избрание Минина 1 сентября 1611 г. земским старостой, о чем прямо сказано в «Книге о новоявленных чудесах Преподобного Сергия Радонежского» келаря Троице-Сергиева монастыря Симона Азарьина, по словам которого, Минин был «ремеством же мясник», и «всем градом избраша его в земския старосты и предаша ему строение всего града, да исправляет и разсуждает земские росправы, яко же обычай есть»[76].

В «Сказании Авраамия Палицына» повествуется, как в Нижнем Новгороде, «избравше всему воиньству начальника, стольника и воеводу князя Дмитрея Михайловича Пожарсково, к нему же избравше для земские казны сбору ис посадских людей Козму Минина»[77].

Земские старосты, выбиравшиеся торгово-ремесленным населением из собственной среды, с 50-х годов XVI в. играли ключевую роль в местном самоуправлении. Эту выборную должность не мог занять приказной человек. Материалы приходо-расходных книг земских старост Балахны 1617/1618 г., опубликованные недавно С.В. Сироткиным, позволяют хорошо очертить круг финансово-хозяйственных забот выборного главы посадской общины[78]. В функции земских старост, занимавших на иерархической лестнице управления городом третью ступень (после воеводы и дьяков), входили раскладка и сбор налогов, помощь в организации переписей податного населения, судопроизводство, вопросы благоустройства города, строительства мостовых и мостов, распространение официальной информации властей[79]. Земские старосты отвечали за финансово-

хозяйственное обеспечение воеводского двора, губной избы, дозорщиков. Земская казна пополнялась за счет подворной раскладки и откупов за топку бани, варку сусла, площадное письмо. М.Б. Булгаков даже называет период с середины XVI в. до 1613 г. «золотым веком» земского самоуправления[80]. Роль земских старост значительно возросла в условиях хаоса и наличия нескольких центров власти в Смутное время.

В Нижнем Новгороде, по данным 1621 г., оброк с лавок, амбаров и прочих торговых помещений поступал в земскую избу[81]. Функции казначея выполнял ларечный целовальник. Младший персонал земской избы составляли дьячки, сторожа, ходоки. Временно привлекались к земской службе мирские счетчики и посыльщики (челобитчики)[82].

Вся документация хранилась в земской избе. Старосты и их помощники — земские целовальники чаще всего выполняли свои обязанности бесплатно и даже отвечали личным имуществом за выполнение жильцами его сотни или слободы разного рода государственных повинностей. Лишь в редких случаях за особые заслуги они получали жалование в натуральной (отрез сукна) либо денежной форме[83]. Старосты распоряжались земским имуществом. В расходной книге нижегородского Благовещенского монастыря 1603—1604 гг. есть запись о закупках продовольствия, сальных свечей, скота, в том числе «в Нижнем у земских старост у Ивана Шила с товарыщи земских лошадей 4 мерина»[84]. Выборную должность земского старосты в Нижнем Новгороде в начале XVII в. занимали одновременно два-три человека, пользовавшихся доверием горожан.

Одни земские старосты заботились о мирских нуждах и ради общего блага шли даже на материальные жертвы, а, другие, наоборот, корыстно пользовались своим служебным положением и вели себя заносчиво[85]. Иногда эта должность, особенно во время Смуты, могла привести и к беде. Согласно дозорной книге Ростова Великого 1619 г., местного земского старосту Алексея (Олешку) Ошнина «литовские люди» засекли до смерти, а «тело его собаки съели»[86]. Порой возникали конфликты между земскими старостами, выражавшими интересы посадского мира, и воеводами, злоупотреблявшими властью. Им приходилось постоянно лавировать между городской верхушкой (богатыми купцами, членами трех привилегированных государственных купеческих корпораций — гостей, Гостиной и Суконной сотен), с одной стороны, и рядовыми торговцами и ремесленниками (тяглецами черных сотен), с другой.

Так, вскоре после воцарения Василия Ивановича Шуйского в 1606 г. в Пскове произошли столкновения между гостями и черными людьми. Тогда царское правительство запросило у псковских

«гостеи славных мужеи и великих» 900 рублей, а богачи, радеющие о собственных капиталах, собрали эти деньги «со всего Пскова, з больших и меньших и со вдовиц по роскладу». Деньги отправили через Новгород в Москву «не по выбору» (то есть без соблюдения очереди несения земских служб) с пятью местными посадскими людьми (в том числе с мясником Ильей), которые открыто говорили о злоупотреблениях гостей при попустительстве царского наместника П.Н. Шереметьева и дьяка И.Т. Грамотина. В направленной с ними отписке правдолюбцев оговорили, что стало поводом для ареста четырех из них в Новгороде и тюремного заключения. Затем арестованных псковичей, в числе которых находился мясник Илья, отправили в Москву, где собирались казнить. Спасли земляков от смерти псковские стрельцы, находившиеся в столице и поручившиеся за них. Когда весть об этом достигла Пскова, городская беднота учинила бунт против купеческой верхушки. И царскому наместнику пришлось посадить в тюрьму семерых псковских гостей (Алексея Хозина, Семена Великого, Григория Щукина, Ивана Стоикова, Никиту Резалова и др.). А «большои гость» Михаил Детков, оказавшийся не замешанным в действиях против посадских людей, не пострадал[87]. Случались правонарушения и со стороны самих земских старост, злоупотреблявших доверием посадских жителей.

П.И. Мельников сообщил Н.И. Костомарову информацию о жалобе в феврале 1612 г., то ли 1614 г. бортников Толоконцевского монастыря на нижегородских посадских старост Андрея Маркова и Кузьму Минина Сухорука, «по дружбе и посулам» передавших толоконцевские владения Печерскому монастырю. «Если верить этому документу, — писал Н.И. Костомаров, — то Минин, как русский человек того времени, не изъят был от пороков кривосудия и посуловзимательства»[88]. Совершенно напрасно Н.И. Костомаров, основываясь на неверной информации, допускал умысел Минина в каких-то злоупотреблениях (в частности, в своекорыстном изъятии Толоконцевской пустыни у Печерского монастыря) в период его пребывания на выборной должности земского старосты Нижнего Новгорода, что впервые оспорил И.Е. Забелин[89]. В действительности же, согласно отписке печерского архимандрита Рафаила патриарху Филарету и челобитной монастырской братии на имя царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета (документы датируются 1629—1633 гг.), «во 120 (1612. — *В.П.*) году нижгороцкие земские старосты Петр Григорьев да Федор Марков то Толоконцовскую пустынку у печерских старцов отняли, а царьские грамоты не послушали, и приказали ведати тое Толоконцовскую пустынь бражником чернцу Маркелу да чернцу Авраму, для своей корысти...»[90].

Самой важной и самой трудной функцией для Минина стал сбор средств на содержание Второго земского ополчения. Их приходилось порой буквально выбивать с угрозами у богатых горожан, когда обращения и просьбы не действовали. Так было в Ярославле, например, когда денежный взнос в ополченческую казну отказывался внести именитый купец Г.Л. Никитников. 6 ноября 1614 г. датируется «память» из Разрядного приказа (Устюжская четверть) о выдаче денег стольнику Ивану Ивановичу Плещееву взамен взятых у него ранее Кузьмой Мининым на раздачу жалованья ратным людям в Нижнем Новгороде[91]. Нужны были не только деньги, но также продовольствие, одежда, вооружение, фураж для лошадей. Приходилось думать и о том, где размещать на ночлег ратных людей.

По мере расширения масштабов патриотической деятельности Минина должность земского старосты, чьи функции заканчивались за пределами Нижнего Новгорода, уже перестала соответствовать уровню одного из руководителей Второго ополчения. И пришлось дьякам, участвовавшим в нем, изобрести словосочетание «выборный человек», не входившее тогда в перечень чинов Российского государства. С таким обозначением Кузьма Минин не раз упоминается в актовых документах 1612 г.

В Разрядной книге 1550—1636 гг. под 7120 (1611/1612) г. помещена краткая запись о создании и действиях Второго ополчения: «А в Нижней пришли смольяне и иных городов служилые люди и, советовав с нижегородцы с выборным человеком с Кузьмою с Мининым, выбрали воеводу князя Дмитрея Михайловича Пожарского, и, пришод в Ерославль, собрався с людми, пришли под Москву и стали табором у Орбацких и Чертольских ворот»[92]. Фактически Минин, выполняя функции казначея, являлся хозяйственным руководителем Второго земского ополчения и созданного затем в Ярославле правительства — «Совета всея земли». Выписка из Нижегородской платежной книги о неокладных доходах, поступивших для уплаты жалованья воинам Второго земского ополчения (апрель 1612 г.), начинается с такой преамбулы: «Да в приходе ж неокладных доходов, которые взяты по приговору князя Василья Ондреевича Звенигородцково, Ондрея Олябьева, да Ивана Ивановича Биркина, да диака Василья Семенова, да выборного человека Кузьмы Минина, да нижегородцких земских старост и всех нижегородцов посадцких людей ратным людем на жалованье, которые пошли из Нижнего с столником и воеводою с князем Дмитром Михайловичем Пожарским, да с выборным человеком с Кузьмою Мининым для Московского очищенья, у всяких людей, покаместа нижегородцкие денежные доходы в сборе будут»[93]. В конце грамоты, направленной от

имени Второго земского ополчения 7 апреля 1612 г. из Ярославля в Соль Вычегодскую Строгановым, приписано: «В выборного человека всею землею, в Козьмино место Минино князь Дмитрий Пожарский руку приложил»[94]. Скорее всего, эта запись свидетельствует о неграмотности либо полуграмотности Кузьмы Минина. В более поздней соборной грамоте 1613 г. высшего российского духовенства, адресованной Строгановым, указывалось, «как царского величества стольник и воевода князь Дмитрей Михайлович Пожарской учал сбираться с ратными людми идти под Москву, на польских и литовских людей, и вы все православные христиане в те поры ему, да выборному человеку ото всего Московского государьства Кузме Минину, денгами и всякими запасы на ратные люди подмогали и к нему безпрестани присылали, и тем ратных людей против польских и литовских людей воздвигли и охрабрили...»[95]. Митрополит Казанский Ефрем, митрополит Ростовский и Ярославский Кирилл, архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий, келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын и другие церковные иерархи, подписавшие грамоту, с укоризной пеняли на то, что «московские гости и торговые люди наперед сего пожалели малого и ратным людем на жалованье денег не дали, и они, за грех всего православного християнства, увидели на себя без ратных людей конечное разорение и погибель и животов своих всех отбыли»[96].

В одном хронографе, который был составлен в царствование Алексея Михайловича (Российская национальная библиотека. Древнехранилище М.П. Погодина. № 1465), повествуется, как «Дмитрей Тимофеевич Трубецкой да князь Димитрей Михайлович Пожарской, да нижегородец выборной посацкой человек, Козма Минин паки собравшеся со многим руским воиньством приходят к царствующему граду Москве на изгнание безбожныя латиносродные литвы, и осадиша литовских людей в Москве...»[97]. 5 декабря 1672 г. именитый человек Григорий Строганов напоминал царю Алексею Михайловичу, как «после царя Василья Ивановича в Московское разоренье ваши государьские бояре и воеводы, князь Дмитрей Тимофеевичь Трубецкой да князь Дмитрей Михайловичь Пожарской, да Кузма Минич да Прокофей Ляпунов имали у прадедов и у дедов моих многие денги»[98].

Как бы то ни было, уже к весне 1612 г. за Мининым закрепилось звание «выборный человек всею землею», которое, конечно, считалось значительно выше уровня земского старосты Нижнего Новгорода. Тем не менее, имя Кузьмы Минина почему-то совсем отсутствует в ряде документов первой половины 1612 г., исходивших от Второго земского ополчения. Например: в грамоте, отправленной из

Нижнего Новгорода на Вычегду, перечисляются только имена «Дмитрей Пожарской, Иван Биркин, Василей Юдин»[99].

Услышав весть о посылке в начале 1612 г. И.М. Заруцким казаков в Суздаль и Ярославль, Минин и Пожарский сразу же направили туда отряды ратных людей, а вскоре в конце февраля — начале марта и сами во главе всего ополчения двинулись через Балахну и Кострому к Ярославлю, где им предстояло провести более четырех месяцев. Там сформировалось новое правительство — «Совет всея земли», одним из руководителей которого стал Кузьма Минин. Создавались основные приказы — Поместный, Посольский, Разрядный, велась дипломатическая переписка, готовился поход на Москву. Руководителям Второго ополчения удалось нейтрализовать шведов, захвативших Новгород с прилегающими к нему районами. «Совет всея земли» пополнился в Ярославле новыми людьми — представителями титулованной знати, служилого дворянства, белого духовенства, горожан, черносошных и дворцовых крестьян.

И в Нижнем Новгороде, и в Ярославле, и чуть позже в Москве у руководителей Второго земского ополчения нередко возникали проблемы, связанные с местническими порядками. Цеплявшиеся за них чванливая титулованная аристократия и служилое провинциальное дворянство проявляли недовольство тем, что во главе такого важного государственного дела стоит человек более низкого социального происхождения, простой мясоторговец из Нижнего Новгорода. Происходившему из обедневшего княжеского рода Д.М. Пожарскому, одному из многочисленных потомков легендарного Рюрика, приходилось мириться с десятым местом в перечне лиц, от имени которых исходили обращения и прочие документы «Совета всея земли».

На оборотной стороне грамоты, направленной Пожарским 7 апреля 1612 г. из Ярославля именитым людям Строгановым в Соль Вычегодскую, на 16-м месте, но выше князей Алексея Долгорукого, Василия Туренин и Богдана Федорова, указано: «В выборного человека всею землею, в Козьмино место Минино князь Дмитрий Пожарский руку приложил»[100]. Идя на формальные уступки, они по-прежнему держали в своих руках управление всеми делами (как военными, так и гражданскими). Затем последовали поход Второго земского ополчения на Москву, разгром у ее стен 24 августа 1612 г. польского войска гетмана Ходкевича, объединение двух земских ополчений и освобождение в начале ноября Кремля от интервентов и их пособников. Причем в решающий момент сражения с войском гетмана Ходкевича Минин, согласно Новому летописцу, показав воинскую доблесть, возглавил атаку нескольких конных сотен, которые привели врага в состояние паники и к бегству[101].

В конце сентября 1612 г. в ответ на предложение о капитуляции шляхтичи, командиры польско-литовского войска, пренебрежительно относившиеся к простолюдинам, входившим в состав русских земских ополчений, писали: «...Лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей. Пусть хлоп по-прежнему возделывает землю, поп пусть знает церковь, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей, — царству тогда легче будет...»[102]. По иронии судьбы, не пройдет и двух месяцев, как спесивым шляхтичам придется, забыв о гоноре, сдаться на милость победителей, в том числе бывшего нижегородского торговца Кузьмы Минина.

По информации мозырского хорунжего, полковника Иосифа (Осипа) Будилы, командовавшего польско-литовским гарнизоном Москвы, имущество у пленных после капитуляции гарнизона Кремля 7 ноября 1612 г. принимал Кузьма Минин, стремившийся не допустить разграбления его казаками[103].

Кое-кто из посадских торговых людей, подобно Минину, также проявил себя в годы Смуты на военном поприще. К примеру, торговец Федор Федулов командовал псковскими ратными людьми, изгнавшими в 1614 г. шведов из Гдова[104]. Но все это единичные случаи. Чаще всего роль купечества сводилась к выделению денежных средств на содержание ополченцев.

С осени 1612 г. и до выборов нового царя в феврале 1613 г. во главе земского правительства находился триумвират в составе Трубецкого, Пожарского и Минина. В одной из грамот, доставленной 11 ноября 1612 г. на Белоозеро и информировавшей об объединении двух ополчений, указывалось: «...У бояр и воевод у князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого да у столника и воеводы у князя Дмитрея Михайловича Пожарского, розряды были розные, а ныне, по милости Божьей и по челобитью и по приговору всех нас, стали они в единачестве и укрепилися на том, что им да выборному человеку Кузьме Минину, Московского государства доступать и Российскому государству добра хотеть во всем безо всякия хитрости...»[105]. Правда, иногда по политическим либо местническим соображениям имя Минина вообще ни в какой форме не указывалось в грамотах Второго ополчения (например, в отписке Д.М. Пожарского в Вологду из Москвы 9 сентября 1612 г., а также в грамоте, отправленной 11 ноября 1612 г. Д.Т. Трубецким и Д.М. Пожарским в Соль-Вычегодск именитым людям Строгановым)[106]. Князь Д.Т. Трубецкой чуть позже не пожелал видеть имя простолюдина Кузьмы Минина среди лиц, подписавших ему жалованную грамоту на владение Важской землей.

По-прежнему на плечах Минина лежала основная тяжесть хозяйственных забот: как обеспечить прокорм служилым людям, где изы-

скать средства для выдачи жалованья казакам. Приходилось в условиях разрухи решать и другие сложные вопросы. Взвалив на себя эту нелегкую ношу — бремя спасения Отечества, нижегородский посадский человек сумел с достоинством выдержать испытание.

Как отмечает Б.М. Пудалов, к началу 1613 г. «вероятно из-за “низкого” происхождения Минина и враждебного отношения к нему казаков, контролировавших в тот период Москву, его влияние ослабело: он исполнял финансовые поручения и наблюдал за имуществом, конфискованным у разных лиц»[107]. Косвенным подтверждением версии о том, что Минин был противником избрания на царство Михаила Федоровича, Пудалов считает отсутствие его имени в списках участников избирательного Земского собора 1613 г. и среди лиц, подписавших принятую на этом соборе «Утвержденную грамоту», а также среди членов московского посольства, направленного в Кострому к избранному царю[108]. Скорее всего, для Кузьмы Минина более предпочтительной кандидатурой на царский трон казался его соратник Д.М. Пожарский.

3. ДУМНЫЙ ДВОРЯНИН КУЗЬМА МИНИЧ

В Утвердительной грамоте Земского собора 1613 г. об избрании царем Михаила Федоровича «ото всего Московского государства выборной человек Кузма Минин» упоминается вслед за боярином Д.Т. Трубецким и стольником Д.М. Пожарским как один из организаторов освобождения Москвы «от полских и от литовских людей», но в конце документа Пожарский почему-то не расписался за своего неграмотного соратника[109]. С избранием на Земском соборе в феврале 1613 г. царем Михаила Федоровича Романова деятельность правительства Трубецкого — Пожарского — Минина прекратилась. Героев освободительной борьбы стали быстро оттеснять подальше от трона их завистники и недоброжелатели из числа знати, ничем не отличившейся во время борьбы с интервентами. Тем более, что Пожарский, чья кандидатура также выдвигалась на царский престол на Земском соборе, выступал против избрания царем М.Ф. Романова. Правда, царь Михаил Федорович не мог не отметить заслуги руководителей Второго земского ополчения: во время коронации 11 июля 1613 г. Дмитрий Пожарский стал боярином, а на следующий день была объявлена царская милость и Кузьме Минину. Как записано в дворцовой Разрядной книге 1613 г., «июля в 12 день, на свой государев ангел, пожаловал государь в думные дворяне Кузьму Минина; сказывал думное дворянство Кузьме Миничю думной розрядной

дьяк Сыдавной Васильев»[110]. Но должность казначея, руководившего Казенным приказом, досталась не ему, а Н.В. Траханиотову. Как справедливо отметил В.Н. Козляков, после воцарения Михаила Федоровича Романова «Кузьма Минин явно потерялся среди привилегированных государевых слуг, бояр, стольников и дворян»[111].

Тем не менее, Кузьма Минин получил с высоким думным чином право на законных основаниях именоваться с отчеством (на *-ич*). Как у простого посадского человека, у него раньше не было отчества, которое, получив чин думного дворянина, приобрел Кузьма Минич, но при этом утратил фамильное прозвище по имени отца. Не мог он, да и не хотел, именоваться «Мясником» либо «Мясниковым», тем более, что недоброжелатели не раз указывали на его низкое социальное происхождение. Название ремесла либо занятия, конечно же, не являлось составной частью антропонимной формулы именования человека. Лишь у его сыновей, особенно отказавшихся от отцовского дела, оно могло путем прибавления притяжательного форманта *-ов* приобрести форму фамилии: мясник — Мясников, кузнец — Кузнецов, сапожник — Сапожников и т.д. В результате член Боярской думы Кузьма Минич, подобно царю Михаилу Федоровичу, именовался по личному имени и отчеству, но без фамилии.

Пожалование Минина 12 июня 1613 г. чином думного дворянина зафиксировано также в Разрядной книге 1598—1638 гг.[112] Случай, безусловно, исключительный, но не единственный в Смутное время. Такой же почести (именоваться с отчеством, подобно феодальной аристократии) вместе с пожалованным званием гостя удостоились чуть раньше, в 1610 г., от царя Василия Ивановича Шуйского за предоставление значительных денежных средств на содержание войска богатейшие купцы-предприниматели Строгановы, ставшие «именитыми людьми»[113]. Чин думного дворянина считался третьим «по чести» в Боярской думе, после чинов боярина и окольничего. На этот чин обычно могли претендовать только представители родовитого боярства. В Смутное время, кроме Кузьмы Минина, его получили также: от Лжедмитрия I — стрелецкий сотник и дипломат Г.И. Микулин, Г.Г. Пушкин (один из предков А.С. Пушкина), от царя Василия Ивановича Шуйского — воевода, предводитель рязанского дворянства П.П. Ляпунов, от имени польского короля Сигизмунда III, отца королевича Владислава, — Ф.И. Андронов и Г.Л. Валуев. Из них наибольшие заслуги перед государством Российским имел, конечно же, выходец из посадской среды Нижнего Новгорода, военное дело и организаторская деятельность для которого, в отличие от служилых людей «по отечеству» (дворян и детей боярских), не являлось служебной обязанностью.

Иная судьба ждала еще одного простого русского купца Федора Ивановича Андронова, происходившего из Погорелого Городища (Тверская земля) и торговавшего кожей, воском, а затем казенной «рухлядью» (пушниной) с любекскими и прочими иностранными коммерсантами)[114]. В 1606 г. он был записан в Гостиную сотню и вскоре переехал в Москву. Затем оказался в лагере самозванца Лжедмитрия II, назначившего его своим думным дьяком и казначеем[115]. В Пискаревском летописце конца первой четверти XVII в. повествуется, как «торговой человек Фетька Андронов» вместе с Михаилом Салтыковым и прочими изменниками после разгрома Тушинского лагеря (1610 г.), присоединившись под Можайском к полякам, направились к Москве[116]. Но прежде Ф. Андронов встретился с претендовавшим на русский трон польским королем Сигизмундом III, по милости которого стал думным дворянином и казначеем (главой Казенного приказа) марионеточного правительства «Семибоярщины». Конечно, представителям родовитой феодальной аристократии, входившим в Боярской думе и строго придерживавшихся местнических порядков, не очень-то нравилось заседать вместе с «торговым мужиком», к тому же претендовавшему на самостоятельность во всех финансовых делах. Но приходилось с этим мириться, так как Андронов пользовался исключительным доверием и поддержкой польских интервентов, с которыми в 1610—1612 гг. активно сотрудничал, выдавая для уплаты весьма высокого жалованья иноземному воинству деньги и ценные вещи из казны[117]. После окончательного освобождения Москвы отрядами Второго и Первого ополчений Андронова арестовали и привлекли к ответственности за расхищение государевой казны. В 1614 г. царь Михаил Федорович повелел казнить «Фетьку Андроново, которой на Москве воровал всех больши, а был купецково чину»[118].

А думный дворянин Кузьма Минич (Минин) продолжал тем временем заниматься государственными делами. Он значится в списке думных чинов (вслед за окольничими) в грамоте в декабре 1614 г. польским панам Рады по вопросу о назначении с обеих сторон съезда для заключения мира между Россией и Речью Посполитой[119]. Правда, теперь его имя в списке официальных лиц, подписавших послание, оттесняется чуть подальше, на девятнадцатое место, а фамилия Д.М. Пожарского стоит одиннадцатой.

На переговорах с польской делегацией на пограничье двух государств в 1615 г. русские дипломаты, ссылаясь на действия короля Сигизмунда III осенью 1610 г., напоминали: «прислали... в казначеи кожевника детину Фетку Ондронова, в думные дьяки овчинника Степана Соловецкого да замошника Баженка да суконника Кирил-

ка, Васку Юрьева поповича и иных таких же простых худых людей». В ответ один из польских представителей, Ян Гридич, отстаивая притязания королевича Владислава на российский престол, укорял русских послов: «Часто вы говорите о Федоре Андронове, что человеку гостиной сотни непригоже было казенным урядником быть; но это случилось по утверждению ваших же больших людей, что и при прежних государях такие у таких дел бывали. Да и теперь у вас не лучше Андронова Кузьма Минин, мясник из Нижнего Новгорода, казначей и большой правитель, всеми вами владеет, и другие такие же многие по приказам у дел сидят»[120]. Действительно, Минин и Андронов происходили из одной торговой прослойки среднего достатка, только имя первого стало символом народного патриотизма, а второй снискал недобрую славу изменника. Если для Минина в самые тяжелые времена Смуты на первом месте оказалось общее благо, стремление спасти Россию от порабощения иноземцами, то для Андронова, отличавшегося авантюризмом и беспринципностью, — личная выгода.

Конечно, Кузьме Минину, оставившему навсегда свой прежний мясницкий промысел, нужно было обеспечивать семью, на что денежного жалования явно не хватало. Требовался более широкий и стабильный источник доходов в виде крупного земельного владения с зависимыми крестьянами. Минину, очевидно, пришлось обращаться по данному поводу к царю. И 20 января 1615 г. царь Михаил Федорович «пожаловали есмя думного своего дворянина Кузьму Минича за его, Кузьмину, многую службу» вотчиной в с. Богородском Нижегородского уезда с девятью деревнями, перешедшими затем по наследству его жене и сыну[121]. В мае 1615 г. Кузьма Минич вынужден был вновь обратиться с челобитной к царю, прося освободить своего сына, братьев и крестьян от подсудности нижегородским властям. Его прошение было удовлетворено 31 мая 1615 г. За исключением случаев «татиного разбойного дела», Михаил Федорович приказал судить близких Кузьмы Минина в столице: «...В Нижней Новгород боярину и воеводам нашим князю Володимеру Ивановичу Бахтеяру-Ростовскому да Борису Ивановичу Нащокину, да дьяку нашему Ондрею Варееву. Бил нам челом думной наш дворянин Кузма Минич, что живет он на Москве при нас, а поместья де и вотчинка за ним в Нижегородском уезде, и братья его и сын живут в Нижнем Новегороде, и им деи, и его людем и крестьяном, от исков и от поклепов чинится продажа великая: и нам бы его пожаловати, братью его и сына и людей и крестьян, ни в чем в Нижнем Новегороде судити не велети; а велети их судити на Москве»[122].

Помимо вотчины в с. Бородицком Нижегородского уезда, думному дворянину Кузьме Миничу, очевидно, был пожалован двор в Ни-

жегородском Кремле, который затем перешел его сыну: в писцовой книге Нижнего Новгорода 1621 г. значится «двор стряпчего Нефедя Кузмина сына Минина с огородом, а по скаске нижгородцов посадских выборных людей то место бывало государево дворовое»[123].

В мае 1615 г., когда царь Михаил Федорович отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, «на Москве Государь оставил: бояр князь Ивана Васильевича Голицына, князь Володимера Тимофеевича Долгорукаго, да окольничих: князь Данила Ивановича Мезецкаго да Федора Васильевича Головина, Кузму Минина, думной дьяк Сыдавной-Васильев»[124]. Эта правительственная комиссия с участием Минина управляла всеми делами в Москве во время отсутствия царя.

С именем думного дворянина Кузьмы Минича (Минина) связаны три записи в приходо-расходной книге Нижегородской чети 7123 (1615) г.: 1) «Июня в 13 день у думнаго дворянина у Кузьмы Минича 220 р. взято в тех денег место, что даны те из нижегородцких доходов 123-го году в Нижнем нижегородцу Потехе Павлову по государевой грамоте»; 2) «Того же дни у Кузьмы-ж Минича села Пумры с тамги и с кабака откупу на нынешней на 123-й год половина, с Семеня дни по Евдокеине день, 45 р. и 8 ал. 2 д. Взято; а платил Кузьма те деньги за откупщиков за Михалка Чюпров за павловца да за Епифанка Рогова с товарыщи»; 3) «Августа в 10 день села Пумры с тамги и с кабака откупу на нынешней на 123-й год другая половина, с Евдокеина дни по Семен день 124-го году, 45 р. и 8 ал. 2 д. взято; платил думнаго дворянина Кузьмы Минича крестьянин Мишка Чюпров с товарищи»[125].

7124 (1616) г. датируется «Книга, а в ней писаны бояре, и окольничие и думные люди с денежными оклады, а стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и диаки, и жильцы и из городов дворяне», составленная в Московском столе Разрядного приказа. На тот момент в документе упомянуто только два думных дворянина: «Дворяне в Думе: Сокольничей и думной дворянин Гаврило Григорьевич Пушкин, денежной ему оклад 120 рублев. Кузма Минин, денежный ему оклад 200 рублев, а поместьем не верстан»[126]. На обороте л. 37 одного рукописного сборника из собрания П.М. Строева, перешедшего затем к М.Н. Погодину (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Древлехр. Погодина. № 1957) скорописью XVIII в. сделана надпись: «дворянин в думе Козма Минич — сей Козма Миненин (sic!) был нижегородской прежде мясник»[127].

В декабре 1615 г. были «посланы в Казань для сыску, что черемиса заворовала, боярин князь Григорей Петровичь Розмодановской, да думной дворянин Кузма Минич, да дьяк Марко Поздеев»[128]. Во время этой поездки Минин и умер не позже весны 1616 г. Однако

свидетельства князя Г.П. Ромодановского и дьяка М. Поздеева о последних днях жизни Кузьмы Минина до нас, к сожалению, не дошли. Впервые Татьяна Минина упоминается в качестве вдовы Кузьмы Минина в грамоте царя Михаила Федоровича от 5 июля 1616 г.: «Пожаловали есмя думного нашего дворянина Кузму жену Минина, вдову Татьяну, с сыном с Нефедьем, мужа ее вотчиною, в Нижегородском уезде селом Богородицким с деревнями, на тысячу на шестьсот на десят четьи»[129].

В Нижегородской областной библиотеке хранится синодик Спасского собора Нижегородского кремля, составленный после 1689 г. на основе более ранних поминальных записей. Одна из них, включающая 32 имени, начиная с Кузьмы и заканчивая его вдовой Татьяной, гласит: «Род думного дворянина Космы Минича. Дано по душе его и по родителем его к Спасу на вечное помяновение в Болшом шапочном ряду лавка о два замка»[130].

* * *

Итак, мясоторговец Кузьма Минин до сентября 1611 г. относился к числу черных посадских людей среднего достатка Нижнего Новгорода. 1 сентября того же года (или чуть позже) он был избран одним из двух нижегородских земских старост, а затем, став уже во главе Второго ополчения, в документах 1612—1613 гг. упоминался как «выборный человек». За огромные заслуги в июне 1613 г. он удостоился чина думного дворянина и был введен в Боярскую думу. По характеру он, судя по поступкам, был твердым, решительным и справедливым человеком.

«Давно уже замечено, — отмечал Г.В. Плеханов, — что таланты являются всюду и всегда, где и когда существуют общественные условия, благоприятные для их развития»[131]. Беспримерно стремительный подъем по социальной лестнице, связанный с организаторским талантом и патриотическими деяниями простого нижегородского торговца-мясника, стал реальным только в экстремальной ситуации Смутного времени, когда поведение народных масс сыграло решающую роль в судьбе страны, сохранении российской государственности и выходе из тяжелейшего социально-политического кризиса. После окончания Смуты такие социально-иерархические скачки стали невозможными. Самое большее, на что отныне могли претендовать выходцы из купеческой среды, это чин думного дьяка.

Испанский мыслитель Х. Ортега-и-Гассет, обосновавший метод поколений (идею анализа исторического процесса посредством изучения истории поколений), полагал, что в XVI—XVII вв. в Западной Европе их смена проходила через 15 лет. Наиболее плодотворным и

продуктивным в жизни человека он считал возраст от 45 до 60 лет, когда наиболее полно раскрывается его творческий потенциал[132].

Для средневековой России с ее замедленностью темпов политического, социально-экономического и культурного развития люди одного поколения, отличавшиеся общими духовно-мировоззренческими чертами, сосуществовали на протяжении более длительного периода: от 25 до 30 лет. Причем к одному историческому поколению принадлежали представители разного возраста, например, царь Василий Иванович Шуйский, патриархи Гермоген, Иов и Филарет (Романов), князья Ф.И. Мстиславский, Д.М. Пожарский, М.В. Скопин-Шуйский и Д.Т. Трубецкой, Лжедмитрий I, Лжедмитрий II и прочие самозванцы, келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, воевода П.П. Ляпунов, казачий атаман И.М. Заруцкий, торговцы Ф. Андронов и К. Минин. Но какими же разными по характеру и нравственным качествам были эти люди, действовавшие в Смутное время!

Общественное поведение человека в средневековом мире детерминировалось переплетением ряда объективных и субъективных факторов: материальным положением, социальным статусом, экономическими интересами, религиозными и этническими традициями, половозрастными особенностями, культурно-бытовым уровнем, психофизическими свойствами личности. На протяжении многих поколений в обществе формировалось уважение к традиционному порядку, стабильности. Каждый индивидуум должен был осознавать свое место в системе социальной иерархии[133].

Этот устоявшийся порядок нарушался только в периоды крупных социально-политических потрясений. На динамику восходящей социальной мобильности в такие переломные эпохи оказывают влияние как объективные, так и субъективные факторы, о чем свидетельствуют судьба национального героя России Кузьмы Минина.

На стремительное социальное возвышение Кузьмы Минина повлияли целый ряд факторов Смутного времени: обстановка гражданской войны в стране; ожесточенная борьба за власть; кризис российской государственности, сопровождавшийся падением авторитета и легитимности царской власти, самозванчеством, социально-политической нестабильностью; возникновение нескольких властных центров, для функционирования которых нужны были приказные люди; раскол русского общества на противоборствующие группировки, линия которого нередко проходила внутри социальных групп; нарушение каналов воздействия верхних слоев купечества на низшие слои торгово-ремесленного населения; вмешательство во внутренние дела России соседних государств (Речи

Посполитой, Швеции), нужда в новых управленческих кадрах, не запятнавших себя сотрудничеством с иноземными интервентами и их русскими пособниками.

[1] *Чичагов Н.* Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина. — СПб., 1848. — С. 128—129, 134.

[2] См. перечень источников и литературы о нем: *Буганов В.И.* «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин // Вопросы истории. — 1980. — № 9. — С. 90—102; *Перхавко В.Б.* : 1) Кузьма Минин // Московский журнал. — 2000. — № 4. — С. 10—15 ; 2) Социальный статус Кузьмы Минина // Проблемы русской истории. — М.; Магнитогорск, 2009. — Вып. IX. — С. 14—26; *Пудалов Б.М.* К биографии Кузьмы Минина // Мининские чтения. — Н. Новгород, 2007. — С. 184—195; *Козляков В.Н.* Герои Смуты. — М., 2012. — С. 172—188, 329—330; *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* : 1) Спорные моменты биографии Кузьмы Минина // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. — 2012. — № 6 (3). — С. 71—76 ; 2) Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. — М., 2017; *Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. — М., 2013. — С. 58—102.

[3] *Костомаров Н.И.* История Руси Великой: в 12 т. — М., 2004. — Т. 8: Смутное время Московского государства в начале XVII столетия / сост., подготовка текста и коммент. С.Д. Ошевского. — С. 442—448.

[4] См., например: *Полевой Н.А.* Материалы для истории Козьмы Минина // Сын Отечества. — 1838. — № 1. — С. 16—28 (Отд. III); Памятники истории смутного времени / под ред. А.И. Яковлева. — М., 1909. — (Памятники русской истории; вып. 4); Памятники истории нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611—1612 гг. — [СПб., 1912]. — (Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии; т. X); *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. — Изд. 2-е. — СПб., 1913. — (Сочинения. [Изд. 1-е]; т. 2); *Садовский А.Я.* Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьич Минин Сухорук? — Н. Новгород, 1916; Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. — Изд. 3-е. — Л., 1925; Нижний Новгород в XVII веке: сб. документов. — Горький, [1961]. — С. 25, 42—47, 86—87; Кузьма Минин. Дмитрий Пожарский: [сборник] / [авт.-сост. В.А. Шамшурин]. — М., 1997. — С. 203—345.

[5] См.: *Ильинский Н.С.* Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа нижегородского купца Козьмы Минина. — СПб., 1799.

[6] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции ... — СПб., 1781. — Т. 1, кн. 1. — С. 249.

[7] *Херасков М.М.* Избранные произведения. — Л., 1961. — С. 307.

[8] *Дорофеев Ф.А.* Фантом Кириши Минибаева как зеркало российской фолкхистори // Мининские чтения. — Н. Новгород, 2007. — С. 239—249.

[9] Материалы дискуссии, [состоявшейся на III Всесоюзной источниковедческой конференции, г. Новороссийск, 27 сентября — 1 октября 1979 г.] // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. — М., 1984. — С. 245 (Прил.).

[10] См.: *Перхавко В.Б.* Занятия Кузьмы Минина до сентября 1611 года: опыт исторической реконструкции // Мининские чтения: сб. науч. тр. по истории Смутного времени в России начала XVII в.: в память 400-летия Нижегородского Подвига. — Н. Новгород, 2012. — С. 151—160.

[11] Русская историческая библиотека. — СПб., 1875. — Т. 2. — Стб. 259. — (Далее: РИБ).

[12] Такая градация традиционно использовалась в писцовых книгах второй половины XVI — XVII в. См., например: Писцовые книги Московского государства. — СПб., 1872. — Ч. 1, отд-ние 1; Писцовые книги города Казани, 1565—68 гг. и 1646 г. — Л., 1932. — (Труды / АН СССР, Ист.-археогр. ин-т; [т. 4]: Материалы по истории народов СССР, вып. 2: Материалы по истории Татарской АССР); Города России XVI века: материалы писцовых описаний / подгот. Е.Б. Французовой. — М., 2002; Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв. / [сост. И.Ю. Анкудинов]. — СПб., 2003; Писцовая книга Костромы 1627/28 — 1629/30 гг. — Кострома, 2004.

[13] *Смирнов П.П.* Посадское «строение» при царе Борисе Годунове // Исторические записки. — 1938. — [Т.] 4. — С. 3—20.

[14] Памятники литературы Древней Руси, конец XVI — начало XVII веков. — М., 1987. — С. 414—415.

[15] *Платонов С.Ф.* Социальный кризис Смутного времени. — Л., 1924. — С. 152.

[16] Памятники литературы Древней Руси, конец XVI — начало XVII веков. — С. 352.

[17] Там же. — С. 353.

[18] *Коваленко Г.М.* Новгородская таможенная книга 1614/15 г. // Новгородский исторический сборник. — СПб., 2005. — Вып. 10 (20). — С. 409.

[19] РИБ. — СПб., 1898. — Т. 17. — Стб. 199.

[20] Подвиг Нижегородского ополчения. — Н. Новгород, 2011. — Т. 1. — С. 516.

[21] Кузьма Минин. Дмитрий Пожарский. — С. 333.

[22] Там же. — С. 345; Хроники Смутного времени. — М., 1998. — С. 256—258.

[23] Описание Великого Устюга в Устюжской писцовой книге «Письма и меры Микиты Вышеславцова да подьячего Агея Федорова 131 и 132 и 133 и 134 году» / публикация Ю.С. Васильева, Р.П. Биланчук, С.Е. Замараева // Бысть на Устюзе...: ист.-краевед. сб. — Вологда, 1993. — С. 195.

[24] Города России XVI века: материалы писцовых описаний. — С. 42, 242.

[25] Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.) / сост. С.Б. Веселовский. — М., 1994. — С. 186.

[26] Среди владельцев дворов города упомянуты еще два мясника с указанием своего имени, паронима и фамильного прозвища («Афонка Степанов Ушаков» и «Ивашко Петров Махлов»). См.: Описание Великого Устюга ... — С. 189, 191, 218.

[27] Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в.: сб. документов. — М., 2004. — Т. 1 / сост. Т.А. Лаптева; отв. сост. Т.Б. Соловьева. — С. 118—119, 446.

[28] Великий Новгород во второй половине XVI в.: сб. документов / сост. К.В. Баранов. — СПб., 2001. — С. 28—29, 33, 35.

[29] РИБ. — Пг., 1915. — Т. 32. — № 324.

[30] Писцовые книги Московского государства. — СПб., 1872. — Ч. 1: Писцовые книги XVI века, отд-ние 1. — С. 632.

[31] Там же. — С. 316.

[32] *Курц Б.Г.* Сочинения Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915. — С. 180.

[33] Иностранцы о древней Москве (Москва XV—XVII веков) / сост. М.М. Сухман. — М., 1991. — С. 394.

[34] Полное собрание русских летописей. — М., 1978. — Т. 34. — С. 18. — (Далее: ПСРЛ).

[35] *Романов М.Ю.* Московская Бронная слобода в XVII веке: история и люди. — М., 2010. — С. 101 (Прил. № 1).

[36] Таможенные книги сибирских городов XVII века. — Новосибирск, 1997. — Вып. 1: Сургут и Тара. — С. 73, 93.

[37] Там же. — С. 81.
[38] *Сильванский Н.П.* Акты о посадских людях-закладчиках // Летопись занятий Археографической комиссии. — СПб., 1909. — Вып. 22. — С. 181; Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1978. — Вып. 5. — С. 105. — (Далее: СлРЯ XI—XVII вв.).
[39] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 141 (Приказные дела старых лет. 1624 г. Устюжская четверть). — Д. 4. — Л. 345—348; *Воскобойникова Н.П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — начала XVII века (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). — М., 1999. — Вып. 3. — С. 40.
[40] РГАДА. — Ф. 141 (Приказные дела старых лет. 1624 г. Устюжская четверть). — Д. 4. — Л. 356.
[41] Там же. — Л. 357.
[42] Там же. — Л. 350—351.
[43] *Сильванский Н.П.* Указ. соч. — С. 210; СлРЯ XI—XVII вв. — М., 1982. — Вып. 9. — С. 344.
[44] Барбаро и Контарини о России / вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинская. — Л., 1971. Цит. по: Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев / подготовка текстов, вступ. ст. и коммент. Ю.А. Лимонова. — Л., 1986. — С. 22—23.
[45] Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). — М., 2002. — Т. 5. — С. 446.
[46] Хроники Смутного времени. — С. 424, 428.
[47] *Курц Б.Г.* Указ. соч. — С. 176—177.
[48] Таможенные книги Московского государства XVII века. — М., 1951. — Т. 2. — С. 146.
[49] Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. / сост. В.А. Александров и В.И. Корецкий; под ред. А.А. Зимина. — М., 1962. — С. 30, 32.
[50] Там же. — С. 31; *Кистерев С.Н.* Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. — М., 2003. — С. 26 (№ 2). — (Материалы для истории таможенного дела в России XVI—XVII веков; т. 1).
[51] Подвиг Нижегородского ополчения. — Т. 1. — С. 337, 355 (CLXXVI).
[52] Там же. — С. 337, 350.
[53] *Крижанич Ю.* Политика. — М., 1997. — С. 310.
[54] РИБ. — СПб., 1891. — Т. 13. — Стб. 240—242 (2-е изд.: СПб., 1909; 3-е изд.: Л., 1925. Т. 13, вып. 1); *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. — СПб., 1888. — С. 125—126. (2-е изд.: 1913. С. 158—159); *Назаревский А.А.* Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. — Киев, 1958. — С. 133, 139—142; *Дробленкова Н.Ф.* Повесть о видении в Владимире // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 1998.— Вып. 3: XVII в., ч. 3: П—С. — С. 102—104.
[55] ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 14. — С. 116; *Садовский А.Я.* Указ. соч. — С. 7; Подвиг Нижегородского ополчения. — Т. 1. — С. 516.
[56] Нижний Новгород в XVII веке. — С. 25 (№ 1); РИБ. — СПб., 1898. — Т. 17. — Стб. 225, 245, 246. Сухоруковы упоминаются также во вкладной книге Печерского монастыря. См.: Чтения в Обществе истории и древностей российских. — М., 1898. — Кн. 1. — С. 4 (Материалы исторические).
[57] *Хачко А.Ю.* Как звали Минина (купчая 1602 г.) // Мининские чтения: материалы науч. конф. — Н. Новгород, 2003. — С. 7—11.
[58] Синодик Успенского собора // Отдел рукописей Государственного Исторического музея. — Усп. 65. — Л. 215 об.; Усп. 67. — Л. 141; *Садовский А.Я.* Указ. соч. — С. 13; *Филатов Н.Ф.* Подвиг во имя России. Козьма Минин и Дмитрий Михайлович Пожарский. — Н. Новгород, 1996. — С. 25; *Пудалов Б.М.* К биографии Кузьмы Минина. — С. 195.

[59] *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. — М., 1996. — Т. 6. — С. — 356—357.
[60] *Садовский А.Я.* Указ. соч.
[61] См., например: *Яковлев Н.[Н.], Прищепенко В.[Н.]* Исторические истоки. — М., 1989. — С. 136; Русское устное народное творчество: хрестоматия / [сост. В.П. Аникин]. — М., 2006. — С. 565; *Спицын Е.Ю.* Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. — М., 2016. — Кн. 1: Древняя и Средневековая Русь IX—XVII вв. — С. 314.
[62] Наименование «Козьма Минин-Сухорук» можно встретить и в современной литературе. См., например: *Глушкова В.Г.* Усадьбы Подмосковья: их история, владельцы, жители, архитектура. —М. 2006. — С. 168.
[63] *Клосс Б.М.* Избранные труды. — М., 1998. — Т. 1: Житие Сергия Радонежского. — С. 431.
[64] Московская деловая и бытовая письменность XVII века / изд. подготовили С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. — М., 1968. — С. 159.
[65] *Мельников П.И.* Исторические заметки. IV. О родственниках Козьмы Минина // Полное собрание сочинений. — Изд. 2-е. — СПб., 1909. — Т. 7. — С. 505.
[66] *Кирьянов И.А.* О Кузьме Минине: (новые материалы к биографии) // История СССР. — 1965. — № 1. — С. 144—146; *Кучкин В.А.* : 1) О роде Кузьмы Минина // Там же. — 1973. — № 2. — С. 209—211 ; 2) Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. — Н. Новгород, 2011. — С. 239—243; *Макарихин В.П.* День памяти гражданина Минина: науч.-метод. пособие. — Н. Новгород, 1999; *Карташова М.В.* : 1) Балахна — Минин — Нижегородское ополчение // Нижегородский музей. — Н. Новгород, 2006. — № 7/8. — С. 46—55 ; 2) О происхождении Кузьмы Минина // Российская история.— 2009. — № 4. — С. 202—204.
[67] *Голикова Н.Б.* : 1) Численность, состав и источники пополнения гостей в конце XVI — первой четверти XVIII в. // Русский город. — М., 1986. — Вып. 8. — С. 86—87 ; 2) Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. — М., 1998. — Т. 1. — С. 9—12, 363.
[68] *Ее же.* Привилегированные купеческие корпорации России ... — Т. 1. — С. 54—55, 61—62, 87, 256, 283, 311.
[69] См.: *Пудалов Б.М.* К биографии Кузьмы Минина. — С. 184—188; *Сироткин С.В.* «Братья» и сестры Кузьмы Минина: генеалогический этюд // Мининские чтения: труды участников междунар. науч. конф. Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского (24—25 окт. 2008 г.).— Н. Новгород, 2010. — С. 138—151; *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* Указ. соч. — С. 71—76; *Морохин А.В., Пудалов Б.М.* К биографии Кузьмы Минина // Российская история. — 2009. — № 4. — С. 204—206.
[70] *Чичагов Н.* Указ. соч. — С. 2—3.
[71] ПСРЛ. — Т. 34. — С. 217.
[72] *Шайдакова М.Я.* : 1) Нижегородские летописные памятники XVII в. — Н. Новгород, 2006. — С. 158 ; 2) Нижегородский летописец о Нижегородском ополчении 1612 г. // Мининские чтения. — Н. Новгород, 2007. — С. 180—181.
[73] Повесть о победах Московского государства / изд. подготовил Г.П. Енин. — Л., 1982. — С. 96—99.
[74] Там же. — С. 29—31, 34.
[75] Там же. — С. 29—30.
[76] *Клосс Б.М.* Избранные труды. — Т. 1. — С. 480.
[77] Сказание Авраамия Палицына. — М.; Л., 1955. — С. 219.
[78] *Сироткин С.В.* Один год из жизни Балахны: (по материалам приходо-расходных книг земских старост Балахны 1617/1618 года) // Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века: материалы Всерос. науч. конф., г. Балахна Нижегород. обл., 6—7 окт. 2011 г. — Н. Новгород, 2012. — С. 121—182.

[79] См.: История государственного управления в России: учебник для вузов. — М., 1997. — С. 81—83.
[80] *Булгаков М.Б.* Государственные службы посадских людей в XVII веке. — М., 2004. — С. 18.
[81] РИБ. — СПб., 1898. — Т. 17. — Стб. 283—284.
[82] *Булгаков М.Б.* Указ. соч. — С. 47—48.
[83] *Богоявленский С.К.* Московская Мещанская слобода в XVII в. // *Богоявленский С.К.* Научное наследие. О Москве XVII в. — М., 1980. — С. 94—100.
[84] РИБ. — СПб., 1875. — Т. 2. — Стб. 81 (№ 51).
[85] *Богоявленский С.К.* Указ. соч. — С. 162—163.
[86] Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. — Ярославль, 1913. — Стб. 4. — (Труды / Ярославская ученая архивная комиссия; кн. 6, вып. 3/4).
[87] ПСРЛ. — М., 2000.— Т. 5, вып. 2. — С. 267—268 (Псковская 3-я летопись).
[88] *Костомаров Н.И.* История Руси Великой: в 12 т. — Т. 8. — С. 421—422, 447.
[89] *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. «Прямые» и «кривые» в Смутное время. — СПб., 2005. — С. 40—41, 254—257.
[90] РИБ. — СПб., 1875. — Т. 2. — Стб. 1006—1012 (№ 234).
[91] *Воскобойникова Н.П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — нач. XVII вв. (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет) / под ред. Н.Ф. Демидовой. — М., 1999. — Вып. 3, [кн. 2]. — С. 13.
[92] Разрядная книга 1550—1636 гг. / сост. Л.Ф. Кузьмина. — М., 1976. —Т. 2, вып. 2. — С. 264.
[93] Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг. — М., 1910. — С. 151.
[94] Кузьма Минин. Дмитрий Пожарский. — С. 216.
[95] Акты исторические. — СПб., 1836. — Т. 3. — С. 6 (№ 4). — (Далее: АИ).
[96] Там же.
[97] Подвиг Нижегородского ополчения. — Т. 1. — С. 514.
[98] Дополнения к актам историческим. — СПб., 1857. — Т. 6. — С. 262 (№ 67).
[99] Подвиг Нижегородского ополчения. — Н. Новгород, 2011. — Т. 2. — С. 309 (Приложения. Прил. 1).
[100] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции ... — СПб., 1836. — Т. 2. — С. 357 (№ 203). — (Далее: ААЭ).
[101] ПСРЛ. — Т. 14. — С. 125—126.
[102] Подвиг Нижегородского ополчения. — Т. 2. — С. 580.
[103] Там же. — С. 585.
[104] ПСРЛ. — Т. 5, вып. 2. — С. 278 (свидетельство Псковской 3-й летописи по Архивскому 2-му списку).
[105] ААЭ. — Т. 2. — № 215; *Платонов С.Ф.* Социальный кризис Смутного времени. — С. 82.
[106] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб., 1864. — Т. 2. — Стб. 601—603; Подвиг Нижегородского ополчения. — Т. 2. — С. 314 (Приложения. Прил. 1).
[107] *Пудалов Б.М.* Минин Кузьма // Большая российская энциклопедия. — М., 2012. — Т. 20. — С. 373.
[108] Там же.
[109] Собрание государственных грамот и документов. — М., 1813. — Ч. I. — С. 616. — (Далее: СГГиД).
[110] Дворцовые разряды. — СПб., 1850. — Т. 1. — Стб. 100.
[111] *Козляков В.Н.* Указ. соч. — С. 173.
[112] Разрядная книга 1598—1638 гг. / сост. В.И. Буганов, Л.Ф. Кузьмина. — М., 1974. — С. 299.

[113] *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI—XVII вв. — М., 1962. — С. 125—133.
[114] См.: *Перхавко В.Б.* : 1) Федор Андронов: социальный взлет и падение простолюдина в Смутное время // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории: материалы XVII Всерос. науч.-теорет. конф., Москва, РУДН, 16—17 мая 2013 г. — М., 2013. — С. 508—515 ; 2) Антипод Кузьмы Минина // Вопросы истории. — 2015. — № 11. — С. 116—123.
[115] См.: *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. — Т. 1. — С. 80—81, 228—229, 237.
[116] ПСРЛ. — Т. 34. — С. 212, 216.
[117] См.: РИБ. — СПб.,1875. — Т. 2. — Стб. 259, 261, 264 (№ 95).
[118] ПСРЛ. — Т. 34. — С. 212, 216, 219.
[119] СГГиД. — М., 1822. — Ч. III. — С. 105—120 (№ 24).
[120] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. — М., 1961. — Кн. 5. — С. 36, 49.
[121] Нижний Новгород в XVII веке. — С. 42—43 (№ 11).
[122] АИ. — Т. 3. — С. 108 (№ 71). Перепечатано: Нижний Новгород в XVII веке. — С. 44 (№ 12).
[123] РИБ. — СПб., 1898. — Т. 17. — Стб. 44—45.
[124] Дворцовые разряды. — Т. 1. — Стб. 178.
[125] РИБ. — СПб., 1912. — Т. 28: Приходо-расходные книги московских приказов. Кн. 1. — Стб. 124.
[126] Акты Московского государства. — СПб., 1890. — Т. 1. — С. 139 (№ 108).
[127] *Бычков А.Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки. — [2-е изд.]. — СПб., 1882. — Ч. 1. — С. 240.
[128] Дворцовые разряды. — Т. 1. — Стб. 208.
[129] АИ. — Т. 3. — С. 116 (№ 83).
[130] См.: Вопросы истории. — 1966. — № 4. — С. 172 (Сообщение И.А. Кирьянова); *Филатов Н.Ф.* Указ. соч. — С. 25, фоторепродукция записи в синодике.
[131] *Плеханов Г.В.* К вопросу о роли личности в истории // *Плеханов Г.В.* Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. С.В. Тютюкин. — М., 2010. — С. 360.
[132] *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды: пер с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. — М., 1997. — С. 273, 276—279.
[133] *Сванидзе А.А.* Живые общности, общество и человек в средневековом мире Европы // Социальная идентичность средневекового человека. — М., 2007. — С. 294—301.

Н.И. Никитин

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ И ХАРАКТЕРЕ «КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙН» В РОССИИ (на примере движения Степана Разина)

В статье анализируется отражение разинского движения в русском фольклоре, публицистике и исторических исследованиях. Особое внимание уделяется историографии последних трех десятилетий. Рассматриваются вопросы о правомерности употребления понятия «крестьянские войны» по отношению к крупным народным восстаниям в России XVII—XVIII вв., об их характере и последствиях для социально-экономического развития страны. Автор приходит к заключению об исторической обусловленности и неизбежности для феодальной России восстаний, подобных движению Степана Разина, и дает свою оценку их исторической значимости.
Ключевые слова: разинского движения историография; восстание; крестьянская война; гражданская война; Разин и разинцы; историческое значение движения С. Разина.

N.I. Nikitin
About the historical value and character "Peasant wars" in Russia (for example Stepan Razin's movement)

In article reflection of the razinsky movement in the Russian folklore, journalism and historical researches is analyzed. The special attention is paid to a historiography of the last third decades. Questions of legitimacy of the use of the concept "peasant wars" in relation to large popular uprisings of Russia the XVII—XVIII centuries, about their character and consequences for social and economic development of the country are considered. The author comes to conclusion about historical conditionality and inevitability for feudal Russia of the revolts similar to Stepan Razin's movement and gives the assessment to their historical importance.
Keywords: historiography of Razin's movement; revolt; peasant war; civil war; Razin and razintsy; historical value of Stepan Razin's movement.

Как заметил один из ведущих исследователей движения Степана Разина В.М. Соловьев, «в русской истории, пожалуй, нет другого такого феномена, который бы столь долго был в центре внимания разных форм общественного сознания, начиная с науки, публицистики, художественной литературы и кончая драматургией, театром, изоб-

разительным искусством, кино»[1]. Но для нас будет логичнее вначале обратиться к отражению разинского движения в фольклоре — как более близком к нему и хронологически, и ментально, тем более что сам В.М. Соловьев и его постоянный в прошлом соавтор (и учитель) Е.В. Чистякова немало сделали для изучения этого вопроса.

Они, как и другие исследователи, относят возникновение «ядра разинского эпоса» к 1667—1671 гг., а его пополнение — к XVIII в. и отмечают, что этот эпос наделил Разина не только лучшими человеческими, но и нечеловеческими, сверхъестественными свойствами и качествами, что «в образе неустрашимого и неуязвимого Стеньки народ создал себе кумира», и обычно вспоминают в этой связи слова А.С. Пушкина, считавшего Разина «единственным поэтическим лицом русской истории»[2].

Нельзя, конечно, не заметить, что «песенный» Разин очень мало походит на Разина, известного нам по документальным источникам. Он чаще всего действует вместе с Ермаком (который тоже далек от реального Ермака), будучи у него «правой рукой», а также с Ильей Муромцем, который, в свою очередь, ходит у Разина «в есаулах»[3]. Из более чем 200 записанных песен о Разине некоторые показывают его как борца с угнетателями-боярами, что неудивительно: неприязнь к «боярам» («барам») и чиновникам постоянно жила в народе, и тот, кто их «побивал», лишь за одно это был народом любим. Однако абсолютно преобладающими в фольклоре являются совсем другие сюжеты и мотивы: Разин в глазах народа — это прежде всего удалой добрый молодец, вольный человек, жизнь которого сплошной праздник. Он, конечно же, казак, что тоже понятно, ибо народу было свойственно отождествлять «волю» именно с казацкой жизнью, но — казак отнюдь не «голутвенный»: в народных песнях Разин обычно предстает богато и нарядно одетым[4].

О впечатлении, производимом таким казаком на «низшие слои» русского общества, собственная жизнь которых «определялась непрерывною тяжелою работою», хорошо сказал еще С.М. Соловьев: «Среди этой однообразной и бедной во всех отношениях жизни является козак, богато, роскошно, ярко одетый, он звенит оружием, звенит деньгами, деньги ему нипочем, он гуляет, и вся жизнь его представляется как непрерывная гульба»[5]. Примечательно, что разинский фольклор был в гораздо большей степени распространен в Поволжье, чем на Дону, где вопрос о «воле» не стоял так остро, как в «мужичьих» областях, настоящую цену казачьей вольности хорошо знали, а память о *реальных* деяниях мятежного атамана еще долго была жива. А там, где «живьем» Разина не видело даже большинство участников разинского движения, где уделом абсолютного большинства были серые

будни, заполненные надсадным, изнурительным трудом, облик «удалого атамана» чаще всего и приобретал сказочные черты.

Как писал Н.Н. Фирсов, «в Разине олицетворился народный идеал физической и духовной мощи “вольного” человека». «Мрачные картины казацких зверств и насилий потускнели в народной памяти, но народ запомнил, как Разин с товарищами “попили, поели, поцарствовали”...»[6]. Тоска по «удалому житью» и буйной «воле», не знающей чиновничьих ограничений, еще долго будет приводить в ряды «борцов за народное дело» сотни и тысячи русских людей, и эти их стремления прекрасно понимали лидеры повстанческих движений. Так, Кондратий Булавин, принявший от Степана Разина «эстафету» борьбы «за волю», призывал в свои ряды и тех, «кто похочет с ним погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить...»[7].

* * *

В принципе мало чем отличались от фольклорных те оценки и характеристики, которые давали разинскому движению и его лидеру народнически и социал-демократически настроенные литераторы и публицисты XIX — начала XX в. Их представления о Разине и разинцах тоже далеко не всегда соответствовали историческим реалиям, были предельно романтизированы и привлекало их к фигуре Степана Тимофеевича главным образом «удалое житье атамана» и стремление разинцев (людей «с сильными и благородными натурами») искать «выхода из тесноты и духоты на простор, на приволье души». В этой среде, как отмечает В.М. Соловьев, был широко распространен своего рода культ Разина, рассматривавшегося как «ярчайший символ национального русского вольнолюбия»; ей были присущи максимализм и категоричность суждений, полемически упрощенное толкование событий, их нарочитое осовременивание и политизация, фактические неточности и ошибки[8].

Идеализация и романтизация образа Степана Разина доходила до того, что даже трагическая участь мифической персидской «княжны», брошенной в «набежавшую волну», и связанный с именем Разина «волжский утес» становились у просвещенной публики предметом любования, вдохновляя творческие натуры на создание поэтических и песенных шедевров, прославляющих мятежного атамана. Но, полагаю, дело здесь не только и даже не столько в росте революционных настроений в русском обществе того времени, как считали Е.А. Чистякова и В.М. Соловьев: ведь далеко не все из восхищавшихся Разиным писателей и художников симпатизировали революционерам (например, А.А. Навроцкий — автор стихотворе-

ния «Утес» — был вполне лояльным властям чиновником, дослужившимся до генеральского чина)[9]. Видимо, за «романтизацией» и «идеализацией» Разина стояло еще одно, высмеянное еще А.И. Солженицыным явление, а именно: пресыщенная, отвергающая «мещанские идеалы» и мучающаяся в поисках положительного героя творческая интеллигенция находит его, наконец, в «благородном разбойнике»[10].

...У профессиональных историков в отношении к Разину всё было гораздо серьезнее и сложнее. Консервативно и монархически настроенные авторы, естественно, рассматривали разинское выступление как бунт, мятеж, ничем не оправданный и требующий немедленного и беспощадного подавления. Впрочем, некоторые из них (например Д.И. Иловайский), исходя из лозунгов разинского движения, вроде бы всерьез полагали, что оно и в самом деле было направлено на установление союза царя с народом, на защиту самодержавия, которое еще не в силах было дать отпор злокозненным боярам, захватившим в стране реальную власть[11].

Либеральные историки, в целом также крайне отрицательно относившиеся к действиям разинцев, считали, тем не менее, своим долгом вскрыть и объективные причины народных возмущений, лежащие если уж не в сфере социально-экономических отношений, то, по крайней мере, в том, что позднее стало называться «социальной психологией». Так, С.М. Соловьев рассматривал разинское выступление как антигосударственное по своей направленности, объясняя его тем, что те силы, которые были представлены прежде всего казачеством, не терпели над собой никакой власти и стремились лишь к праздной и полной приключений жизни за счет грабежей либо «басурман», либо высших классов собственной страны.

Н.И. Костомаров попытался вскрыть социальные корни разинской смуты. Он считал, что «вся половина XVII века была подготовкой эпохи Стеньки Разина», и видел причины широкой народной поддержки казацкого выступления в ухудшении положения тяглого населения в связи с его дальнейшим закрепощением, усилением налогового гнета, произвола властей и т.п. Притом Костомаров не жалеет черной краски, описывая «злодеяния» повстанцев, а общую направленность разинского движения осуждает, так как, по его мнению, оно было бесперспективным, выражая стремлении народа к восстановлению в стране старых, «удельно-вечевых» порядков[12]. И в такой оценке Н.И. Костомаров не был одинок или оригинален: сходные точки зрения на характер разинского движения ранее встречались у В.Д. Сухорукова, А.Н. Попова, а позднее — у Е.Д. Сташевского и других дореволюционных историков...

Для Н.Н. Фирсова разинское выступление было «социологическим и психологическим явлением народной жизни», «одним из самых крупных и самых острых проявлений народной оппозиции тяжестям политического режима и социального быта в Московском государстве», а сам Разин «был сильным и ярким выразителем оппозиционного настроения народных масс»[13].

* * *

Ранняя советская (марксистская) историография, представленная работами историков «школы» М.Н. Покровского, отличалась не только крайней политизацией, но и доходящей до абсурда модернизацией проявлений «классовой борьбы» в России. Так, движение Разина называлось «ранней буржуазной революцией» (в более «академичном» варианте — «казацко-крестьянской революцией, буржуазной по своему характеру»), повстанцы отождествлялись с «красными», а правительственные войска — с «белыми» и т.д. А с 1934 г. в советской историографии для обозначения разинского движения надолго утвердился термин «крестьянская война» (впервые применительно к российской истории употребленный, правда, за 10 лет до того)[14].

Термин этот был заимствован советскими историками из работы Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» с вполне, как мне кажется, очевидной целью: крепче «привязать» российскую историю к мировой (в данном случае — европейской), чтобы доказать универсальность законов общественного развития, сформулированных классиками марксизма. При этом подчеркивалось важное обстоятельство: «крестьянская война присуща только определенному, относительно высокому этапу развития феодального общества и государства...»[15].

Тот факт, что главной движущей силой разинского движения были не крестьяне, а казаки, и что собственно крестьянское население подключилось к нему лишь на последнем его этапе, видимо, мало кого смущал: В.И. Ленин еще в 1919 г. назвал Степана Разина «представителем мятежного крестьянства»[16], после чего и все казачество в советской историографии стали рассматривать как «более организованный отряд крестьянства»[17]. Главным аргументом в подтверждение этого тезиса было указание на преимущественно крестьянское происхождение вольных казаков, что никак нельзя признать удачным: во-первых, массовый наплыв крестьян на «казачьи» реки произошел позднее разинского выступления — в самом конце XVII в. (а до этого, как показывают последние исследования, большинство казаков составляли выходцы из мелких служилых, гулящих и посадских людей[18]), а во-вторых, даже если бы абсолютно все казаки были в прошлом крестьянами, то, сменив образ жизни и соци-

альный статус, они уже резко отличались от крестьян и своей ментальностью, и своими интересами.

С середины 1930-х годов освещение разинского движения в советской историографии стало носить более объективный и взвешенный, более «академический» характер. Без догматизма, конечно же, не обходилось, но и в рамках «единой концепции» между исследователями происходил порой весьма оживленный обмен мнениями как по общим вопросам истории «крестьянских войн», так и по сугубо частным. Особенно богатым на дискуссии оказался период, начавшийся со второй половины 1950-х годов, ознаменовавшихся «хрущевской оттепелью». В 1960—1970-е годы историки вели споры о том, можно ли применительно к народным движениям XVII—XVIII вв. говорить об их идеологии или речь должна идти лишь о социальной психологии восставших, действовавших на уровне обыденного сознания, можно ли считать крестьянские войны принципиально новым этапом классовой борьбы и т.д.[19] Даже хронология крестьянских войн бывала предметом дискуссии (например, одни историки, как А.Г. Маньков, датировали «Вторую крестьянскую войну» 1667—1671 гг., другие, как И.В. Степанов, ограничивали ее 1670—1671 гг.). А чертой, объединяющей всех авторов, писавших тогда на эту тему, являлась идеализация повстанцев, в результате чего, например, ни сопровождавшие восстание банальные разбои, грабежи и «насильства», ни чудовищная жестокость Разина, ни его готовность привести на Русь ее злейших врагов (в том числе крымскую орду) не находили в работах советских историков адекватного отражения.

С началом «перестройки» ситуация на «историческом фронте» стала быстро меняться. Прежде всего были поставлены под сомнение правомерность определения массовых народных движений в России XVII—XVIII вв. (включая разинское) как крестьянских войн и идеологическая значимость самого факта их наличия в истории страны.

Как заявил в 1988 г. на одном из «круглых столов» в пику общепринятому в советской историографии мнению Н.И. Павленко, крестьянские войны являются не предметом гордости, а «едва ли не самым убедительным доказательством отсталости России, ибо несли на себе печать средневековья»[20]. Касаясь же разинского движения, Н.И. Павленко писал, что на первом этапе оно носило «преимущественно казачий характер» и лишь на втором этапе (с выходом в Среднее Поволжье) приобрело «характер крестьянской войны»[21].

Все более широкое распространение в нашей литературе стала получать точка зрения, согласно которой «крупные восстания в России XVII—XVIII вв. называются крестьянскими волнениями — и даже более того, крестьянскими войнами — по недоразумению», по-

скольку состав их участников был чрезвычайно пестрым[22]. Многие историки в этой связи стали у нас отдавать предпочтение термину «гражданская война», который, впрочем, в ограниченных пределах допускался в отечественной историографии и ранее, но либо в связке с «крестьянской войной», считавшейся разновидностью войны гражданской[23], либо применительно только к движению Болотникова и другим событиям «Смутного времени»[24]. В числе таких историков оказался и один из крупнейших исследователей «классовой борьбы» в России XVII—XVIII вв. В.И. Буганов, прямо назвав в одной из своих последних работ, вышедшей в 1995 г., разинское движение «второй гражданской войной»[25].

Другой весьма авторитетный специалист в этой области — В.М. Соловьев — для обозначения разинского движения допускает возможность употребления даже старого, дореволюционного термина — «бунт», но вместе с тем полагает, что столь же правомерно называть его и «восстанием», а на определенной стадии и «крестьянской войной», поскольку движение это было крайне сложным и противоречивым, включающим в себя и чисто казачье выступление против диктата государства, и признаки огромного народного восстания, и банальный разбой, и другие проявления социальной активности, неотделимые друг от друга и тесно между собой переплетенные, не ограничивающиеся сугубо классовыми рамками[26]. По мнению В.М. Соловьева, высказанному в 1991 г. и по сути совпадающему с приведенным выше мнением Н.И. Павленко, надо «не углубляться в дальнейшую дискуссию о том, можно или нельзя считать крупнейшие выступления российских крестьян XVII—XVIII вв. той или иной разновидностью войн гражданских, а задуматься над тем, что в любом случае эти события — вовсе не тема для бездумного воспевания, а трагическая страница российской истории»[27]. С этим трудно поспорить.

Еще один современный исследователь «социального протеста» в России XVII—XVIII вв. — О.Г. Усенко — считает наиболее разумным на сегодняшний день оставить термину «крестьянские войны» право на жизнь, поскольку он «прочно вошел в понятийный обиход отечественной исторической науки». Правда, из дальнейших разъяснений автора следует, что термином «крестьянская война» надо все-таки пользоваться осторожно, ибо он применим лишь к тем движениям, которые связаны с поддержкой самозванцев и «в которых большинство участников составляли земледельцы-общинники, не покидавшие своих мест», и, следовательно, «будет некорректно начинать вторую крестьянскую войну с выступления под предводительством В. Уса или персидского похода С. Разина». А ущербность понятия «гражданская война» в данной ситуации О.Г. Усенко видит в том, что ни

одно из движений, получивших у нас название «крестьянских войн», не охватывало всю территорию страны, не затрагивало все ее население, а в рядах повстанцев порой оказывались представители дворянства и чиновничества[28]. Но если подходить с такими критериями ко всем внутренним вооруженным конфликтам в нашей стране, то даже гражданскую войну 1918—1920 гг. придется лишить привычного наименования, хотя и оно давно и прочно вошло в «понятийный обиход» исторической науки, причем не только в России. Видимо, в своих суждениях исследователь не выходит за пределы XVII и XVIII вв.

Полагаю, однако, что вопрос этот не так сложен, как представляется авторам некоторых современных работ. Гражданские войны отличаются от «простых восстаний» не только масштабностью военных действий, но и глобальностью целей, ибо ведутся за захват власти в стране. А «крестьянскими» эти войны в России становились лишь на том этапе, когда большинство повстанцев начинали составлять крестьяне. Так что применительно к разинскому движению нам остается лишь согласиться с той его трактовкой, которая была дана Н.И. Павленко в 1988 г. (см. выше).

* * *

В последнее время наряду с предельно усложненными трактовками массовых народных движений в России XVII—XVIII вв. появляются и их предельно упрощенные характеристики, а иногда и «гибриды» тех и других. Так, авторы некоторых работ (немецкий историк Г.-Г. Нольте, наш — М.М. Сокольский) усматривают в «крестьянских войнах» всего лишь восстания окраин против центральной власти[29], видимо, не придавая значения тому «горючему материалу», который накапливался не только на окраинах, но и в центре страны, выливаясь и там в многочисленные выступления против властей как во время крестьянских войн, так и независимо от них (известно, что даже в Москве находились люди, готовые встречать Разина хлебом-солью). Другие исследователи (например В.Я. Мауль), не возражая против наименований движений Разина и Пугачева «крестьянскими войнами», рассматривают их как социокультурное и социопсихологическое явление, видят в них «народную альтернативу государственной модернизации» и вместе с тем — «выход сексуальной неудовлетворенности народа»[30]. Но это далеко не предел упрощений и схематизаций.

По мнению доктора философских наук, профессора П.Л. Карабущенко, «война разинцев с Москвой — миф, не выдерживающий никакой критики», ибо «на самом деле» цель их похода в 1670 г. была предельно проста: «принудить астраханских воевод вернуть персид-

скую добычу», отобранную у разинцев в 1669 г. Но поскольку ее разыскать не удалось, чтобы «как-то компенсировать моральный и материальный ущерб, понесенный при захвате Астрахани», разинцы пошли вверх по Волге, и «логика их рассуждений», по мнению П.Л. Карабущенко, тоже «была предельно проста и адекватна для того времени: раз нас ограбили астраханские воеводы, то мы должны вернуть отобранное, ограбив воевод и бояр Астраханского края. Началась война Дона с Астраханью, а не с Московией, как это пытается представить большинство историков. Только после разорения Астрахани Разин начинает искать идеологическое обоснование своим действиям и находит его в тезисе о дурных московских боярах...»[31].

Похоже, «речи» Разина и его казаков о целях похода на круге в Паншине в мае 1670 г. (то есть задолго до взятия Астрахани) для профессора Карабущенко остались неизвестными, а они однозначно свидетельствовали, что уже тогда разинцы, по словам очевидцев, намеревались «с Волги идти на Русь против государевых неприятелей и изменников», против «бояр и думных людей и в городех воевод и приказных людей», с тем, чтобы «изменников из Московского государства вывесть и чорным людем дать свободу»[32]. В целом, пассаж П.Л. Карабущенко представляет собой прекрасный сюжет для авантюрного, «пиратского» романа, но вот только базируется он на крайне зыбком основании: не существует никаких доказательств того, что в Астрахани у возвращавшегося из персидского похода казачьего войска были отобраны какие-то несметные сокровища. А без этого рушится вся хитроумная и по-своему логично выстроенная конструкция...

Как крайне упрощенные приходится рассматривать и те характеристики разинского восстания, которые в «перестроечные годы» давались с позиций банального морализма, не признающего герменевтических подходов к историческим событиям. Тогда в ходе тотальной «переоценки ценностей» стали обсуждаться и «нравственные аспекты классовой борьбы», и в полемике в качестве бесспорных истин широко использовались мнения дореволюционных историков, изображавших Разина как одну из самых зловещих фигур русской истории. Народные восстания XVII—XVIII вв. однозначно осуждались, поскольку «несли с собой смерть, кровь и ужас», «опрокидывали всякие общечеловеческие устои», а Степан Разин назывался «разбойником с большой дороги» или «просто бандитом» (такое мнение, в частности, «озвучила» известный литературный критик Л. Сараскина)[33]. А вот какая характеристика была дана ему вышеупомянутым профессором П.Л. Карабущенко: «Разин был патологическим пьяницей и садистом; однако весьма храбрым и достаточно внутренне организованным. Прирожденный лидер толпы,

он был тактиком, но не стратегом. Человеческая жизнь для него ничего не значила. Не ценил он и своей собственной. Единственный и несомненный плюс в биографии Разина... его мужественное поведение перед казнью и во время нее»[34].

Примечательно, что при обсуждении в Московском правительстве в 2002 г. предложения об установке памятного знака на месте предполагаемого захоронения останков Степана Разина (на нынешней территории парка им. Горького) инициативная группа получила решительный отказ. Но не из-за сомнений в правдивости записанного в XVIII в. сообщения об этом погребении, а потому что Разин являлся-де разрушителем государственных устоев, преступившим законы морали и нравственности, себялюбцем и авантюристом[35].

Вряд ли, однако, дело здесь только в смене господствующей в нашем обществе идеологии, в его переходе от признания примата «классовой борьбы» к утверждению примата «общечеловеческих ценностей». Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что в «перестроечные» и «постперестроечные» годы в нашей стране произошел колоссальный — в несколько раз — рост преступности (по числу убийств мы обогнали даже США)[36], и чудовищные преступления (к примеру кровавые события в станице Кущевской) стали подробно освещаться СМИ, невольно вызывая ассоциации с некоторыми деяниями того же Степана Разина «со товарищи», становившимися, в свою очередь, известными широкой публике во все большем объеме по мере ее ознакомления с трудами Н.И. Костомарова и других дореволюционных историков.

В такой обстановке романтический образ «благородного разбойника» — «защитника угнетенных» не мог избежать деформаций. Одно дело — наделять благородными помыслами и поступками преступника, жившего столетия назад, и совсем другое — иметь реальный шанс столкнуться с настоящим разбойником (бандитом) лицом к лицу... Потому-то и меркнет облик Степана Разина как всенародного любимца и борца за свободу — уж очень он бывает похож на физиономии, знакомые по кадрам уголовной хроники.

Однако сводить народные восстания к банальной уголовщине, а их лидеров отождествлять с бандитскими «паханами» — значит сильно погрешить против истины, и видные специалисты по истории разинского движения в последнее время пытаются донести до общественности более объективные оценки действий мятежного атамана, доказывая, что для его правдивого изображения (как и для изображения многих других персонажей российской истории) недостаточно лишь черно-белых тонов.

В.М. Соловьев, хоть по-прежнему и считает, что Степан Разин — «наш национальный герой и титан классовой борьбы», но вместе с тем

подчеркивает сложность его натуры: «Разин — это вовсе не ходячая добродетель, не христианский мученик, не поборник гуманизма. Он суров, жесток, непреклонен. И не к чему распространять на него чуждые ему качества личности. Он таков, каким был человек в его времена»[37].

Сходную оценку личности С. Разина дает и А.Н. Сахаров. Отвечая на «веяния времени», он пишет: «Конечно, Степан Разин не был той иконой, которую из него делала марксистско-ленинская советская историография и литературная традиция тех лет, но он не был и тем “разбойником” и “вором”, каким его рисовали старые российские историки и писатели». «Это был человек из народа и для народа. Каков был народ, таков был и вождь, и каким был вождь, таким был и народ»[38]. Трудно оспорить это мнение.

* * *

Особая струя в современной историографии разинского движения представлена работами активистов и идеологов «казачьего возрождения». Они делятся на три неравные группы. Меньшую составляют писатели и публицисты, ориентирующиеся в своих оценках и характеристиках на С.М. Соловьева и Н.И. Костомарова. Они считают, что «представлять Разина “борцом за свободу” нет оснований», и изображают его как главаря «банды», набранной из «всяких бродяг» и «волжской рвани», как «обычного пирата» и изувера, пролившего реки крови, а разинское войско именуют «сбродом», не представлявшем серьезной силы для правительственных войск[39].

Противоположная точка зрения представлена в современной казачьей литературе шире. Так, один из ее представителей, М.П. Астапенко, в соответствии с традициями революционно-демократической и советской историографии, дает явно романтизированную, идеализированную картину разинского движения и характеризует самого Разина как «могучую личность... высвеченную непреходящей народной любовью»[40].

Третье, набирающее в последнее время все большую силу ответвление «казачьей историографии» близко к отмеченной выше трактовке «крестьянских войн» как «восстания окраин», но базируется на дилетантских сочинениях донских «автономистов» и «сепаратистов» начала XX в. и на генетически связанной с ними эмигрантской литературе, квинтэссенция которой получила достаточно полное выражение в широко разошедшемся по нашей стране в «перестроечные годы» и кем только с тех пор не цитируемом «Казачьем словаре-справочнике», изданным в США еще в 1960-е годы. Суть положенных в основу этого издания идей российский историк Ю.Г. Недбай подметил абсолютно верно: «Вырвать казачество из контекста рос-

сийской истории, представить его неким особым, с древнейших времен независимым народом, который чуть ли не тысячу лет всеми силами помогал неблагодарной России, а она его не только не оценила, но продала и бросила в лихую годину»[41].

Статья «Казачьего словаря-справочника» о Степане Разине вполне вписывается в рамки этой «концепции». В пику советским историкам, Разин представлен не как «поводырь босяковатой российской голотьбы или восстающего крестьянства», а как «вождь широкого идеологического движения, возникшего в казачьей среде и имеющего основной целью борьбу за человеческую личность и, прежде всего, за человеческое достоинство казаков...». (Под «человеческим достоинством» в данном случае, видимо, следует понимать право казаков совершать вопреки запретам Москвы походы «за зипунами» и прочие грабежи.) Борьба эта однозначно трактуется авторами-составителями Словаря-справочника как «организация сил сопротивления растущему могуществу» Московского государства, в ходе которой Разин проявил себя «дерзающим и смелым военачальником». Документальные материалы, противоречащие столь светлому образу борца «за человеческое достоинство», конечно, не вызывают у авторов статьи доверия, ибо исходят из вражеского лагеря и потому «сильно искажают образ этого выдающегося казака», «борца за интересы Дона», главной целью которого «было ослабление могущественного соседа (России. — *Н.Н.*) и укрепление политических позиций независимой казачьей государственности»[42].

Известный казачий писатель Б.А. Алмазов также не доверяет тому, что сообщают о Разине «документы царства Московского» («это мнение о нем его врагов»). По мнению Б.А. Алмазова, «Разин — шекспировских масштабов личность», он «был горячим патриотом, и цели, которые ставил он, поднимая казаков, касались прежде всего жизни на Дону, это была война Дона с московской монархией за независимость...», и боролся Разин «за самостоятельность Старого поля или, во всяком случае, хотя бы за установление четких границ с царством Московским»[43]. Источники, которые могли бы подтвердить это умозаключение, конечно же, не указываются — по вполне понятной и естественной причине полного их отсутствия в природе.

В основном разделяя взгляды самодеятельных казачьих историков-эмигрантов на разинское движение, Б.А. Алмазов вместе с тем кое в чем с ними расходится. Как и они, он придерживается той точки зрения, что русские люди, уходившие на Дон в XVI—XVII вв., были вовсе не русскими, а представителями древнего «казачьего народа», эмигрировавшими на территорию Московского государства в XIV в. под натиском татар, а потом постепенно возвращавшимися в родные

края. Эта противоречащая всем историческим реалиям, попросту бредовая «концепция» чрезвычайно популярна у современных казачьих идеологов и встречается теперь даже в работах некоторых профессиональных историков (специализирующихся, правда, на «поздних» хронологических периодах[44]). Но если авторы-составители «Казачьего словаря-справочника» считают хлынувшую на Дон накануне разинского восстания голытьбу «тоже казаками», но только обедневшими из-за установившего в России режима жестокой эксплуатации[45], то Б.А. Алмазов утверждает (с той же, «нулевой» степенью обоснованности), что в это «возвращение из отступа» были вовлечены и русские «деклассированные элементы, все, кого исторгали города и деревенские общины». А поэтому он усматривает в поражении разинского движения и положительную сторону: Разин увел, «оттянул с Дона иногородних и новопришлых», практически поголовно вступивших в его войско, и тем самым восстановил на Дону «экономическое равновесие между числом населения и возможностями его содержания»[46].

Видный казачий активист В.Ф. Никитин тоже дословно воспроизводит в своей книге характеристику Разина, данную авторами «Казачьего словаря-справочника», и, подобно Б.А. Алмазову, утверждает, что «бунт Разина вызвало систематическое и многолетнее стремление московского правительства наложить свою властную руку» на Дон, но цели разинского выступления трактует более широко. По его мнению, «социально-политическая программа Степана Разина, защитника казачьих вольностей, была ясна и определенна: разрушить Московское царство и на его обломках создать грандиозную казачью республику»[47].

Такое намерение Разину порой приписывали и серьезные, профессиональные историки, правда, с оговорками о недостаточной четкости и определенности лозунгов движения[48]. Однако при этом за скобками и у них оставался вопрос: а была ли «программа» Разина осуществима вообще и в сложившихся в России в 70-х годах XVII в. условиях в частности?

* * *

Долгое время в нашей науке господствовало мнение о недопустимости «сослагательного наклонения» в исторических исследованиях, ибо историк должен-де изучать «что было», а не «что могло быть». Правда, определяя «историческое значение» некоторых событий для судеб страны и мира, исследователи «сослагательное наклонение» порой употребляли, но — лишь «про себя», ибо открытое его использование считалось некорректным. Однако с недавних пор эта грамматическая форма разрешена и историкам: их стало интересовать

не только *что, когда* и *где* произошло (для чего сослагательное наклонение, действительно, не нужно), но и *почему* произошло так, а не иначе, и нельзя ли было изменить ход тех или иных трагических событий, и что делать, чтобы они не повторялись в будущем. Появились понятия «многовариантность исторического процесса» и «точки бифуркации» (то есть исторические «развилки») — определенные моменты в истории, когда расклад политических сил в стране был таков, что давал реальный шанс направить ее развитие совсем не по тому пути, по которому она пошла в действительности[49]. Можно ли считать такой «точкой бифуркации» выступление Степана Разина?

В.М. Соловьев — один из немногих исследователей, допускающих возможность захвата власти в стране разинцами — если бы их войско, «упредив царские рати, не сворачивая и не мешкая, пошло через земледельческие районы с крестьянским населением на Москву»[50].

История, действительно, знает случаи, когда народные возмущения заканчиваются победой повстанцев (так, в частности, бывало в Китае)[51]. Однако применительно к России 70-х годов XVII в. такой вариант развития событий был невозможен в принципе. После выхода к Симбирску стало совершенно ясно, что переманить на свою сторону царскую армию Разину не удастся, а успешно противостоять ей в открытых (полевых) сражениях повстанцы явно не могли. Так что утверждение некоторых историков, что «крестьянская (гражданская) война в России 1667—1671 гг. до предела обострила противоречия общества и поставила вопрос о его существовании»[52], следует считать большим преувеличением потенциала разинского движения.

Но суть вопроса не в возможности победы Разина, а в том, привела бы она, эта победа, к кардинальным переменам в общественном устройстве России XVII в. Для ответа на этот вопрос не надо углубляться в историю дальних стран, знавших победоносные народные восстания: достаточно обратить взор на близкую Украину, где в 1648—1649 гг., то есть незадолго до разинского выступления, произошли события, в результате которых на все население было распространено казацкое устройство, и мы знаем, чем это закончилось — феодализацией казачьей старшины и ее быстрым превращением в помещиков. На такой финал «народно-освободительной войны» на Украине обратил внимание еще Н.И. Костомаров[53]. А начиная с 1960-х годов и многие советские историки стали все смелее высказываться в том плане, что в крестьянских войнах (включая разинское движение) борьба шла не за ликвидацию феодального строя (и установление строя буржуазного), а за более желательный для народа вариант той же феодальной системы. Сходного мнения теперь придерживаются и некоторые российские исследователи[54].

Но к истине в данном случае ближе были все-таки Н.И. Костомаров и его единомышленники, разглядевшие в разинском выступлении «старые, полуугасшие стихии вечевой вольницы». Советские историки-марксисты, конечно, отвергали такой взгляд на сущность «второй крестьянской войны», хотя его практически полностью разделял такой видный «марксист», как сам Карл Маркс, прочитавший и даже законспектировавший книгу Костомарова «Бунт Стеньки Разина»[55].

И в самом деле. В официальных документах разинское движение порой фигурировало как «казатчина», повстанцы независимо от социальной принадлежности назывались «казаками»[56], а в захваченных ими городах, как мы знаем, вводилось казачье самоуправление. Но превращались ли при этом их жители в казаков?

Л.Н. Гумилев полагает, что да, превращались, и, по его мнению, выполнение «политической программы» Разина («превращение всего населения в казаков»), «с этнологической точки зрения... привело бы к упрощению системы и вряд ли пошло бы на пользу России»[57]. Но это в корне ошибочное умозаключение: «показаченные» Разиным посадские люди или крестьяне в большинстве своем казаками не становились, ибо основным занятием их по-прежнему оставались ремесло и хлебопашество, а не «воинский промысел». Так что по сути правильнее было бы считать устанавливаемые разинцами формы самоуправления не казачьими, а «мирскими», общинными. В России XVII в. они, как убедительно показано исследованиями В.А. Александрова и Н.Н. Покровского, еще сохраняли сильные позиции, особенно на окраинах, и обычно существовали параллельно с официальными управленческими структурами[58]. Народные восстания выдвигали эти формы самоуправления на первый план, оттесняя или вовсе убирая государственные институты со всеми воеводами, дьяками, подьячими и прочими «приказными людьми».

Да, собственно, и вольные казачьи сообщества, как считает ряд исследователей, строились на своеобразном преломлении традиций все той же крестьянской (соседской) общины, генетически восходящей к дофеодальным, догосударственным социальным структурам[59]. То есть стадиально они представляли собой довольно архаичный тип общественного устройства, более всего напоминающий социальные институты периода так называемой военной демократии[60]. Так что борьбу разинцев за становление казачьих (общинных) порядков по всей стране, действительно, можно считать «антифеодальной», но — обращенной не в будущее (к капитализму), а в прошлое.

Как известно, Г.В. Плеханов, Н.А. Рожков и другие представители «меньшевистской историографии», тоже видевшие архаичность социальной природы казачьих сообществ, воплощавших вчераш-

ний, а не завтрашний день, делали вывод о реакционности разинского движения, как и всех народных выступлений, возглавляемых казаками, рассматривая их как «явление исторического регресса», как попытку отката назад[61].

Определенный резон в таких оценках, действительно, есть. Так, сколь ни была бы ненавистна разинцам воеводская власть, следует признать, что, несмотря на все связанные с нею злоупотребления и недостатки, она была совершенно необходима стране. Даже в Сибири, где в силу удаленности от центра всякого рода административные преступления достигали максимума, жители понимали необходимость воеводского управления и, бывая в Москве, говорили в «допросах», что «во всех сибирских городех без воевод... править никоими мерами невозможно»[62].

Замена на территории всей страны воеводской администрации на казачье (а по сути общинное, «мирское») самоуправление, и в самом деле, могло иметь крайне негативные последствия, и прежде всего — привести к неизбежной «атомизация» российского общества и распада единого государства на множество аморфных и недееспособных квазигосударственных образований. А они бы стали легкой добычей соседей или (в лучшем случае) восстановили бы на новой основе прежние структуры управления и феодализировались, как это было на Украине при Богдане Хмельницком. Кстати, в разинском движении такие тенденции явно прослеживались. Ведь мятежный атаман как должное принимал оказываемые ему воистину царские почести, а московским стрельцам говорил: «А я вам чем не боярин?..»

В то же время не надо забывать, что весь этот «негатив» является чисто гипотетическим, умозрительным, основанным на толковании *субъективных* намерений повстанцев. Между тем, лозунги любого восстания и их реальное воплощение в жизнь — «две большие разницы», в чем можно убедиться на примерах даже из новейшей истории. И абсолютно правы те исследователи, которые, как Б.Ф. Поршнев, отмечают, что устремления повстанцев обычно оказываются мельче и у́же *объективного* содержания их борьбы[63].

Каково же было объективное содержание и значение разинского и других, подобных ему движений?

История практически не знает событий и явлений, которые несли бы с собой что-то только позитивное или только негативное: и то, и другое в них обязательно присутствует, пусть и в разных соотношениях. Оценка народных восстаний нашей историографией затруднена еще и потому, что в нее слишком долго и слишком активно вмешивалась идеология. Советские историки, исходя из марксистского постулата о классовой борьбе, как главной движущей силе

исторического процесса, естественно, оценивали крестьянские войны как однозначно прогрессивное явление, которое «расшатывало феодальный строй» и приближало его крушение, но долгое время даже не пытались раскрыть механизмы разрушительного воздействия народных восстаний на устои феодально-крепостнической системы. С середины 1960-х годов этот вопрос неоднократно ставился (работами А.Л. Шапиро, Н.И. Павленко и др. исследователей), но убедительного решения до сих пор не получил.

На первый взгляд, после подавления народных выступлений феодально-крепостническая система действительно лишь укреплялась: физически устранялись ее наиболее активные противники, усиливались карательные меры и совершенствовалось законодательство, направленное на сохранение существующего строя и укрепление позиций государства на местах, и т.д. Но напомню банальные истины: когда страсти, вызванные бунтами, затихают, правящая элита начинает в той или иной степени осознавать, что слишком давить на народ и «перегибать палку эксплуатации» нельзя, ибо это чревато новыми взрывами, а потому умеряет свои аппетиты и порой прямо рекомендует местным властям, чтобы их направленные на получение прибыли «дела» были «стоятельны и людям не в тягость и к разорению...». Тем самым предотвращается полное обнищание тяглых слоев и сохраняется экономический потенциал страны, то есть та база, которая в конечном итоге обеспечивает существование государства и его элиты со всеми ее социальными и культурными запросами, до тех, правда, пор, пока запросы эти вновь не начинают превышать разумные и допустимые для экономики страны пределы и не корректируются либо мудрой государственной политикой, либо новыми народными выступлениями.

Конечно, жизнь всегда сложнее подобных схем, и, например, у «государственных мужей» России долгое время плохо получалось предотвращение социальных потрясений, разрушающих экономический потенциал страны. Поэтому в XVII в. ничего, кроме народных восстаний, и не могло эффективно противодействовать близорукой алчности или некомпетентности правящей элиты. Вспомним, что именно «Соляной бунт» в Москве в 1648 г. ускорил начало посадской реформы и только «Медный бунт» 1662 г. заставил власти пойти на свертывание пагубных для страны и чрезвычайно непопулярных реформ, стремительно ухудшавших положение народа.

В XVII в. обуздать своекорыстие представителей господствующего класса другими, «цивилизованными» методами, как это стало возможно два века спустя, при отмене крепостного права, было вряд ли возможно: гуманистические идеи тогда еще не проникли сколько-нибудь глубоко в русское общество, да и экономическая мысль находилась в

зачаточном состоянии. Но ведь даже в середине XIX в. в качестве одной из названных самим императором причин «великой реформы» явилось стремление уничтожить крепостное право «сверху», «нежели ждать того времени, когда оно начнет само собою уничтожаться снизу»[64]. То есть и тогда над правящей элитой витал призрак крестьянской войны. Таким образом, мы можем заключить, что «положительные последствия» у народных восстаний, безусловно, имелись, но проявлялись они далеко не сразу и весьма опосредованно...

В XVII в. народные восстания, порой перерастающие в гражданские (в том числе «крестьянские») войны, в России были исторически обусловлены и потому неизбежны, так что любое их осуждение или, напротив, восхваление будут сродни высказываниям по поводу установившейся погоды. Вместе с тем, даже признавая их явлением «в целом положительным», надо отдавать себе отчет в том, что в ту эпоху, когда в обществе еще не созрели предпосылки для перехода от феодализма к капитализму, антифеодальные вооруженные выступления можно считать «прогрессивными» лишь в тех случаях, если они, достигнув определенных успехов и напугав как следует правящие круги... терпят поражение. Ибо захват повстанцами власти в стране, не готовой к буржуазному этапу исторического развития, отбросит ее далеко назад — по меньшей мере, на то время, пока новая власть сама не феодализируется. (Не являются ли поэтому одной из причин многовекового застоя средневекового Китая часто происходившие там мощные и порой победоносные народные восстания?) Такова была в ту «мрачную эпоху» диалектика, суровая логика социальной борьбы, которая находилась в полном соответствии и с историческими реалиями России XVII в.

[1] *Соловьев В.М.* Отечественная историческая мысль о разинском восстании: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. — М., 1995. — С. 4.

[2] См.: *Чистякова Е.В., Соловьев В.М.* Степан Разин и его соратники. — М.: Мысль, 1988. — С. 78—79; *Соловьев В.М.* Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. — М.: Изд-во УДН, 1991. — С. 26—27.

[3] См.: *Чистякова Е.В., Соловьев В.М.* Указ. соч. — С. 77—79; *Соловьев В.М.* Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. — С. 27—28.

[4] *Фирсов Н.Н.* Разиновщина, как социологическое и психологическое явление народной жизни. — 4-е изд. — М.: Гос. изд-во, 1920. — С. 43; *Усенко О.Г.* Психология социального протеста в России XVII—XVIII веков. — Тверь, 1995. — Ч. 2. — С. 43, 45.

[5] *Соловьев С.М.* Сочинения. — М.: Мысль, 1991. — Кн. 6. — С. 285.

[6] *Фирсов Н.Н.* Указ. соч. — С. 53.

[7] См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. — М.: Мысль, 1993. — Кн. 8. — С. 174.

[8] *Соловьев В.М.* Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. — С. 34, 52—53, 67.

[9] См.: *Чистякова Е.В., Соловьев В.М.* Указ. соч. — С. 86—89.
[10] *Солженицын А.И.* Малое собрание сочинений. — М.: ИНКОМ НВ, 1991. — Т. 6. — С. 265.
[11] См.: *Соловьев В.М.* Отечественная историческая мысль о разинском восстании. — С. 28—29.
[12] См.*: Костомаров Н.И.* Автобиография; Бунт Стеньки Разина. — Київ: Наукова думка, 1992. — С. 330—336; *Соловьев В.М.* Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. — С. 57, 60—62.
[13] *Фирсов Н.Н.* Указ. соч. — С. 5, 34.
[14] *Соловьев В.М.* Отечественная историческая мысль о разинском восстании. — С. 35, 37—39.
[15] Об особенностях крестьянских войн в России / В.В. Мавродин, И.З. Кадсон, Н.И. Сергеева, Т.П. Ржаникова // Вопросы истории. — 1956. — № 2. — С. 69.
[16] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 326.
[17] См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. — М.: Изд-во Акад. наук, 1954. — Т. 1. — С. 6.
[18] См.: Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 188, 198.
[19] См.: Переход от феодализма к капитализму в России: материалы Всесоюз. дискуссии. — М.: Наука, 1969. — С. 33; *Соловьев В.М.* Отечественная историческая мысль о разинском восстании. — С. 45—46.
[20] Вопросы истории. — 1988. — № 3. — С. 20.
[21] *Павленко Н.И.* К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России: сб. ст. к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. — М., 1986. — С. 65.
[22] *Нольте Г.-Г.* Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. — 1994. — № 11. — С. 36.
[23] См.: *Черепнин Л.В.* Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв.: (к теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. — М., 1974. — С. 10; *Мавродин В.В.* По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России // Там же. — С. 40.
[24] *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. — М.: Мысль, 1990.
[25] *Буганов В.И.* Разин и разинцы. — М.: Наука, 1995. — С. 3.
[26] *Соловьев В.М.* Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. — М.: ТИМР, 1994.
[27] *Его же.* Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. — С. 107.
[28] *Усенко О.Г.* Психология социального протеста в России XVII—XVIII веков. — Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1997. — Ч. 3. — С. 74, 75, 77, 80—81.
[29] *Сокольский М.М.* Неверная память. Герои и антигерои России. — М.: Моск. рабочий, 1990. — С. 350—351; *Нольте Г.-Г.* Указ. соч. — С. 31—38.
[30] *Мауль В.Я.* : 1) Социальная психология участников народных движений в России в XVII—XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Томск, 1996. — С. 5—6 ; 2) Социокультурное пространство русского бунта: (по материалам Пугачевского восстания): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. — Томск, 2005. — С. 13, 39—40.
[31] *Карабущенко П.Л.* Астраханское царство. — Астрахань: Астраханский ун-т, 2009. — С. 218, 220.
[32] Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. — Т. 1. — С. 135.
[33] См.: *Соловьев В.М.* : 1) Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. — С. 147 ; 2) Отечественная историческая мысль о разинском восстании. — С. 49.

[34] *Карабущенко П.Л.* Указ. соч. — С. 213.
[35] См.: *Сахаров А.Н.* Степан Разин. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Мол. гвардия, 2010. — С. 275.
[36] См.: *Никитин Н.И.* Российская государственность и некоторые особенности российского менталитета // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: материалы Междунар. науч. конф. — М., 2013. — С. 310—311.
[37] *Соловьев В.М.* Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. — С. 144—145.
[38] *Сахаров А.Н.* Указ. соч. — С. 276.
[39] *Шамбаров В.Е.* Казачество: путь воинов Христовых. — М.: Алгоритм, 2009. — С. 188—196.
[40] *Астапенко М.П.* Степан Разин: ист. повествование. — Ростов н/Д: Странник, 2008. — С. 431.
[41] *Недбай Ю.Г.* История Сибирского казачьего войска (1725—1861 гг.) / М-во образования Рос. Федерации, Ом. гос. пед. ун-т. — Омск, 2001. — Т. 1. — С. 11.
[42] Казачий словарь-справочник / сост. Г.В. Губарев; ред.-изд. А.И. Скрылов. — Репр. воспроизведение изд.: Сан Ансельмо, Калифорния, США, 1969. — М.: ТО «Созидание», 1992. — Т. 3. — С. 13, 17—18.
[43] *Алмазов Б.А.* Мы казачьего рода. — Хельсинки: RME Group Oy, 2008. — Кн. 1: Очерки истории казаков. —С. 368, 373, 377, 393.
[44] См., например: *Плеханов А.А., Плеханов А.М.* Казачество на рубежах отечества. — [М.]: Кучково поле, 2007. — С. 182—183.
[45] Казачий словарь-справочник. — Т. 3. — С. 13—14.
[46] *Алмазов Б.А.* Указ. соч. — С. 377, 381.
[47] *Никитин В.Ф.* Казачество. Нация или сословие? — М., 2007. — С. 225.
[48] *Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. — М.: Наука, 1976. — С. 101—104; *Чистякова Е.В., Соловьев В.М.* Указ. соч. — С. 54.
[49] См.: *Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.* Выбирая свою историю: «развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. — М.: КоЛибри, 2006. — С. 11.
[50] *Соловьев В.М.* Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. — С. 99.
[51] Там же. — С. 98.
[52] *Кузнецова Е.А.* Народное движение в Волго-Окском районе в период крестьянской войны под предводительством Степана Разина в 1670—1671 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Пенза, 1996. — С. 1.
[53] *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М.: РИПОЛ-классик, 2001. — Т. 3. — С. 84.
[54] См.: Переход от феодализма к капитализму в России: материалы Всесоюз. дискуссии. — С. 33; *Соловьев В.М.* Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. — С. 87; *Усенко О.Г.* Указ. соч. — Ч. 3. — С. 76; *Санин Г.А.* О термине «воссоединение Украины с Россией» // Национальный вопрос в истории России. — М., 2015. — С. 28—29.
[55] См.: Молодая гвардия. — 1926. — Кн. 1. — С. 107—109; *Соловьев В.М.* Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. — С. 61—62.
[56] История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. — М.: Наука, 1993. — Т. 3. — С. 199; *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI—XVIII). — 2-е изд. — СПб.: Ист. иллюстрация, 2002. — С. 210.
[57] *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. — М.: АСТ: Хранитель, [2007]. — С. 248.
[58] См.: *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991.
[59] *Назаров В.Д.* О некоторых особенностях крестьянской войны начала XVII в. в России // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. — М., 1972. — С. 122; *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (середина XVI — начало XX в.). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. — С. 229*; Милов Л.В.* О причинах возникновения кре-

постничества в России // История СССР. — 1985. — № 3. — С. 200; *Данилова Л.В.* Природа социально-классовых антагонизмов при феодализме // Социальная структура и классовая борьба в России XVI—XVIII вв. — М., 1988. — С. 17.

[60] См.: *Никитин Н.И.* : 1) О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР. — 1986. — № 4. — С. 174—176 ; 2) О формационной природе ранних казачьих сообществ: (к постановке вопроса) // Феодализм в России: сб. ст. и воспоминаний, посвящ. памяти акад. Л.В. Черепнина. — М., 1987. — С. 236—245 ; 3) О традициях казачьего и общинного самоуправления в России XVII в. // Известия Сибирского отделения РАН. История, филология и философия. — 1992. — Вып. 3. — С. 6—7 ; 4) Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесословных и внеклассовых социальных слоев XVI—XVII вв. // Сословия и государственная власть в России, XV — середина XIX вв.: Междунар. конф. Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. — М., 1994. — Ч. 2. — С. 4—8.

[61] См.: Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1971. — С. 434—435; *Соловьев В.М.* : 1) Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. С. 70 ; 2) Отечественная историческая мысль о разинском восстании. — С. 32—33, 36.

[62] См.: *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). — Екатеринбург: Муниципп. учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998. — С. 146—147.

[63] *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. — М.: Наука, 1964. — С. 308; *Соловьев В.М.* Современники и потомки о восстании С.Т. Разина. — С. 105.

[64] История России с начала XVIII до конца XIX века. — М.: АСТ, 1996. — С. 388.

Н.А. Араловец

СЕМЬЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Автор изучает особенности брачно-семейных отношений городского населения на рубеже XX—XXI вв. Рассматривает изменение семейных ценностей, показывает сочетание современных и традиционных ценностных установок, их влияние на брак, семью, характер внутрисемейных отношений. Уделяет внимание исследованию семей неполных, материнских, фактических, основанных на незарегистрированных в органах ЗАГС браках, увеличению числа одиноких мужчин и женщин. Анализируются разводы, рождаемость, в том числе внебрачная, а также смертность городских жителей, их влияние на распространение неполных и материнских семей.
Ключевые слова: городское население; брак; семья; ценности; неполные семьи; разводы; смертность; материнские семьи; рождаемость; внебрачная рождаемость; внутрисемейные отношения; кризис семьи.

N.A. Aralovets
The family of the urban population of Russia on the boundary XX—XXI: traditions and innovations

The author studies the special features of the marriage-family relations of urban population on the boundary XX—XXI. The change of the family values is examined, the combination of contemporary and traditional value installations, its influence on the marriage, family, nature of intra-family relations is showed. The attention is paid a study of the families of incomplete, maternal, actual, based on those not registered in the organs ZAGS marriages, to an increase in the number of lonely men and women. The divorces, birth rate, including extramarital, and also the mortality of urban inhabitants, its influence on the propagation of incomplete and maternal families are analyzed.
Keywords: urban population; marriage; family; value; incomplete families; divorces; mortality; maternal families; birth rate; extramarital birth rate; intra-family relations; crisis of family.

Брачно-семейные отношения городского населения России в конце XX — начале XXI в., особенности их развития тесно связаны с социальной нестабильностью, низким уровнем жизни большинства населения, острой социальной дифференциацией, безработицей. Проведенные исследования уровня жизни городского населения в Санкт-Петербурге и Вязниках (Владимирская область) показали, что в 1992 г. не могли себе позволить мясные или рыбные блюда хотя бы раз в неделю 25% всех семей в Санкт-Петербурге и 34% в Вязниках; отсутствовали деньги на жизненно важные лекарства — соот-

ветственно 23% и 24%; в случае отсутствия бесплатной медицинской помощи не смогли воспользоваться услугами платных врачей — 23% и 28%[1]. Эти явления оказывают заметное влияние на брачно-семейные отношения.

Семейные ценности городского населения традиционно основывались на взаимной любви и уважении, добровольности вступления в брак и равенстве прав супругов[2]. Вместе с тем, исследования, проведенные в 1991 г., показали, что российские мужчины и женщины придерживались более традиционных ценностей, чем респонденты Западной и Восточной Германии, а также Польши и Венгрии. Российские респонденты различали семью и брак, любовь и свободу, считали их разными ценностями, далеко не всегда соединяемыми в жизни. Респонденты из Западной и Восточной Германии, Польши и Венгрии, наоборот, считали, что любовь наиболее важная ценность в жизни человека и в брачно-семейных отношениях[3].

В рассматриваемый период в России отмечается дальнейшая трансформация семейных ценностей. Это проявляется намного заметнее у жителей наиболее крупных городских агломераций, где быстрее осуществляется изменение принятых в обществе нормативных представлений о браке и семье, формирование брачно-семейных ценностей, основанных на понимании сложности, нестандартности возникающих ситуаций и жизненных обстоятельств. У сельских жителей семейные ценности в целом имеют более консервативный характер.

Заметную роль играет стремление супругов, прежде всего, к морально-психологическому комфорту в брачно-семейных отношениях. Данные социологических обследований москвичей, проведенные в 1995 г., свидетельствовали о том, что факторы стабильности семьи были связаны с желанием супругов сохранить равные, доверительные и открытые отношения, с возможностью принятия взаимоприемлемых решений в сложных психологических ситуациях, то есть связаны с современными эгалитарными ценностями.

Развитие современных эгалитарных ценностей ярко проявляется у женщин. Наиболее активные современные женщины считают, что главным для них является не только супружество и материнство, а реализация своих знаний, способностей и профессиональных навыков. Такие женщины стремятся к самостоятельности, экономической независимости, к равному партнерству с мужчинами. Брачно-семейные ценности у мужчин значительно консервативнее, чем у женщин[4].

В этот период получают все большее распространение ценности индивидуализма. Из данных проведенных исследований видно, что в жизни женщин возросла ценность любимых занятий в свободное время: в 1990 г. 67% опрошенных женщин считали возможность за-

ниматься любимыми занятиями слагаемым счастья, в 1994 г. — 82%. Из данных опроса замужних женщин с детьми, проведенного в рамках обследования «Россия-1999 г.», видно, что считали семью наиболее уязвимое местом в личной судьбе 53,7% от числа опрошенных женщин, тормозом для личных успехов — 12,0%[5].

Супруги стремятся к удовлетворенности браком. Данные обследований 1990-х годов показали существующую взаимосвязанность между сексуальной удовлетворенностью супругов и общей их удовлетворенностью браком. Все это говорит о том, насколько глубоко затронул население России процесс изменения традиционных взглядов на верность в супружестве, способствуя увеличению в обществе внебрачных сексуальных связей. Изменение традиционных взглядов характерно и для мужчин, и для женщин, что свидетельствует о выравнивании принятых в обществе стандартов поведения, в том числе сексуального[6].

Приоритетными, особенно у городских жителей, становятся внесемейные ценности.

Значительно изменились, как отмечалось, ценностные установки российских *женщин*. Их изучение свидетельствует о повышении значения профессиональной карьеры: в 1990 г. 24% опрошенных женщин свои представления о счастливой жизни связывали с карьерным продвижением, а в 1994 г. — 47%. Женщины пересматривают взгляды на ценности традиционного вступления в брак в молодом возрасте (25 лет) и рождения ребенка[7].

Распространение ценностей индивидуализма, а также внесемейных установок обусловили такое явление, как сознательное одиночество, то есть сознательный отказ от вступления в брак и создания семьи. Из данных социологических обследований, проведенных в 1990-е годы, виден сознательный отказ некоторых горожан активных брачных и репродуктивных возрастов от вступления в брак и создания семьи из-за карьерных устремлений, профессиональной деятельности, желания иметь спокойную и благополучную жизнь. Отказ от вступления в брак в этих возрастах также мог определяться низким материальным уровнем[8]. Однако в России установки городского населения, в том числе молодежи, на безбрачие и бездетность не получили широкого распространения[9].

Вместе с тем потребность в семейных ценностях у городских жителей остается значительной. Большинство населения России брак, семью, детей считает основными ценностями в жизни человека. Массовые опросы населения свидетельствуют о том, что семья сохраняет первое место в иерархии жизненных ценностей. Проведенные в 1995 г. обследования (под руководством З.А. Янковой) в Цент-

ральном округе Москвы выявили преобладание среди опрошенных семейных ценностей и семейного образа жизни. Эти ценностные установки поддерживали 58% опрошенных москвичей. За совмещение семейного и внесемейного образа жизни высказались 37%. Отвергали семью, семейный образ жизни 5% москвичей. Обследования также показали возрастание, особенно у женщин, роли семейных ценностей. Широко распространены они и среди молодежи[10]. О сохранении семейных ценностей также свидетельствует численное преобладание в городах России, по данным переписей населения 2002 и 2010 гг., зарегистрированных в органах ЗАГС браков.

В современном российском обществе происходит резкая социальная дифференциация. Данные статистики свидетельствуют о высоком проценте в России бедного населения. В 2000 г. доля бедных, проживающих в городах, составляла 68% (от общей численности бедного населения), в селах — 32%; в 2006 г. — соответственно 61% и 39%[11]. В России также появились группы населения, имеющие в собственности недвижимость, в том числе крупную, и капитал. Социальная дифференциация российского общества обусловила возрастание у молодежи ценностей прагматизма и рационализма. Об этом явлении свидетельствуют обследования 1999 г., проведенные в российских городах. Среди населения в возрастах до 30 лет прагматиков было 19,7%, старше 30 лет — 25,1%[12].

Юноши и девушки стремятся к правовому регулированию имущественных прав и обязанностей в браке, а также, в случае его расторжения, составляют брачный договор[13]. Это явление тоже благоприятствует регистрации брачных союзов.

Вместе с тем в Российской Федерации, в том числе в городах, усиливается влияние традиционных ценностей. Это особенно характерно для наиболее материально обеспеченных семей, а также семей в национальных регионах России[14].

Важно отметить, что в современных условиях увеличилось число верующего населения. По данным Аналитического центра Юрия Левады, в 2003 г. среди опрошенного населения России отнесли себя к православным — 61%, к неверующим — 31%. Данные исследований 2003 г., проведенных в Саратове, Пскове, Смоленске, показали, что 92% от общего числа респондентов были по крещению православными, 26% опрошенных — неверующими. Численный рост в городах и селах России верующих, в том числе среди молодежи, также способствует повышению в российском обществе роли традиционных ценностей брака и семьи[15].

Повышается роль обычаев и традиций при вступлении в брак. Это явление находит отражение в консенсуальных браках, основан-

ных на обычае, традиции, взаимном согласии. В Северо-Кавказском регионе, в том числе в городах, наряду с моногамными распространены полигамные брачные союзы. Таким образом, российское население тяготеет как к современным эгалитарным, так и к традиционным ценностям. Такое сочетание нередко обусловливает конфликт ценностей.

По новому Семейному кодексу 1995 г. *вступление в брак* традиционно разрешается с возраста 18 лет. При наличии уважительных причин вступление в брак разрешается и в возрасте 16 лет[16].

Однако со второй половины 1990-х годов снижается возраст вступления в брак у мужчин и женщин в ранних возрастах до 18 лет и в активных брачных возрастных группах 18—24 года, а возраст вступления в брак в возрастах 25 лет и старше повышается. В 1990 г. при регистрации первого брака, заключенного в возрасте до 50 лет, средний возраст вступления в брак мужчин был 24,0 года, женщин — 21,9 года, в 2008 г. — соответственно 26,6 и 23,7 года. Постарение возраста вступления в брак исследователи связывают с распространением в России фактических незарегистрированных в органах ЗАГС браков. Важно отметить, что повышение возраста вступления в первый брак характерно и для развитых, и для развивающихся стран[17].

Городские жители, как видно из данных переписи населения 2002 г., в основном *регистрировали браки*. В 2002 г. на 1000 человек населения (мужчины и женщины в возрасте 16 лет и более, включая лиц до 16 лет, указавших состояние в браке) было 509 состоявших в зарегистрированном браке, в незарегистрированном — 50, в 2010 г. — соответственно 494 и 72. Однако за межпереписной период число зарегистрированных браков сократилось и увеличилось число незарегистрированных браков.

Доля горожан, не состоящих в браке к возрасту окончательного безбрачия 45—49 лет, в целом небольшая, в то же время она повышается (в %): в 2002 г. у мужчин — 4,5, у женщин — 4,9; в 2010 г. — 5,2 и 5,5. Данное явление характерно для населения России в целом (в %): в 2002 г. — соответственно 5,4 и 4,6. Для сравнения отметим, что в 1989 г. доля никогда не вступавших в брак к возрасту 45—49 лет по России в целом составляла у мужчин 3,7%, у женщин — 3,5%. Из приведенных данных видно, что с 1989 по 2002 г. доля российских мужчин в возрасте окончательного безбрачия повысилась почти на 46%, женщин — на 31%. В 2010 г. доля российских мужчин и женщин, не состоявших в браке к возрасту окончательного безбрачия 45—49 лет, повысилась (%): у мужчин — 6,1, у женщин — 5,1[18].

Важно также отметить, что в 2002 г. численность городских мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке, вдовых и разведен-

ных составляла — 427 (на 1000 человек населения, указавших состояния в браке, было зафиксировано никогда не состоявших в браке — 216, вдовых — 108, разошедшихся — 103). Однако в 2010 г. повысилась численность разведенного и разошедшегося, а также вдового населения, понизилась численность никогда не состоявшего в браке — соответственно 434 (210, 115, 109)[19]. Таким образом, вне брака остается значительное число мужчин и женщин.

Данные по состоянию в браке у народов России за межпереписной период свидетельствуют об увеличение числа *состоящих в браке мужчин* (на 1000 человек населения, указавших состояния в браке): у русских было зафиксировано состоящих в браке в 2002 г. — 626, в 2010 г. — 630, украинцев (соответственно 767 и 778), чеченцев (617 и 626), аварцев (611 и 628), даргинцев (646 и 650), удмуртов (680 и 694), белорусов (765 и 772), кумыков (636 и 659), лезгин (604 и 660), бурят (551 и 586), ингушей (495 и 560). Повысилось число *женщин, состоящих в браке*: у чеченок (соответственно 545 и 567), аварок (561 и 573), кумычек (578 и 599), лезгинок (614 и 622), буряток (498 и 501), ингушек (450 и 465).

Повысилось число *никогда не состоявших в браке мужчин*: у татар (252 и 258), башкир (277 и 280), чувашей (248 и 255), армян (247 и 263), мордовцев (170 и 191), казахов (301 и 311), азербайджанцев (242 и 254), осетин (333 и 344); *женщин*: у армянок (191 и 208), мордовок (121 и 130), азербайджанок (167 и 205), даргинок (221 и 225), осетинок (244 и 248).

Число разведенных и разошедшихся мужчин возросло: у башкир (59 и 64), чувашей (54 и 58), чеченцев (31 и 44), мордовцев (60 и 65), казахов (44 и 49), даргинцев (22 и 26), марийцев (46 и 51), осетин (50 и 54), якутов (44 и 50), бурят (44 и 49); *женщин:* у русских (117 и 127), татарок (93 и 99), украинок (117 и 124), башкирок (80 и 87), чувашек (74 и 78), чеченок (67 и 80), мордовок (77 и 83), казашек (63 и 74), азербайджанок (49 и 53), даргинок (56 и 61), удмурток (61 и 66), мариек (62 и 67), осетинок (85 и 89), белорусок (113 и 119), якуток (65 и 74), лезгинок (53 и 59), буряток (64 и 71).

Наибольшее число *вдовых мужчин* было: среди украинцев (46 и 56), башкир (28 и 33), белорусов (50 и 60), лезгин (15 и 21), бурят (27 и 31), ингушей (18 и 25); *женщин:* среди татарок (173 и 183), украинок (202 и 242), башкирок (166 и 174), чувашек (185 и 199), мордовок (238 и 251), азербайджанок (53 и 62), удмурток (194 и 211), мариек (170 и 180), белорусок (225 и 276), ингушек (114 и 127)[20].

Распространение, особенно в городах, фактических нерегистрируемых браков способствовало понижению показателей регистрируемой брачности в 1990-е и в конце 2000-х годов. Это снижение

особенно было заметно при сопоставлении с аналогичными показателями 1970-х и 1980-х годов. На 1000 человек населения было браков: в 1970 г. — 11,3, в 1980 г. — 10,6, 1990 г. — 9,1, 1991 г. — 8,7, 1992 г. — 7,2, 1995 г. — 7,6. В 1996 г. коэффициент брачности снизился до 6,2‰[21].

Данные специально проведенных обследований свидетельствуют о том, что в 1950—1970-х годах брак был тесно связан с совместным проживанием, большинство первых браков регистрировалось, фактические незарегистрированные браки впоследствии также регистрировались, доля фактических незарегистрированных браков была небольшой. В конце 1980-х и особенно в 1990-х годах отмечалось снижение доли регистрируемых первых браков, увеличение фактических незарегистрированных браков с последующей регистрацией, а также фактических незарегистрированных браков.

Аналогичное явление было характерно для повторных брачных союзов вдовых и разведенных мужчин и женщин. Однако в отличие от первых браков видно заметное преобладание доли незарегистрированных фактических повторных браков и снижение регистрируемых повторных браков, в том числе после фактического совместного проживания[22].

Это явление наиболее характерно для населения крупных индустриально развитых городов. В *повторные незарегистрированные брачные союзы* горожане активно вступали в возрасте 25—29 лет, в последующих возрастах их численность уменьшалась. Приведенные данные соответствуют результатам выборочного социологического обследования проведенного в Москве в июле — августе 2004 г. Среди опрошенных женщин в возрасте до 40 лет считали регистрацию первого брака обязательной 47,3%, желательной — 40,0%, нежелательной — 11,5%, недопустимой — 1,2%.

Отношение женщин к регистрации повторного брака было значительно сложнее. Для большинства москвичек (55,1%) регистрация повторного брака была возможной, но только после совместного проживания в течение одного года или двух лет, заметно меньше женщин (24,4%) стремилось к его регистрации в случае рождения ребенка. Таким образом, широкое распространение в России фактических браков обусловило численное снижение регистрируемых как первых, так и повторных брачных союзов.

Большинство мужчин и женщин, прежде всего в возрастах до 30 лет, считало *фактический брак* и рождение детей вне брака обычными явлениями. Проведенные в 1990-е годы обследования показали: 64,3% респондентов были уверены в допустимости фактического брака, основанного на взаимных чувствах супругов и незаре-

гистрированного в ЗАГСе; 82,5% допускали сексуальные отношения между любящими, но не состоящими в браке мужчинами и женщинами; 47,9% респондентов считали возможными сексуальные отношения, не ведущие к рождению детей, и т.д. Результаты выборочного социологического обследования женщин Москвы в возрасте до 40 лет, проведенного в июле — августе 2004 г., свидетельствовали о том, что 41,6% москвичек высказались в поддержку фактического брака[23].

Наиболее часто незарегистрированные брачные союзы встречались у молодежи. Изучение незарегистрированных фактических браков показало, что такие браки возникают по разным причинам: отсутствие у юношей и девушек самостоятельных источников существования, сложные жилищные условия; опробование супружеских отношений (пробный брак); убеждение в формальности регистрации брака; вынужденная ситуация из-за сохранения предыдущего брака у одного из партнеров; нежелание регистрации брака и т.д.[24]

Исследование, проведенное на базе данных микропереписи 1994 г., показало высокую долю состоявших в незарегистрированном браке среди всех женщин в возрастах 16 лет и старше, а также не состоявших в зарегистрированном браке (никогда не состоявших в браке, вдовых, разведенных и разошедшихся). Данные исследования свидетельствуют о том, что это явление в городах получило меньшее распространение, чем в селах: у *городского* населения — 7%, у *сельского* населении — 12%, по *России* в целом — 9%. Незарегистрированный брак у российских женщин отмечен практически во всех возрастных группах. Однако его доля повышается в возрастном интервале 20—24 года — 35—39 лет (в %): у *городского* населения в возрастах 16—19 лет — 2, 20—24 года — 7, 25—29 лет — 13, 30—34 года — 16, 35—39 лет — 16; у *сельского* населения — соответственно 4, 12, 22, 31, 33; по *России в целом* — 2, 8, 15, 19, 19. С возрастов 45—49 лет доля незарегистрированных браков у женщин снижается (в %): у *городского* населения в возрастах 40—49 лет — 14, 50—59 лет — 10, 60—69 лет — 5, 70 лет и старше — 1; у *сельского* населения — соответственно 31, 19, 9, 2; по *России в целом* — 17, 12, 6, 2. Дальнейшее увеличение возраста женщин связано с постепенным сокращением доли незарегистрированных браков, особенно в возрастах 60—69 лет и 70 лет и старше. В возрасте 60—69 лет доля незарегистрированных браков у женщин составляла (%): в городах — 5, на селе — 9, по России в целом — 6. В возрастах 70 лет и старше — соответственно 1, 2, 2[25].

Изучение данных переписи населения 2002 г. показало, что в России за 8 лет, с 1994 по 2002 г., доля незарегистрированных в органах ЗАГС браков увеличилась в 1,5 раза, среди мужчин — до 9,8%, среди женщин — до 9,7%. Это явление характерно и для городских

(соответственно 9,0% и 8,9%), и особенно для сельских жителей (11,8% и 11,8%)[26]. По России в целом доля незарегистрированных браков в 2002 г. составляла 9,8%, в 2010 г. — 13%[27].

По уровню распространенности незарегистрированного фактического брака Россия опережает Италию, Австрию, Венгрии и уступает Швеции, Норвегии и Финляндии[28]. Незарегистрированные браки, особенно в молодых возрастах, широко распространены в европейских странах: доля женщин в таких браках (от числа женщин в возрастах 25—29 лет) составляла в Швеции 78% (1992—1993 гг.), Западной Германии — 45% (1992 г.), Франции — 64% (1994 г.)[29].

Однако большинство населения, в том числе городского, *вступало в брак и создавало семьи.* В этот период в российских городах доминировали простые полные семьи, состоявшие в среднем из трех человек (супруги, состоявшие в зарегистрированном браке, и ребенок). Аналогичная величина семьи фиксировалась как в сельских семьях, так и в семьях по России в целом. Однако величина сельских семейных домохозяйств немного больше, чем величина таких домохозяйств по России в целом. Это явление нашло отражение в данных всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. Величина частных семейных домохозяйств из двух и более человек составляла в среднем (человек): по России в целом в 2002 г. — 3,2, в 2010 г. — 3,1; в городах — 3,1 и 3,1; в сельской местности — 3,4 и 3,3.

Наиболее многочисленные мононациональные семейные домохозяйства зафиксированы у ингушей (человек): в 2002 г. — 7,0, в 2010 г. — 5,9; чеченцев — соответственно 5,7 и 5,1, кумыков — 4,9 и 4,7. Вместе с тем за межпереписной период величина их семейных домохозяйств сократилась[30].

Массовое обнищание населения в 1990-е годы обусловило объединение среди городского населения России семей взрослых детей с родителями и тем самым рост числа сложных семей, несмотря на доминирование простых семей[31].

В 1990-е и 2000-е годы наблюдалось дальнейшее распространение в России альтернативных форм и стилей брачно-семейных отношений. Незарегистрированные браки повышают число фактических семей. Такие семьи нередко состоят из фактических супругов и ребенка. О распространении этого явления свидетельствует регистрация детей по совместному заявлению отца и матери, состоящих в фактическом незарегистрированном браке. Однако преобладает все-таки регистрация таких детей по заявлению матери. В 2000 г. было зарегистрировано 72% детей, рожденных в браке (по отношению к общему числу детей, родившимся живыми), 28% детей, рожденных вне брака, из них зарегистрировано по совместному заявле-

нию отца и матери 47% детей, по заявлению матери — 53% детей; в 2006 г. — соответственно 71%, 29%, 44%, 56%; 2008 г. — 73%, 27%, 44%, 56%[32].

В российских городах широко распространены *неполные семьи*, как *простые* (мать и ребенок, заметно меньше отец и ребенок, однако их число повышается), так и *сложные семьи* (мать/отец с детьми, с одним из родителей матери/отца и т.д.). В городах России на 1000 семейных домохозяйств в 2002 г. было 163 простых неполных семейных домохозяйств (мать/отец с детьми); 69 сложных неполных семейных домохозяйств (мать/отец с детьми, с одним из родителей матери/отца и т.д.). В 2010 г. практически не изменилось число простых неполных семейных домохозяйств и уменьшилось сложных — соответственно 162 и 59. Показатели по России в целом ниже — соответственно 153 и 64. В 2010 г. число простых неполных семейных домохозяйств по России в целом немного увеличилось — до 155, сложных неполных семейных домохозяйств сократилось до 56[33]. Одним из факторов, обусловивших это явление, являются высокие показатели, особенно в городах, не только первых, но и повторных разводов.

Важно отметить, что *развод* воспринимается населением, прежде всего, молодежью, как норма современной жизни. Заметную активность в принятии решения о разводе проявляют женщины всех возрастов. Из данных обследования 2004 г. видно, что большинство населения (75% мужчин и 81% женщин) с высоким уровнем образования допускает возможность развода, в том числе при наличии детей в семье[34]. Разводы отмечаются и у супругов без детей, и у супругов с одним ребенком, с двумя и более детьми в возрасте до 18 лет. Однако численно преобладают разводы у бездетных супругов и у супругов с одним ребенком. Данные статистики свидетельствуют о том, что в 1990 г. доля разводов у бездетных супругов составляла 38,3%, у супругов с одним ребенком — 42,8%, с двумя и более детьми — 18,9%, в 1995 г. — соответственно 34,7%, 45,3%, 20%. Вместе с тем приведенные сведения показывают увеличение удельного веса разводов у супругов с детьми (одним ребенком, а также двумя и более детьми) и снижение у супружеских пар без детей[35]. Эти явления объясняются, в частности, упрощением в России законодательства о разводе в 1960-е, а затем в 1990-е годы.

Кодексом о браке и семье 1968 г., например, для примирения супругов предусматривался срок в пределах шести месяцев, по Семейному кодексу 1995 г. этот срок сокращался до трех месяцев. В конце 1990-х и в 2000-е годы была изменена существующая в России практика получения супругами свидетельств о разводе: разведенные супруги могли получать свидетельства о расторжении брака, особенно после судебного

рассмотрения, в разных ЗАГСах, а не только в том, где брак регистрировался. Это явление, по мнению демографов, вызвало двойной учет одного и того же события и, тем самым, обусловило значительное численное увеличение в России зарегистрированных разводов[36].

В 1990-е годы разводы заметно преобладали у мужчин и женщин в возрастных группах от 25 до 39 лет. В 2006—2008 гг. число разводов увеличилось во всех возрастах, однако особенно значительно в среднем возрасте (25—39 лет)[37].

В городах России уровень разводимости заметно вырос в середине 1990-х годов и был выше, чем по России в целом: на 1000 населения в 1970 г. было 4,2 развода, в 1980 г. — 5,0, 1990 г. — 4,4, 1995 г. — 5,2. Аналогичная ситуация характерна для городского населения отдельных регионов России. Повышение показателей разводимости населения фиксировалось в сельской местности: на 1000 населения в 1970 г. было 1,1 развода, в 1980 г. — 2,2, 1990 г. — 2,1, 1995 г. — 2,8[38].

Данные статистики свидетельствуют об увеличении нестабильности брачных союзов. Разводом закончились 16% браков, заключенных в 1969—1973 гг.; 18% браков, заключенных в 1979—1983 гг.; 23% браков, заключенных в 1989—1993 гг.[39]

Специфика демографической ситуации в России состоит также в том, что разводы не компенсировались повторными браками: на 100 разводов в 1989 г. у разведенных мужчин было 58 повторных браков, а у разведенных женщин — 54; в 2002 г. — соответственно 32 и 32[40].

Средняя продолжительность пребывания населения в разводе в России увеличилась (в среднем на 2 года). В 2002 г. мужчины в возрасте от 16 до 70 лет в разводе пребывали в среднем 6 лет (в 1989 г. — 4 года), женщины находились в разводе продолжительнее мужчин — соответственно 9 и 7 лет[41].

Нестабильность брачно-семейных отношений обусловила дальнейшее развитие в городах европейской части России так называемой последовательной полигамии, то есть вступление в последующий брак после очередного развода[42].

Рост числа неполных семей также связан с высоким *уровнем смертности*, особенно мужчин трудоспособных возрастов. Распадение браков в трудоспособных возрастах из-за смерти одного из супругов в 1990-х — 2000-х годах было не меньше, чем от разводов. Уровень смертности мужчин трудоспособных возрастов от 16 до 59 лет составлял (в ‰): в 1980 г. — 7,7, в 1990 г. — 7,1, 1994 г. — 13,4, 2000 г. — 11,4, 2005 г. — 12,5, 2008 г. — 10,2[43].

Вместе с тем практически до конца 2000-х годов наблюдалось повышение показателей смертности населения России, в том числе городского (в ‰): в 1990 г. — 10,5, в 1995 г. — 14,4, 2000 г. — 14,6,

2003 г. — 15,6, 2009 г. — 13,5. Самый высокий показатель смертности городского населения отмечался в Тульской области (в 2008 г. — 19,3‰). Однако уровень смертности городского населения снизился и был ниже, чем по России в целом и особенно сельского населения. В 2008 г. он составлял (в ‰): по России в целом — 14,6, в городах — 13,9, в сельской местности — 16,5[44]. Закономерно, что продолжительность жизни горожан повысилась с 66 в 2000 г. до 69 лет в 2008 г.[45]

Из данных статистики видно, что доля неполных семей в России ниже, чем в США, но выше, чем в отдельных европейских странах: в России — 13,4%, в США — 15,4%, Ирландии — 10,6%, Швеции — 3,9%. В Швеции в неполных семьях живет 29% детей в возрасте до 18 лет. В большинстве случаев дети проживают с матерями (1980 г. — 26,6%), с отцами — заметно меньше (2,4%). Кроме того, среди матерей численно преобладали никогда не состоявшие в браке (15,7%) и разведенные (8,7%) женщины. Доля замужних женщин, живущих отдельно от мужа, и вдов небольшая — соответственно 1,3% и 0,9%. Во Франции, по данным выборочного обследования 1985 г., 6,9% детей проживало с матерью, 0,9% — с отцом. Увеличилась доля несовершеннолетних детей, проживающих в неполных семьях США: в 1980 г. — 19,7%, в 1984 г. — 22,6%[46].

Неполными являются, по сути, *материнские семьи*. Однако в отличие от неполных семей вдового и разведенного населения материнские семьи не основываются на браке. Это семья матери и ребенка, родившегося вне брака. Важно отметить, что по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., в отличие от Кодекса о браке, семье и опеке 1926 г., государство признавало только юридически оформленные браки[47]. Во второй половине XX в. в России отмечается рост числа внебрачных рождений, особенно в сельской местности. Изучение этого явления показало, что их доля по России в целом составляла в 1959 г. 14% от числа родившихся (в городах — 12%, в сельской местности — 16%); в 1979 г. — соответственно 11% (9% и 14%); 1995 г. — 21,1% (21,0% и 21,3%)[48].

В 2000-е годы число внебрачных рождений в России повышается. Доля родившихся живыми у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, в общем числе родившихся в 2007 г. составляла (в %): по России в целом — 28,0, в городах — 26,6, в сельской местности — 31,3. В 2008 г. доля внебрачных рождений немного понизилась — соответственно 26,9%, 25,5%, 29,9%. Для сравнения отметим, что в 2002 г. внебрачные рождения по России в целом составляли 30,0%, в городах — 28,4%, в сельской местности — 32%. Наиболее высокая доля внебрачных рождений была в Республике Тыва (в %): в 2007 г. по Тыве в целом — 61,1, в городах — 57,8, в сельской местности —

64,0; в 2008 г. — 61,9, 59,3, 64,0. Важно отметить, что в отличие от показателей по России в целом доля внебрачных рождений как по Республике Тыва в целом, так и в ее городах в 2008 г. повысилась. Доля внебрачных рождений и материнских семей в городах была ниже, чем в сельской местности и по России в целом.

Обычно детей вне брака рожали женщины в возрастах до 20 или после 35 лет. Исследователи выявили средний возраст матери, родившей внебрачного ребенка (лет): в 1958—1959 гг. в городах — 30, в сельской местности — 30; в 1969—1970 гг. — соответственно 30 и 30; в 1979 г. — 27 и 29, в 1988—1989 гг. — 29 и 28; в 1993—1994 гг. — 27 и 27. Из приведенных данных видно снижение с конца 1950-х до начала 1990-х годов среднего возраста матери, родившей ребенка вне брака[49].

Однако в новейших условиях наблюдается выравнивание возрастов по доле рождений вне брака. Внебрачная рождаемость фиксируется во всех возрастах и социальных группах. Данные статистики свидетельствуют, таким образом, о том, что незапланированная добрачная и внебрачная беременность не является фактором вступления в так называемый вынужденный брак. Изучение этого явления также показало, что ребенок, рожденный вне брака, не всегда единственный ребенок у матери. Этому явлению соответствует то, что внебрачные рождения равномерно представлены во всех порядках рождений матерей.

Важно отметить, что в современных условиях наблюдается регистрация внебрачных рождений не только по заявлению матери, но и по совместному заявлению матери и отца. Доля таких регистраций составила в 1990 г. 42,8%, в 2000 г. — 47,2%, 2008 г. — 44,1%[50].

Рост внебрачной рождаемости в России связан с территориальными особенностями: в европейской части России, в том числе в городах — в основном неполные семьи разведенных женщин с детьми и материнские семьи, а на Северном Кавказе — семьи вдов и вдовцов с детьми[51].

Семьи, основанные на фактическом незарегистрированном браке, неполные, материнские демографы относят к альтернативным семейным формам. К альтернативным семейным формам также относятся семьи, образованные вследствие последовательной полигамии; семьи с зарегистрированным браком, но с раздельным проживанием супругов; семьи с неродными родителями и др.[52] Из данных статистики видно, что в России, как и в зарубежных странах, наряду с традиционными брачно-семейными отношениями получают распространение *разнообразные* формы совместной жизни, традиционная семья, по существу, не единственная форма совместного проживания. Альтернативой семье, семейному образу жизни было

также одиночество, в том числе, как отмечалось, *сознательное одиночество.*

Высокие показатели разводимости и смертности населения, численный рост лиц, никогда не состоявших в браке, определили значительную долю одиноких, особенно среди женщин пожилых возрастов[53].

Численность одиноких людей в городах РСФСР заметно увеличилась за период с 1959 по 1970 г. В последующие десятилетия их число немного сократилось. Однако в 1989 г. существенных изменений в численности одиночек по сравнению с 1979 г. не произошло.

По данным переписи 2002 г., число одиноких мужчин и женщин по России в целом составило 11,7 млн; среди городских жителей их большинство — 8,8 млн (74,7%); среди сельских — 2,9 млн (25,3%). Высокий удельный вес одиноких людей отмечен в Москве — 27,0% и в Санкт-Петербурге — 24,3%[54].

В группу одиночек в основном входят вдовые, разведенные и никогда не состоявшие в браке мужчины и женщины пожилых возрастов. Однако среди одиночек все-таки численно преобладают женщины пожилых возрастов. Многие из одиноких мужчин и женщин этих возрастов пережили Великую Отечественную войну. В молодых и средних возрастах среди одиноких доминировали никогда не состоявшие в браке и разведенные мужчины и женщины. Наличие этой категории городского населения способствует расширению альтернативных форм брачно-семейных отношений[55].

Среди одиноких мужчин и женщин трудоспособных возрастов есть намеренно отказывающиеся от вступления в брак и создания семьи из-за профессиональной деятельности, карьерного роста, особого психологического склада и т.д. Распространение современных эгалитарных установок способствует тому, что для некоторых мужчин и женщин брак, семья, дети утратили первостепенную ценность. Главными ценностями для них являются работа, карьера, успех, личные интересы и др.[56] Изучение этой группы показало неодобрительное к ним отношение большинства населения. В 1980-е годы такое отношение было связано с ориентацией населения в основном на семейные ценности, а также на принятые в обществе нормы и стандарты брачно-семейного поведения, отказ от которых воспринимался критически. Однако интеллигенция активнее, чем, например, рабочие, воспринимала альтернативное поведение в брачно-семейных отношениях. Сельское население было настроено в целом критически к новым формам брака и семьи.

Одинокие формы проживания мужчин и женщин трудоспособных возрастов отмечаются в странах Западной и Северной Европы.

Так, в ФРГ число одиночек повысилось: в 1950 г. — 19,4%, в 1982 г. — 31,3%. Наиболее заметна их численность в крупных городах: Берлин — 52,3%, Гамбург — 40,6%[57]. В западных странах наблюдается также уход в светские и религиозные общины и в секты[58].

В начале 1990-х годов альтернативные типы, формы и стили брачно-семейных отношений, особенно неполные и материнские семьи, раздельное проживание супругов, одиночество воспринимались большинством российского населения критически. Исследования 1991 г. показали, что в России уровень критичности таких форм брачно-семейных отношений был намного выше, чем в европейских странах[59]. В 2000-е годы наблюдается дальнейшая либерализация взглядов населения на брак и семью, особенно в крупных городах европейской части России. Однако либерализация брачно-семейных ценностей в условиях повышения влияния в российском обществе консервативных ценностей нередко приводит к острым конфликтам, прежде всего, между членами семьи.

В городах преобладают *однодетные семьи*, что объясняется, прежде всего, низкими показателями рождаемости[60]. Однако в первое десятилетие XXI в. уровень рождаемости России, в том числе в городах, в отличие от 1990-х годов повышается. Наиболее высокие ее показатели традиционно были в городах Республик Чечня, Алтай и особенно Тыва.

Значительную роль в повышении уровня *рождаемости* играет демографическая политика. Однако одним из факторов повышения рождаемости в первое десятилетие XXI в. было вступление в репродуктивные возраста многочисленных поколений, рожденных в 1980-е годах. Кроме того, в эти годы реализовались и отложенные ранее рождения. Важно отметить также понижение показателей младенческой и детской смертности. В то же время в современных условиях семья с детьми оказалась в наиболее тяжелых материальных условиях[61].

Некоторые российские демографы (А.Г. Вишневский, С.В. Захаров и др.) связывают распространение альтернативных типов и семейных стилей, а также сокращение рождаемости и откладывание рождений на более поздний возраст (25—29 лет) с развитием второго демографического перехода[62].

Однако многие исследователи, такие как, например, В.В. Медков, связывают отказ мужчин и женщин от вступления в брак, выбор альтернативных форм семейной жизни с нарастанием кризисных явлений в семье, как социального института[63]. Кризисные явления в брачно-семейных отношениях наиболее остро проявляются во внутрисемейных отношениях.

В современных *внутрисемейных отношениях* наблюдается сочетание современных и традиционных отношений. Семья тяготеет к

эгалитарным внутрисемейным отношениям. Женщины стремятся к равноправию и партнерству с мужчинами в брачно-семейных отношениях, в том числе в сфере власти, принятия решений и распределения финансов. В семье учитываются индивидуальные особенности личности супругов в распределении обязанностей и т.д.[64]

Вместе с тем в современных условиях вновь приобрели ценность традиционные отношения, особенно это характерно для семей материально обеспеченного населения, а также семей в национальных регионах России. В таких семьях заметно возросла роль мужа и отца, значение сыновей, деятельность неработающей жены ограничивается домашними делами и воспитанием детей, наблюдается половозрастное распределение ролей, сокращается индивидуальная избирательность. Важно отметить, что в городах и по России в целом требования супругов друг к другу остаются традиционными: муж — основной кормилец семьи, жена — хранительница домашнего очага.

Однако в реалиях современной жизни с ее острейшими проблемами такое сочетание традиционных и эгалитарных ценностей, традиционных и эгалитарных отношений часто порождает многочисленные внутрисемейные противоречия и конфликты, ярко проявляющиеся в сфере принятия решений, в распределении ролей в семье, в морально-психологическом влиянии на членов семьи и в воспитании детей[65].

Постоянные внутрисемейные конфликты приводят к негативным последствиям. В семьях растет отчуждение в отношениях между супругами и особенно между родителями и детьми; отмечаются факты насилия и жестокого обращения мужей с женами, родителей с детьми. Такие явления сопровождаются уходом детей из дома, суицидами (речь идет о суициде среди детей в возрасте до 14 лет), численным ростом детских и подростковых преступлений, распространением алкоголизма и наркомании среди детей[66]. Все это свидетельствует о кризисе ценностей в семье, заметно обострившемся в условиях значительных изменений ценностных установок в обществе и социальных потрясений в стране.

Таким образом, развитие современной городской семьи в сложнейших социальных условиях конца XX — начала XXI в. заметно обострило кризисные явления в брачно-семейных отношениях, что сказалось на демографической ситуации в стране.

[1] *Можина М.А.* Изменение в уровне жизни населения России за годы реформ // Народонаселение. — 1999. — № 1. — С. 26.

[2] Семейный кодекс Российской Федерации, [1995 г.] // Собрание законов Российской Федерации. — М., 2000. — С. 301 (Ст. 1); *Бурханова Ф.Б.* Современный брак в Башкортостане. — Уфа, 2004. — С. 141—142.

[3] *Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю.* Российская семья на европейском фоне: по материалам междунар. социол. исследования. — М., 1998. — С. 22—23.
[4] *Бурханова Ф.Б.* Указ. соч. — С. 129—131, 136.
[5] О положении семей в Российской Федерации, 1994—1996 гг. — М., 1998. — С. 85, 87, 100; *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Судьба семьи XXI века: размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. — М., 2000. — С. 116; *Кучмаев М.Г.* Традиционное и инновативное в культуре семейных отношений. — СПб., 1999. — С. 18—19.
[6] *Кон И.С.* : 1) Сексуальная культура в России: клубничка на березке. — М., 1997. — С. 272—274 ; 2) Сексуальность и культура. — СПб., 2004. С. 43—47.
[7] Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет: коллективная монография. — М., 2008. — С. 21.
[8] *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Указ. соч. — С. 102; О положении семей в Российской Федерации, 1994—1996 гг. — С. 100.
[9] См.: Семья в кризисном обществе: годичный отчет за 1992 г. — М., 1993. — С. 7—16.
[10] *Голод С.И., Клёцин А.А.* Состояние и перспективы развития семьи: Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование. — СПб., 1994. — С. 20; *Кучмаев М.Г.* Указ. соч. — С. 18, 20.
[11] Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет. — С. 32.
[12] *Лисовский В.Т.* «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 113.
[13] Семейный кодекс Российской Федерации, [1995 г.]. — С. 301 (Ст. 1), 305—306 (Ст. 40—43).
[14] *Бурханова Ф.Б.* Указ. соч. — С. 128—140.
[15] *Караханова Т.М.* Жизненные ценности городских жителей // Ценности повседневной деятельности горожан. — М., 2004. — С. 7, 27.
[16] Семейный кодекс Российской Федерации, [1995 г.]. — С. 301 (Ст. 13).
[17] Население России, 2008: 16-й ежегод. демогр. доклад. — М., 2010. — С. 59, 62, 64—65; Демографический ежегодник России, 2009: стат. сб. — М., 2009. — С. 128—129.
[18] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — М., 2005. — Т. 14. — С. 200—203 (по городам — подсчеты автора); *Медков В.В.* Демография. — М., 2007. — С. 250; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. — М., 2012. — Т. 2. — С. 294—295 (по городам — подсчеты автора).
[19] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — М., 2004. — Т. 2. — С. 310—397; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. — Т. 2. — С. 294—295; Социально-демографический портрет России: по итогам Всерос. переписи населения 2010 г. — М., 2012. — С. 31.
[20] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. — М., 2012. — Т. 14. — С. 8—9.
[21] Российский статистический ежегодник, 1996: стат. сб. — М., 1996. — С. 61.
[22] Население России, 2008. — С. 55, 58—59.
[23] Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития. — М., 2005. — С. 41—42, 44.
[24] *Бурханова Ф.Б.* Указ. соч. — С. 87—92.
[25] *Авдеев А.А.* Браки и разводы в России // Народонаселение. — 1999. — № 1. — С. 41.
[26] *Гурко Т.А.* Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. — 1995. — № 10. — С. 96; *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Указ. соч. — С. 100; *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. —

СПб., 1998. — С. 198—211; Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития. — С. 41; *Медков В.М.* Указ. соч. — С. 293; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — Т. 2. — С. 302—305; *Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю.* Указ. соч. — С. 22.

[27] Социально-демографический портрет России: по итогам Всерос. переписи населения 2010 г. — С. 29.

[28] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — Т. 2. — С. 300—301; О положении семей в Российской Федерации, 1994—1996 гг. — С. 27; Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития. — С. 42, 44; Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет. — С. 9.

[29] *Гурко Т.А.* Указ. соч. — С. 96; *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Указ. соч. — С. 100; *Голод С.И.* Указ. соч. — С. 198—211; Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития. — С. 41; Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет. — С. 19—22*; Бурханова Ф.Б.* Указ. соч. — С. 78; *Золотухина М.В.* Мир американской семьи. —М., 1999. — С. 127, 131—133.

[30] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. — М., 2005. — Т. 6. — С. 6—31, 50, 69; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. — М., 2013. — Т. 6. — С. 7, 12; М., 2012. — Т. 4. — С. 11—13.

[31] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — Т. 6. — С. 24—27; Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет. — С. 10, 11, 16.

[32] Демографический ежегодник России, 2009: стат. сб. — С. 173; Социально-демографический портрет России: по итогам Всерос. переписи населения 2010 г. — С. 31.

[33] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — Т. 6. — С. 20—27; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. — Т. 6. С. 26—28 (подсчеты автора).

[34] Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет. С. 20.

[35] Российский статистический ежегодник, 2005: стат. сб. — М., 2005. — С. 128; Демографический ежегодник России, 1998: стат. сб. — М., 1998. — С. 118—125; О положении семей в Российской Федерации, 1994—1996 гг. — С. 30—31 (подсчеты автора), 159.

[36] Население России, 2008. — С. 65.

[37] Там же. — С. 67—68.

[38] Российский статистический ежегодник, 1994: стат. сб. — М., 1994. — С. 45; Российский статистический ежегодник, 1996. — С. 61; Российский статистический ежегодник, 2001. — М., 2001. — С. 81, 84.

[39] Население России, 2008. — С. 70.

[40] *Медков В.В.* Указ. соч. — С. 252; *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Указ. соч. — С. 102; О положении семей в Российской Федерации, 1994—1996 гг. — С. 31—32.

[41] Российский статистический ежегодник, 1994. — С. 45; Российский статистический ежегодник, 1996. — С. 61; Российский статистический ежегодник, 2001. — С. 84.

[42] См.: *Голод С.И., Клёцин А.А.* Указ. соч. — С. 33—34.

[43] Демографический ежегодник России, 2009. — С. 195.

[44] Российский статистический ежегодник, 2009: стат. сб. — М., 2009. С. 95; Демографический ежегодник России, 2009. — С. 189—190.

[45] Демографический ежегодник России, 2009. — С. 66—68, 72—92, 103—110.

[46] О положении семей в Российской Федерации, 1994—1996 гг. — С. 5—7, 9; Население мира: демогр. справочник. — М., 1989. — С. 187, 192.

[47] См. об этом: *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1897—1926 гг.: историко-демографический аспект. — М., 2003. — С. 139—146.

[48] Российский статистический ежегодник, 2001: стат. сб. — М., 2001. — С. 125.
[49] Демографический ежегодник России, 2009. — С. 174, 179; *Авдеев А.А.* Указ. соч. — С. 37, 40; Население России, 2002: 10-й ежегод. демогр. доклад. — М., 2004. — С. 56.
[50] Население России, 2002. — С. 57, 58—59; Население России, 2008. — С. 102, 104.
[51] Семья в кризисном обществе: годичный доклад за 1992 г. — С. 64; Народонаселение: энцикл. словарь. — С. 109, 247, 327—328, 432.
[52] *Мацковский М.С.* Изменение положения женщин и будущее семьи // Социологические исследования. — 1979. — № 1. — С. 85—91; *Голод С.И., Клёцин А.А.* Указ. соч. — С. 33—34.
[53] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — Т. 2. С. 302—305; Т. 6. С. 323—324; Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет. — С. 6.
[54] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — Т. 2. — С. 302—305; Т. 6. — С. 6, 8, 10, 12, 14, 323—324 (подсчеты автора).
[55] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. — М., 1962. — С. 450; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. — М., 1983. — Т. 6, ч. 1. — С. 48; Семья в СССР: по данным Всесоюз. переписи населения 1989 г. — М., 1990. — С. 14—15 (подсчеты автора); *Кузьмин А.И.* Семья на Урале: демографические аспекты выбора жизненного пути. — Екатеринбург, 1993. — С. 61—62; Женщина, мужчина, семья в России, последняя треть XX века: проект «Таганрог». — Таганрог, 2001. — С. 51—52.
[56] *Бурханова Ф.Б.* Указ. соч. — С. 129—130.
[57] *Заикина Г.А.* Либерализация половой морали и семья // Становление брачно-семейных отношений. — М., 1989. — С. 59— 60; *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII — XX вв.). — М., 1997. — С. 270—274; Население мира. — С. 187, 192.
[58] *Фабрика А.А.* Альтернативные формы семейной жизнедеятельности: историко-социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03. — М., 1997. — С. 16—25.
[59] *Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю.* Указ. соч. — С. 22—23.
[60] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. — Т. 6. — С. 24; О положении семей в Российской Федерации, 1994—1996. — С. 19; Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет. — С. 11—13.
[61] Демографический ежегодник, 2009. — С. 66—68, 72—92, 95—102; *Елизаров В.В.* Демографическая политика в области поддержки семей с детьми: новые меры и предложения по их развитию // Демографическая и семейная политика. — М., 2008. — С. 6.
[62] Демографическая модернизация России, 1900—2000. — М., 2006. — С. 139; Население России, 2008. — С. 94.
[63] *Медков В.В.* Указ. соч. — С. 252—253.
[64] О положение семей в Российской Федерации: ежегод. гос. доклад. — М., 1994. — С. 79—80; *Бурханова Ф.Б.* Указ. соч. — С. 130—131.
[65] *Бурханова Ф.Б.* Указ. соч. — С. 146—176; О положение семей в Российской Федерации: ежегод. гос. доклад. — С. 79—82.
[66] *Дмитриева М.В., Яворская А.А.* Ценности личности супругов в различных типах семейных систем // Семья и дети в современной России: экономический и социальный портрет. — М., 2008. — С. 155; *Бурханова Ф.Б.* Указ. соч.— С. 131.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И КАРТОГРАФИЯ

Ф.А. Озова

ЧЕРКЕССКИЕ ГОРОДА – ОСМАНСКИЕ КРЕПОСТИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В XVII В.

На основе османских и европейских источников XVII в. проанализировано положение аннексированных в последней четверти XV в. Османской империей приморских городов Черкесии.
Ключевые слова: XVII в.; черкесские города; османские крепости; Таманский архипелаг; Кафинский эйялет; Таманский санджак.

F.A. Ozova
The Circassian cities — Ottoman fortresses of Black Sea in the XVII century

The situation of the seaside towns of Cherkessia in the XVII century annexed by the Ottoman Empire in the last quarter of the XV century is analyzed on the basis Ottoman and European sources.
Keywords: XVII century; Circassian cities; Ottoman fortresses; Taman archipelago; Kafinsky eyyalet; Taman sanjak.

В XVII в. Черкесия была самой крупной кавказской страной[1]. Она являлась важным игроком восточноевропейской политической жизни той эпохи. В этой связи внешнеполитический аспект ее истории интересовал ученых в большей мере и нашел отражение во многих трудах по истории Османской империи, Восточной Европы, Крымского ханства, Западного Кавказа и Причерноморья[2]. Вопросы же ее внутренней жизни почти не исследованы, недостаточен даже фактографический ряд этой эпохи. Изучение этой проблематики осложняется еще и тем, что письменные источники на черкесском языке отсутствуют, исследование истории черкесов осуществляется через материалы, отложившиеся в архивах стран-контрагентов, прежде всего, Османской и Российской империй.

В российских архивах число документов XVII в. не столь значительно, и касаются они преимущественно истории кабардино-русских отношений[3]. Важнейшие из них были опубликованы[4]. История Кабарды представлена в определенной степени также во множестве русско-грузинских документов[5]. Несмотря на фрагментарный ха-

рактер, эти сведения имеют большую ценность для реконструкции общественно-политической и экономической жизни черкесов в рассматриваемую эпоху.

По сведениям османистов, значительное число данных по истории Черкесии, находившейся в числе 40 современных Османской империи государств, с которыми султаны имели многосторонние связи, отложилось в турецких архивохранилищах. К примеру, документы Османского государственного архива Кабинета министров Турецкой Республики отражают «территориальную экспансию и полиэтнический характер»[6] Османской империи. К сожалению, они доступны только очень узкому кругу специалистов.

Между тем, благодаря значительным усилиям русских и российских ориенталистов, проделана большая работа по переводу и публикации на русском языке важнейших турецких источников. К ним относятся, прежде всего, «Книга законов султана Сулеймана Кануни», труды Эвлия Челеби, А. Чауша, Х. Хезарфенна, «Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья»[7]. Многие сведения этих источников, в основе которых лежат преимущественно собственные наблюдения и впечатления авторов в период посещения Кавказа, не получили до сих пор должного внимания. В частности чрезвычайно фрагментарно использованы данные Эвлия Челеби о «стране Черкесстан»[8]. Между тем они дают достаточно полную картину жизни страны, предоставляют возможность проанализировать вопросы, касающиеся ее удельной структуры, статуса владетельных князей, их внутриполитические и внешнеполитические связи, отношения с османскими, крымскими и русскими государями.

Сведения Эвлия Челеби показывают, что статус черкесских княжеств в XVII в. был достаточно стабильным. Наибольшей лабильностью отличался статус окраинных земель, сильно зависевших от экспансионистских факторов. В этой связи Черкесия оказалась к XVII в. расчлененной на ряд государственных образований. На основе данных Эвлия Челеби можно выделить в рассматриваемую эпоху три статуса правивших в Черкесии представителей княжеской династии Иналидов:

1. Независимые князья (*черк.*: пщы, *рус.*: государь, князь) Черкесии, которым принадлежала подавляющая часть территории страны. Они поддерживали дипломатические отношения со многими государями и заключали периодически военные и политические союзы с крымскими ханами, калмыцкими тайшами, русскими и грузинскими царями и дагестанскими владетелями.
2. Земли, аннексированные и включенные на рубеже XV—XVI вв. в административно-политическую структуру Османской импе-

рии причерноморские и приазовские города Черкесии, были пожалованы в условное пользование их владельцам — черкесским пщы (князьям) и уэркъ'ам (*черк.* букв.: благородные). Основной социальной единицей в оккупированных землях осталась типичная для Черкесии феодальная вотчина-община. Реальная власть османских чиновников не распространялась дальше крепостей с гарнизонами. В конце XV — XVII в. вокруг них продолжалась борьба и в зависимости от ее успеха статус ряда приморских городов периодически менялся.

3. Клан князей Идаровых, владевших самыми восточными прикаспийскими территориями страны, находился с 1588 г. под сюзеренитетом русского царя. Теменское (Тюменское) княжество князя Канклыча (Джанклиша) Идарова, в котором была выстроена Терская крепость, в 1588 г. было провозглашено Терским воеводством[9]. Управление в нем было экстерриториальным — князей Идаровых и русских воевод.

В данном исследовании рассматривается вторая группа черкесских владений. Благодаря названным османским источникам можно рассмотреть комплексно различные аспекты жизни черкесских городов после превращения их османами в военные крепости. Это — общий вид городов, система управления в них, этнический облик, характер занятий жителей, сведения о борьбе черкесов за освобождение своих территорий.

Данные османских нарративов дополняются сведениями западноевропейских авторов: Дж. да Лукка, Э.Д. Д'Асколи, А. Олеария, А. Ламберти, Ж.Б. Тавернье, Н. Витсена, Я. Стрейса, Феррана О. де ла Мотрэ[10].

Весьма важные для нашей темы сведения, прежде всего экономического характера, были почерпнуты из трудов турецких авторов черкесского происхождения Садика Мюфита Бильдже и Айдемира Иззета (Вышхьэ), широко использовавших в своих трудах османские архивы[11].

* * *

Отторгнутые от Черкесии в последней четверти XV — XVI в. причерноморские города Анапа, Матрега (*черк.*: Тамтаракъей, *рус.*: Тмуторокань) и Копа были превращены османами в последующие десятилетия в военные крепости Анапу, Тамань (*черк.*: Темэн) и Темрюк. Здесь были размещены гарнизоны янычар и артиллерия. В середине XVII в. в результате национально-освободительной борьбы Анапа была освобождена. На землях же Таманского архипелага вкупе с восточной и южной частями Крымского полуострова была создана одна

из военно-административных единиц Османской империи. Сначала это был Кафинский санджак[12], позднее, по мере новых завоеваний в приморской Черкесии — Кафинское бейлербейство (беклербекство) или эйялет (вилайет)[13]. *Санджакбей* был вначале подчинен румелийскому бейлербейю, а затем — кафинскому[14]. *Бейлербей* имел титул паши и звание везира (министра). Он был не только гражданским администратором, но и командующим войсками эйялета и прежде всего военно-феодального кавалерийского ополчения — *сипахиев* и получал вознаграждение за службу с условного земельного пожалования (*хасса).* Первыми бейлербейями здесь были сын султана Баязида II Мехмед, а затем будущий султан Сулейман I Великолепный[15].

В Причерноморье, как и во многих других завоеванных землях Османской империи, были сохранены социально-политическая и экономическая структура управления и фискальная практика. Так как «вопросом особой важности для османских властей на новоприсоединенных территориях была немедленная организация фиска»[16], то «после проведения административного деления земель, власти тут же приступали к осуществлению кадастровой переписи всего, что могло представлять интерес для казны с точки зрения налогообложения: населения, сельскохозяйственных угодий, скота, рудников и т.д. Результаты переписи подробно фиксировались в так называемых пространных реестрах (муфасалдефтер)»[17]. Эвлия Челеби указал, что такой реестр в оккупированных городах Черкесии был составлен великим везирем[18] султана Мурада III Осман-пашой Оздемир-заде в 1584—1585 гг.[19]

Бюрократический аппарат в Кафинском эйялете был представлен лишь несколькими чиновниками: *дефтердаром* по имуществу от казначейства и *халифе дивана* от государственного совета. Здесь не было поставленных от имени империи ни начальников сипахиев в пределах санджаков (*алайбеев*), ни выполнявших полицейские функции в пределах санджаков чиновников (*черибашей*)[20]. В Кафе имелся один управляющий — *эмин* таможни с 50-ю подчиненными. Они собирали «султанский налог с приходящих и уходящих судов, что приносит огромный доход»[21]. Как отмечал Эвлия Челеби, по «странному закону и древнему обычаю» [22], в крепости Кафа находилось восемь человек из высших должностных лиц империи («8 аг, обладающих бунчуками»[23]). «Здесь есть мухтесиб-ага, ага-сборщик налогов, городской эмин, эмин хараджа, городской субаши, рыбный эмин, строительный ага, глава пороховщиков, глава ремонтников, мюселлем и каймакам, кетхуда сипахиев... короче говоря, сорок военных начальников»[24]. Эта структура, очевидно, была создана сразу после завоевания причерноморских городов. Она демонстрирует, что османы взяли в свои руки традиционно развитые в этих местах отрасли эко-

номики, подчинив своему контролю наиболее прибыльные для пополнения государственной казны сборы с таможен, ремесленников, сельскохозяйственных угодий и традиционно развитой в Причерноморье и Приазовье рыбной отрасли. Главными статьями расхода были выплаты *сальяне*[25] черкесским князьям и содержание феодальных войск, некоторые из которых помимо участия в османских военных кампаниях осуществляли ежедневную службу в воеводствах[26].

Кафинский эйялет был разделен на семь административно-территориальных округов — санджаков, семь административно-судебных округов — каза и восемь воеводств[27]. Кафинский эйялет состоял из санджака крепости Керш, санджака острова Шахи и крепости Тамань, санджака Татского иля*, санджака Балысыра**, санджака Адахун***, санджаков крепостей Азак и Кафа[28]. Непосредственно на самом полуострове Крым помещалось четыре санджака и 24 административно-судебных округа-кадилика[29].

Во главе санджаков стояли санджакбеи, являвшиеся одновременно администраторами подвластных им территорий и командирами вооруженных сил санджака. Они подчинялись непосредственно бейлербейю, а тот, в свою очередь — великому везирю. Бей Керченского санджака находился в крепости Керш/Керчь, ему подчинялись и окрестные деревни, из которых Эвлия Челеби побывал в селении Черкес (совр. Аджимушкай) к северу от Керчи[30].

Балысырайский санджак находился внутри Азовского моря, он не располагал никакими деревнями: «он охраняет Азовское море с 20-ю фрегатами, по закону он получает 10 кошельков с кефинской таможни»[31]. Фрегаты, по всей видимости, базировались в одноименной санджаку гавани в 35 км от Азова[32].

В 1641 г., в первый визит Эвлия Челеби в Причерноморье, резиденция воеводы Таманского санджака находилась в Анапе[33]. Через 25 лет, во второе путешествие Эвлия Челеби по Кавказу, бей Таманского санджака в связи с освобождением Анапы черкесами, вынужден был устроить свою резиденцию в крепости Тамань[34]. Годовое содержание бея Таманского санджака составляло 320 тыс. акче[35].

Бей Адахунского санджака находился в крепости Адахун. В его обязанности входила защита с 10 фрегатами проливов «Чучке и Илишке (Керченский пролив. — *О.Ф.*)», пролива Азовского моря, устья реки Кубань, пролива крепости Темрюк, получал «10 кошель-

---

* Татский иль — горный район между Судаком и Старым Крымом.

** Балысыра — участок, включающий Белосарайскую косу, Першотравнёвый район (с 2016 г. Мангушский район. — *примеч. ред.*) Донецкой области Украины.

*** Адахун — Кизилташский лиман на юге Таманского полуострова, между крепостями Тамань и Темрюк.

ков годового содержания из кефинского имущества. А санджак крепости Азак получает имущество в 20 кошельков с рыбных садков Азака. Но кефинский санджак — это столица пашей. С 1067 года (1656—1657) столицей кефинских везирей стала крепость Азак, и азакский бей был упразднен, и такой огромный город как Кефе, стал каймакамством»[36].

В Кафинском эйялете существовало восемь воеводств: Татский иль, Балаклава, Судак, Мангуп, Керш, Тамань, Темрюк и Азак[37]. В значительной мере их существование было обеспечено службой феодальных контингентов князей самых западных черкесских княжеств Жане и Хегайкии. Представители черкесских пщы (князей) династии Иналидов назначались на должности начальников санджаков и других военно-административных и воинских единиц. Организация феодальных отрядов в военные походы, как и сбор шариатского налога ушр в санджаках, были сосредоточены в одних руках — кафинского паши. Эвлия Челеби отмечал: «Он ходит в поход с 3000 воинов. А если черкесские беи будут подчиняться древним законам, получится 20 000 воинов, да увеличит Бог их число»[38]. Соотношение османских и черкесских воинов в данном случае еще раз показывает степень важности участия черкесских князей в военных предприятиях османов. Об этом же свидетельствует и то, что периодически в роли пашей выступали черкесские князья[39].

Санджаки подразделялись, в свою очередь, на административно-судебные округа (казы), подчинявшиеся кадию[40]. В отличие от других мусульманских держав, в Османской империи шариатские судьи-кадии в значительной мере были включены в систему управления Османской империей. Кадии назначались во все административно-судебные округа (казы) империи кадиаскерами (их было два — Румелийский и Анатолийский). Централизованная кадийская система действовала параллельно и независимо от военно-феодальной администрации, подчиненной великому везиру. Судебные округа (казы и подчиненные им нахие) не совпадали территориально с санджаками. Сделано это было с целью установления взаимного контроля местных властей. В руках кадиев, кроме дел религии, исполнения судебных, а также нотариальных функций, находились школы. Кадии также выступали на местах как некие посредники между центральной администрацией и населением, доводили до населения указы правительства, осуществляли контроль за сбором налогов. К ним стекались все жалобы на злоупотребления военно-феодальной и фискальной администрации[41].

Другой особенностью функционирования системы кадиаскерства было то, что кадии действовали на основе «предписаний не только

шариата, но и кануна»[42]. В аннексированных землях, как и в самой метрополии, развитие законодательства шло по двум самостоятельным линиям. Первая из них была связана с принципами мусульманского права, вторая — с адатами завоеванных народов. Бывало и так, что «некоторые из местных обычаев со временем даже включались в состав мусульманского права»[43]. Османисты отмечают, что «любой закон в Османской империи, какая бы дата ни стояла под ним, в большинстве случаев есть не что иное, как продолжение более старых законов, а также порядков и традиций, которые были зафиксированы во время описей, проведенных в местностях сразу же после завоевания и оккупации»[44]. Местные канун-наме были той основой, через которую в османскую социальную структуру включались отдельные элементы социальной практики завоеванных стран и областей[45]. Таким образом, на Крымском и Таманском полуостровах входивших в Кафинский эйялет, шариат и нормы местного обычного права, в частности Адыгэ Хабзэ*, существовали параллельно.

На Таманском архипелаге, являвшемся ключевым местом Причерноморья, были расположены два санджака (остров Шахи и крепость Тамань; крепость Адахун), а также два воеводства (Тамань и Темрюк). В отличие от всех других санджаков Кафинского эйялета, где население было полиэтничным, население Таманского санджака состояло исключительно из черкесов (за исключением некоторого числа купцов — греков, армян, евреев). «Татар на этом острове нет совершенно, — писал Эвлия Челеби, — они не могут [здесь] жить, так как в смысле управления Кафинский эйялет считается анатолийской землей, румелийская земля — в лежащем напротив Крыму»[46]. «Земля Кефинского эйялета находится под управлением османского субаши. Западная часть этого Сувуксу — владение хана, а восточная и кыбловая — османские»[47].

Наибольшее значение в Таманском архипелаге имели Таманский полуостров (в XVII в. — остров) и Шахский или Султанский остров (Ада ий-Шахи). Эвлия Челеби писал, что Тамань представляла собой прекрасный и благоустроенный остров шестиугольной формы, имея в окружности шестьдесят семь миль и омываемый с трех сторон Керченским проливом[48]. До османской оккупации он был густо заселен. Судя по данным Эвлия Челеби, в 1475—1476 гг. дважды на защиту Таманского архипелага вставало войско из 100 тыс. человек[49]. Очевидно, такая значительная цифра свидетельствует, что Тамань защищала вся Черкесия. И это неудивительно в силу той исключи-

* Адыгэ Хабзэ — свод собственного законоположения Черкесии, букв.: Черкесский Закон, неписаная Конституция Черкесии.

тельной экономической и политической роли, которую Таманский архипелаг играл на протяжении всей ее истории[50].

Эвлия Челеби с восторгом описывает Шахский остров (Ада ий-Шахи) как исключительно богатый край: «Это до такой степени богатая земля, что если один человек с десятью лошадьми проживет в доме десять дней, то население радуется. Эти богатые черкесы — веселые, дружелюбные, склонные к шутке — заслужили имя “богачи”. <...> Земли этого шахского острова Тамань так плодородны, что одно киле семян дает [урожай] 100 киле, а просо дает 150 киле, [до такой степени] плодоносны растения. По милости божьей на этом острове есть и ровные, просторные степи протяженностью в час пути, и озера и холмы. На озерах водятся различных видов птицы: утки, гуси, лебеди, цапли, черные бакланы, пеликаны. Здесь есть места охоты на самую разнообразную дичь; в изобилии водится знатная рыба семидесяти пород. Одним словом, этот шахский остров — плодородный край, избавленный от [суеты] городов»[51].

В другой части архипелага на одноименном ему самом крупном острове (превратившегося позднее в полуостров) Тамань во время ее посещения Эвлия Челеби имелось две крепости (Тамань и Темрюк), 80 черкесских деревень[52]. Эвлия Челеби характеризовал черкесские деревни и города как весьма благоустроенные. Древний город Тамтарэкъей (Таматарха, Тмуторокань, Матрега, Матрика) был преобразован османами в конце XV в. в «лучшую из всех»[53] крепостей Таманского архипелага крепость Тамань. Э.Д. Д’Асколи писал (1622—1633), что «Тамань или Мадрика составляет крайний предел с той стороны Азии. Построенная генуэзцами, она состоит теперь под управлением каффского паши, помещается на острове и называется островом в начале Чиркасии, обойти который можно в один день по морю и двум рекам. Внутри города находятся два замка, взаимно защищающиеся со стороны материка, стоящие недалеко один от другого, но построены и расположены они так искусно, что не могут стрелять друг в друга»[54]. Еще более подробное описание этой крепости находим у Эвлия Челеби: «Крепость Тамань представляет собой красивое пятистенное старое кирпичное здание на земляном холме на берегу моря. <...> На западном склоне холма стоят огромные башни, которые образуют внутреннюю цитадель»[55]. В цитадели не было никаких помещений, кроме дома коменданта и арсенала, примыкавших к берегу. Здесь же располагалось 10 пушек. Крепость помимо цитадели имела внешнюю, нижнюю и среднюю крепости и пригород. Внешняя крепость защищала полуостров с северной стороны и располагалась со стороны широкой гавани, куда причаливали все суда, была оснащена 20-ю пушками. Нижняя крепость была обращена на запад, имела три

большие башни. Средняя крепость являлась жилой. Здесь располагались мечети, бани, 200 домов и 50 лавок, одно медресе, одна дервишская обитель (*текке*), две начальные школы. Пригород в 1100 домов располагался к западу от крепости на берегу имевшегося здесь озера. В этом же месте было пять соборных и четыре квартальные мечети для четырех общин, семь начальных школ, три дервишские обители, две бани, пять небольших караван-сараев (*ханы*) и дворцов (*кёшки*), в восточной части пригорода — «базар кяфиров, который очень красочен». В крепости имелся гарнизон в 300 янычар[56].

Все оккупированные земли Причерноморья были объявлены собственностью султана. Однако его власть здесь не была абсолютной, так как население Кафинского эйялета оставалось в подданстве местных князей, которым их земли были переданы в условное пользование. С этим были связаны и формы землепользования, главной целью которых была наиболее эффективная мобилизация войск феодального ополчения на службу султану. Эвлия Челеби констатировал, что в Причерноморье не было ленных владений: «Тимаров и зеаметов там нет, так как это воеводство»[57]. В «Трактате Али Чауша» отмечалось: «Эйялет Кафа. В этом эйялете зеаметов и тимаров не имеется. Но имеются отряды султанских войск. Деревни и пашни [эйялета] являются хассами султана. Они управляются казною»[58].

Таманский полуостров и расположенный к северу от него Шахский остров (Ада-ий-Шахи), известные своими плодородными землями, были превращены османами в сельскохозяйственный центр, главной задачей которого стало обеспечение продовольствием Константинополя. Зерно транспортировалось на кораблях греческими купцами, таможенные сборы с этих перевозок были под личным контролем таманского кадия. В начале XVII в. на Таманском полуострове имелась верфь для строительства военных кораблей[59].

Османская казна, управлявшая землями Таманского архипелага, передала часть из них, как уже отмечалось, в условное пользование владельцам этих земель. Из сведений Эвлия Челеби можно заключить, что на Таманском архипелаге имелись вотчины различного типа, и они вполне соответствуют описанным известным видам черкесских вотчин[60]. Так, здесь можно выделить княжескую вотчину и *уэркъ къуажэ* (дворянскую вотчину-общину). К первому типу вотчин можно отнести владение известного в истории Черкесии князя, владельца Тамани, находившегося в переписке с великим князем Руси Иоанном III, Захария де Гизольфи.

Известно, что владелец Тамани получеркес-полугенуэзец Захарий де Гизольфи, пытавшийся после османской оккупации Таманского полуострова уехать в Геную, но так и не сумевший добраться до нее,

вынужден был возвратится и поселиться опять «на острове нашем Матрике»[61], откуда сумел изгнать часть османов и обосноваться со своими подданными. К нему даже присоединились другие потерявшие кров жители, в том числе из Копарио (Копа), «так что в 1482 г. у него было 180 семейств»[62]. Захарий де Гизольфи даже надеялся полностью восстановить свою власть над всем своим уделом — Таманью. Однако его мечтам не дано было осуществиться. Известно, что в 1500 г. Захарий де Гизольфи уже был вассалом хана Менгли-Гирея I[63].

Также Эвлия Челеби упоминал большую деревню или городок (*касаба*) Совуджук, находившийся между крепостями Адахун и Кызыл-таш и состоявший из 400 домов, четырех мечетей, в том числе и одной соборной, одного постоялого двора и 10 лавок. «В этой деревне находится бей черкесов — Базрук-бей, [получающий] сальяне. И все реайя (подданные. — *Ф.О.*) также черкесы»[64]. Таким образом, черкесским владельцам Таманского архипелага, ограниченным в свободном распоряжении землей, ущемление их прав компенсировалось, с одной стороны, предоставлением им права на получение части государственных налоговых поступлений с бывших их владений. С другой стороны, ими были сохранены существовавшие до оккупации рентные сборы с работавших на их землях крестьян. Все подати были строго оговорены османским законодательством. Они восходили генетически к феодальным повинностям крестьян перед их сеньорами и исчислялись в рассматриваемое время в денежной форме. Таким образом, можно говорить в определенной мере о кодификации местного обычного права. Материалы архива кадия Крыма содержали данные о том, что в пользу вотчинников-*къуажэпщ* — пщы и уэркъ'ов поступали:

— *Ресм-и чифт* — рента с *райятов*-мусульман, имевших полный надел (*чифт*), в пользу землевладельца.

— *Ресм-и чифт бозан* — рента в пользу владельца земли, взимавшийся с райята, оставившего свой надел невозделанным. Его размер зависел от размера надела: за полный чифт взималось 300 акче, за полчифта — 150 акче, за меньший участок — 75.

— *Ресм-и чифт зэмин* — поземельная рента с райятов, взималась за излишки земли сверх обычной единицы обложения — *чифитлика*. Была своеобразной арендной платой за право пользования землей. Ее размер зависел от качества земли.

— *Беннак муджэрэд* — один из видов ренты, взимавшийся владельцами *тимаров* с приписанных райятов, имевших надел менее чифта или вовсе не имевших земли.

— Рента за пользование пастбищами с крестьян в пользу уэркъ'ов[65].

Несмотря на то, что эти подати были внесены в документы под турецкими названиями, очевидно, что они составляли не османскую, а черкесскую податную систему, существовавшую издавна в черкесских вотчинах. Этот вывод основан на том, что в османских сведениях в качестве счетной единицы надела фигурирует османский термин «чифт», что буквально означало пару быков или упряжку быков или супрягу. Если в русской податной системе рента фиксировалась по душам (мужским), а в турецкой — по земельным участкам, то в черкесской в основе перечисленных повинностей лежало количество обработанной земли, исчислявшееся количеством плугов и рабочего скота — *дзей*[66]. Поэтому, несомненно, в рассматриваемом случае речь шла о феодальной ренте в черкесских вотчинах. Причем из-за отсутствия государственной централизации в распределении ренты, отношения крестьянина с рентополучателями строились не на двусторонней основе, как в османской системе, а на многосторонней, весь доход с крестьянского производства заранее был поделен «на доли» — пщы и уэркъ'ам. В числе податей были и такие специфические, как, например, плата за сенокос и пользование пастбищами[67].

Лишним подтверждением предыдущего тезиса является и факт существования параллельно с названными податями налогов в пользу османского государства:

— *Ушр* — шариатский 10-процентный налог с годового урожая зерновых.

— *Адет-и агнам* — подоходный налог с мелкого домашнего скота (с двух овец или коз 1 аспр) — платился в пользу Азовской крепости[68].

Из сведений Эвлия Челеби следует, что уплата десятинного налога ушр в османскую казну являлась постоянно предметом спора. Так, в «Книге путешествия» Эвлия Челеби несколько раз отмечено, что черкесы Таманского полуострова не были «достаточно послушными и покорными»[69] и по принуждению платили «кафинскому вали дома Османа»[70] налог ушр. Очевидно, с целью решения проблемы чрезмерного налогового бремени крымский хан Селим-Гирей I ходатайствовал в 1684 г. перед Стамбулом об отмене черкесской податной системы в Кафинском эйялете. Однако он получил ответ от кадия Таманской казы о невозможности этого шага[71]. Это и неудивительно, учитывая то место, которое черкесские пщы и уэркъ'и Таманского архипелага занимали не только в структуре османских войск, но и в выполнении административно-хозяйственных функций, будучи фактически низовыми представителями военной администрации провинций Кафинского эйялета.

Продолжая разговор о типах вотчин, имевшихся в Причерноморье, следует еще сказать, что помимо достаточно крупных земельных пожалований имелись и совсем небольшие. По закону владелец пожалования с доходом в 1 тыс. акче выступал в поход лично, в 3 тыс. — выводил вместе с собой одного экипированного всадника-панцирника (*джебеля*), в 4—4,5 тыс. — помимо панцирника еще одного воина (*гуляма*), а 5—6 тыс. — двух панцирников и т.д.[72] К примеру, селение Бэчокай Таманского санджака было отдано в качестве надела для «кормления» черкесским уэркъ'ам (сипахиям) по имени Сэфэр и Али. По другим данным, в 1653 г. около Таманской крепости были поселен 371 воин из черкесов-жане. Каждому из них было выдано по 1000 кв. м земли[73].

Сипахи были обязаны по приказу султана выходить в поход в составе отрядов санджакбеев или бейлербеев, ведя за собой определенное, в соответствии с доходом со своего надела, число экипированных всадников. В мирное время они жили в том санджаке, где находились данные им в «кормление» наделы.

Как уже отмечалось выше, на Таманском архипелаге имелись поместья самого султана («стоянка сале Шоломкай» — «ханская деревня Арслан-паши»[74] и самое крупное из них — Ада-ий-Шахи (Шахский или Султанский остров[75])) и поместья его пашей (чифитлик Таманлы Осман-паши-оглу[76]).

На Таманском острове оставались некоторые территории вне османской оккупации. Так, здесь располагалась вотчина черкесского сеньора, не входившая в Таманский санджак, — «сале Рамазан-бея»[77]. Эта деревня, являвшаяся «благоустроенным поселением на берегу озера, выплеснутого Черным морем <...> не приписана к какой-либо области, хотя и расположена на Таманском острове»[78].

Торговля в Причерноморье после вызванного османо-крымской экспансией в Крым и в черкесские города спада быстро восстановилась. А.М. Некрасов отмечает, что налоговые реестры османских владений в Северном Причерноморье, относящиеся к первой половине XVI в., «показывают несомненную преемственность с доосманским периодом и в составе населения черноморских городов, и в характере занятий их жителей, и даже в общем облике городов <...> население оставалось в основном на своих местах и занималось в целом тем же, что и раньше»[79]. Объем торговли в XVII в. превзошел уровень генуэзских времен. (В середине XVII в. за 40 дней пребывания в Кафе французский путешественник Шарден насчитал прибытие 400 судов[80].) Ферран О. де ла Монтрэ, побывавший в Черкесии на рубеже XVII—XVIII вв., отзывался о Тамани как о «небольшом, но очень населенном городе»[81]. Эвлия Челеби отмечал, что Тамань

славилась лодками, желтым маслом, сливочным маслом, плетеными ремнями и татарскими хлыстами[82], подтверждая более ранние сведения Э.Д. Д'Асколи, писавшего, что «масло по большей части нагружается в Тамани или Матрике — главном порте Черкесии, подвластной турецкому падишаху и управляемому каффинским пашой»[83]. Масло вывозилось в мешках из бычьих шкур[84].

Второй крепостью Таманского полуострова был Темрюк («один из главных городов Черкесии»[85]), расположенный в 10 милях[86] или восьми часах пути[87] от крепости Тамань «на восточной стороне полуострова, на его конце <...> между рекой Кубань и Азовским морем. По обеим сторонам ее на протяжении приблизительно одного часа пути стелется равнина. Строения этой крепости находятся на исламской стороне от крепости Азак»[88]. Главное предназначение крепости Темрюк состояло в защите оккупированных османами Таманских островов от нападений черкесов.

Построенный в 1515—1520 гг. под охраной большого крымского войска[89], Темрюк представлял собой труднодоступную четырехугольную крепость на песчаном грунте, обнесенную кирпичной стеной. Согласно легенде, она была выстроена по приказу султана Селима I Явуза (Грозного) на месте его встречи с черкесским князем Темрюк-беем, ставшим его верным другом[90]. Внутри крепости располагалось 100 благоустроенных домов, здесь проживали черкесы-мусульмане. Крепость Темрюк была центром Темрюкского воеводства Кафинского эйялета. В ней пребывали кадий, имевший содержания 150 акче в день, и комендант с гарнизоном в 200 янычар. В ее окрестностях, как отмечал Эвлия Челеби, имелось 700 домов-мазанок черкесского типа, три соборных мечети, две — квартальных, 60 лавок, караван-сарай, две бани. Здесь проживало порядка 2000 человек (м. п.). «Они имеют своих черкесских беев и сипахи»[91]. Конные гвардейцы-сипахи находились на султанском жаловании. Черкесские князья отвечали в XVII в. за доставку и охрану припасов и денежной казны, посылавшихся в крепость Азак. Как в крепости Темрюк, так и в крепости Азак (Азов) основным населением были черкесы. Жили они за счет продажи морепродуктов — засоленной рыбы и икры. Они вывозились, за исключением определенного числа бочек с рыбой и икрой, составлявших жалование азакского кадия, из Азова и Темрюка в Кафу, а затем в Трабзон и Константинополь.

К крепости Темрюк прилегала также вотчина одного из черкесских (хегайкских) князей по имени Шабан-оглу, представлявшая собой, по сведениям Дж. да Лукка, огромный густонаселенный край. Владения Шабан-оглу занимали территорию от Темрюка до самого восточного княжества Черкесии Кабарды и тянулись на 18 дней

пути, от Темрюка до соседнего черкесского княжества Жане было два дня пути[92].

Основным населением находившихся за пределами Таманского полуострова территорий были «мусульмане и черкесы»[93]. Под мусульманами, возможно, подразумевались родственные крымским татарам ногаи, которыми крымские ханы начали колонизировать черкесские земли еще в первой четверти XVI в.[94] В рукописи, принадлежащей предположительно османскому дипломату Ахмеду Ресми-эфенди (не позднее 1711 г.), отмечалось, что ногайское подразделение бурлак «из народа называемого ямансадак ногаилы (ногаями ямансадак), проживают у абазинских и черкесских беев. И опять из той же группы людей имеется восемь тысяч, которых называют племенем джедисан. Они живут на земле черкесской области, на берегу реки Лана, недалеко от места, называемого Тыганкалеси (крепость Тыган), которая раньше была восстановлена Девлет-Гирей-ханом»[95].

Основные занятия черкесов и ногаев состояли в рыболовстве и изготовлении «черкесских ногаек из выделанных ремней»[96]. «Рыбная ловля производилась там, где река, называемая Кара Кубан (Черная Кубань), впадает в бухту Ришке, представляющую собой гавань Темрюка»[97]. Ахмед Ресми-эфенди отмечал, что в XVII в. «один из черкесских эмиров имел ярлык от крымского хана, а потом еще по просьбе хана получил ферман от османского государства, заявляя, что она принадлежит им издавна, он присвоил это право и на законном основании получает ежегодно от рыболовства три тысячи гурушей* и крымским ханам за это ничего не дает. А находится это также на полуострове Шахи, на земле султана»[98]. Возможно, что борьба вокруг доходов от рыболовства в Темрюке пришлась как раз на 50—60-е годы XVII в., и когда здесь в 1660-е годы побывал Эвлия Челеби, то он отмечал, что продажа рыбы из гавани Темрюка была блокирована. Это вело не только к потере доходов от рыболовства, но и к потере таможенных пошлин: «Прежде стамбульские суда приставали к крепости Темрюк, пристань большая, [здесь] жил таможенный чиновник. Сколько сотен судов с соленой рыбой, сколько тысяч бочек рыбьей икры заготовляли [здесь] и на судах отправляли во всех направлениях! А теперь из-за того, что пролив закрыт и не могут ходить суда, таможня лишается пятидесяти юков акче** доходу»[99]. Развязку этой ситуации в пользу черкесского князя, владевшего землей, на которой располагалось Темрюкское воеводство, как нам представляется, мы и находим в трактате Ахмеда Ресми-эфенди. По сведе-

---

* Гуруш — османская серебряная монета. — *Ф.О.*

** Юк акче — 100 тыс. акче.

ниям Феррана О. де ла Мотрэ (1711 г.) таможенные сборы в Темрюке от продажи икры, меда, рабов, черкесских лошадей, кож и других предметов составляли 2,5% в пользу султана и 1,5% в пользу крымского хана. Таможенная пошлина вместе с податью, собиравшаяся в Таманском округе, из которой султану платилось $^{2}/_{3}$ этой суммы, а хану — ⅓ — составляла 35 тыс. экю и 7—8 тыс. экю соответственно[100].

Помимо пошлин с рыболовства и морских перевозок таможня Темрюка взимала транзитную пошлину *гёмрюк* и торговую пошлину *бадж* от сухопутной торговли. Изначально эти пошлины шли в османскую казну, но уже по меньшей мере на рубеже XVII—XVIII вв. ее сбор осуществляли представители хана и нуреддина: с одной арбы по 1—2 гуруша, за каждого пленного — 1 гуруш. Количество проезжавших через Темрюк арб могло доходить до 10 тыс. Крымский хан получал доход от этих пошлин в размере двух юк акче[101].

За пределами острова Тамань на месте черкесских городков и генуэзских факторий на побережье Азовского моря в XVI в. были выстроены крепости Каплу и Кызыл-Таш. Каплу возникла на месте древней Копы — основного центра обработки и торговли морепродуктами в XIV—XV вв. С начала XVII в. она являлась резиденцией кубанского сераскира[102].

Крайней оконечностью Кафинского эйялета было Адахунское воеводство. Здесь на заливе Адахун в 1515—1516 гг. по приказу султана Селима I для отражения атак черкесов на занятые османскими гарнизонами таманские города была выстроена из красного кирпича крепость Кызыл-Таш (Красный камень). Она была оснащена 10 крупными полевыми пушками. Эвлия Челеби писал: «К северу от крепости находится около восьмидесяти черкесских домов, построенных из камыша. Есть единственная мечеть без минарета и одна водяная мельница. <...> Очень много огородов, обнесенных плетнями. Здесь кончается султанский остров и Кафинский эйялет»[103].

Подконтрольная османам территория Таманского санджака отличалась лабильностью. Борьба черкесских князей за прерогативные права заключалась как в стремлении освободить свои земли от османской оккупации, так и за сохранение своих экономических прав и привилегий как можно в большом объеме. В XVII в., согласно сведениям европейских путешественников (Дж. Да Лукка, Э.Д. Д'Асколи, А. Олеарий, А. Ламберти, Ж.Б. Тавернье, Н. Витсен, Я. Стрейс, Ферран О. де ла Мотрэ[104]) и османских источников, в том числе и Эвлия Челеби, реальный контроль османских властей никогда не выходил за узкую прибрежную полосу вблизи гарнизонов крепостей[105]. Ферран О. де ла Мотрэ писал, что на рубеже XVII—XVIII вв. вся торговля в причерноморских городах осуществлялась черкесами, а «турки

не осмеливаются идти дальше причерноморских пристаней Босфора Киммерийского и ожидают там вышеупомянутых черкесов, которые отправлялись их (т.е. рабов и лошадей) покупать и привозили вместе с другими товарами, которые получают из Черкесии, вроде меда, кож, шкур ягнят и других мехов, сабель, ножей и т.д.»[106].

Таким образом, в конце XVI — XVII в. в оккупированные османами черкесские города, инкорпорированные в военно-административную систему Османской империи, покинутые жителями в период их оккупации, вернулось значительное число черкесского населения. Одна из волн такого возвращения пришлась на 1570—1580-е годы и была осуществлена под контролем властей Кафинского эйялета. В середине XVII в. черкесы были единственной группой населения, проживавшей на Таманском архипелаге. Между побережьем и основной территорией страны существовала обширная буферная зона. Наряду с устроенными крымскими ханами между отдельными черкесскими княжествами ногайскими и абазинскими колониями, она была призвана сдерживать черкесскую реконкисту на Тамань и Крым.

[1] Материалы по истории русской картографии / собрал В. Кордт. — Нальчик, 2009. — Вып. I. — Карты IV, XII, XI, XIV—XVI, XXV—XXVII, XXIX; Черкесия в картах XIV—XIX веков / сост. Б. Езбек, Х.М. Дауров, А.В. Джамирзе, С.Х. Хотко. — Краснодар, 2011. — С. 60—65; *Тунманн И.* Крымское ханство /пер. с нем. изд. 1784 г. Н.Л. Эрнста, С.Л. Белявской. — Симферополь, 1991. — С. 61, 63—64; Северный Кавказ в европейской литературе XIII—XVIII веков: сборник материалов / издание подготовил В.М. Аталиков. — Нальчик, 2006. — С. 46; *Эвлия Челеби.* Книга путешествия: (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Пер. и коммент. — М., 1979. — Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / примеч. А.П. Григорьева, А.Д. Желтякова. — С. 57; *Ракинт А.* Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен святых апостолов до XIX столетия: (сочинение Генерального штаба полковника Ракинта. СПб., 1862). — Нальчик, 2012. — С. 12.

[2] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2 т. — М., 2005. — Т. 1: Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. / отв. ред. С.Ф. Орешкова; *Кушева Е.Н.* Племена Северо-Западного Кавказа XVI—XVII вв. по документам русских архивов // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: сб. ст. к 70-летию А.А. Новосельского. — М., 1961. — С. 252—259; Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. — Кишинев, 1973; Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. — М., 1979; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв.: главные тенденции политических взаимоотношений. — М., 1984; Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура: сб. ст. — М., 1990; Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. — М., 1996; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. — М., 1998. — Ч. 1: Главные тенденции политических

взаимоотношений; М., 2001. — Ч. 2; *Сокуров В.Н.* Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII — начале XVIII века // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. — Нальчик, 1976. — Вып. 10. — С. 27—40.

[3] Российский архив древних актов (РГАДА). — Ф. 23 (Кавказские дела); Ф. 115 (Кабардинские, черкесские и др. дела); Ф. 121 (Кумыцкие и Тарковские дела); Ф. 123 (Сношения России с Крымом); Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами).

[4] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: документы и материалы: в 2 т. — М., 1957. — Т. 1: XVI—XVII вв. / сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов; ред. Т.Х. Кумыков, Е.Н. Кушева. — С. 72—379.

[5] Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650—1652 / документы издал и введением снабдил М.[А]. Полиевктов. — Тифлис, 1926; Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640-1643 гг. / документы издал и введением снабдил М.[А]. Полиевктов. — Тифлис, 1928; Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615—1640 гг. (Посольства: Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифора, Генева и Волконского) / документы к печати подготовил и предисл. снабдил М.[А]. Полиевктов. — Тбилиси, 1937.

[6] История адыгов в документах Османского государственного архива / отв. ред. Б.Х. Бгажноков; сост. А.В. Кушхабиев. — Нальчик, 2009. — Вып. 1. — С. 8.

[7] Книга законов султана Сулеймана Кануни. URL: http://archive.is/Nlkpq (дата обращения: 11.03.2014); *Брун Ф.* Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1875. — Т. 9. — С. 161—188; *Эвлия Челеби*. Книга путешествия: (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). — Вып. 2; Книга путешествий: турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666—1667 гг.) / пер. и коммент. Е.В. Бахревского. — Симферополь, 1999; Трактат Али Чауша из Софии о тимариотской организации в Османской империи. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XV/Agrar_stroj/3/1.htm (дата обращения: 11.03.2014); *Весела З.* Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / под ред. А.С. Тверетиновой. — М., 1969. — С. 98—137; *Орешкова С.Ф.* Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества. Приложение: Отрывок из сочинения Хюсейна Хезарфенна «Телхис эль-юбеян фи каваныи-и ал-и осман» // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. — М., 1990. — С. 265—289.

[8] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 42.

[9] *Потто В.А.* Два века терского казачества (1577—1801) — [Репр. воспроизв. изд. 1912 г.]. — Ставрополь, 1991. — С. 47.

[10] Северный Кавказ в европейской литературе XIII—XVIII веков. — С. 45—139.

[11] *Иззет А.* История переселения народов Северного Кавказа // Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского центра Российской академии наук (АИГИ КБНЦ РАН). — № 2811/1; *Bilge Sadik Müfit*. Osmanli Çaği´nda. Kafkasya, 1454—1829 (Tarih — Toplum — Ekonomi). — İstanbul, 2012. — S. 382. Благодарим Абазэ Ибрахьима за предоставленный в наше распоряжение перевод этой монографии с турецкого на черкесский язык. — Личный архив Ибрахьима Абазэ.

[12] Санджак — крупная военно-административная единица в Османской империи, во главе которой стоял санджакбей.

[13] Эйялет или вилайет — наиболее крупная военно-административная единица Османской империи, управлявшаяся бейлербеем.

[14] *Тунманн И.* Указ. соч. — С. 35.
[15] *Некрасов А.М.* Избранные труды. — Нальчик, 2015. — С. 166.
[16] Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. — С. 5.
[17] Там же.
[18] Великий везир — глава правительства султанской Турции (до 1922 г.).
[19] *Эвлия Челеби.* Указ. соч. — С. 26, 219.
[20] Книга путешествий: турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме ... — С. 86, 127, 129—130.
[21] Там же. — С. 86.
[22] Там же.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] Сальяне *(перс.* саль — «год») — годовой налог, взимаемый с эйялетов, или государственные таможенные сборы. Шел на содержание местных гарнизонных и других населенных войск, находившихся в распоряжении бейлербеев, но иногда целиком поступал в государственную казну. Также называлось годовое содержание хана, правителя эйялета или санджака, передаваемых им как государственное жалованье.
[26] *Sadik Müfit Bilge*. Op. cit. — S. 382.
[27] Книга путешествий: турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме ... — С. 88.
[28] *Эвлия Челеби.* Указ. соч. — С. 26, 42, 221, 224—225.
[29] Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. — С. 267.
[30] Книга путешествий: турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме ... — С. 87.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] *Брун Ф.* Указ. соч. — С. 183.
[34] Книга путешествий: турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме ... — С. 87.
[35] *Эвлия Челеби.* Указ. соч. — С. 42, 51.
[36] Книга путешествий: турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме ... — С. 87; *Эвлия Челеби.* Указ. соч. — С. 28. В определении статуса Азака Эвлия Челеби (или переводчики?) противоречив: с 1657 г., по одним его данным, Азакский санджак был самостоятельным эйялетом *(Эвлия Челеби.* Указ. соч. — С. 225), по другим — «после восстановления крепость вновь стала резиденцией санджакбея, подчиненного Кафинскому эйялету. Ее комендантом был поставлен двухбунчужный мирмиран-паша» (Там же. — С. 40—41). По третьим данным — центр Кафинского эйялета в то время был перенесен из Кафы в Азов, а город Кафа стал каймакамством (Книга путешествия: турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме ... — С. 87). Однако если судить по более поздним событиям, административная структура Кафинского эйялета не претерпела кардинальных изменений, но Азакскому санджаку после восстановления был придан более высокий статус. Крепость Азов была капитально перестроена и вооружена: «на снаряжение, оборудование и прочие необходимые [расходы] истрачено пять тысяч кошельков» *(Эвлия Челеби.* Указ. соч. — С. 41).
[37] Книга путешествий: турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме ... — С. 88.
[38] Там же. — С. 87—88.
[39] Там же. — С. 87; *Sadik Müfit Bilge*. Op. cit. — S. 84, 576—578.
[40] *Эвлия Челеби.* Указ. соч. — С. 43. Кадий — мусульманский судья, глава административно-судебного округа.
[41] URL: http://vostlit.narod.ru/Texts/rus6/Tolstoj/primtext1.htm (дата обращения: 11. 03. 2014).

[42] Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. — С. 51.
[43] Там же. — С. 239—240.
[44] Там же. — С. 5—7.
[45] Там же. — С. 241.
[46] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 51.
[47] Книга путешествий: турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме ... — С. 75.
[48] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 42.
[49] Там же. — С. 50.
[50] *Озова Ф.А.* Очерки политической истории Черкесии. — Пятигорск; Черкесск, 2013. — С. 37—44, 68.
[51] Там же. — С. 51.
[52] Там же. — С. 42, 51.
[53] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 42.
[54] Северный Кавказ в европейской литературе XIII—XVIII веков. — С. 56.
[55] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 43.
[56] Там же. — С. 43—45.
[57] Книга путешествий: турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме ... — С. 106.
[58] Трактат Али Чауша из Софии о тимариотской организации в Османской империи. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XV/Agrar_stroj/3/1.htm (дата обращения: 11.03.2014).
[59] *Sadik Müfit Bilge*. Op. cit. — S. 401.
[60] *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина: к проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. — Нальчик, 1992. — С. 16—17.
[61] *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. — Нальчик, 2009. — С. 191.
[62] Там же.
[63] Там же. — С. 195.
[64] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 49, 251.
[65] *Sadik Müfit Bilge*. Op. cit. — S. 394.
[66] *Кажаров В.Х.* Указ. соч. — С. 22—26.
[67] Там же. — С. 24.
[68] *Sadik Müfit Bilge*. Op. cit. — S. 394.
[69] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 51.
[70] *Там же*.
[71] *Sadik Müfit Bilge*. Op. cit. — S. 394.
[72] Книга законов султана Сулеймана Кануни. URL: http://archive.is/Nlkpq (дата обращения: 11.03.2014).
[73] *Sadik Müfit Bilge*. Op. cit. — S. 397.
[74] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 45, 225.
[75] *Весела З.* Указ. соч. — С. 124.
[76] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 46.
[77] Там же. — С. 45.
[78] Там же.
[79] *Некрасов А.М.* Указ. соч. — С. 167.
[80] Цит. по: *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. — М., 1973. — С. 144.
[81] Северный Кавказ в европейской литературе XIII—XVIII веков. — С. 114.
[82] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 51.
[83] Северный Кавказ в европейской литературе XIII—XVIII веков. — С. 55.
[84] *Sadik Müfit Bilge*. Op. cit. — S. 401.
[85] Северный Кавказ в европейской литературе XIII—XVIII веков. — С. 49.
[86] Там же. — С. 115.

[87] *Весела З.* Указ. соч. — С. 124.
[88] Там же.
[89] *Некрасов А.М.* Внешнеполитические предпосылки вхождения адыгов в состав русского государства в первой половине XVI в. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. — Ростов н/Д, 1985. — № 4. — С. 47.
[90] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 48.
[91] Там же. — С. 46—47; *Весела З.* Указ. соч. — С. 124; *Sadik Müfit Bilge*. Op. cit. — S. 401.
[92] Северный Кавказ в европейской литературе XIII—XVIII веков. — С. 46.
[93] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 47.
[94] Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. — СПб., 1791. — Ч. 7. — С. 141.
[95] *Весела З.* Указ. соч. — С. 124, 135 (примеч. 46). (25.03.1699—26.12.1702, 26.12.1707—29.03.1713, 1716—16.12.1716).
[96] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 47.
[97] *Весела З.* Указ. соч. — С. 128.
[98] Там же.
[99] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 46—47, 51.
[100] Северный Кавказ в европейской литературе XIII—XVIII веков ... — С. 115.
[101] *Весела З.* Указ. соч. — С. 128.
[102] Очерки истории Адыгеи. — Майкоп, 1957. — С. 125.
[103] *Эвлия Челеби*. Указ. соч. — С. 50.
[104] Северный Кавказ в европейской литературе XIII—XVIII веков. — С. 45—139.
[105] Очерки истории Адыгеи. — С. 125; *Sadik Müfit Bilge*. Op. cit. — S. 68.
[106] Северный Кавказ в европейской литературе XIII—XVIII веков. — С. 109.

О.А. Теуш

ОПИСАНИЕ СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ В КНИГЕ А.С. ПАНКРАТОВА «МИЛЛИОНЫ В ЗЕМЛЕ: ПОЕЗДКА НА РЕКУ УХТУ» (М., 1914)

Статья посвящена редкому, но ценному в историческом и лингвистическом отношении описанию путешествия на Европейский Север России. Анализ текста позволяет выявить редкие этнографические, исторические и лингвистические сведения.
Ключевые слова: топоним; лексика; коми-зыряне; Север Европейской России.

O.A. Teush
The description of the northern lands in the book A.S. Pankratov "Millions in the ground: A trip on the river Ukhta" (M., 1914)

The article is devoted to the rare but valuable historical and linguistic relation to the description of travel in the European North of Russia. An analysis of the text reveals a rare ethnographic, historical and linguistic information.
Keywords: place-name; vocabulary; Komi peoples; North of European Russia.

Река Ухта — приток р. Ижма, в свою очередь впадающей в р. Печора. Город Ухта в настоящее время является одним из районных центров Республики Коми. А.С. Панкратов пишет об Ухте так: «Ухта не упоминается ни в одной географии. Не на всякой карте можно найти реку Ухту»[1]. Путь на Ухту представлялся путешественнику очень опасным. Автор книги описывает его через пословицу: «Поедешь направо — смерть найдешь, налево — татарин зарубит»[2].

Местные названия в книге немногочисленны, встречаются только при описании пути или же если автора заинтересовало их происхождение. Так, описывая прошлое территории, А.С. Панкратов упоминает Сидоровскую избу: «Старик рассказывал, что в 1872 г. Ухту посетили "австрийцы" вместе с Сидоровым»[3].

Описывая свой маршрут, автор указывает названия географически необычных объектов: «За Тотьмой проехали знаменитыя "Опоки". Здесь на расстоянии трех верст вода незаметно падает на шесть аршин вниз»[4].

Для двух топонимов А.С. Панкратов приводит местные легенды, связанные с распространением христианства: «Около Кошек деревня Ляли. Тут тоже наивная легенда: Св. Стефан пришел сюда и встретил зырян пляшущих и припевающих: "ляли! ляли!" Будьте же вы навек

“ляли”, — сказал святой»[5]. Историю топонима *Кошки* (деревня) также связывают со Стефаном Пермским: «Степан великоперский, просветитель мира, обратил здешних жителей в христианство и запретил им есть белку. А когда он ехал обратно на каменном пароме, то кошкинцы закричали ему: «Стефане, Стефане! А мы опять белку едим». — «Будьте вы как кошки, — ответил разгневанный святитель, — ни сыты, ни голодны». Оттого деревня теперь и называется Кошками. Но существует и другая легенда. Кошками святой назвал село за то, что жители его встретили проповедь христианства мяуканьем»[6]. Последнее название (*Кошки*) в действительности производно от *диал.* кошка — песчаная или каменистая отмель[7].

Близка к реальности этимология топонима *Половники* (деревня): «Здесь жил когда-то вассальный зырянский князь. Его называли “половник”, т.е. вассал, рабочий князя. А в следующем селе Княжпогосте жил сам наибольший зырянский князь»[8].

Лексика, используемая А.С. Панкратовым, в целом является литературной. Ряд слов указывает на официально-деловой стиль: *земские средства*, *столбопромышленники*, *незаконное собрание*. Обращает на себя внимание лексема *политик*: «но высылает сюда “политиков” не высшая администрация, а Яренский исправник»[9]. Очевидно, этим словом (в словарях не зафиксировано) обозначаются политические ссыльные.

При освоении бассейна р. Ухта русское население (*проведчики*)[10] пользовалось помощью местных жителей. Ими были коми-зыряне, о которых сохранились местные предания: «Давно, давно пришел сюда один зырянин с семьей и осел. Прошло 40—50 лет и теперь из одной семьи образовалось пять. Семьи волошных зырян богатыя. Они дорого берут или вернее сказать дерут за переволок лодок. У них прекрасная охота и рыбная ловля. Но самая главная их прибыль от того, что негде достать водки»[11].

В тексте книги встречаются заимствования из коми языка. «После обеда плыли до вечера. Часов в 8 останавливались у “керки”. Мое беспокойство по поводу ночевки оказалось напрасным. Ночевали мы превосходно. Впрочем, все на свете условно... Керка — это промышленная изба зырянина. Зыряне зимой уходят недели на 3—4 на охоту за тетеревами и рябчиками и ночуют в своих керках. Забираются они далеко от дома — за сотни верст. Керки разбросаны по берегам всех рек. Во всякое другое время “керка” является общественным достоянием. Она не запирается. В ней можно найти приспособления для варки, а иногда — сухие дрова. Мы останавливались у керки и ужинали. Опять вкусная кашица и бой с комарами. Потом Филипп затапливал печку в самой керке. Выгонял дымом комаров. Печка топится по-черному и дым остается в ней. Лишь на полу на поларшина вверх

оставалось пространство, незанятое дымом. В эти поларшина мы и влезали. Окон в керке почти нет. Если же они есть, то Филипп тщательно их закупоривал. В керке было темно, как в душе грешника, носился дым, жара была адская. Чтобы дымъ не лез в глаза, я завертывался в одеяло, но через пять минут был мокрый от пота. Приходилось выбирать одно из двух: или дышать дымом или мокнуть»[12].

В другом контексте употреблено слово *чемкос*: «Зыряне считают не верстами, а “чемкосами”. В каждом чемкосе по 5—7 верст. “Чемкос маленький”, “чемкос большой”. Тридцать пять верст здесь считается немного. У некоторых зырян пожня за 300—500 верст от дома. Таковы расстояния в этом девственном крае»[13].

Поскольку текст посвящен путешествию, в нем нередко встречаются названия дорог. «На этот “зимняк” нужно 70 тыс. Земство ассигновало 35 тысяч своих денег. И столько же вздумало попросить у министерства финансов. Но оно вновь отказало»[14]. «Наконец, наша лодка стукнулась о землю. Пред нами материк. Это и есть так называемый “волок” — пространство в шесть верст, по которому нужно вести лодку на лошадях, а потом спустить ее в реку Ухту»[15].

Нередко в северных районах России передвигаются по рекам. Часть путешествия А.С. Панкратова была таковой: «Работа у них тяжелая: целый день, стоя, “идти на шестах”. На веслах против течения, здесь очень сильнаго, далеко не уедешь. На шестах же мы уплывали верст по 30—40 в день»[16].

Помощь путешественнику при передвижении по реке также оказывали коми-зыряне: «Единственный способ передвижения — лодка. Отсюда только речной путь на Ухту. Я нанял зырянскую лодку с двумя провожатыми — зырянами. “Ямщиками”, как их здесь зовут. Предварительно спросил:

— А доедем ли? Не обмелели ли реки?

— Если обмелели, потащим волоком»[17].

Автор упоминает об обычаях коми: «Целыми месяцами они бывают отрезаны от всего мира. Зиму отсиживаются в избах, как медведи в берлоге. Детей крестят через полгода. Беда, если кто умрет зимой, или в полую воду. Зарывай не отпетым»[18]. В этом контексте употреблено и необычное сравнение *медведи в берлоге*, хорошо характеризующее быт коми-зырян.

В книге встречается еще одно сравнение: «Как птицы проносимся в водовороте порога Комон Леля»[19].

А.С. Панкратов приводит также текст былички: «Бес — хороший, — говорит Филипп. — Это он не дает тонуть лодке и лошадям, когда они плывут по реке. А если осерчает на что, — быть беде. Лешак больше шалит. Один мужик был далеко один на пожне. Пожелал он

свою бабу. Она и пришла к нему и жила с ним две недели. Поехали они потом домой, она дорогой утонула. Погоревал мужик и приехал домой. Глядит — баба жива, здорова и на пожню к нему не ездила. На другой год мужик опять поехал на пожню. Видит, идет опять она, прошлогодняя баба, но не одна, а в руках у нея ребенок. Я к тебе, — говорит она, — это твой ребенок. Не нужна ты мне, — отвечает он. Она заплакала, а потом взяла ребенка, разорвала на части, одну часть бросила ему, а другую унесла с собой в лес. И больше не приходила...»[20].

Таким образом, небольшое, но емкое описание путешествия, составленное А.С. Панкратовым, является ценным источником по истории Севера Европейской России и народа коми. Книга содержит ценный лингвистический и этнографический материал, дополняющий известные по другим источникам факты.

1 *Панкратов А.С.* Миллионы в земле: поездка на реку Ухту. — М., 1914. — С. 8.
2 Там же.
3 Там же. — С. 37.
4 Там же. — С. 15. Ср.: *опока* — любая известковая порода, известняк. См.: Словарь русских народных говоров. — Л., 1987. — Вып. 23. — С. 272.
5 *Панкратов А.С.* Указ. соч. — С. 28.
6 Там же.
7 Словарь русских народных говоров. — Л., 1979. — Вып. 15. — С. 149.
8 *Панкратов А.С.* Указ. соч. — С. 38. Ср.: *половник* — в Древней Руси феодально зависимый крестьянин. См.: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.; Л., 1960. — Т. 10. — Стб. 1036.
9 *Панкратов А.С.* Указ. соч. — С. 33.
10 Там же. — С. 37.
11 Там же. — С. 63.
12 Там же. — С. 55. Лексема *ке́рка* (изба) восходит к коми *керка* — дом, изба. См.: Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. — Сыктывкар, 1961. — С. 153.
13 *Панкратов А.С.* Указ. соч. — С. 47. Лексема *че́мкос* — «приблизительное, между двумя урочищами расстояние» заимствована из коми t′*ś*omkos «расстояние между двумя такими кладовыми», при коми t′*ś*om «кладовая», *kost* «промежуток». См.: *Фасмер*. М.: Этимологический словарь русского языка. — М., 1973. — Т. 4. — С. 332.
14 *Панкратов А.С.* Указ. соч. — С. 39. Ср., *зимняк* — дорога, по которой ездят только зимой. См.: Словарь русских народных говоров. — Л., 1976. —Вып. 11. — С. 272.
15 *Панкратов А.С.* Указ. соч. — С. 63. Ср. *во́лок* — лесная гужевая дорога. См.: Словарь русских народных говоров. — Л., 1970. — Вып. 5. — С. 49.
16 *Панкратов А.С.* Указ. соч. — С. 53. Выражение *идти на шестах* означает плыть на лодке против течения реки, отталкиваясь шестом. См.: Картотека Словаря говоров Русского Севера (Екатеринбург, Уральский Федеральный университет, кафедра русского языка и общего языкознания).
17 *Панкратов А.С.* Указ. соч. — С. 48.
18 Там же. — С. 63. Ср. *по́лый* — разлившийся в половодье (о реке). См.: Словарь русских народных говоров. — СПб., 1995. — Вып. 29. — С. 174.
19 *Панкратов А.С.* Указ. соч. — С. 64.
20 Там же. — С. 58. Ср.: *леша́к* — в суеверных представлениях лесной дух в образе очень высокого человека; леший. См.: Словарь русских народных говоров. — Л., 1981. — Вып. 17. — С. 30.

К.А. Аверьянов

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТОГРАФИЯ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XXI В. (опыт создания исторических атласов)

Дается обзор российских и советских исторических атласов XIX—XX вв. Первоначально это были по преимуществу издания, предназначенные для школы. С середины XX в. появляются научные издания, среди которых выделяются «Морской атлас» и карты И.А. Голубцова. Анализируются современные российские исторические атласы, включая «Национальный атлас России», в сравнении с аналогичными изданиями бывших союзных республик.
Ключевые слова: историческая картография; исторические атласы; национальные атласы.

K.A. Averyanov
Historical cartography of Russia XIX — beginning of the XXI century (Review of historical atlases)

The review of Russian and Soviet historical atlases of the XIX—XX centuries is given. Initially these were mainly editions intended for the school. Since the mid-XX century appeared scientific publications, among which are the "Marine Atlas" and maps of I.A. Golubtsov. Modern Russian historical atlases, including the "National Atlas of Russia", are compared with similar editions of the former Soviet republics.
Keywords: historical cartography; historical atlases; national atlases.

В свое время крупнейший голландский картограф XVI в. Абрахам Ортелий высказал крылатую фразу, что «география является глазами истории». К сожалению, в отечественной исторической науке ныне образовался серьезный разрыв между историей и картографией. Многие научные труды, а также учебная литература по истории до сих пор плохо сопряжены с историческими картами. Между тем карты являются весьма эффективным средством передачи пространственно-исторической информации. Они позволяют осуществлять единовременный обзор пространства в любых пределах — от небольшого участка местности до региональных либо континентальных масштабов, создают уникальный пространственный образ отображаемых исторических событий и явлений, содержат их необходимые количественные и качественные характеристики, делают наглядными пространственные взаимосвязи и закономерности размещения тех или иных явлений и событий.

Если говорить о российской исторической картографии, то она возникает лишь в начале XIX в. Первоначально это были перевод-

ные издания. Таков, к примеру, переведенный с французского языка атлас Лесажа, содержащий сведения в основном по западноевропейской истории и доводивший их до начала XIX в., которые сопровождаются обширными генеалогическими схемами королевских династий, хронологическими таблицами. Хотя в атласе и имеется раздел по истории России, переводчиком Е.М. Шавровым особо оговаривалось, что история нашего Отечества «представлена в самом недостаточном сокращении», поскольку в атласе ей была посвящена всего лишь одна карта[1].

Первым собственно российским стал составленный на основе «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина исторический атлас И. Ахматова (1766—1829), на картах которого была отражена российская история с древнейших времен до конца XV в. Инициатором составления карт явился непосредственно сам выдающийся историограф. Так же как и в его «Истории», карты в атласе И. Ахматова даются по княжениям русских князей. Первая часть содержит 36 карт до 1125 г. — начала княжения Мстислава Владимировича, вторая — 35 карт и посвящена событиям с 1132 по 1480 г. И. Ахматов намеревался составить карты ко всем томам «Истории» Н.М. Карамзина, но смерть помешала ему осуществить этот замысел. Атлас вышел в свет в 1829 и 1831 гг. уже после его кончины[2].

Все последующие российские дореволюционные исторические атласы (Н. Павлищева, Е.Е. Замысловского, А.В. Добрякова, Н.Н. Торнау и др.) являлись учебными и в силу этого были достаточно схематичными[3]. На картах отображались только административные границы, города, а для ранних этапов — расселение славянских племен. Карты атласов вообще были слабо заполнены. В частности, карта России XIX в. в одном из наиболее распространенных — атласе Е.Е. Замысловского была дана даже без железных дорог. Это дало повод известному историку П.Н. Милюкову в рецензии на последнее издание атласа Е.Е. Замысловского назвать его карты «пустыми» — в буквальном значении этого слова. Что касается атласов по всеобщей истории, то практически все они являлись переводными[4].

Указанные атласы являлись отражением общего состояния российской исторической картографии, сильно отстававшей от уровня развития исторической науки. Особенно показательно это на фоне тогдашнего уровня исторической географии. В начале XX в. было издано несколько курсов лекций по русской исторической географии: М.К. Любавского (1909 г.), С.К. Кузнецова (1910—1912 гг.), С.М. Середонина (1916 г.), А.А. Спицына (1917 г.). Из них лишь книга С.М. Середонина была снабжена двумя картами, другие вышли в свет без карт[5]. Не снабжались картами общие труды и лекционные

курсы, такие, как труд С.М. Соловьева, курсы В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова.

Вместе с тем, дореволюционная историография знает и примеры очень содержательных карт, приложенных к некоторым монографиям — Ю.В. Готье, М.М. Богословского, М.К. Любавского[6], которые до сих пор не утратили своего научного значения.

Несколько особняком стоят дореволюционные военные атласы, которые готовились специалистами Военно-топографического депо Генштаба. Они отражали ход военных действий наиболее значимых войн как России, так и западноевропейских стран[7].

В послереволюционное время первой попыткой создать принципиально новое в отечественной исторической картографии стал «Русский исторический атлас» К.В. Кудряшова, вышедший в 1928 г. и содержавший 58 карт по российской истории. Принципиально новым моментом стало включение в атлас значительного числа карт, посвященных экономической истории — торговым путям, колонизации ряда окраин страны. Работа над атласом заняла у автора полтора десятилетия — в предисловии он указывал, что начал заниматься ею еще в 1910—1912 гг.[8]

Следующим этапом развития советской исторической картографии после публикации известного постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» стало составление исторических карт (как настенных, так и в учебниках) для школ и вузов. Всего их было издано около 60. В их создании активное участие приняли видные историки: Ю.В. Готье, Б.А. Рыбаков, В.А. Сыроечковский, С.Б. Веселовский, И.А. Голубцов.

Если говорить об исторических атласах, то наиболее ранний опыт их составления относится к 1937 г. В первом томе «Большого советского атласа мира» увидели свет несколько исторических карт (карты важнейших географических открытий, раздел мира в конце XVIII в. и XIX в., административное деление Российской империи на 1914 г., Первая мировая война) [9]. Во втором томе атласа, вышедшем в 1939 г., была помещена 21 карта по истории Гражданской войны[10].

Однако первые советские исторические атласы вышли только после Великой Отечественной войны. В 1946 г. был выпущен «Атлас карт и схем по русской военной истории» Л.Г. Бескровного[11]. В следующем году увидел свет «Атлас офицера», подготовленный Военно-топографическим управлением Генерального штаба Вооруженных сил СССР[12]. Атлас состоял из четырех разделов, из которых наиболее обширным был третий, отразивший главные события мировой и российской военной истории начиная с древнейших времен и до окончания Второй мировой войны. Особенно полно были от-

ражены события Гражданской и Великой Отечественной войн. При этом события последней были картографированы впервые именно на картах и схемах «Атласа офицера».

Тогда же вышел и первый советский школьный атлас истории СССР, предназначенный для учащихся 8—10 классов, в котором впервые, хотя и в схематическом виде картографически был показан общий процесс исторического развития страны с древнейших времен до современности. Всего в трех частях атласа было 102 страницы карт, на которых размещалось 94 карты и при них 78 врезок[13].

Следует также отметить изданный в 1959 г. и предназначавшийся для студентов атлас по истории географических открытий, в котором на 80 листах было помещено около 150 карт, а также даны копии старинных карт[14].

Первые два послевоенных десятилетия можно без преувеличения назвать «золотой эпохой» советской исторической картографии. Именно в эти годы вышел посвященный истории войн и военно-морского искусства третий том «Морского атласа», на долгие десятилетия ставший во многом непревзойденной и поныне вершиной картографического искусства. Этот том был выпущен в двух частях. Первая часть состоит из 45 листов, содержащих 395 карт и схем, и охватывает период с древности до 1918 г. Во второй части 59 листов, на которых размещена 331 карта. Здесь отражены важнейшие события военной истории от Октябрьской революции 1917 г. до конца Второй мировой войны. В качестве приложений к каждой части III тома «Морского атласа» были изданы отдельно описания к картам. В них изложен ход исторических событий, отраженных на картах, даны необходимые пояснения относительно связи событий между собой[15].

Официально III том «Морского атласа» был посвящен военно-морской истории. Но поскольку каждая война велась одновременно и на море, и на суше, составители атласа стремились показать операции как на морском, так и на сухопутном театре военных действий. Поэтому в нем освещается вся военная история России и всего мира от античности до наших дней. При этом, помимо карт, непосредственно посвященных военным действиям, в атлас включены карты, показывающие общеисторическую обстановку, вызвавшую каждую крупную войну. Для отдельных этапов истории России в атласе помещены военно-экономические карты, отражающие зависимость способов ведения войны от развития производства. Широко представлены и политические карты. Сочетание военно-исторических, военно-экономических и политических карт позволило в итоге дать в атласе картографическую картину практически всей истории стра-

ны. В целом III том «Морского атласа» явился самым крупным произведением советской исторической картографии[16].

Но в эти годы советская историческая картография развивалась не только в рамках военной истории. Именно тогда выходит в свет второе издание «Большой советской энциклопедии», для томов которой были выполнены несколько сот исторических карт — как по русской, так и всеобщей истории.

Развитие исторической картографии в это время во многом было связано с именем Ивана Александровича Голубцова (1887—1966). Ему принадлежит авторство несколько сотен исторических карт, изданных в составе атласов, школьных и вузовских учебников, монографий и статей, начиная с древнейших периодов вплоть до середины XX в.

Можно сказать, что любое издание конца 1930-х — начала 1960-х годов, где была помещена та или иная историческая карта, в той или иной степени было связано с именем Ивана Александровича. Несколько лет он являлся консультантом по историческим картам III тома «Морского атласа», а настоящими шедеврами картографического искусства являются его подробные карты к академическим многотомным «Очеркам истории СССР», «Истории Москвы», «Всемирной истории»[17]. При всем этом он не имел никакой ученой степени. Только в 1963 г. по настоянию коллег он, в возрасте 75 лет, решился на защиту кандидатской диссертации, которая, по решению диссертационного совета, была признана докторской[18].

В начале 1960-х годов Виктором Корнельевичем Яцунским (1893—1966) была выдвинута идея создания академического исторического атласа СССР, который должен был состоять из двух томов (досоветский и советский периоды). Им же был разработан ориентировочный список карт первого тома атласа из 263 карт[19]. В конце 1962 г. им была организована Группа исторической географии в Институте истории АН СССР, которая объединила для работы с этой целью историков союзных республик, археологов, картографов и этнографов. После кончины Виктора Корнельевича эту работу продолжили Л.Г. Бескровный и Я.Е. Водарский[20].

К сожалению, это издание так и не увидело свет, хотя к концу 1980-х годов первый том атласа был в значительной части закончен. Главной причиной этого стала высокая трудоемкость тогдашней технологии составления карт, основными этапами которой являлись подготовка картографической основы, создание составительского макета и только потом издательского оригинала карты, что приводило к большим финансовым затратам. С другой стороны, спецификой исторических карт является сложность их составления. Помимо

знания конкретного исторического материала, который кладется в основу той или иной карты, ее автору необходимо учитывать массу других, на первый взгляд, мелких вещей, о которых историк иногда просто не задумывается. Это касается государственных и административных границ, названий географических объектов, их локализации, географии путей сообщения и т.п. Неспециалисту может показаться, что эти вещи имеют лишь косвенное отношение к теме карты, но без них ее просто нельзя вычертить.

Все это в итоге привело к тому, что 70—80-е годы XX в. стали временем определенного застоя для советской исторической картографии. В основном она использовала ранее достигнутые результаты. В частности, составленные для второго издания «Большой советской энциклопедии» карты были повторены (иногда — с некоторыми уточнениями) в «Советской исторической энциклопедии», третьем издании «Большой советской энциклопедии». Из относительно новых изданий к юбилеям выходили в свет историко-партийные атласы, которые неоднократно переиздавались («Ленин. Историко-биографический атлас», «Великий Октябрь», «Города-герои Великой Отечественной войны», «История Коммунистической партии Советского Союза» и др.)[21].

Первые годы XXI в. стали в России началом нового этапа в развитии исторической картографии. В значительной степени это было связано с изменением технологий составления карт, когда вместо кропотливого ручного рисования карт пришли электронные методы их составления, а также оцифровки старых карт.

В первую очередь увидели свет атласы по военной истории. Связано это было с тем, что большая часть карт, созданных в советское время, была посвящена именно истории войн и сражений. В 2003 г., а затем в 2006 г. вышел «Военно-исторический атлас России, IX—XX вв.», содержащий более 600 карт[22]. В 2005 г. увидел свет атлас «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.», где помещено 180 карт, посвященных всем значимым военным операциям войны[23]. Также предпринимались попытки издания переводных атласов по военной истории[24].

Определенным шагом в развитии российской исторической картографии стало издание «Национального атласа России» в четырех томах. Истории и культуре посвящен четвертый том атласа, вышедший в 2008 г.[25]

Раздел «История» включает 14 подразделов, сформированных в хронологическом порядке начиная с древнейших археологических культур и заканчивается характеристикой России в начале XXI в. В общей сложности сюда вошло более 250 карт и схем. Раздел «Культура» состоит из двух подразделов: «Культурное и природное насле-

дие России» и «Современная культура», состоящих из более 300 карт и планов.

Появление «Национального атласа России» вызвало волну подражаний в бывших союзных республиках. Во многом этому способствовало мнение, что наличие у страны своего собственного национального атласа в определенной степени является признаком ее суверенитета. Укажем на «Национальный атлас Украины» (2007 г.), в котором помещены, помимо общегеографических, около 80 исторических карт, посвященных разным историческим периодам начиная от эпохи палеолита до современности[26]. Другим подобным изданием является «Большой атлас Казахстана» (2011 г.), где даны более 120 исторических карт[27]. Киргизия удовлетворилась относительно небольшим «Историко-культурным атласом Кыргызстана» (2001 г.), куда вошли 45 исторических карт[28].

Параллельно с созданием национальных атласов отдельных стран наметилась и другая тенденция — создание региональных исторических атласов. Если говорить только о России, отметим изданный в 2007 г. Сибирским отделением РАН «Сибирь. Атлас Азиатской России», содержащий более 120 исторических карт[29], выпущенный Коми научным центром Уральского отделения РАН «Атлас Республики Коми» (2011 г.) с 40 историческими картами[30], изданный МГУ им. М.В. Ломоносова «Большой атлас Москвы» (2012 г.), с более чем 400 историческими картами и схемами[31], «Атлас этнополитической истории Кавказа (1774—2004)» из 50 карт[32].

Но насколько подобные атласы явно представительского характера (украинский атлас содержит 440 страниц, а казахский — почти 900 страниц большого формата) ценны с научной точки зрения?

Очевидно, что термины «национальный атлас», «большой атлас» применительно к историческим картам должны подразумевать, что в них собрана вся их совокупность, отражающая все этапы истории страны. Но это далеко не так.

Если говорить о России, то в 2010 г., уже после выхода четвертого тома «Национального атласа», издательством «АСТ» был издан «Полный исторический атлас России», куда вошла значительная часть подготовленных для академического атласа истории СССР карт. Правда, они были изданы в виде авторских макетов, а там, где обнаруживались хронологические лакуны, были использованы карты из других изданий. Всего в атлас вошло более 400 карт, то есть почти в два раза больше, чем в российском национальном атласе[33].

К сожалению, тот факт, что том «Национального атласа» готовился двумя разными группами исследователей, привел к известному дублированию тем. К примеру, в разделе «История» дается

характеристика основных археологических культур, а сведения об археологических памятниках помещены в разделе «Культура». Оба раздела тома заканчиваются хронологическими таблицами важнейших дат и событий. Но они в определенной мере повторяют друг друга, и даты предпочтительнее было бы дать в единой таблице. Карты сопровождаются довольно большими текстовыми пояснениями. При этом не совсем понятным является подбор карт и планов тех или иных культурных объектов — к некоторым из них даются как описания, так и карты и планы, в других случаях имеется только описание. Видимо, это было связано с отсутствием картографического материала на эти объекты культурного наследия.

Аналогичную неполноту подбора карт видим и в современной украинской исторической картографии. В 2012 г., через пять лет после выхода «Национального атласа Украины» свет увидел «Атлас истории Украины», состоящий из более чем 140 карт, охватывающих период от палеолитических культур до 2010 г., то есть также почти в два раза больше, чем в национальном атласе[34]. Примерно такая же пропорция характерна и для «Атласа Республики Коми». В ранее изданном «Историко-культурном атласе Республики Коми» (1997 г.) имеется более 70 исторических карт[35].

Перечисленные выше издания заметно отличаются не только по объему, но и уровню подготовки. К примеру, в казахском атласе и ряде других в большинстве карт отсутствует масштаб, не дана сетка меридианов и широт. Для целого ряда исторических периодов авторы подобных изданий не стали утруждать себя составлением исторических карт, а воспользовались оцифрованными копиями изданных в XIX—XX вв. общегеографических и специальных карт.

Вопрос о том, как относиться к публикации оцифрованных старых карт, требует специального рассмотрения. С одной стороны, он вводит в научный оборот целый пласт ранее малодоступных картографических источников. На наш взгляд, включение в исторические атласы старинных карт, раскрывающих тему — как изменялись представления людей прошлого о географическом пространстве, вполне оправдано с иллюстративной точки зрения. Именно в этом качестве широко известны недавно переизданные атласы С.У. Ремезова[36]. С другой стороны, включение в исторические атласы без всякой переработки ранее изданных карт XIX—XX вв. представляется нам не совсем верным, поскольку сами по себе они являются историческими источниками, требующими от исследователей определенной критики.

При знакомстве с вышеперечисленными изданиями также встает вопрос — насколько они соответствуют самому понятию атласа.

К примеру, «Большой атлас Москвы», кроме 400 карт и схем, содержит свыше 1500 иллюстраций и занимает ровно 1000 страниц большого формата. По сути дела, перед нами хорошо иллюстрированная научно-популярная книга, в которой карты и планы города, хотя и занимают заметное место, все же отходят на второй план. Примерно такого же плана изданный при участии Центра военной истории Института российской истории РАН атлас «Москва, 1941—1945», содержащий 120 карт, более 1000 фотографий, репродукций и копий документов на 320 страницах[37].

Данная тенденция идет от современной западноевропейской исторической картографии. Для примера приведем изданный в 2012 г. «Атлас Великого ирландского голода 1845—52 гг.», который на 710 страницах содержит более 200 карт и значительное число иллюстраций. По сути, он представляет собой научную монографию со специальным научным аппаратом, сопровождающуюся значительным числом карт[38]. Подобные издания начинают появляться и в российской картографии. Это можно видеть на примере изданной в 2013 г. музеем-заповедником «Московский Кремль» монографии И.А. Воротниковой и В.М. Неделина «Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости центральной России»[39]. И хотя в названии этой книги отсутствует слово «атлас», по своей структуре она приближается к западноевропейским атласам.

Во многом подобная структура атласа связана с особенностями западной исторической картографии. Не секрет, что всякая историческая карта является достаточно условной: к примеру, отразить на карте абсолютно точно все передвижения войск в ходе сражения или марша просто нереально. Поэтому западноевропейские картографы, в отличие от привычных нам исторических атласов, не помещают стрелок, обозначающих передвижения войск, а дают своего рода контурную карту (но только с подписями населенных пунктов и рек). Данный подход подразумевает наличие в атласе обширной текстовой части, в которой подробно описываются те или иные события. Сверяясь с текстом, читатель находит интересующие его пункты и тем самым создает для себя историко-пространственное представление о том или ином театре военных действий или военной кампании. В данном случае карты атласа занимают явно вспомогательное положение по сравнению с текстом.

Русская картографическая традиция носит другой характер — в ней карты занимают главенствующее место, а текст (если он есть вообще) играет лишь роль пояснений. В качестве примеров современных подобных изданий приведем региональные атласы по истории Алтайского края и Тамбовской области[40].

В будущем эти две картографические традиции, видимо, будут сближаться. В определенной мере это можно видеть на примере вышедших в 2009 и 2013 гг. двух томов «Большого исторического атласа Беларуси». Каждый из них состоит почти из 100 карт и планов. Первый том охватывает события от палеолита до Люблинской унии 1569 г., в результате которой белорусские земли вошли в состав Речи Посполитой. Второй том посвящен белорусской истории от Люблинской унии 1569 г. до третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г.[41] Предполагается, что весь атлас будет состоять из четырех томов и даст картографическое отображение истории Беларуси с древнейших времен до наших дней.

По сравнению с рассмотренными историческими атласами других стран «Большой исторический атлас Беларуси» имеет два важных достоинства. Прежде всего, в него включены старинные карты конца XIII — XVIII в., на которых видно, как менялись представления картографов о территории современной Беларуси и окружающих стран на протяжении нескольких столетий. При этом они даны не в виде иллюстраций из одной-двух карт, как это часто бывает в исторических атласах, а в виде практически исчерпывающей подборки почти из 50 карт. Это позволяет проследить поразительную устойчивость некоторых картографических мифов, которые идут со времен Геродота и Птолемея.

Другое достоинство атласа — наличие в нем двух генеральных карт, выполненных в топографическом масштабе (1 см — 3 км), состоящих из 51 листа и показывающих владельческую принадлежность практически всех известных историческим источникам населенных пунктов Беларуси на два хронологических среза. В первом томе помещена карта «Белорусские земли в XVI в.», на которой даны сведения о 5 тыс. населенных пунктов, в том числе — 4,3 тыс. на территории современной Республики Беларусь. Вторая карта «Белорусские земли в конце XVIII в.» содержит данные о более чем 22 тыс. населенных пунктах, включая 17,3 тыс. в современных границах Беларуси. Столь подробное историческое картографирование значительной территории выполнено впервые на всем постсоветском пространстве (применительно к российским историческим картам можно лишь указать на работы В.С. Кусова (1935—2009), занимавшегося картографированием территории Москвы и Подмосковья[42]).

Приведенный обзор показывает, что в целом историческая картография продолжает развиваться. Будем надеяться, что в ближайшем будущем исторические карты станут неотъемлемой частью исследований и популярных книг по истории нашей страны.

[1] *Лесаж.* Исторический, генеалогический, хронологический, географический атлас г. Лесажа / [пер. с фр. яз. Е.М. Шаврова]. — СПб.: [печатано при Имп. Акад. наук], [1809 ценз. — 1812]. — [4] с., 33 табл. в разворот, раскр. акварелью. Подлинное имя автора: Ласкиз Эммануэль Огюстен Дьедоне де.

[2] *Ахматов И.* Атлас географический, исторический и хронологический Российского государства, / составленный на основании истории Карамзина И. Ахматовым: [в 2 ч.]. СПб., 1829—1831. — Ч. 1. — 2 с., 36 л. карт; Ч. 2. — 2 с., 35 л. карт. Переизд.: *Ахматов И.* Атлас географический, исторический и хронологический Российского государства, / составленный на основании истории Карамзина И. Ахматовым. Состоящий из 71 раскрашенных карт в большой лист. — Новое изд., тщательно пересмотр., с присовокуплением Объяснительного реестра содержания каждой карты, заключающего в себе: Краткий исторический очерк России, хронологию русских государей... — СПб.: И. Эйнерлинг, 1831. — [2], 28 с., 71 л. карт., 1 л. табл. Родословная таблица, царствовавших от Рюрика до 1845 г. и 71 гравированная карта с ручной акварельной раскраской. (2-е изд.: СПб., 1845).

[3] *Павлищев Н.И.* Исторический атлас России Н. Павлищева: [руководство для воен.-учеб. заведений]. — Варшава: тип. С. Стромбского, 1845. — 44 с., 18 л. табл., карт; Учебный атлас по русской истории / сост. и изд. под ред. Е.Е. Замысловского. — СПб.: [тип. Майкова], 1865. — 9 л. карт. (переиздан в 1869 и 1887 гг.); Учебный атлас по русской истории: для сред. и низших учеб. заведений / сост. А.В. Добряковым. — СПб., 1868. — 6 л. (переиздан 10 раз, последнее изд. в 1916 г.); Учебный атлас по средней, новой и новейшей русской истории / составленный по Шпрунеру, Брейтшнейдеру, Крузе, Вольфу, Замысловскому, Устрялову, Павлищеву и др. — СПб.: Картогр. зав. А. Ильина, 1879. — 5 л.; Учебный атлас по русской истории, / сост. Н.Н. Торнау. — СПб.: тип. Акад наук, 1894. — 4 с., 10 л. карт. (14 изданий, последнее — в 1916 г.); *Малашкин Н.Д.* Учебный атлас по русской истории. — Рязань: типо-лит. Н.Д. Малашкина, 1892. — 10 с.

[4] См., например,: *Твелькмейер К.* Исторический атлас. — СПб., 1851. — Вып. 1—3; *Кремер А.* Исторический атлас А. Кремера / с поясн. текстом проф. Г. Оскара; пер. с нем., под ред. и с доп. проф. А. Трачевского. — СПб.; М.: т-во М.О. Вольф, ценз. 1904. — [4], II, 76 с., 18 л. ил.; и др.

[5] *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией: курс, чит. в Моск. ун-те в 1908—9 акад. г. — Изд. О-ва взаимопомощи студентов философов по запискам струд. К.Ф. Передерея и З.П. Мауко под наблюдением чл. Изд. ком. С. Игнатова. — М., 1909. — 405 с. (переизд.: М., 2000); *Кузнецов С.К.* Русская историческая география: курс лекций, чит. в Моск. археолог. ин-те в 1907—1908 г. С. К. Кузнецовым. — М.: Моск. археол. ин-т, 1910. — Т. 1: Меря, мещера, мурома, весь. — [6], 197 с. (Переизд.: М., 2013); Т. 2: Мордва: курс лекций чит. в 1908—09 уч. г. ... — М.: печатня А.И. Снегиревой, 1912. — 73 с.; *Середонин С.М.* Историческая география: лекции, чит. проф. С.М. Середониным в Петрогр. археол. ин-те. — Посмерт изд. — Пг.: тип. Глав. упр. уделов, 1916. — [4], 241 с. с карт., 1 л. карт.; *Спицын А.А.* Русская историческая география: учеб. курс. — Пг.: тип. Я. Башмаков и К°, 1917. — [4], 68 с.

[6] *Готье Ю.В.* : 1) Замосковный край в XVII веке: опыт исследования по истории экон. быта Моск. Руси. — М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. — VIII, 603 с., 1 л. карт. ; 2) История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. — М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. — Т. 1. — [4]. 472 с., [3] л. карт; *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском севере в XVII в. — М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1909—1912. — 2 т. — [Т]. 1. — 1909. — VIII, 322, 105 с., 1 л. карт.; Т. 2. — [394] с. разд. паг.; *Любавский М.К.* : 1) Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута: ист. очерки: [с карт. Литовско-Русского государства в конце XV и начала XVI в.] — М.: Университет. тип., 1892. — [998] с. разд. паг., 1 л. карт. — Л.: Изд-во Акад.

наук СССР, 1929. — 175, [1] с., 1 вклад. лист карт ; 2) Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. — Л.: Изд-во Акад наук СССР, 1929. — 175, [1] с., 1 л. вклад. карт.

[7] Атлас сражений XIX века. Период времени с 1820 г. по настоящее время: планы важнейш. сражений, боев и осад с объясн. текстом и прил. общ. карт, с крат. излож. хода кампаний в Европе, Азии и Америке / пер. с нем. Чекмарева. — СПб.: В. Березовский, 1894—1899. — Вып. 1—20.

[8] *Кудряшов К.В.* Русский исторический атлас: 18 литогр. табл. с 58 картами. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. — 12 с., XVIII л. цв. карт.

[9] Большой советский атлас мира / Науч.-изд. ин-т Большого советского атласа мира при ЦИК СССР. — М., 1937. — Т. 1 / под общ. ред. А.З. Горкина, О.Ю. Шмидта, В.Е. Мотылева и др. — 4 л., [X] с., 81 сдв. л. карт.

[10] Большой советский атлас мира. — М., 1939. — Т. 2 / под общ. ред. А.Ф. Горкина, О.Ю. Шмидта, А.Н. Баранова и др.

[11] *Бескровный Л.Г.* Атлас карт и схем по русской военной истории. — [М.]: Воен. изд-во, 1946. — VII с., 88 л. карт. и схем.

[12] Атлас офицера. — М.: [Воен.-топогр. упр. Ген. шт.], 1947. — 285 с.

[13] Атлас истории СССР: для средней школы / под общ. ред. К.В. Базилевича, И.А. Голубцова, М.А. Зиновьева. — М.: Гл. упр. Геод. и картогр. при Сов. Мин. СССР, 1948—1950. — Ч. 1. — 1948. — 29 с.; Ч. 2. — 1949. — 26 с.; Ч. 3. — 1950. — 59 с. (Впоследствии он неоднократно переиздавался.) См. рецензию на него и на школьные настенные карты по истории: *Караваева З.Ф.* Учебные исторические карты и атласы // Преподавание истории в школе. — 1952. — № 3. — С. 120—122.

[14] Атлас истории географических открытий и исследований. — М.: Гл. упр. Геод. и картогр. ГУГК МВД СССР, 1959. — 108 с.

[15] Морской атлас. — [М.]: Изд. Гл. Штаба ВМФ, 1958—1966. — Т. 3: Военно-исторический, ч. 1, л. 1—45; ч. 2, л. 1—59; Описания к картам. — ... Военно-исторического тома Морского атласа (первой части). — 1959. — 942 с.; ... Военно-исторического тома Морского атласа (второй части). — 1966. — 864 с.

[16] См.: *Гасс И.П., Шаскольский И.П.* Советские исторические атласы // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1969. — [Т.] 2. — С. 115—121.

[17] Очерки истории СССР. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953—1959. — 9 т.; История Москвы: в 6 т. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952—1959. — 7 кн.; Всемирная история: в 10 т. — М.: Госполитиздат, 1955—1965. — 10 т.

[18] *Голубцов И.А.* Вопросы исторической географии, архивоведения, археографии и источниковедения: автореф. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. — М., 1963. — С. 22—26 (список работ по составлению исторических карт: 53 назв.).

[19] *Яцунский В.К.* : 1) Роль исторической географии в разработке важнейших проблем отечественной истории // Вопросы истории. — 1964. —— № 12 ; 2) Исторический Атлас СССР // История СССР. — 1967. — № 1.

[20] *Бескровный Л.Г., Водарский Я.Е.* Важнейшая задача — создание академического атласа истории СССР // История СССР. — 1977. — № 2. — С. 199—201.

[21] Ленин: ист.-биогр. атлас. — М.: Гл. упр. геод. и картогр. при Сов. Мин. СССР, 1970. — 66 с.; Великий Октябрь: атлас. — М.: Гл. упр. геод. и картогр. при Сов. Мин. СССР, 1987. — 224 с. (переизд.: 1988); Города-герои Великой Отечественной войны. — М.: Гл. упр. геод. и картогр. при Сов. Мин. СССР, 1975. — 78 с., ил., схемы (переизд.: 1980; 1983; 1985; 1988; 1990); История Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Гл. упр. геод. и картогр. при Сов. Мин. СССР, 1976. — 130 с. (переизд.: 1979; 1982; 1983; 1984; 1985; 1988); Образование и развитие Союза ССР: атлас. — М.: Гл. упр. геод. и картогр. при Сов. Мин. СССР, 1972. — 112 с.; Всесоюзная пионерская организация им. В.И. Ленина: атлас. — М.: Гл. упр. геод. и картогр. при Сов. Мин. СССР, 1974. — 70 с. (переизд.: 1984; 1986).

[22] Военно-исторический атлас России, IX—XX вв. / авт.-сост. И.И. Максимов. — М.: ДиК, 2003. — 437, [1] с. (2-е изд.: М., 2006.)

[23] Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: атлас. — М.: ДиК: Дрофа, 2005. — 160 с.
[24] Атлас военной истории / [пер. с англ. О.В. Сухаревой]. — М.: АСТ, 2007. — 192 с.
[25] Национальный атлас России: в 4 т. — М.: Роскартография, 2008. — Т. 4: История. Культура / гл. ред. тома Ю.А. Веденин; отв. ред. Е.М. Регентова (раздел «История»), Е.Н. Лазарева (раздел «Культура»). — 496 с.
[26] Національний атлас України / ред. І.С. Руденко. — Київ: Картографія, 2007. — 440 с.; Національний атлас України. Додатковий том. Тексти і легенди карт / ред. Л.М. Веклич. — Київ: Картографія, 2007. — 828 с.
[27] Большой атлас Казахстана. — М.; Алматы: Дизайн. Информация. Картография: Феория, ИНЭС Ин-т экон. стратегий — Центральная Азия, 2011. — 176 с.
[28] Историко-культурный атлас Кыргызстана. — М.; Бишкек: ДиК: Дизайн, Информация, Картография Москвы, 2001. — 176 с.
[29] Сибирь. Атлас Азиатской России. — Новосибирск; М.: Топ-книга: Феория: ДИК: Дизайн, Информация. Картография, 2007. — 666 с.
[30] Атлас Республики Коми. — М.: Феория, 2011. — 448 с.
[31] Большой атлас Москвы / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; картогр. основа — Роскартография; науч. рук. Н.С. Касимов, В.С. Тикунов; отв. ред.: И.Ю. Стрикалов, Е.В. Корниенко. — М.: Феория, 2013. — 999 с.: цв., карты, схемы, текст, табл., диагр., граф., ил., указ.
[32] *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774—2004). — М.: Европа, 2007. — 127 с.
[33] Полный исторический атлас России. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 226 с.
[34] Атлас історії України. — Київ: Картографія, 2012. — 152 с.
[35] Историко-культурный атлас Республики Коми. — М.: Дрофа, 1997. — 384 с.
[36] *Ремезов С.У.* : 1) Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году: [в 2 т.] / Федер. служба геод. и картогр. России; Рос. гос. б-ка; Обществ. фонд «Возрождение Тобольска». — М.: Федер. Служба геод. и картогр. России: Рос. гос. б-ка, 2003. — Т. 1. — [48] л.: ил., карт.; Т. 2: Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели. — 175 с.: карт ; 2) Книга служебная чертежная, писал Семен Ремезов с детьми: факс. воспроизведение рукописи Рос. ист. б-ки (Санкт-Петербург). — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2006. — 334 с.: ил., орн., карты — (Ремезовская летопись: в 4 т.; т. 3) ; 3) Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. — [Факс. изд.]. — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. — 692 с.
[37] Москва, 1941—1945: атлас. — М.: Феория, 2011. — 320 с.
[38] Atlas of the Great Irish Famine, 1845—52 / Ed. by J. Crowly, W.J. Smith, M. Murphy. — Cork, 2012. — 728 p.
[39] *Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV—XVII веков. Крепости Центральной России. — М.: Буксмарт, 2013. — 887 с.: ил., портр., цв. ил., портр., карты.
[40] *Бородаев В.Б., Контев А.В.* Исторический атлас Алтайского края: картогр. материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века). — 2-е изд., испр. и доп. — Барнаул: Азбука, 2007. — 214 с.; Атлас по истории Тамбовского края / отв. ред. Канищев В.В., Мизис Ю.А.; сост. карт. Попандя А.В. — Тамбов: Юлис, 2009. — 32 с.: цв., карты, текст, ил.
[41] Вялікі гістарычны атлас Беларусі. — Мінск: Белкартаграфія, 2009—2013. — Т. 1. — 249 к.; Т. 2. — 306 с.
[42] Земли Московской губернии в XVIII веке: Карты уездов; Описания землевладений / авт. В.С. Кусов. — М.: Московия, 2004. — Т. 1: Описания землевладений. — 315 с.; Т. 2: Описания землевладений. — 397 с.; Карты уездов. — 15 карт.: 1 цв.

С.В. Журавлев

КОММЕРЧЕСКИЕ ЧАЙНЫЕ – ПОСЛЕВОЕННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА СОВЕТСКОГО ОБЩЕПИТА?

Статья посвящена малоизвестной странице в истории послевоенного советского потребления — обстоятельствам создания и деятельности в 1946—1947 гг. сети государственных коммерческих чайных, организованных в тот период наряду с коммерческими ресторанами и магазинами. Через призму истории советских коммерческих чайных автор исследует целый комплекс значимых проблем послевоенного советского общества: общественные настроения и ожидания, поведение людей, особенности принятия решений властными структурами, а также их зависимость от экономических, идеологических, культурно-пропагандистских задач и факторов.
Ключевые слова: послевоенный период; общепит; коммерческие чайные; общественные настроения; культура потребления.

S.V. Zhuravlev
Commercial tea houses as an alternative of the Soviet public catering system after the Second World War?

This article is devoted to the little-known episode in the history of the Soviet consumption after the Second World War — to the organization and functioning in 1946—1947 a network of state-ruled tea houses operated as commercial enterprises. At the time of still existing rationing system they were founded along with commercial restaurants and the shops in order to provide profits to the state budget. Through the case study of tea houses author raises a broad range of the problems in the Soviet post-WW2 history, including public opinion and expectations, consumer demands and behaviour, peculiarities of decision making process by the state, discussions on economic, ideological and cultural as well as propaganda issues.
Keywords: post-WW2 period; public catering; commercial tea houses; public opinion; culture of consumption.

В последнее время подвергается пересмотру представление о военном и первом послевоенном периоде нашей истории как чрезвычайном времени, обусловившем усиление по сравнению с 1930-ми годами тотального контроля государства над всеми сферами — от военного производства до повседневной жизни людей. На самом деле ситуа-

ция, по всей видимости, не была столь однозначной: имело место сочетание усиления централизованного контроля и военно-директивных методов управления в одних областях с известной «либерализацией» в других. Сосредоточив все свои силы и ресурсы на главном — обеспечении фронта всем необходимым, государство вынуждено было «отпустить директивные вожжи» в вопросах быта и повседневной жизни людей в тылу, предоставив здесь больше самостоятельности региональной и местной власти. К чему это привело? Специалисты обращают внимание на тенденции самоорганизации общества, рост числа кооперативов и усиление рыночных механизмов в потребительской сфере (в том числе увеличение доли колхозного рынка и «черного рынка» в общем объеме потребления)[1]. Одновременно война способствовала «раскрепощению» советских людей, что выразилось в ожидании ими демократизации режима, в развитии частной инициативы в сфере торговли и бытовых услуг[2]. В конце войны, как известно, государство само выступило в роли коммерсанта, организовав в 1944 г., наряду с нормированным снабжением, коммерческие рестораны и государственную торговлю по коммерческим ценам в крупных городах.

По мнению специально изучавшей проблематику послевоенного потребления Джулии Хесслер, среди предприятий негосударственного сектора экономики в первые послевоенные годы особенно часто встречались — и были востребованы потребителем — закусочные быстрого питания и киоски мороженого[3]. Среди первых имелось немало «чайных», получивших довольно широкое распространение в 1944—1947 гг. в центральной России, на Украине, на Кавказе, в среднеазиатских республиках СССР. Они возникли по частной инициативе, но чаще — под эгидой кооперативов[4]. Предприимчивые граждане, скопив первоначальный капитал, договаривались с местными властями о помещении под закусочную, закупали продукты на рынке и готовили из них предлагаемые посетителям блюда. Предприятия быстрого питания оказались прибыльным делом, но доход от них шел мимо государственного кармана.

Документы Российского государственного архива экономики показывают, что в связи с организацией послевоенной коммерческой торговли (магазины, рестораны, чайные) государство фактически вступило в конкуренцию с выросшим во время войны негосударственным сектором экономики. Изученный в данной статье в качестве *case study* опыт создания государственных коммерческих чайных представляется крайне любопытным явлением, характеризующим первые послевоенные годы, а также в более широком контексте — в связи с дискуссиями об альтернативности экономической деятельности в СССР.

ОБЩЕПИТ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

В годы войны сеть предприятий общественного питания, особенно при действовавших круглосуточно оборонных предприятиях, существенно выросла. Практически всё работающее в промышленности население регулярно питалось в заводских столовых, иногда по нескольку раз в день. Обеспечение промышленных рабочих калориями считалось важной государственной задачей.

На 1 января 1942 г. в СССР числилось в общей сложности 28 885 столовых и ресторанов. Через 2 года, к 1 января 1944 г., произошло их двукратное увеличение. Статистика зафиксировала уже 58 389 предприятий общепита в гражданском секторе, включая 44 426 столовых и ресторанов, 120 фабрик-кухонь, 13 783 буфетов и закусочных. С началом войны все без исключения предприятия питания, включая городские рестораны, были переданы местным отделам рабочего снабжения (ОРСам), в которых прикрепленные граждане питались либо снабжались государством продовольствием по карточкам по низким пайковым ценам.

В условиях военного времени возросло значение общественного питания в экономике страны, а также в повседневной жизни граждан. Так, если в 1940 г. удельный вес государственной системы общественного питания в общем товарообороте СССР составлял всего 15%, то в 1945 г. — уже более 25%. К концу войны более 65% государственных продовольственных ресурсов распространялось через систему общественного питания, попадая к населению через ОРСы. Это было вызвано объективной необходимостью: в связи с увеличением продолжительности рабочих смен до 12 часов, отправкой семей в эвакуацию, отменой выходных и отпусков, работников нужно было элементарно накормить и обеспечить физиологическую потребность в калориях. Однако качество пищи в ОРСовских столовых было зачастую невысоким, и вкусовые качества блюд оставляли желать лучшего. Это и неудивительно, так как в военное время действовали «облегченные» нормы вложений, учитывавшие дефицит многих ингредиентов. Например, при варке супа в общепите нормировалась укладка только по «основным» продуктам — крупе, мясу или рыбе и жирам (все остальное добавлялось в котел по возможности), тогда как в мирное время нормированию подлежали также лук, петрушка, морковь и проч., без чего невозможно добиться надлежащего вкуса.

Во время войны люди готовы были мириться и со снижением культуры обслуживания в ОРСах. В частности, хронически не хватало столовых приборов и посуды: металл был на вес золота, он шел на военные нужды. Документы сообщают, что во многих столовых, особенно

в Сибири и на Урале, на несколько сот питающихся приходилось только 3—4 ложки и 5—6 мисок. Посуду приходилось приносить из дома. Вилки и ножи в общепите тоже считались «роскошью». Выборочные обследования 1944 г. показали, что во многих случаях люди ходили в столовую со своими ложками, а если их не было, то ели руками.

За годы войны заметные изменения произошли в кадровом составе работников торговли и общепита. Квалифицированные повара были призваны в действующую армию — иногда в качестве обычных бойцов, но чаще для работы по специальности в солдатских кухнях. В увеличившийся вдвое гражданский общепит пришли новые люди, зачастую не имевшие опыта работы и профессиональной квалификации, что тоже сказывалось на качестве пищи и на культуре обслуживания.

К концу войны, когда ее исход стал ясен и боевые действия велись за рубежами СССР, у граждан обнаружилась потребность «распробовать пищу». Люди устали от невкусной и однообразной столовской еды, с которой, как быстро выяснилось, они вынужденно мирились. Граждане истосковались по «мирной» еде, хотели, как до войны, отдохнуть с друзьями в кафе или посидеть в ресторане, отпраздновать там день рождения или очередную победу Красной Армии.

Все это нашло отражение в источниках. Уже в 1944 — начале 1945 г. началось резкое сокращение желающих питаться в общепите. По данным Наркомторга СССР, количество граждан, посещающих ОРСовские столовые, за один только год с 1 января 1944 г. по 1 января 1945 г. сократилось, в зависимости от региона страны, на 20—40%. Соответственно, сократился товарооборот, упал выпуск готовых блюд. В 1-м квартале 1945 г. эта тенденция продолжилась[5].

К концу 1944 г. стало очевидным, что необходимо срочно переводить общепит на мирные рельсы. А.И. Микоян в связи с этим отмечал: «Люди устали от войны и имеют право требовать лучшей пищи. Наши столовые и кафе должны быть чистые, светлые, без мух, с современной техникой приготовления пищи». Ему вторил Нарком торговли А.В. Любимов: «Сейчас настали другие времена. Не потребитель должен гоняться за нами в поисках товара, а мы за потребителем. Мы должны бороться за потребителя. Предстоит решительная ломка настроений и привычек торговых работников»[6].

В 1944 г. руководство страны приняло решение открыть, наряду с сохранением обеспечения городского населения по карточкам, сеть государственных коммерческих продовольственных и промтоварных магазинов и ресторанов первой и второй категории. В рамках общего курса на коммерциализацию торговли обсуждались и планы открытия специализированных хлебобулочных магазинов. Руководство коммерческой торговлей было возложено на Особторг — специа-

лизированное подразделение Наркомата торговли. Государственные коммерческие предприятия, которые должны были конкурировать с крестьянским рынком, снабжались государством в первоочередном порядке и лучшими товарами. Но цены в них «кусались».

К началу 1946 г. в Москве действовало 60 коммерческих ресторанов — не так уж много для огромного города. В других крупных городах страны ресторанов было значительно меньше, а в небольших поселках они и вовсе отсутствовали. Кроме того, коммерческие рестораны оказались слишком дорогим удовольствием, не доступным для рядовых людей. Поскольку среди их посетителей было немало представителей преступного мира и лиц с шальными деньгами, государственные коммерческие рестораны приобрели сомнительную репутацию.

Появившаяся в годы войны в крупных городах сеть государственных образцовых столовых — доступных для всех желающих и с расширенным по сравнению со столовыми ОРСов ассортиментом блюд — тоже была невелика. Чтобы попасть в них после работы, граждане выстраивались в очереди. На исходе войны в письмах и обращениях во власть люди просили открыть побольше общедоступных предприятий общепита, где они могли бы культурно проводить досуг.

Однако решить эту проблему в одночасье было невозможно. Организованная сразу после войны проверка предприятий общепита системы ОРСов показала, что большинство помещений довоенных общедоступных ресторанов, кафе и др. находились в запущенном состоянии. Из 44,5 тыс. столовых только около 1,9 тыс. были признаны оснащенными оборудованием, кадрами и по основным параметрам пригодными для организации здесь культурной госторговли[7].

Отдельного разговора заслуживает такая важная категория потребителей тех лет, почти не охваченная предприятиями общепита, как жители деревни, составлявшие более половины населения страны. Кроме того, к концу войны крестьянский рынок вырос по денежному обороту и по платежеспособному спросу. Из отчетов финансовых органов государство знало, что у части деревенских жителей, успешно торговавших своей продукцией на рынке, появились свободные деньги.

ЗАДАНИЕ СТАЛИНА

На рубеже 1944-1945 гг. в руководстве страны обсуждался вопрос о расширении сети государственных коммерческих предприятий общепита, во-первых, более доступных по ценам, чем рестораны, для рядовых тружеников и, во-вторых, ориентированных не только на горожан, но и на жителей сельской местности. Поступали предложе-

ния вернуться к довоенному опыту и открыть разнообразные заведения общепита — кафе, чайные, закусочные, американки и др., которые должны были теперь работать на коммерческих началах. Со слов А.И. Микояна также известно, что с учетом растущей популярности во всем мире кофе, рассматривалась идея организовать в СССР широкую сеть коммерческих кафетериев. Однако по настоянию Сталина остановились на чайных. Выступая 31 октября 1945 г. на совещании в Наркомторге, Микоян откровенно сообщил присутствующим: «Чайные, где человек мог бы попить чайку и дешево перекусить — идея Сталина. Мы обсуждали вопрос о кафетериях, а он спросил, как дело обстоит с чайными... В итоге решили восстановить и расширить их сеть. По заданию Сталина и подготовлено решение о коммерческих чайных»[8].

Возникает вопрос, почему Сталин в 1945 г. выбрал именно чайные из известных форм общепита? Видимо, здесь нужно иметь в виду несколько соображений. Во-первых, название «чайные» звучало более патриотично, чем пришедшие с Запада американки или кафетерии. Для ситуации 1945 г. это было немаловажно. Во-вторых, чайные в России были распространены с дореволюционных времен, чай из самовара был привычным для рядовых граждан «семейным» напитком. Значительно более дорогой кофе считался в России «элитарным» напитком обеспеченных городских слоев, в сельской местности до войны кофе был редкостью. Наконец, Сталин не мог не учитывать и прагматические соображения. Ведь кофе закупался исключительно по импорту, и в случае расширения сети кафетериев государству пришлось бы увеличить его закупки.

Нарком торговли Любимов надеялся в 1945 г., что чайные станут местом семейного досуга. Он давал указания иметь в каждой чайной самовары, которые, по его мнению, создадут особый уют. «Надо использовать в чайных красивую керамическую посуду, как в музее, — такую, которой пользовались наши предки. Посуда очень важный элемент в чайных, она должна соответствовать национальным традициям и отличаться в разных регионах», — говорил он на одном из совещаний[9].

ЧАЙНЫЕ КАК МЕСТО КУЛЬТУРНОГО ДОСУГА

Коммерческие чайные рассматривались не только как учреждения общественного питания, но и как место для культурного досуга. Там посетителей должны были не только кормить и поить, но и просвещать и даже развлекать. Для этого А.И. Микоян и А.В. Любимов предлагали обеспечить каждую коммерческую чайную подшивками центральных и местных газет и журналов, которые надлежало бес-

платно выдавать посетителям для чтения. В числе обязательных для каждой чайной значились газеты «Правда» и «Известия», популярные журналы «Огонек» и «Крокодил». Застолье в коммерческой чайной должно было сопровождаться соответствующей музыкой. Здесь оборудовалась радиоточка, а также должен был играть патефон. И никакого фокстрота или других модных западных мотивов, как в коммерческих ресторанах тех лет! Намеченный для типовой чайной набор из 50 пластинок должен был включать репертуар из русской народной и классической музыки, а также хорового пения. В условиях нормированного выделения товаров Отделу промтоваров Наркомата торговли было поручено обеспечить чайные патефонами и грампластинками.

Все эти идеи о том, как в идеале должны были выглядеть чайные, озвученные с высоких трибун на совещаниях, находились, однако, в разительном контрасте с суровой реальностью, которая характеризовалась чрезвычайной разрухой и отсутствием у государства средств на самые элементарные нужды. Деньги на обустройство коммерческих чайных, включая ремонт выделенных на эти нужды помещений, предполагалось изыскать в местных бюджетах. Есть ли там необходимые средства — вопрос не обсуждался. Из центра не финансировалось ни приобретение патефонов, ни красивой посуды.

Тем временем в ноябре 1945 г. Бюро СНК СССР одобрило проект Постановления об организации в городах, рабочих поселках и сельской местности чайных, работающих на принципах коммерческой торговли. На этом основании Наркомторг СССР издал соответствующий приказ об организации сети чайных. К приказу прилагался единый для всей страны ассортиментный минимум блюд ресторанного качества, которые должны были ежедневно предлагаться посетителям коммерческих чайных. Этот минимум включал, в частности, не менее трех видов первых блюд (супов) и двух видов вторых мясных блюд. Обязательной была и буфетная продукция к чаю, которая состояла из баранок, а также из трех видов хлеба — черного, белого и ситного. Для сладкоежек и посетителей с детьми чайные должны были постоянно иметь в продаже не менее трех видов конфет (как правило, не шоколадных, а дешевых карамельных — леденцы, «подушечки» и др.).

Особое внимание предлагалось уделить рекламе создающейся сети чайных путем продвижения знаковых символов чаепития и использования соответствующих рекламных слоганов. Например, такого: «Нет удовольствия от чаепития без баранки — это должен знать каждый». Тем самым баранка, наряду с традиционным русским самоваром, должна была стать больше чем рядовым продуктом. В глазах советских потребителей не только ее вкус, но и визуальный образ должен был ассоциироваться именно с чайной. Как

этого добиться? «Баранка обязательно должна быть нанизана на мочалке и висеть на буфете в качестве наглядной рекламы», — учил работников чайных нарком торговли А.В. Любимов[10].

Первые же совещания с практиками общепита показали, что при наличии только лишь «культурного» ассортимента предлагаемых посетителям блюд чайная не вытянет план выручки, которую она должна регулярно сдавать государству. Поэтому в ассортимент коммерческих чайных были включены также водка и селедка, без которой, как известно, не обходится хорошая выпивка.

Выступая 19 ноября 1945 г. перед ответственными работниками Наркомторга, А.В. Любимов пояснил, что решению об открытии чайных руководством страны «придается исключительно важное значение», поскольку поставлена цель от распределения военных лет переходить к «настоящей торговле». Организация в 1944 г. коммерческих магазинов и ресторанов была первым шагом в этом направлении. Второй шаг — коммерческие чайные для рядовых людей. По словам Любимова, на примере чайных местные торги и тресты столовых должны будут отходить от нормированного распределения военных лет и заново учиться торговать.

В кратчайшие сроки — до апреля 1946 г. в стране планировалось открыть 5 тыс. коммерческих чайных, причем — и это важно подчеркнуть, — 1 тыс. в городах и рабочих поселках и 4 тыс. в сельской местности. В конце 1945 г. Наркомторг срочно направил ответственных работников на места в качестве своего рода комиссаров, пробивающих организацию коммерческих чайных. Все делалось в «пожарном» порядке.

МНЕНИЯ РАБОТНИКОВ ОБЩЕПИТА

31 октября 1945 г., то есть, еще до принятия в ноябре того же года окончательного решения об организации сети коммерческих чайных, Нарком торговли А.В. Любимов собрал в Москве на совещание руководителей торговли с мест и заведующих государственными и кооперативными чайными (в дальнейшем имелось в виду перепрофилировать их в коммерческие чайные), чтобы посоветоваться с практиками общепита по поводу того, каким образом лучше организовать это новое дело. Понимая, что реорганизация коснется их самым непосредственным образом, участники совещания проявили большую заинтересованность в том, чтобы откровенно донести свое мнение до руководства отраслью. Это отражено в стенограмме совещания, отложившейся в архиве[11].

По словам начальника Горьковского облторга Шатунова[12], на конец октября 1945 г. в его области работали 97 государственных чайных. Их ахиллесовой пятой являлся скудный ассортимент товаров, поступавших по линии нормированного снабжения. Дело доходило до того, что порой отсутствовал даже сахар, и посетители вынуждены были пить чай без сахара. По мнению Шатунова, активно поддержанному другими участниками совещания, перевод государственных чайных на коммерческую основу — правильная и необходимая мера.

Описывая условия своей работы, сотрудники государственных чайных сетовали на то, что нищие местные власти не в состоянии выделить денег на ремонт помещений, что у них в чайной нет электричества (заведующая чайной из Курской области Федосеева сообщила, что везет из Москвы 100 м электропровода, которые не смогла достать на месте), нет радиоточки для культурного досуга (Башаркин из Горьковской области), а порой в чайных отсутствовало даже централизованное водоснабжение.

Все без исключения сетовали на проблемы с посудой — ножами и ложками, стаканами, чайниками и проч. Тараскина из г. Шуя Ивановской области призналась, что в ее чайной нет чашек с блюдцами, как положено в «культурном» заведении. Чай посетители пьют из стаканов, да и те в дефиците, так что чай иногда подается в железных тарелках, предназначенных для супа.

По словам участников совещания, в типичной государственной чайной крайне скуден ежедневный ассортимент предлагаемых продуктов. Федосеева (Курская область) упомянула, что в ее чайной в постоянной продаже есть лишь чай, водка, помидоры и огурцы. Поскольку поставки мяса из госресурсов бывают редко, да и то не всегда высокого качества, мясных блюд в обычной чайной почти не бывает. А с рынка покупать продукты сотрудникам государственной чайной запрещено.

По словам Тараскиной (г. Шуя Ивановской области), в ее чайной в постоянной продаже, помимо самого востребованного посетителями напитка — чая с сахаром, имеется лишь водка, винегрет, суп и хлеб. Мясные вторые блюда бывают не всегда. При этом выяснилось, что в зависимости от региона стоимость чая и других блюд разная. К примеру, в чайной у Тараскиной порция сладкого чая обходилась посетителю в 30 коп., а дневная выручка от продажи чая достигала 2—2,5 тыс. руб. Мясной обед из первого и второго блюд в ее чайной в г. Шуе стоил в среднем 11,5 руб., а в чайных других регионов страны он мог быть и вдвое дороже (приводился пример Курской области, где мясной обед в чайной доходил до 25 руб.). Напомним, что в 1945 г. средняя зарплата в госсекторе составляла порядка 200—400 руб.

Представлявшая на совещании считавшуюся «зажиточной» Курскую область Федосеева так описывала типичную ситуацию в своей чайной: приходит посетитель, выпил водки, а закусить нечем. Тогда он либо раскладывает на столе свою снедь, что запрещено правилами, либо идет на ближайший рынок, покупает там курицу, возвращается в чайную, просит поджарить ее и тут же ее съедает. Конечно, все это запрещено, но работники чайной часто закрывают глаза на подобные нарушения, чтобы не отпугнуть ценного клиента, который, основательно закусив, наверняка попросит еще водки. Так не проще ли, спрашивала Федосеева, разрешить чайным самим закупать на рынке продукты оптом, чтобы затем готовить из них блюда и с выгодой продавать? В этом случае будут и дешевые обеды, и расширится ассортимент, и увеличится выручка. Колхозники, рассказывала далее Федосеева, после продажи на рынке продукции со своего приусадебного участка, зачастую заходят в ближайшую чайную, чтобы обмыть удачную торговлю. Но при этом, если там нет хорошей закуски к водке, они порой напиваются, и тогда горя с ними много. Иногда ругаются друг с другом или громко поют, отпугивая других посетителей.

Федосееву поддержал Карелин — заведующий чайной из Воронежской области. Он попросил А.И. Микояна дать право самостоятельно закупать хотя бы мясо на рынке. Разумные доводы руководителей общепита были основаны на знании ситуации на местах и на трезвом расчете.

Выступившие на совещании руководители чайных поставили перед А.И. Микояном и другой волновавший их вопрос — о материальном стимулировании их труда, которое должно быть увязано с результатами работы. Без этого, по их мнению, коммерческие чайные не заработают. К осени 1945 г. сотрудники чайных получали от государства невысокий фиксированный оклад (заведующая — 250 руб. в месяц, официантка и поломойка — по 110 руб.). Плановая выручка типичной чайной могла достигать 600 тыс. руб. в месяц, но при условии перехода на коммерческие рельсы и при соответствующей мотивации за перевыполнение плана она могла бы давать значительно большую выручку.

Присутствующие на совещании откровенно говорили руководителям отрасли, что в условиях острого дефицита продуктов по госпоставкам они ухитряются выполнять план в основном за счет продажи в чайных спиртных напитков в разлив с высокой наценкой. Аналогичная ситуация была и в кооперативных чайных. В зависимости от региона, от 50% до 70% доходов облпотребсоюзов собирались в то время за счет продажи водки[13]. Это означало, что чайные во многих случаях превратились, по существу, в забегаловки. Вопрос заключался в том, как перело-

мить ситуацию в связи с переходом на культурное обслуживание в коммерческих чайных, если в них по-прежнему будет продаваться водка.

Участники совещания предлагали снизить госнаценки на спиртное в общепите. В чайных, к примеру, водка обходилась в 180 руб. за литр. По правилам, со своей бутылкой в чайную приходить запрещалось. Но проследить за этим было нереально. Колхозник покупал «для вида» 100 граммов водки с закуской, затем украдкой добавлял в стакан спиртное из принесенной в кармане бутылки, заранее купленной в соседнем магазине за 57 руб. за литр. По мнению участников совещания, если снизить наценку на спиртное, то посетителям будет проще покупать в чайной сразу и водку, и закуску[14].

Башаркин из Горьковской области озвучил просьбу к руководству страны, поддержанную другими присутствовавшими: нужно дать право коммерческой чайной не только закупать продукты оптом на рынке, но и иметь свой погреб или хранилище, а также свой транспорт — лошадь или машину. Башаркин также предложил сделать коммерческие чайные круглосуточными и открыть при них постоялые дворы, чтобы люди могли здесь отдохнуть и переночевать. По его словам, это удобно для многих крестьян, приезжающих со своей продукцией на местный рынок.

А.И. Микоян и А.В. Любимов поддержали большинство разумных инициатив, высказанных участниками совещания. Спустя некоторое время были значительно снижены госнаценки на спиртное, продававшееся в розлив в общепите. Перевод государственных чайных на коммерческие рельсы сопровождался расширением их самостоятельности в закупке продовольствия и введением новой системы оплаты труда в общепите.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД: ОТ ИДЕЙ К ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

19 ноября 1945 г. Нарком торговли СССР А.В. Любимов открыл очередное совещание по вопросу об организации коммерческих чайных, которые были названы им «культурными предприятиями общепита повышенного типа»[15]. То есть, чайным предстояло занять нишу между рабочими столовыми и коммерческими ресторанами. Сходство с ресторанами, по идее, заключалось не только в качестве блюд, но и в том, что посетителям чайной предлагалось оставить верхнюю одежду в гардеробе, на столике в зале их ожидало меню и обслуживание официантами. Кроме того, в отличие от большинства столовых, коммерческие чайные работали и в вечернее время (они были открыты с 7 утра до 12 ночи). Важным отличием чайной от ре-

сторана, на котором настаивало руководство Наркомторга, должен был стать отказ от порочной практики чаевых для официантов.

При выборе помещения учитывалось, что коммерческие чайные должны были располагаться преимущественно рядом с рынками и с вокзалами, где много приезжих. На этот контингент, у которого водились деньжата, и делался основной расчет.

К организационному этапу подошли серьезно. А.В. Любимов сообщил на совещании 19 ноября 1945 г., что художникам дано задание разработать логотип вывески «Чайная», чтобы было ясно, что это единая система предприятий государственного питания. Он также пообещал, что для работы в коммерческих чайных из ресторанов будут направлены опытные повара, официанты и другие специалисты, будет выделено и оборудование. В частности, планировались централизованные поставки титанов, кипятильников, полотенец, моделирование и пошив красивой спецодежды для персонала чайных. Однако оборудования, как и хороших специалистов, не хватало везде, в том числе и в коммерческих ресторанах. А уж своих лучших работников они тем более не захотели отдавать, да и сами работники предпочитали сохранить место в ресторане. По этой причине кадровая проблема в появившихся коммерческих чайных оставалась крайне острой.

На упомянутом совещании ставились и другие вопросы: о ремонте помещений, закупке для коммерческих чайных добротной мебели, в том числе столов и стульев, буфетных стоек, а также об обеспечении чайных красивой посудой, столовыми приборами, чайниками и др. Выяснилось, что на все это требуется время и большие финансовые вложения, которых в условиях приоритетного восстановления тяжелой промышленности в стране явно не хватало. На практике появившимся в конце 1945 г. коммерческим чайным пришлось довольствоваться малым и самим проявлять инициативу.

«Чайная рассчитана на рядового человека — труженика, она должна стать массовой формой общепита. Ее не надо подтягивать до уровня московского ресторана, ее ассортимент должен быть простым, но блюда вкусно приготовленными», — наставляли присутствовавших на ноябрьском 1945 г. совещании руководители Наркомторга[16]. При приготовлении блюд в коммерческих чайных планировалось взять за основу довоенные ресторанные рецепты и нормы закладки продуктов, что должно было обеспечить их высокие вкусовые качества. Стоимость же аналогичных блюд, как предполагалось, в чайных должна быть на 20% ниже, чем в ресторанах. Это достигалось за счет «стандартизации» ассортимента блюд, предлагаемых в чайной: он должен был быть не столь разнообразен и изыскан, как в коммерческом ресторане.

Специальное внимание было уделено созданию, как бы сейчас сказали, «фирменного стиля» коммерческих чайных. Нарком А.В. Любимов настаивал на единстве оформления интерьера и общих требованиях к культуре обслуживания. В частности, чтобы в них чашки были обязательно с блюдцами, и чтобы чай подавался по русскому обычаю «парами» — то есть, отдельно заварочный чайник и отдельно кипяток — каждый объемом около полулитра.

Главной фигурой в коммерческой чайной был объявлен заведующий, который, по словам А.В. Любимова, «должен быть хозяином в чайной»[17]. Коммерческим чайным были сделаны небывалые послабления в сторону рыночной деятельности. Им разрешалось приобретать и держать скот (коров, овец, кур) для создания «запаса живого мяса», иметь свой двор с погребами для хранения овощей. Госбанк должен был предоставлять чайным льготные кредиты на обустройство, на закупку оборудования и продуктов.

Руководители Наркомторга на совещаниях поучали заведующих чайными рачительному ведению хозяйства на рыночных принципах: закупать продукты, мол, нужно на базаре по сезону, обязательно по оптовой цене со скидкой и там, где дешевле, и т.д.

В целом система снабжения коммерческих чайных должна была носить смешанный характер. Часть фондов шла централизованно от государства и по госцене (хлеб, мука, водка, табак, сахар, селедка, кондитерские изделия), а другую часть разрешалось закупать с колхозного рынка по рыночным расценкам (мясо, рыба, картошка, фрукты, молоко, яйца). У чайных появлялась заинтересованность в том, чтобы в более широком ассортименте готовить и с выгодой продавать продукцию собственного производства. Однако на практике чайные не могли самостоятельно производить закупки на рынке. Заведующий чайной обращался с заявкой в местный торг и трест столовых, которые и осуществляли непосредственную закупку на рынке нужных продуктов. Тем самым руководители коммерческих чайных оказались в зависимости от торговых чиновников.

Другим ограничением самостоятельности коммерческих чайных стали устанавливаемые приказом местных чиновников предельные цены на ту часть блюд, которые готовились из продуктов, приобретенных на рынке по свободным ценам. Например, суп картофельный не мог стоить более 10 руб. за порцию, мясные биточки — не более 12 руб. и проч. Черный хлеб не покупался на рынке и потому везде в чайных стоил одинаково — 3 руб. за 100 гр., а стандартная «пара» чая с 20 гр. сахара в придачу шла за 3 рубля. Кипяток выдавался посетителям в неограниченном количестве, но только при условии покупки хотя бы одной «пары» чая. Прейскуранты на все

блюда утверждались районным отделом торговли, он же имел полномочия контролировать работу коммерческих чайных.

Наконец, нужно иметь в виду, что в отношении продуктов, получаемых из централизованных госфондов, для посетителей коммерческих чайных, как и иных предприятий общепита, продолжали действовать ограничительные нормы. Так, в конце 1945 г. в одни руки продавали до 200 гр. хлеба, 50 гр. конфет, 100 гр. печенья или пряников.

Едва ли не единственным товаром, на который не распространялись лимиты, была водка. В розлив ее продавали посетителям коммерческих чайных в любом количестве. После снижения наценки водка стала продаваться в чайных всего на 15% дороже магазинной цены, а пиво — на 20%. Одновременно расширился ассортимент и качество предлагаемых мясных блюд и закусок. Это привело к увеличению спроса на спиртное в чайных и к сокращению практики распития спиртных напитков из-под полы.

Зарплата работников коммерческих чайных теперь состояла из двух частей — базовой и премиальной. Базовый оклад был установлен на 15% выше, чем в обычных столовых. Премиальная же часть напрямую увязывалась с доходностью чайной, а именно: с каждой заработанной 1000 руб. от 30 до 40 руб. шли на премии работникам, что повышало заинтересованность коллектива в результатах труда[18]. Вместе с тем, коммерческие чайные обязаны были не только окупать себя, но и выплачивать 10-процентный налог государству.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Итак, с ноября 1945 г. механизм создания сети коммерческих чайных был запущен. Первые коммерческие чайные открылись в СССР 1 января 1946 г. Они вошли в состав Главресторана — той же управленческой структуры Наркомторга, которая руководила и коммерческими ресторанами. 29 января 1946 г. Наркомторг собрал совещание, чтобы подвести первые итоги работы[19]. Оказалось, что чайные пользовались большой популярностью, но почти повсеместно срывались сроки их открытия, а те, что появились в крупных городах, не справлялись с наплывом посетителей.

К примеру, в Москве полноценный обед в первых коммерческих чайных стоил в январе 1946 г. около 20 руб., но это было дешевле, чем в ресторане, и сюда выстроились большие очереди. К апрелю 1946 г. в столице предполагалось открыть 60 коммерческих чайных из тех 100, которые по плану должны были здесь действовать. Однако едва ли не сразу стало ясно, что это капля в море, особенно в условиях острого дефицита общедоступных столовых[20].

Участники совещания 29 января 1946 г. обратили внимание руководства Наркомторга на издержки организационного этапа и на то, что многие данные им государством обещания оказались не выполненными. В частности, острой оставалась проблема обеспечения чайных мебелью, посудой и столовыми приборами. Директор Щербаковского треста Москвы Васильев признался, что в недавно открытых московских коммерческих чайных не хватает чайников, ножей, блюдец, полотенец, нет необходимого количества стульев и табуреток. В регионах ситуация зачастую была хуже.

Большие проблемы вызвал приказ Наркома торговли о том, что посетители коммерческих чайных должны снимать при входе верхнюю одежду. Выяснилось, что многие помещения чайных не имеют гардероба и что содержание гардеробщика не предусмотрено сметой. Кроме того, посетители отказывались сдавать в гардероб свою одежду и вещи, опасаясь воровства.

Сотрудник Октябрьского торга Москвы Маркин сообщал на январском совещании 1946 г.: открыты три коммерческих чайных, помещения небольшие, для раздевалки места нет. Люди встают в очередь перед чайной. «Придется ставить швейцара у входа, чтобы не пускать людей больше, чем посадочных мест»[21]. «Наплыв посетителей такой, что нет возможности организовать сдачу верхней одежды, и раздеваться люди не хотят, — вторил ему Макаренко из Советского района Москвы. — Идут в пальто, садятся за столик с корзинками и мешками. После 2-х часов дня и до закрытия в полночь поток посетителей такой, что уборщица не может убрать помещение»[22].

Не удалось запретить и чаевые официантам. Выявилась и другая напасть: в сутолоке внутри чайной ушлые посетители нередко уходили, не оплатив обед. В итоге был издан приказ Наркомторга, согласно которому официанты должны были требовать оплату за еду вперед, в момент принятия заказа. Однако этим были недовольны добросовестные посетители чайных, которых часто не устраивало качество блюд и обслуживания.

Участники совещания 26 января 1946 г. сетовали на то, что установленный для коммерческих чайных ассортиментный минимум не выдерживается, что централизованные госпоставки продуктов срываются, а закупки с рынка обставлены бюрократическими согласованиями. Из госфонда не поступало хорошей муки. Мало поступало пользующейся спросом сельди, зато коммерческим чайным навязывали дорогую белугу и осетрину, которые не находили сбыта.

Первые месяцы также показали, что основная прибыль идет за счет собственной продукции чайных, а также от продажи водки. Так, московская чайная Сокольнического треста за первые 10 дней рабо-

ты наторговала на 244 тыс. руб., из которых было продано собственной продукции на 108 тыс., а от продажи водочных изделий получено 92 тыс.[23] Не чай с баранками, а подешевевшая водка и дешевая закуска к ней оставались главным товаром коммерческих чайных.

Несмотря на аналогичные с ресторанными нормы вложения ингредиентов, вкусовые качества блюд в коммерческих чайных нередко вызывали нарекания посетителей и проверяющих. В меню одной чайной значилась «лапша домашняя с мясом». «А у нас она ни на домашнюю непохожа, ни на ресторанную... — самокритично признавался один из участников упомянутого совещания в январе 1946 г. — Подают холодную. Картофель не жаренный, как в меню, а не поймешь какой, синий вместо румяного. Вот чего нужно бояться — чтобы коммерческие чайные, имея повышенные нормы закладки сырья, не превратились в обычные столовые, а то и хуже»[24].

Много нареканий поступало и на качество главного «фирменного» напитка — чая. По норме в порционном заварочном чайнике должно было находиться 2 гр. сухого чая, который поступал в составе централизованных госпоставок. Но посетители с первых дней жаловались на то, что работники или готовить чай не умеют — не знают, как правильно заваривать, или экономят на заварке, или сам чай некачественный.

Участники январского совещания 1946 г. самокритично признавались, что первые коммерческие чайные не стали примером социалистической культурности. Напротив, они переняли многие негативные черты советского общепита. За неполный месяц работы было зафиксировано немало случаев обмана и обвеса посетителей. В Москве за систематический недолив водки буфетчицу из коммерческой чайной для острастки даже отдали под суд. Но это не помогло — недолив водки по 20—30 гр. на стакан (200 гр.) продолжал оставаться частым явлением. Кроме того, вскрылись факты, когда сотрудники чайных не без выгоды для себя разбавляли водку водой. Посетители чайных, однако, тоже не оставались в долгу. Они не только убегали в сутолоке, не заплатив за еду, но и уносили с собой дефицитные по тем временам столовые приборы.

ОТЧЕТЫ С МЕСТ

При общем плане открытия в стране к 1 июня 1946 г. 2 тыс. коммерческих чайных, в СССР к этому моменту их действовало уже 2111. Из месяца в месяц увеличивался и их оборот: в апреле 1946 г. он составил 560 млн. руб., а в мае — 649 млн. Однако в региональном разрезе ситуация с организацией сети чайных и их деятельностью

выглядела противоречиво. В передовиках числились Украина и Москва. Так, в столице коммерческие чайные дали в 1-м квартале 1946 г. 25,1%, в апреле — 39,1%, а в мае — 42,2% в общем объеме товарооборота Мосглавресторана. В июне 1946 г. уже более половины его товарооборота приходилось на коммерческие чайные, которые обогнали по этому показателю столичные коммерческие рестораны.

С января по май 1946 г. сеть чайных в Москве увеличилась в 3 раза. Количество выпитого посетителями чая выросло с 189 тыс. «пар» в январе 1946 г. до 945 тыс. «пар» в мае того же года[25]. Были достигнуты известные успехи в улучшении ассортимента и качества блюд, несколько улучшилась ситуация со снабжением продуктами и мебелью.

Открытые на Украине коммерческие чайные отличались своим национальным колоритом в оформлении интерьера, в наличии в меню блюд национальной кухни и др. В Харькове и в Сталино (ныне Донецк) весной 1946 г. посетителям коммерческих чайных предлагалось на выбор 3—4 первых блюд, 8—10 вторых и 4—5 холодных закусок. Здесь чайные быстро завоевали популярность, и многие организации и учреждения решили создать чайные для своих работников. Они выделили на своей территории помещения и обратились в местные торги с просьбой наладить там торговлю.

Сообщения о работе коммерческих чайных, поступавшие из российских регионов, убеждают в том, что в конце 1945 — 1946 г. граждане в массе своей были весьма неприхотливы и положительно воспринимали даже незначительные перемены к лучшему в общепите. Кроме того, зачастую альтернативы коммерческим чайным (особенно там, где они были открыты на месте обычных чайных и закусочных) на местах просто не было. Посетители чайной на центральном колхозном рынке г. Свердловска (среди них — не только колхозники, торгующие на рынке своей продукцией, но и пришедшие за покупками рабочие Уралмаша) заявили: «Мы сейчас имеем возможность получить горячую вкусную пищу в культурной обстановке, а раньше приходилось есть из грязных рук случайных торговцев». В Куйбышеве посетители чайной благодарили за вкусный чай с сахаром. В воскресенье 7 июля 1946 г., даже несмотря на проливной дождь (в хорошую погоду посетителей еще больше), эта чайная продала 1100 «пар» чая. Ситуация отличалась в зависимости от региона и от инициативности заведующего чайной и отношения местных властей.

Тем временем в адрес Наркомторга с мест продолжала поступать информация о нерегулярном снабжении государством коммерческих чайных, о скудном ассортименте и невысоком качестве предлагаемых в них блюд. В 1946 г. где-то не хватало чайников, в другом месте — ска-

тертей и спецодежды, кто-то сетовал на недостаточный ассортимент табачных и кондитерских изделий или пользующегося спросом пива.

Многие недостатки, безусловно, можно было списать за счет крайне тяжелого в материальном плане послевоенного времени. Однако в сравнительно короткой истории существования коммерческих чайных ясно прослеживаются и пороки директивно-распределительной системы. В целом в худшую сторону выделялись чайные в тех регионах, где местными властями была ограничена закупка продуктов на колхозных рынках и снабжение осуществлялось исключительно за счет госпоставок. Но и те чайные, которые вели закупки продуктов на колхозных рынках через местные торги, жаловались на то, что их инициатива и предприимчивость не может быть в полной мере реализована. Например, из-за отсутствия транспорта (иметь собственный автопарк коммерческим чайным так и не разрешили) они вынуждены были производить закупки не там, где выгоднее (где ниже цены и лучше качество продуктов), а исключительно на ближайшем рынке. Это вело к удорожанию блюд и снижало материальную заинтересованность работников в результатах труда[26].

Снижение государственных наценок на спиртные напитки в чайных привело к росту потребления водочных изделий. Доходы коммерческих чайных от алкоголя превышали выручку от продажи других продуктов, что ставило под вопрос саму идею о чайных как носителях новой потребительской культуры. Во всяком случае, к началу 1947 г. редко где чайные стали местом семейного досуга, куда в выходные можно было прийти с детьми, почитать свежую прессу и послушать хорошую музыку.

Трудно сказать, представляли ли бы коммерческие чайные в перспективе реальную альтернативу традиционному советскому общепиту. Они просуществовали менее двух лет, а многие только разворачивали свою деятельность и не успели в полной мере проявить себя. В связи с отменой в 1947 г. карточной системы государственная коммерческая деятельность, включая коммерческие рестораны, чайные и магазины, прекратила свое существование. Коммерческие чайные были перепрофилированы под обычные учреждения общепита, торговавшие по единым госрасценкам и снабжавшиеся исключительно за счет централизованных госпоставок. С рыночными послаблениями, вызванными чрезвычайными условиями войны, в очередной раз было покончено.

[1] См., например: *Moskoff William*. The Bread of Affoction: The Food Supply in the USSR During World War II. — Cambridge, 1990; *Hessler Julie* : 1) Social History of So-

viet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917—1953. — Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2004 ; 2) A Pastwar Perestroika?: Toward a History of Private Enterprise in the USSR // Slavic Review. — Fall 1998. — Vol. 57, no. 3.

[2] *Зубкова Е.[Ю.].* Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945—1953. — М.: РОССПЭН, 1999.

[3] *Hessler Julie.* A Pastwar Perestroika?: Toward a History of Private Enterprise in the USSR. — P. 539.

[4] Кооперативные чайные обслуживали по фиксированным госрасценками не всех желающих, а только крестьян — сдатчиков государству по низким фиксированным ценам сельхозпродукции (хлеба, свеклы и др.).

[5] РГАЭ. — Ф. 7971. — Оп. 1. — Д. 1145. — Л. 167.

[6] Там же. — Л. 150.

[7] Там же. — Л. 1, 9.

[8] Там же. — Д. 1146. — Л. 37, 68.

[9] Там же. — Л. 68.

[10] Там же. — Л. 67.

[11] Там же. — Д. 1146.

[12] В стенограмме отсутствуют имена и отчества участников совещания, установить их нам не удалось.

[13] РГАЭ. — Ф. 7971. — Оп. 1. — Д. 1146. — Л. 68.

[14] Там же. — Л. 1—4.

[15] Там же. — Д. 1146.

[16] Там же. — Л. 10.

[17] Там же. — Л. 8.

[18] Там же. — Л. 79—81.

[19] Стенограмма совещания НКТорга о работе коммерческих чайных от 29 января 1946 г. // РГАЭ. — Ф. 7971. — Оп. 1. — Д. 1230. — Л. 30—38.

[20] Там же. — Л. 23.

[21] Там же. — Л. 35.

[22] Там же. — Л. 36.

[23] Там же. — Л. 34.

[24] Там же. — Л. 33.

[25] Там же. — Оп. 2. — Д. 218. — Л. 240.

[26] Там же. — Л. 214.

Р.Г. Кирсанов

ЭКОНОМИКА ПРОДАВЦА: СОВЕТСКИЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ РЫНОК В КОНЦЕ 1970-Х — НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ

Статья посвящена анализу сферы потребительских товаров и услуг с конца 1970-х годов до момента распада Советского Союза. Автор отмечает, что несмотря на принимавшиеся правительством и партией меры по расширению производства и повышению качества товаров массового потребления, дефицит многих видов товаров и услуг не только не уменьшался, но приобрел тенденцию к увеличению. Рост несоответствия между структурой производившихся товаров и спросом населения и недостаток качественных товаров существенно усиливали диспропорции на внутреннем рынке.
Ключевые слова: рынок потребительских товаров; товары широкого спроса; дефицит; денежная масса; товарное обеспечение; платежеспособный спрос; перестройка; денежная реформа 1991 г. в СССР.

R.G. Kirsanov
The economy of the seller: the Soviet consumer market in the late 1970s — early 1990s

The article examines the state of the consumer sectors of the economy since the end of the USSR 1970s until the collapse of the Soviet Union. The author notes that despite the efforts made by the communist party and the government to increase production and improve the quality of consumer goods, the shortage of many types of goods and services was not only not diminished, but acquired a tendency to increase. The increasing mismatch between the structure of the produced goods and the demand of the population and the lack of quality products significantly amplified the imbalances on the domestic market.
Keywords: consumer goods market; commodities; deficit; money supply; commodity providing; effective demand; restructuring; Soviet monetary reform of 1991.

Слова «тотальный дефицит» и «очереди» у многих ассоциируются прежде всего с советским периодом от 60-х до начала 90-х годов. В СССР товары, пользовавшиеся наибольшим потребительским спросом, как правило, не «покупались», а «доставались», и каждый хотел иметь знакомого завсклада или кого-то из работников сферы торговли. Существует целая палитра точек зрения и воспоминаний, касающихся событий тех времен. Одни сетуют на бесконечные очереди и постоянную «охоту» за дефицитом, другие им в ответ заявляют: «зато холодильники всегда были полными». Безусловно, было

бы несправедливо говорить о застое советского потребительского рынка в это время: расширялись ассортимент и номенклатура выпускавшихся изделий, обсуждалась проблема повышения качества и конкурентоспособности отечественных товаров, развивалась сфера кредитования покупок товаров длительного пользования[1]. Однако неоспоримым фактом является то обстоятельство, что по уровню производства товаров широкого спроса СССР неизменно на протяжении 1970-х — первой половины 1980-х годов занимал последнее место даже среди стран Восточной Европы. В конечном счете усиливавшийся дефицит продуктов питания и товаров повседневного спроса стал одной из главных причин нараставшего во второй половине 1980-х годов социального недовольства.

Во многом такая ситуация в сфере товаров и услуг объяснялась политикой правящей Коммунистической партии, полагавшей, что потребительская корзина советских граждан должна формироваться на 80% из так называемых первичных жизненных потребностей. Исходя из этого задавались общие границы сферы материального потребления в СССР. Повышение народного благосостояния руководство страны видело, в первую очередь, в возрастании номинальных денежных доходов, интенсивном развитии жилищного строительства, увеличении производства и повышении качества продуктов питания. Роль товаров народного потребления в удовлетворении платежеспособного спроса населения долгое время игнорировалась.

Практически нерешаемой оставалась проблема качества отечественных товаров. Признавая преимущества существовавшего тогда общественно-политического строя, советские граждане одновременно с этим превозносили все иностранное и завидовали западному образу жизни. Герой культового советского фильма Дима Семицветов торгует «из-под прилавка» в комиссионном магазине дефицитной импортной электротехникой. Начиная с середины 60-х годов в СССР функционировал и такой привилегированный канал снабжения, как сеть магазинов «Березка», в которых были представлены в основном европейские товары, а также советские изделия, но только «экспортного качества». В «Березках» за инвалюту и чеки «Внешпосылторга» можно было приобрести одежду и обувь, бытовую технику, мебель и даже дефицитные книги.

Справедливости ради следует сказать, что в силу отсутствия достаточной и достоверной информации о качестве жизни в капиталистических странах, советские граждане имели несколько искаженные представления о ситуации с потребительскими товарами и услугами на Западе. В особенности это касалось Соединенных Штатов Америки. В начале 1980-х годов американский профессор уни-

верситета штата Айовы П. Риэз провел специальное исследование, в ходе которого изучалась связь между ценой и качеством 10 162 товаров. В итоге было установлено, что в отношении косметики, парфюмерии и туалетных принадлежностей в 35% случаев существовала обратная зависимость между ценой и качеством продукции. П. Риэз отмечал в этой связи: «...С моей точки зрения, единственное, что зачастую бывает выше в дорогостоящих товарах, — это прибыль. Использовать цену как показатель качества — весьма неразумная стратегия со стороны потребителей, особенно товаров краткосрочного пользования»[2].

По данным журнала «Гарвард бизнес ревью» за июль 1983 г., 49% американских потребителей считали, что за прошедшие пять лет качество американских товаров упало. Цены же в это пятилетие росли высокими темпами. В 1981 г. корпорация «Форд», провозгласив, что «качество — наша забота № 1», объявила, что качество ее автомобилей, выпускавшихся в том году на 27% выше, чем у моделей 1980 г. производства[3]. То, что эта цифра была взята «с потолка», не вызывало сомнений у многих американцев, все больше предпочитавших японские автомобили.

Примерно в это же время сенатор Б. Кэстон признал чрезвычайную остроту таких проблем, как «обман потребителей, лживая реклама и опасные для покупателей продукты». Американские исследователи обратили внимание на тот факт, что в 80-х годах потребители стали гораздо меньше доверять отечественным производителям, чем 20—30 лет назад. Не случайно в Западной Европе американской фирме «Макдональдс» приходилось подчеркивать в рекламных проспектах, что их блюда «не содержат ничего, сделанного в Америке».

Возвращаясь к советским «Березкам», отметим, что представленный в них ширпотреб хотя и был добротен, но по западным меркам это был товар среднего класса, нередко закупавшийся оптом во время распродаж, но продававшийся у нас безо всяких скидок на конец сезона и устарелость моделей. Иностранцы в этих заведениях приобретали разве что продукты, редкие советские книги и — реже — русские шубы и матрешки.

Тем не менее в СССР, если оценивать исключительно по числовым показателям, сфера потребительских товаров развивалась. К примеру, заметно возросла обеспеченность домашних хозяйств различными видами бытовой техники: обеспеченность холодильниками и морозильниками в расчете на 100 семей увеличилась с 32 штук в 1970 г. до 91 в 1984 г.; количество стиральных машин, находящихся в личном пользовании, увеличилось с 52 в 1970 г. до 70 в

Таблица 1

Рост числа обращений в службы быта для гарантийного ремонта бытовой техники в 1976—1979 гг.

Бытовая техника	1976 г.			1977 г.			1978 г.			1979 г.		
	Продано населению	Потребовался гарантийный ремонт		Продано населению	Потребовался гарантийный ремонт		Продано населению	Потребовался гарантийный ремонт		Продано населению	Потребовался гарантийный ремонт	
	тыс. шт.	тыс. шт.	%	тыс. шт.	тыс. шт.	%	тыс. шт.	тыс. шт.	%	тыс. шт.	тыс. шт.	%
Холодильники	4700	615	13	4854	686	14,1	5057	731	14,5	5038	802	15,9
Стиральные машины	3309	132	3,9	3435	142	4,1	3465	138	3,9	3436	137	3,9
Магнитофоны	2353	584	25	2643	675	27,4	2495	703	28,1	2470	726	29,4
Телевизоры	5991	3431	57,2	6152	3284	53,4	6780	3559	52,5	6453	3846	59,6

Источник: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 142. Д. 280. Л. 2.

1984 г.; обеспеченность электропылесосами возросла с 12 в 1970 г. до 37 штук в 1984 г. Однако несмотря на ряд позитивных изменений в улучшении быта советских граждан, уровень оснащенности домохозяйств бытовыми машинами и приборами оставался ниже, чем в европейских социалистических странах: в 1986 г. обеспеченность на 1000 человек холодильниками соответствовала обеспеченности населения Польши в 1980 г., ЧССР — в 1975 г., ВНР — в 1975—1977 гг.; стиральным машинами — на уровне обеспеченности населения ВНР в 1970 г., ЧССР — в 1965—1970 гг.[4] Низкий уровень механизации домашнего труда, прежде всего связанного с приготовлением пищи, объяснялся ограниченным ассортиментом бытовой техники, недостаточными масштабами ее производства, ориентацией на выпуск разрозненных изделий, а не на производство систем бытовых приборов с применением электроники.

В течение десятой пятилетки некоторые предприятия — изготовители бытовых машин и приборов продолжали выпускать изделия с низким качеством и недостаточной надежностью. В связи с этим ежегодно увеличивалось число граждан, которые были вынуждены обращаться в службы быта в период гарантийного срока их эксплуатации, что видно из следующих данных (см. *таблицу 1*).

Вместе с тем необходимо отметить, что после трех, а для цветных телевизоров после пяти капитальных ремонтов в период гарантийного срока службы приборы признавались негодными к эксплуатации и выдавалась справка на их обмен на новые (см. *таблицу 2*).

Таблица 2

Выдача справок на обмен бытовой техники в 1976—1979 гг. (тыс. штук)

Бытовая техника	1976 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.
Холодильники	30,0	29,0	24,2	22,8
Стиральные машины	5,5	5,9	5,3	4,6
Магнитофоны	39,4	45,3	54,7	62,9
Телевизоры ч/б	54,7	44,3	39,8	36,3
Телевизоры цветные	16,4	26,1	31,6	34,3

Источник: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 142. Д. 280. Л. 2.

К началу 1980-х годов положение дел с повышением качества выпускавшихся товаров практически не улучшилось, несмотря на то, что Совет министров СССР неоднократно поднимал этот вопрос. Если судить по изделиям бытовой техники, то 1980 г. в гарантийные

мастерские обратилось почти 5 млн человек. Проблема своевременного и качественного ремонта бытовой техники усугублялась тем, что предприятия службы быта крайне неудовлетворительно обеспечивались запасными частями. В результате население было вынуждено длительное время ждать очереди на ремонт, что вызывало недовольство и нарекания на работников гарантийных мастерских и вело к многочисленным жалобам в центральные органы власти.

Проводившиеся в течение 1979—1980 гг. выборочные проверки торговых организаций выявили многочисленные перебои в торговле товарами массового спроса и первой необходимости. Так, в шести магазинах Абаканского продторга Красноярского края на день проверки отсутствовали следующие товары: крупа овсяная, горох, мука нескольких сортов, каша перловая в пачках, рис, томаты маринованные, минеральная вода, яблочное повидло, чай грузинский, вафли, сигареты и папиросы ряда марок. При этом все перечисленные товарные позиции имелись в достаточном количестве на складах местных баз поставщиков. Хлебобулочные изделия в г. Абакане поступали в продажу низкого качества — горелые и сырые, а ржаной хлеб и белый хлеб из муки высшего сорта в продаже отсутствовали вовсе.

В Сахалинской области наблюдалась нехватка рыбных, овощных и фруктовых консервов, винной продукции и табачных изделий высших сортов. Снизилась продажа пива и газированных напитков. С перебоями осуществлялась торговля телевизорами, радиоаппаратурой, осветительной арматурой (люстры, торшеры, настольные лампы). В продаже также недоставало металлической посуды, многих галантерейных товаров.

В Ярославской области учреждениями Госбанка СССР было проведено 1009 проверок магазинов. В перечень дефицитных товаров попали сахар, перловая крупа, свежемороженая рыба, пряники и сухари, чайники, ведра, корыта, одеколон, щетки зубные и ряд других товаров.

Схожая ситуация наблюдалась в Приморском крае, Саратовской и Курской областях. В Пензенской области выборочные обследования магазинов и универмагов выявили отсутствие в необходимом количестве школьной формы и детской обуви, мужской одежды наиболее востребованных размеров[5].

В июне 1981 г. было принято совместное постановление Совета министров СССР и ЦК КПСС № 548 «О мерах по увеличению производства товаров первой необходимости в 1981—1985 гг. и более полному удовлетворению спроса населения на эти товары». Однако Минторг СССР вынужден был признать, что из 50 товарных позиций, по производству которых этим актом устанавливались задания

на 1981—1985 гг., может быть ликвидирована дефицитность только по 25 товарам[6].

Предпринятое во второй половине 1970-х — начале 80-х годов повышение розничных цен на отдельные виды товаров помогло немного улучшить структуру платежеспособного спроса населения и снизить избыточную денежную массу: с 5 января 1977 г. выросли цены на ковры и ковровые изделия, ткани из натурального шелка, изделия из хрусталя, книги, с 1 марта 1978 г. были повышены цены на ювелирные изделия, ремонт и техническое обслуживание легковых автомобилей, запасные части к ним, на бензин, натуральный кофе, шоколадные кондитерские изделия, с июля 1979 г. — на изделия из драгоценных металлов, ковры, легковые автомобили, мебель, также выросли цены в ресторанах и кафе в вечернее время, с 15 сентября 1981 г. – на водку, табак, ювелирные изделия, ковры, мебель, с августа 1985 г. — на водку и вино. С 1 апреля 1977 г. были введены новые тарифы за пользование такси и воздушным транспортном[7]. Правда одновременно с этим снижались розничные цены на сельдь иваси, на широкий круг товаров для детей и взрослых из искусственного и синтетического сырья, на товары культурно-бытового и хозяйственного назначения.

За 1981—1985 гг. выросли средние розничные цены на хлеб (6,6%), картофель (7,9%), овощи (4,4%), кондитерские изделия (11,6%), хотя изменений государственных розничных цен в централизованном порядке на них не было.

В группе непродовольственных товаров выросли средние цены на отечественные хлопчатобумажные (17,9%) и льняные (17,5%) ткани, кожаную (10,9%) и резиновую (7,8%) обувь, верхний трикотаж (10,7%), телевизоры (10%), радиоприемники (4,8%), холодильники (15,4%), стиральные машины (6,8%).

Наряду с этим происходило повышение цен на импортные товары и на товары отечественного производства под видом улучшения их качества. Кроме того, прекращались производство и поставка в торговлю дешевых товаров[8].

Индекс розничных цен в одиннадцатой пятилетке составил 110%, в том числе по продуктам питания — 110,4%, по непродовольственным товарам — 110,1%.

Между тем круг дефицитных товаров расширялся. По-прежнему ощущался недостаток продуктов питания, овощей, фруктов и многих непродовольственных товаров. Показательно, что за 1966—1987 гг. план товарооборота был выполнен всего пять раз. В 1985 г. степень дефицитности по разным товарным группам составляла от 78% до 84%, а удельный вес производства предметов потребления в

общем объеме продукции промышленности составил 25,2% против 26,6 % в 1970 г.

В целом за период 1971—1986 гг. производство предметов потребления выросло в 2,1 раза, а количество денег в обращении — в 3,1 раза. Отложенный спрос населения из-за недостатка товаров и услуг в наличных деньгах и на вкладах к концу 1985 г. определялся в 70—75 млрд. руб. Таким образом, в народном хозяйстве накапилась большая сумма денежных средств, которым не противостоял материальный эквивалент. «Лишние» деньги давили на рынок, дестабилизируя поведение всех его участников — и производителей, и работников, и конечных покупателей, вызывали стихийные всплески ажиотажного спроса, ведущего к дефициту отнюдь не дефицитных товаров (стиральный порошок, мыло, зубная паста).

С началом перестройки ЦК КПСС и Советом министров СССР был предпринят ряд мер по укреплению материально-технической базы отраслей, предприятий и цехов, выпускавших товары народного потребления, оснащению их высокопроизводительной техникой и внедрению передовых технологий. В 1985 г. Госбанк СССР предоставил долгосрочные кредиты на сумму 1,5 млрд. руб. для создания и совершенствования производственно-технической базы предприятий, производивших товары и оказывавших услуги для населения, на развитие торговли, связи и кино, а также на проведение мероприятий по повышению качества выпускаемых изделий. По сравнению с 1981 г. предоставление долгосрочных кредитов на перечисленные цели увеличилось в 1986 г. в 1,5 раза[9].

В результате принятых мер промышленность увеличила производство потребительских товаров и несколько расширила их ассортимент, однако спрос населения на многие товары по-прежнему не мог быть полностью удовлетворен. Поставка товаров в торговую сеть в 1987 г. оказалась ниже плана на 17 млрд. руб., в том числе продовольственных и непродовольственных товаров — на 10 млрд. руб. Торговля получила меньше плана: картофеля и плодоовощей — на 3,4 млрд. руб., товаров легкой промышленности — на 2,3 млрд. руб., товаров культурно-бытового и производственно-технического назначения — на 4,6 млрд. руб.[10] Кроме того, советское правительство с 1986 г. стало уменьшать импорт потребительских товаров. В связи с уменьшением импорта изделий легкой промышленности, поступление этих товаров в торговые сети в 1987 г. сократилось против 1986 г. на 3 млрд. руб.[11] Не спасал ситуацию даже интенсивный выброс на рынок товарных запасов (к слову, неходовых и залежалых).

Таким образом, дефицит многих видов товаров и услуг не только не уменьшился, но приобрел тенденцию к увеличению. Проблема

заключалась в том, что торгующие организации слабо изучали конъюнктуру рынка, а их заказы на поставку продукции зачастую не были обоснованы. Соответственно, министерства и предприятия получали искаженную картину экономической ситуации, складывавшейся на потребительском рынке. Как следствие, продолжался выпуск не пользовавшихся спросом населения изделий, которые оседали на складах, нанося большой материальный ущерб государству.

Вместе с этим продолжалось повышение цен на отдельные группы товары. Так, за 1986—1987 гг. индекс средних розничных цен составил в целом 104,6%, в том числе по продовольственным товарам — 110,5% и непродовольственным — 99,7%. Решающее влияние на изменение этого индекса оказало, как и в предшествующей пятилетке, произведенное в 1986 г. повышение цен на винно-водочную продукцию на 25,2% и снижение розничных цен на ряд товаров массового спроса (многие изделия для детей, отдельные виды одежды и обуви из синтетических материалов для взрослых, медикаментов, товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения).

Примечательно, что если в одиннадцатой пятилетке среднегодовой рост цен по продуктам питания составлял 0,6%, а по непродовольственным товарам — 1,7%, то с началом перестройки эти показатели составили 1,7% и 0,8% соответственно, то есть цены на продовольствие стали расти опережающими темпами.

Значительно выросли средние цены на картофель (12%) и овощи (14%). Одним из факторов роста цен явилось прямое повышение их на местах в определенные периоды и сезоны продажи организациями Агропрома, а также местными органами власти, которым было предоставлено право установления розничных цен на эту продукцию. Решения о повышении цен принимались в связи с убыточностью реализации этой продукции. В расчете на тонну проданных картофеля и овощей убытки в 1987 г. составили 68 руб.[12]

На рост средней цены на колбасные изделия повлияло принятое в 1986 г. решение о реализации твердокопченых колбас и копченостей через розничную сеть государственной торговли и потребкооперации по кооперативным ценам (одновременно были повышены розничные цены на соответствующую импортную продукцию).

Отдельно следует сказать о качестве выпускавшихся в тот период продовольственных продуктов. К примеру, в 1986 г. было принято решение о выпуске шести видов новых улучшенных сортов хлеба. В рецептурах новых изделий предусматривалось использование муки более высоких сортов, увеличение расхода дрожжей, снижение влажности и кислотности готовой продукции. Цены на новые сорта хлеба были установлены выше на 15—20%. Об этом через средства

массовой информации было широко объявлено населению. В 1987 г. из 32,5 млн. тонн хлеба по новым рецептурам было выпущено около 60%. Однако Министерство хлебопродуктов СССР с самого начала не обеспечило контроль за внедрением новых сортов хлеба. Даже несмотря на специальные указания Совмина СССР Госстандарту, Минхлебопродукту, Центросоюзу и их органам на местах обеспечить строгий контроль за качеством выпускаемого хлеба, положение не было исправлено. Какие-либо меры воздействия к предприятиям хлебопекарной промышленности, не соблюдавшим требования стандартов, практически не применялись, что приводило к росту жалоб покупателей на плохое качество хлеба[13].

Схожая ситуация наблюдалась и с непродовольственными товарами. Вот как выглядит динамика показателя изменения качества продукции по числу принятых претензий потребителей: с 1980 по 1986 г. количество таких претензий возросло по радиоприемным устройствам в 6,6 раза, по телевизорам — в 5,1 раза, магнитофонам — в 3,6 раза, стиральным машинам — в 2,2 раза, электропылесосам — в 2,5 раза, швейным изделиям — в 1,6 раза, трикотажным изделиям — в 1,9 раза, обуви — в 1,2 раза[14].

Как и прежде, значительная часть «гражданской» продукции — телевизоры, стиральные машины, пылесосы и пр. – производилась на предприятиях оборонного комплекса: в 1989 г. объем производства «мирной» продукции в рамках ВПК составлял 40% от общего объема его производства. Однако на военных предприятиях сохранялось пренебрежительное отношение к выпуску потребительских товаров как чему-то «второстепенному и непрестижному». Такое отношение вкупе с высокими издержками не могло не отражаться на качестве изделий.

Как свидетельствуют результаты выборочной проверки, в первом полугодии 1988 г. торговые инспекции понизили в сортности и забраковали 12,5% тканей, 18% швейной и 13,4% трикотажной продукции, 16,5% кожаной обуви. Достаточно часто брак стал встречаться даже в импортных товарах. За девять месяцев 1989 г. в универмаге «Москва» было забраковано импортных швейных изделий на сумму 526 тыс. руб., галантерейных изделий — на 44 тыс. руб., покупатели вернули до истечения гарантийного срока 234 пары иностранной обуви на сумму 13,7 тыс. руб.

На этом фоне по меньшей мере странным выглядело утвержденное в июле 1988 г. правительством «Положение о поставках товаров народного потребления»[15]. Теперь при понижении сортности товара штраф с поставщика не взимался. Вместо возврата некачественного изделия допускалась его замена, был отменен двухпроцентный

штраф с поставщика за исправление брака на месте. Штрафные санкции за поставку не соответствующих стандартам качества ювелирных изделий были понижены с 20% до 5%. Если раньше недопоставка товара штрафовалась в размере 7% (если штраф не был уплачен в течение 30 дней, то он увеличивался в 1,5 раза), то теперь этот штраф составлял только 4%. В случае восполнения в следующих сдаточных периодах года недопоставленного количества товаров размер подлежащей взысканию неустойки за просрочку поставки и недопоставку снижался на 50%.

Сохранилась тенденция «вымывания» дешевого ассортимента, пользовавшегося спросом у населения. В условиях хозрасчета и более широких прав в области ценообразования предприятия получили возможность улучшать свои экономические показатели не за счет повышения эффективности производства (и соответственно снижения себестоимости), а за счет повышения цен: сокращался выпуск востребованных и дешевых товаров и увеличивалось производство более дорогих. Этот процесс заметно ускорился в 1988—1989 гг. в условиях возросшей дефицитности многих товаров. Среднедоходным слоям населения приходилось делать покупки по более высокой цене, но и те, кто имели возможность покупать дорогие высококачественные товары, тоже не могли в полной мере удовлетворить свой спрос.

В 1986 г. было принято постановление ЦК КПСС Совета министров СССР № 489 «Об улучшении планирования, экономического стимулирования и совершенствовании управления производством товаров народного потребления в легкой промышленности», на основании которого предприятиям легкой промышленности устанавливались задания в разрезе ценовых групп, с тем чтобы обеспечить выпуск дешевого ассортимента. Однако, как показала дальнейшая практика, этот механизм не действовал. Из 49 видов дешевых изделий для детей, молодежи, лиц старшего возраста за 1988 г. не были достигнуты намеченные объемы производства более чем по трети изделий, а по половине таких товаров уровень производства даже снизился по сравнению с предшествующими годами.

Сократился выпуск швейных изделий по прейскурантным ценам на 9%, обуви — на 5%, кожгалантерейных — на 6% при ускоренном росте производства особо модных изделий и товаров с индексом «Н» (новые изделия), а также реализуемых по договорным ценам[16].

Состояние основных производственных фондов легкой промышленности не претерпело каких-либо существенных изменений. Замедлялись темпы ввода производственных мощностей. В течение периода 1986—1988 гг. в среднем ежегодно устанавливалось на 3,2 тысячи станков меньше, чем в 1981—1985 гг. Приобретение за-

рубежных технологий вскрывало новые проблемы: нехватку сырья, недостаточную квалификацию кадров, трудности с эксплуатацией и ремонтом оборудования, поиском запчастей. К тому же нормативные сроки освоения новых производственных мощностей в СССР были гораздо продолжительнее западных.

Во второй половине 1980-х годов Советский Союз продолжал заметно уступать капиталистическим странам в размерах розничной торговли. Даже в Москве, куда стекались покупатели со всей страны (до 3 млн. в день), на 1000 постоянных жителей приходилось лишь 200 кв. метров торговой площади. В целом по РСФСР обеспеченность населения торговыми площадями находилась на уровне 86% нормативной потребности, а сам этот норматив был в 1,5—2 раза ниже европейского.

Как показали данные изучения общественного мнения, половина покупателей московских промтоварных магазинов не могли совершить покупки по причине отсутствия в продаже требуемого товара либо из-за очередей. В 1989 г. обеспеченность товарами крупного столичного универмага «Москва» составляла лишь на 83% от заявленной им потребности. Население было вынуждено постоянно носить при себе крупные суммы денег на случай, если нужные вещи появятся в продаже. Многие граждане выезжали для покупки товаров в областные, республиканские центры, столицу. Например, по данным Московского ГУМа, удельный вес покупок, производимых приезжими покупателями, превышал 60%, в том числе по швейным изделиям он составлял 76%, обуви — 61%, трикотажным изделиям — 62%, посудо-хозяйственным товарам — 62%, фотокинотоварам — 79%. В филиалах ГУМа — магазинах «Прага», «Лейпциг», «Белград», удельный вес приезжих покупателей в товарообороте был еще выше — 70—74%, в том числе по трикотажным изделиям — до 83%.

Нехватка товаров в торговой сети все чаще вызывала недовольство населения. За 1986—1989 гг. количество денег населения в обращении увеличилось на 53% при росте расходов на покупку товаров и оплату услуг на 24%. После введения в 1988 г. новых тарифных ставок и окладов в производственных областях более 50 млн. человек получили прибавку к зарплате. За 1989 г. денежные доходы населения увеличились на 63,8 млрд. руб., или на 12,9%, против 41,4 млрд руб. в 1988 г. Из общего прироста доходов граждан 46,7 млрд. руб. пришлось на рост заработной платы[17]. Подумать в этой связи о подкреплении денежной массы необходимыми материальными ресурсами советское руководство вновь забыло.

В 1989 г. розничный товарооборот увеличился против 1988 г. на 10,2% и составил 403,5 млрд. руб. (даже немного превысив плановый

показатель)[18]. Однако около 62% указанного прироста приходилось на рост средних розничных цен (примерно 9 млрд. руб.), увеличение продажи алкогольных напитков (10 млрд. руб.), рост продажи товаров предприятиям, организациям и учреждениям по безналичному расчету и за наличные деньги (более 4 млрд. руб.)[19].

В продаже наряду с продуктами питания недоставало многих изделий легкой промышленности, товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. Из 115 наименований товаров, по которым проводилось наблюдение в 100 городах СССР, лишь при продаже 10 видов товаров не было отмечено существенных перебоев.

Это, в свою очередь, приводило к ажиотажным и паническим покупкам. Увеличилась продажа соли, спичек, хозяйственного мыла, крупы, муки. Люди всерьез опасались за «завтрашний день». О неустойчивости положения свидетельствовала и интенсивная покупка неходовых и залежалых товаров, запасы которых, мало изменявшиеся в прошлое время, стали резко сокращаться в последние годы. За 1988—1989 гг. они снизились более чем в 2 раза[20]. В отношении отдельных групп населения была зафиксирована усиленная скупка дорогостоящих товаров. Так, продажа ювелирных изделий в 1989 г. увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 2 млрд. руб., то есть почти в полтора раза. Появились очереди за коврами и ковровыми изделиями, хрусталем, телевизорами, дорогими мебельными гарнитурами. Часто люди покупали ненужные им вещи, а затем начинались обмен и перепродажа.

В связи с нарастающим товарным голодом, во многих регионах некоторые продукты питания, такие, как мясо, масло, сахар, чай, стали отпускаться по талонам, а продажа непродовольственных товаров производилась только местным жителям, в связи с чем при покупке требовалось предъявление паспорта. Организовывалась выездная торговля на предприятиях. Например, в Москве в первом полугодии 1989 г. на выездной продаже и через систему заказов было реализовано 13% трикотажных изделий, 26% обуви, 7% хозяйственного мыла. Были случаи, когда промтоварные магазины были закрыты в течение нескольких дней для «рядовых» покупателей, поскольку обслуживали работников предприятий, которые поставляли продукцию в эти магазины (то есть собственных поставщиков). Автомобильный завод имени Ленинского комсомола продавал новые марки автомобиля «Москвич» в первую очередь своим сотрудникам. «Натуральное стимулирование» практиковалось и в строительной сфере — во вновь возведенных домах заселялись семьи строителей.

Подобная несправедливость вызывала вполне объяснимое недовольство населения, и, что еще хуже, подрывала стимулы к повыше-

нию производительности труда (в то время как от роста производительности труда во многом зависела ликвидация товарного голода).

Опрос общественного мнения в конце 1988 г. показал, что наиболее актуальными для общества проблемами граждане считали нехватку промышленных (55% респондентов) и продовольственных товаров (51%) и несправедливое распределение благ (49%)[21].

Общая несбалансированность потребительского рынка привела к резкому росту теневой экономики. Именно на годы двенадцатой пятилетки пришлось существенное расширение масштабов спекулятивных сделок, валютных операций, нелегального производства товаров и услуг. Тотальная дефицитность провоцировала разрастание организованных криминальных экономических структур, которые становились серьезным фактором дестабилизации социально-экономической и политической ситуации в обществе.

Растущее кооперативное движение, дорогу которому открыл принятый в мае 1988 г. закон «О кооперации в СССР», также не оказывало существенного влияния на потребительский рынок. С одной стороны, количество кооперативов продолжало увеличиваться. Если в конце 1988 г. в стране существовало 77 тыс. кооперативов, то к началу 1990 г. их число составило 193,1 тыс., в которых работало более 6 млн. человек, включая совместителей[22].

С другой стороны, к середине 1989 г. производством потребительских товаров и бытовым обслуживанием населения было занято 45,5% кооперативов, и примерно столько же — 46,6% — занимались иными видами деятельности. Из 40,3 млрд. руб. полученной выручки от реализации товаров, работ, услуг кооперативами в 1989 г. было реализовано непосредственно населению продукции и услуг на 6,2 млрд. руб., или всего 15,3%, в том числе кооперативами по производству товаров народного потребления — 24,4%, по бытовому обслуживанию населения — 34,8%, по строительным кооперативам — 3,9%, по кооперативам других видов услуг — 8,8%. В целом по стране в общем объеме розничного товарооборота и услуг продукция и услуги кооперативов составляли менее 1%, в том числе в РСФСР — 0,72%.

При этом произведенный кооперативами объем товаров массового спроса и услуг не являлся целиком дополнением к тому, что ранее производили государственные предприятия. Это объяснялось тем, что в значительной мере кооперативный сектор прирастал в результате преобразования в кооперативы действовавших государственных предприятий и их подразделений, то есть происходило перемещение в кооперативную форму того, что раньше производили государственные предприятия.

Более того, кооперативы, созданные таким путем, обеспечивали дополнительный доход, как правило, не за счет снижения издержек производства, а посредством удорожания своей продукции.

По данным Госкомстата СССР, цены на товары, реализованные кооперативами, были в 1,7 раза выше государственных розничных цен. Коэффициент цен кооперативного рынка по отношению к госторговле по верхней одежде и транспортным услугам составлял 150%, обуви и услугам автосервиса — 150—200%, трикотажу — 150—170% и т.п. По этой причине значительная часть потребителей считали недоступными для себя кооперативные товары и услуги, хотя испытывали нехватку многих из них.

Кооперативы в большинстве случаев игнорировали положения статьи 19 закона о кооперации, согласно которой цены и тарифы на их продукцию и услуги должны отражать общественно необходимые затраты на производство и реализацию продукции и учитывать потребительские свойства и качество товаров. Пользуясь сложившимся дефицитом на потребительском рынке, многие кооперативы устанавливали непомерно высокие цены на свои изделия. Одесский кооператив «Севан» реализовывал карамель и булочки с наценкой до 900%, а расположенный неподалеку кооператив «Бриз» применял наценку на леденцы в размере 1500%.

Проверками были вскрыты многочисленные факты спекулятивной перепродажи товаров, приобретенных в государственной и кооперативной торговле. Отдельные кооперативы Белорусской ССР, скупая картофель в торговой сети потребкооперации, реализовывали его за пределами республики по ценам, в 2—3 раза превышавшим государственные. Например, кооператив «Дары природы», созданный при Слуцком коопзаготпроме, скупил у него 17,6 тыс. кг картофеля по цене 12,5 коп. за килограмм и продал в Одесской области по цене 20—40 коп. Кооператив «Агрокультура» аналогичным путем приобрел 55,7 т картофеля по 17 коп., который реализовал в Азербайджанской ССР по 45 коп. за килограмм[23].

Помимо этого, усиливалась ориентация кооперативов на обслуживание предприятий и организаций, а не населения. Закон о кооперации давал право кооперативам производить не только товары народного потребления и услуги, но и продукцию производственно-технического назначения. Используя это право, многие кооперативы стали выполнять заказы предприятий в ущерб насыщению потребительского рынка. Таким образом, определенные надежды по преодолению возрастающей диспропорции между денежными доходами и товарным покрытием, связанные с возрождением кооперативного движения, не оправдались.

Опрос общественного мнения, проведенный ВЦИОМ в 41 городе страны в апреле 1989 г., показал, что 91% респондентов считали цены на кооперативные товары и услуги слишком высокими. Почти половину участников опроса не устраивали качество и ассортимент продукции кооперативов. К самим же кооператорам население относилось как к рвачам, шабашникам, гражданам «второго сорта». Однако не следует забывать, что такое представление о людях, не занятых на государственных предприятиях, формировалось в массовом сознании десятилетиями.

К осени 1990 г. объем товарных запасов в розничной торговле был на 27% ниже установленного плана. Перспективы на IV квартал года выглядели удручающе: недоставок валютных ресурсов ставил под вопрос поставку импортных товаров, в ряде регионов страны отдельные продукты (сахар, мясо, крупа, макаронные изделия, чай, конфеты) стали отпускаться по талонам. Нарастал ажиотажный спрос на продукты питания и потребительские товары длительного пользования. Излишек денег в обращении оценивался в размере около 110 млрд. руб.[24] Многие семьи имели сбережения, полностью готовые к крупным расходам, но не могли их реализовать из-за отсутствия товаров и услуг. По некоторым подсчетам, 5,1 миллиона семей имели наполовину и более необходимые суммы денежных средств на покупку мебели, 2,1 миллиона — автомобилей, 5,1 миллиона — одежды[25].

Причина сбоев на внутреннем рынке состояла не только в росте доходов населения[26], но и в изменении поведения покупателей, которые в ожидании дальнейшего повышения цен и под воздействием участившихся слухов о грядущей денежной реформе и «замораживании» банковских сбережений, стремились поскорее избавиться от накоплений, закупая товары впрок. Таяло былое доверие граждан к сберегательным кассам: только за май — июнь 1990 г. отток вкладов составил около 100 млн. руб.

Кооперативный сектор, в котором было занято почти 7 млн. граждан, не мог кардинально повлиять на ситуацию: доля продукции, реализованной кооперативами населению за 1990 г., равнялась 15%. На тот момент в стране действовало 33,7 тыс. кооперативов по производству товаров массового потребления, что составляло всего лишь 17,4% от общей численности кооперативов[27]. Как и в предшествующие два года, многие кооперативы, используя свое законное право, предпочитали выполнять заказы предприятий в ущерб насыщению потребительского рынка.

В этой связи нельзя не упомянуть денежную реформу В.С. Павлова, проведенную в январе 1991 г. Как известно, одной из целей

этой инициативы премьер-министра СССР было уменьшение давления денежной массы на потребительский рынок. Не углубляясь в подробности павловской реформы, отметим, что по итогам обмена денежных знаков объем наличных денег, по разным оценкам, был сокращен всего на 6—10 млрд. руб., но это мало повлияло на избыток денег в обращении, поскольку текущая эмиссия намного превышала объем изъятых денег[28]. Полки магазинов не опустели полностью, но неудовлетворенный спрос на товары и услуги существенно возрос, усилилась спекуляция. Летом 1991 г. проблема обеспечения продовольствием еще более обострилась, в связи с чем правительству даже пришлось начать активные переговоры о поставке кукурузы из ЮАР и риса из Южной Кореи.

Таким образом, сложившуюся в СССР в потребительской сфере ситуацию можно охарактеризовать как «экономику продавца», в которой главным был продавец, а покупатель стоял у него в очереди. Продавец едва ли старался удовлетворить запросы и пожелания покупателей, потому что никакой конкуренции на рынке не было, а розничные цены были фиксированными. Неизбежными порождениями такой экономической системы были дефицит и соответствующие формы поведения граждан (покупателей). Конечно, руководство СССР понимало ненормальность ситуации, когда вместо «победы коммунизма», обещанной в начале шестидесятых, рядовые советские граждане не обеспечивались элементарным набором товаров и услуг. Но, как было показано выше, все предпринимавшиеся попытки победить дефицит оказывались практически безрезультатными. При Горбачеве советская власть фактически объявила о своей неспособности обеспечить граждан элементарным набором товаров и услуг. Обвал нефтяных цен сократил возможности для импорта, а развитие самой советской экономики только замедлялось. В этой связи было принято решение развивать кооперативное движение: партийные и государственные функционеры полагали, что кооперативы в дополнение к действующей системе государственных предприятий могли бы организовывать мелкосерийное производство наиболее востребованных у населения товаров, при этом своевременно и гибко реагируя на изменение потребительского спроса. Однако и кооперативному сектору, сделавшему ставку на более прибыльное для них выполнение заказов предприятий, не удалось решить проблему удовлетворения платежеспособного спроса населения. Как следствие, в 1991 г. наблюдался полный развал потребительского рынка и тотальный дефицит практически всех видов товаров — как продовольственных, так и промышленных. Ажиотажный спрос во многих районах страны приобрел устойчивый характер.

Люди были вынуждены тратить многие часы на поиск товаров первой необходимости, простаивание в очередях и отоваривание карточек и талонов.

[1] В Советском Союзе торговля товарами в кредит началась в конце 1959 г. в соответствии с постановлением Совета министров СССР от 12 августа 1959 г. № 915 «О продаже рабочим и служащим в кредит товаров длительного пользования». См.: Сборник постановлений СССР. — 1959. — № 17. — Ст. 130.

[2] США: рынок потребительских товаров и услуг. — М.: Наука, 1983. — С. 215—216.

[3] New York Times. — 1981. — April 30.

[4] Статистический ежегодник стран-членов СЭВ, 1983. — М.: Финансы и статистика, 1983. — С. 50; 1985. — С. 68.

[5] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 2324. — Оп. 32. — Д. 1562. — Л. 2, 3.

[6] Там же. — Д. 1654. — Л. 6.

[7] Там же. — Д. 741. — Л. 100.

[8] Там же.

[9] Там же. — Оп. 33. — Д. 584. — Л. 2.

[10] Там же. — Д. 741. — Л. 119.

[11] Там же.

[12] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. 5446. — Оп. 149. — Д. 304. — Л. 19, 20.

[13] Там же. — Л. 19.

[14] *Завельский М.* Теневая экономики: враг, друг? // Через тернии. — М.: Прогресс, 1990. — С. 238.

[15] Собрание постановлений Правительства СССР. — 1988. — № 24/25. — Ст. 70.

[16] ГА РФ. — Ф. 5446. — Оп. 149. — Д. 304. — Л. 21.

[17] РГАЭ. — Ф. 2324. — Оп. 33. — Д. 743. — Л. 26.

[18] Там же. — Д. 741. — Л. 56.

[19] См.: СССР в цифрах в 1989 году: крат. стат. сб. — М.: Госкомстат СССР, 1990. — С. 92.

[20] РГАЭ. — Ф. 2324. — Оп. 32. — Д. 3888. — Л. 134.

[21] *Яблоков А.* Экологическая ситуация в СССР: факты, анализ, прогноз // Через тернии. — М.: Прогресс, 1990. — С. 630.

[22] РГАЭ. — Ф. 2324. — Оп. 32. — Д. 3888. — Л. 103.

[23] ГА РФ. — Ф. 5446. — Оп. 150. — Д. 1409. — Л. 76.

[24] РГАЭ. — Ф. 2324. — Оп. 33. — Д. 741. — Л. 55.

[25] Там же. — Л. 29, 52, 53, 72, 172, 173.

[26] Например, в 1990 г. среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве составила 270 руб., увеличившись по сравнению с 1989 г. на 12% при падении производительности общественного труда на 3%.

[27] ГА РФ. — Ф. 5446. — Оп. 162. — Д. 1921. — Л. 3.

[28] См. подробнее: *Илларионов А.* Попытки проведения политики финансовой стабилизации в СССР и в России // Вопросы экономики. — 1995. — № 7. — С. 4—37; *Кротов Н.И.* Жизнь и удивительные приключения банкира Виктора Геращенко, сына банкира Владимира Геращенко, рассказанные им самим, его друзьями и коллегами, внимательно выслушанные и записанные летописцем Николаем Кротовым. — М.: Экон. летопись, 2010. — С. 338.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель группы исторической географии Центра изучения истории территории и населения России ИРИ РАН

Аксенов Владислав Бэнович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии ИРИ РАН

Араловец Наталья Аркадьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Центра изучения истории территории и населения России ИРИ РАН

Журавлев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заместитель директора, руководитель Центра изучения новейшей истории России и политологии

Земсков Виктор Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра военной истории России ИРИ РАН

Иванова Галина Михайловна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра социальной истории России ИРИ РАН

Кирсанов Роман Геннадиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии ИРИ РАН

Красовицкая Тамара Юсуфовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН

Мухин Михаил Юрьевич – доктор исторический наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии ИРИ РАН

Никитин Николай Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма

Озова Фатима Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории и археологии народов Карачаево-Черкесской Республики, Российское государственное бюджетное учреждение «Карачаево-Черкесский ордена “Знак почета” институт гуманитарных исследований при правительстве Карачаево-Черкесской Республики»

Перхавко Валерий Борисович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма ИРИ РАН

Рыбачёнок Ирина Сергеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия в международных отношениях» ИРИ РАН

Теуш Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина

Филиппова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН

Юрасов Михаил Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 14

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: О.А. Пруцкова
Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 24.10.2017
Формат 60×90/16. Гарнитура NewtonTT.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 22,8.
Тираж 500 экз.
Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в

9 785805 503260